

A decorative border in a dark blue color, featuring intricate floral and scrollwork patterns that frame the central text. The border is composed of repeating motifs of leaves and scrolls, creating a classic, elegant look.

Бегущая в зеркалаx

Мила Бояджиева

- [Бояджиева Мила](#)

-

Бояджиева Мила

Бегущая в зеркалах

Мила Бояджиева
Бегущая в зеркалах
Всем, кого люблю,
и А.К.Троицкому,
в том числе.

ПРОЛОГ

Облачным, но светлым декабрьским утром 199... года я наконец вырвался из Нью-Йорка, оставив в неряшливом одиночестве опостылевшие апартаменты под крышей огромного билдинга и переместив свой скромный, но увесистый багаж на борт трансатлантического гиганта "Морро Касл", отбывающего на Багамы.

Накануне отъезда мой советник и личный секретарь жестом карточного шулера метнул на письменный стол веер ярких бумажек: билет компании "Роял Каррибиан" в одноместную каюту первого класса, глянцевый буклет, представляющий породистый профиль и анфас океанского богатыря с подробным описанием его умопомрачительного внутреннего содержания, а так же вырезанную из "Нью-Йорк таймс" статью. Автор статьи "Звезды в океане" с ажиотажным захлебом перечислял звучные имена тех, кто оказал честь своим присутствием блестящему во всех отношениях экваториальному лайнеру.

Если три-четыре года назад возможность лицезреть на борту шейхов, кинозвезд, биржевых воротил, промышленных магнатов и отряд квалифицированных журналистов могла заметно поднять мой жизненный тонус, а отсутствие собственного имени в списках бомонда его же снизить, то теперь все обстояло наоборот. Я стал достаточно состоятелен и знаменит, чтобы утолить покладистое тщеславие без допинга громких знакомств, и слишком озабочен своей собственной проблемой, именуемой "творческим кризисом". чтобы не заподозрить иронии в приклеенному газетчиком к моему писательскому имени определению "плодовитый".

Темно-коричневый кофр, погруженный на борт "Морро Касл", хранил три варианта рукописи моего двадцатого романа, процесс создания которого явно зашел в тупик.

Запершись в комфортабельной каюте, я решил ограничить общение с внешним миром вылазками в тихий ресторан и моционом к ближайшему бару. Отраднo было вообразить, лежа с томиком ненавязчиво-гениального Монтеня, что метрах в четырех над моей головой лопочет, улыбается камерам нарядная, благоухающая толпа с удельным весом в пол знаменитого лица на один квадратный фут.

Капитан судна объявил в первый же вечер плавания "Бал величайших знакомств" с ведением репортажа для "Светской хроники", так что я мог не вставая с кровати наблюдать за порханием одухотворенного тележурналиста, вещающего то из корабельной кухни, изобилующей живописными развалами всевозможной снеди, то из радиорубки с задумчиво-сосредоточенными офицерами, то из самой гущи бальной тусовки - из ее яркого оранжерейного букета, в котором не было ни одного заурядного экземпляра.

Мелькали обнаженные плечи, сияющие улыбки, чернокожий дирижер с зажатой тройным лоснящимся подбородком нежно-розовой бабочкой представил оркестр, готовый исполнить любой шлягер по заказу всякого размечтавшегося гостя. С широким зевком я

выключил телевизор и натянул на голову одеяло. Из отдаления, как сквозь вечерний провинциальный парк, доносилась ретроспектива хитов от Синатры до Мадонны. Я мысленно пробежал списки собравшихся в зале, пытаясь вычислить заказчиков и приманить осторожно подступающий сон.

Было уже около полуночи, когда в дверь постучали и кто-то назвал мое имя. Велюровые халаты и шелковые пижамы - не моя слабость. Но даже то, что я успел натянуть мятую джинсовую рубашку, оказалось кстати, поскольку в коридоре стояла незнакомая дама.

- Можно войти? - не дожидаясь ответа она быстро захлопнула за собой дверь и припала к ней с видимым облегчением. Посетительница - в длинном черном плаще, усеянном искрящимися водяными брызгами, с тяжелой спортивной сумкой на плече - выглядела так, словно явилась с дождливой улицы.

- Присаживайтесь, мисс.. - предложил я, придвигая гостье пухлое кресло и воровским движением прикрыл голые ноги пледом.

- Пришлось пробежать по верхней палубе. Кажется собирается шторм, откинув длинные мокрые пряди, она шагнула в световой круг и протянула руку: - Меня зовут А.Б.

Да я уже и сам видел, что это была она! Человеку, пробывшему в Штатах хотя бы неделю, легче было бы не узнать президента, чем эту девушку. Ее присутствие на экранах, рекламных щитах, журнальных обложках стало столь же привычным, как дорожные указатели на автобанах. И все же привыкнуть к ее лицу было невозможно. Даже такая - не сотворенная усилиями визажистов и кутюрье, в дождевой россыпи на взлохмаченных волосах, с размытыми туши под строгими глазами - она была неправдоподобно хороша.

- Вас трудно не узнать. Очень приятно, мисс А.! - вслед за гостьей я сел, засунув под кресло босые ступни.

- Мне тоже известно, кто вы. Добрый вечер, господин N! Не буду скрывать - я заплатила приличную сумму за информацию о вас. В качестве компенсации затрат хочу попросить об одной услуге - принять в дар мое личное досье. Подлинное, разумеется.

Она сюрпризно улыбнулась. В сочетании с чистейшим русским языком последних фраз эффект получился фантастический. Как я, так и А.Б. считались коренными американцами.

- Мне нужна ваша помощь. Прошу вас о благодеянии или о подвиге - не знаю... Возможно, это щедрый дар, а может - "приглашение на казнь". Боюсь, мне не удастся толком объяснить. Слишком мало времени... Вы позволите?

Я подскочил, что бы снять с нее мокрый плащ и явить взору снежное кружево очень простого, очень открытого, длинного вечернего платья. У меня даже мелькнула мысль, что придется обогатить свой лексикон, если придется писать об этой Фее модных подиумов.

- Не успела переодеться - удрала прямо с бала. Завтра растрезвонят: "А.Б. исчезла подобно Золушке в самый разгар веселья!" Мне было необходимо улизнуть незамеченной.

- Это столь опасное свидание? - глубоким бархатным баритоном осведомился я.

- Полагаю, да... Никто ни при каких обстоятельствах не должен узнать о нем, прежде чем вы не выполните моей просьбы... Я не вправе просить, а тем более настаивать, но, пожалуйста, верьте мне! Все, о чем шумит сейчас пресса - гнусная ложь.

-М-м-м... - неуверенно отреагировал я, отчасти знакомый с версиями гремевших вокруг ее имени скандалов. Во всех вариантах домыслы относительно А.Б. и в самом деле звучали более чем странно.

Она подняла на меня молящие глаза и пододвинула к моим ногам тяжелую сумку:

- Верьте всему, что прочтаете в этих бумагах. Каким бы невероятным вам все это ни

показалось.

- Вы прекрасны. Наверно, этого достаточно, чтобы совершать ради вас безрассудства, стать героем или преступником. Найдется немало людей, готовых отдать очень многое за ваше досье независимо от его достоверности. Но почему вы пришли ко мне? Я что - самый проницательный, покладистый или наиболее доверчивый? - мне не хотелось выглядеть простаком, клюнувшим на блесну.

- Все проще и намного сложнее: вы - свой! Случайно я кое-что узнала о вас еще там, в России. Потом прочла несколько ваших книг и купила сведения, которые вы предпочитаете не разглашать. Доказательство - язык, на котором мы сейчас говорим, и мои бумаги. Из них вы поймете, что наша встреча далеко не случайна. Только вы, вы один можете сделать это!

А.Б. вдруг вскочила и замерла у двери, к чему-то прислушиваясь.

- Пожалуйста, тише! - она по-детски приложила палец к прекрасным губам и привстала на цыпочки. - Слышите? - Засиявшие глаза показали на потолок.

Сверху, из затухающего бального гомона, медленно потянулись завитки первых вальсовых тактов.

- "Сказки венского леса" - я заказала специально для вас. Но не потому, что вы написали "Трех Штраусов". Это в честь того, что вам предстоит еще сделать... Если по какой-то причине моя просьба покажется невыполнимой, утопите бумаги в океане - мне они больше не понадобятся.

А.Б. посмотрела на меня долгим, печальным и, мне показалось насмешливым взглядом. Я готов был поклясться, что всегда знал и любил этот взгляд. Прежде чем я успел покинуть кресло, А.Б. исчезла, подхватив шуршащий палой листвой плащ. Сверху гремел, добиваямую растерянность, окрепший, ликующий вальс, у босой ноги бездомным щенком приткнулась чужая сумка, в воздухе парил аромат "Arpejio" - как раз тех духов, которые я давно научился распознавать, как опытный коп дактилоскопию своего любимого преступника.

До жидкого рассвета, с любопытством прильнувшего к иллюминатору, я разбирал исписанные листы, стихи, фотографии, письма, газетные вырезки, обрывки дневников и прочую бумажную мелочь, забивающую обычно ящики старых письменных столов. Меня влекло не любопытство, не принятое вместе с чужой сумкой обязательство, не смутная перспектива хорошего заработка. Увы. Это было сладкое смирение обреченности: медленно и неотвратно, с тревожным недоумением человека, окликнутого по имени на безлюдной горной вершине, я погружался в мир, неуловимо и тесно соприкасающийся с моим собственным...

Когда часы пробили семь, я воровато покинул свое убежище, волоча по лестнице темно-коричневый кофр. На палубе, в липком, въедливом тумане, я вскрыл толстобрюхий чемодан и широким жестом сеятеля стал кидать за борт тяжелые папки. Проводив последним взглядом свои уходящие под воду рукописи, вернулся в каюту и набил кофр содержимым дарованной сумки. А потом лежал, сверля недоуменным взглядом притихший потолок и размышляя, как случилось со мной - завзятым изобретателем невероятных банальностей, банальнейшая из литературных "случайностей": я стал владельцем грандиозного, сногшибательного и невероятно живописного сюжета?!

В ближайшем порту "плодовитый писатель" покинул "Морро Касл" и первым же рейсом вылетел в ту страну, куда вел след новых знакомств. Поколесив по Европе, осел в маленьком городке на австро-словацкой границе. А через год мне наконец удалось сделать то, что ждала от меня А.Б. выпустить в свет гигантский роман, прослеживающий в клубке

переплетенных судеб невероятную историю молодой женщины.

За это время до меня дошла кое-какая чрезвычайно интригующая информация: я узнал, что незабвенное лицо моей героини исчезло с поверхности бытийной шелухи, что кое-кто из ее окружения совершил кое-какие поступки, подлинный смысл которых мог быть понятен только посвященному. Или же непонятен вовсе - никому и никогда. Потому что чем добросовестнее старался я восстановить детали этой невероятно запутанной истории, тем больше нагнали поначалу робкие и худосочные сомнения. Завершив труд, я блуждал в потемках и даже под страхом смертной казни не мог бы утверждать, что из достояния роковой сумки было подлинным и не являлись ли фрагменты, тронувшие сентиментальную душу старого писаки отчаянной правдивостью, всего лишь ловкой подделкой? А отдельные части истории, если даже не вся она, изящной мистификацией?

Измученный сомнениями, я отправился путешествовать, а вернувшись в Нью-Йорк, нашел среди прочей корреспонденции изрядно поплутавшую посылку. Под луковичными слоями бумаг, утончавшихся к сердцевине, оказалась крошечная сандаловая шкатулка, а в ней кольцо с крупным прозрачным камнем неувовимо-переливчатого цвета, которое я сразу же узнал. Приложенная записка не отличалась многословием: "Благодарю и поздравляю! Вы, конечно, узнали этот александритовый перстень и наконец-то поняли все. Его переменчивая игра - цвет неувовимой истины, которой попросту не существует в мире железобетонной определенности. Это, пожалуй, единственная правда, за которую может поручиться смертный и которую вы помогли мне понять."

Подписи не было, да она и не требовалось, ведь я уже знал все, что еще предстоит узнать вам.

ЧАСТЬ 1. АЛИСА

1

1968, 23 декабря. На электронном табло миланского аэропорта выскочила цифра 23.45. Оставалось всего сутки до Рождества и пятнадцать минут до конца смены. Сержант отдела по борьбе с наркотиками Луиджи Вискони с тоской посмотрел на толпу пассажиров, направлявшихся от дверей прибытия к стойкам таможенного контроля. По лицам, одежде и громкой речи, доносившейся уже издали, Луиджи понял, что это, наконец, прибыл гамбургский рейс, сильно задержавшийся еще при взлете. Он посмотрел через зал на Франческу, машинально поправившую свой синий беретик с золотой эмблемой таможенной службы и занявшуюся документами вновь прибывших.

Альма, крупная восточно-европейская овчарка Луиджи, специально натренированная на поиск контрбандных наркотиков, слегка дернула поводок, заметив выплывающие на ленте транспортера из багажного отделения чемоданы. В ожидании сигнала, собака тихо поскуливала, кося на хозяина умным карим глазом. Сумки, пакеты, чемоданы двигались прямо на них толстой, извивающейся змеей и Луиджи машинально отпустил поводок. Легко запрыгнув на спину "змеи", Альма пошла вспять движения конвейера, аккуратно переступая лапами и обшаривая внимательным носом прибывшие в Милан вещи. Выслеживая добычу с присущим ей рвением, собака на этот раз старалась напрасно: последний рейс в дежурстве Луиджи не обещал находки, даже новичок знал, что поступление наркотиков из Германии - дело маловероятное. После всей сегодняшней толчеи, затеянной метеорологами и спутавшей все рейсы, после неразберихи с багажом и нашествия каких-то подозрительных ливанских беженцев, сержант, наконец-то, мог расслабиться. Исподтишка оглядывая публику, подтягивающуюся за своими вещами, Луиджи оценивал впечатление, производимое работой

его собаки. Обычно в толпе оказывалось немало людей, приходивших в восторг от этого аттракциона и кое-кто даже пытался бросить Альме съестное, которым она, естественно, пренебрегала.

Боковым зрением Луиджи заметил парочку из тех расплодившихся в последнее время бродяжек, которые стаями собирались на площадях города. Нечесанные пряди длинных волос перехвачены на лбу замусоленным ремешком, длинные пончо висят балахоном - не разберешь, где парень, а где девка. Тот, что повыше, держал в руках холщовую торбу, расшитую какими-то восточными иероглифами, а низенькая, помеченная Луиджи условно как "девушка", выглядывала из-за спины своего спутника с растерянностью туземца, столкнувшегося с цивилизацией.

К конвейеру подошла женщина, давно примеченная сержантом. Она уже больше часа ожидала своего рейса и можно было легко догадаться, что именно 375-го, парижского, взлет которого несколько раз отменяли по причине погодных условий: дело шло к Рождеству и над Европой буйствовал очередной циклон. Задержки в расписании собрали в зале аэропорта непривычно много людей, тоскливо поглядывающих на табло, но Луиджи выбрал именно эту - для тренировки профессиональной наблюдательности и лирических размышлений. На нее было приятно смотреть и интересно фантазировать.

В том, как "парижанка" сидела, забросив ногу на ногу, как рассеянно листала журнал и нетерпеливо ходила по залу, останавливаясь в задумчивости то у стеклянной стены, выходящей на взлетное поле, то у газетного прилавка - чувствовался особый шарм. Во всяком случае именно так представлял себе истинных французов бывший ломбардский пастух - такими небрежно-элегантными и загадочными. Длинный бежевый плащ незнакомки, подбитый каким-то мягким рыжеватым мехом, был распахнут, волосы того же золотистого тона, собраны на затылке в пучок, на плече большая сумка-кисет на длинном ремешке, из которой женщина доставала то журнал, то портмоне, то билет, то мягкие светлые перчатки. Лицо "парижанки" выглядело именно так, чтобы вызвать в воображении Луиджи образ элегантно большого дома, светящегося высокими окнами сквозь припорошенный снегом кустарник, с камином и огромной ванной - в матово-шоколадном мраморе, зеркалах и сиянии никеля

- ну точь в точь, как на рекламе, идущей по телеку.

"Интересно, кто ждет ее в Париже? Наверное уже битый час

нервничает, мечется в Орли, измучив вопросами служащую справочной, солидный господин с темными усиками, властным взглядом и ключами от новой модели "ситроена" в кармане пальто из верблюжьей шерсти.

Теперь женщина стояла совсем близко от Луиджи, с интересом наблюдая, как скользит влажный нос Альмы в дюйме от поверхности чемоданов. "Да она совсем молоденькая и не такая уж таинственная" - подумал полицейский, когда светлые глаза незнакомки встретились с его изучающим взглядом. Она не отвела глаз, а приветливо улыбнулась, изобразив восхищение и как бы благодаря его кивком за работу умницы-собаки. Луиджи ответил улыбкой, тем самым белозубым сиянием от уха до уха, которое, как итальянский сувенир увозят в своей памяти из солнечной страны впечатлительные туристы.

Последним, что видел парень было удивленное лицо "парижанки" и взмах чьей-то руки за ее спиной, бросившей в гущу толпы холщовую сумку с иероглифами. Нестерпимый грохот врезался в барабанные перепонки, огонь ослепил, вставший на дыбы, разъятый на части мир смял и отбросил Луиджи. На часовом табло выскочила и надолго застыла цифра 24.00...

Потом был сущий ад - визги, крики, панический ужас людей, метнувшихся к выходу, давя и калеча друг друга. Гарь, дым, чья-то кровь и начищенный мужской ботинок с частью ноги в полосатом носке, отброшенный прямо к таможенной стойке.

Франческа пришла в себя уже вызывая по телефону помощь - она и не заметила, как подняла трубку и набрала номер. Кто-то барабанил в служебные двери, кто-то прорвался за турникет, выбежав на взлетное поле, толстая негритянка тянула ее за локоть, истерически вопя и царапая кожу ногтями.

Как в замедленном фильме девушка увидела осколки стекла, покрывавшие столик с альбомом, распахнутом на фотографии миловидного юноши с трогательной ямкой на подбородке и капли крови, падающий на этот подбородок откуда-то сверху. Она почувствовала теплую струйку, стекающую по шее за белый воротничок форменной блузки и провела рукой по лицу - на щеке было липко и горячо, но боли она не почувствовала.

Только много позже, когда завывали сирены, появились полицейские и врачи, бегущие к пострадавшим с носилками, Франческа увидела то, что осталось от багажного отделения. Алюминиевые стойки, искореженные и почерневшие, плыли в голубоватом едком дыму над хаосом взломанного гранита, скрученного металла, осколков стекла, груды вещей и тел, среди которой белели халаты санитаров.

Прямо на каменных плитах, среди бегущих, суetyащихся ног, сидел Луиджи, держа на коленях голову своей собаки. Он смотрел куда-то сквозь спины светло и радостно, с тем надземным невозмутимым спокойствием, которое отличает безумцев. Лицо и руки Луиджи, глядящего мертвую Альму, были в крови. Он не реагировал на крики подоспевшего сменщика, трясущего его за плечи и не обратил никакого внимания, когда мимо проплыли носилки, волочащие по липкому от крови щебню край подбитого светлым мехом плаща...

В приемном отделении больницы Сан Педро Милано, куда поступали пострадавшие от взрыва в аэропорту, служащий приемного отделения регистрировал раненных. Из сумочки женщины, находящейся без сознания в связи с обширными ранениями головы, был извлечен билет до Парижа рейсом 375 и документы. Мужчина, взглянув на исчезающие в дверях Скорой помощи носилки, не удержался от вздоха.

- Алиса Грави, француженка, 1935 года рождения, - продиктовал он пишущей медсестре, - Может, это и не ее паспорт. Во всяком случае, женщина на этой фотографии, была прехорошенькой.

2

... - Мордашка у девчушки ангельская, вот характер мог бы быть и лучше, - констатировал учитель Бертъе в сердцах захлопнув альбом с успеваемостью. Сидящая перед ним женщина опустила глаза. Она не знала, защищать ли сейчас перед этим опытным и, наверное, справедливым педагогом, свою внучку или поддержать его, сетуя на личные трудности в воспитании. Тогда Александра Сергеевна Меньшова промолчала, но вот уже много лет вспоминала характеристику, данную Алисе совершенно чужим человеком.

Александра Сергеевна приехала во Францию весной 1917 года с мужем и восьмилетней дочерью Елизаветой, няней, горничной и гувернанткой, чтобы провести лето в только что отстроенном в парижском предместье Шемони доме. Ее родители, принадлежавшие к кругу российской аристократии, имели крупное состояние, частично вложенное во французские предприятия братом Александры - Георгием.

Жорж Меньшов-Неви, француз по матери, унаследовав ее фамильное дарование и дело, стал преуспевающим фабрикантом-обувщиком, имеющим право с гордостью смотреть на

ноги своих сограждан: в том, что по крайней мере каждая пятая пара обуви на них отличалась элегантностью и комфортом, была и его заслуга.

Уже после событий 1905 года, Жорж, считавший себя весьма прозорливым, как в области моды, так и политики, настоял на строительстве дома для своей московской сестры, куда и затянул ее со всем семейством, якобы погостить, наладить связи, в самый канун революционных событий.

Визит Александры Сергеевны затягивался, ее муж - Григорий Петрович кадет, не считал возможным, мягко говоря, заняться обувным производством в столь ответственный для России исторический момент. Верный своему гражданскому долгу он возвратился в Москву, откуда и посылал жене длинные сумбурные телеграммы, умоляя переждать смуту месяц-другой в новом комфортабельном доме. В утешение жене в Париж был послан огромный багаж, собранный из любимых вещей Александры в ее родной подмосковной усадьбе.

Эти несколько телеграмм, полученных от Григория Петровича и три деревянных ящика с гербами российской железной дороги, содержащие любимые книги, бабушкин секретер, сервизы, подушечки, вышитые Александрой еще в девичестве, абажуры, картины и даже Баночки со "своим" клубничным вареньем, составили, собственно, все то, за что многие годы цеплялась память Александры о родине и муже.

След Григория Петровича оборвался в 1918 году под Ростовом, где его видели, якобы, в штабе добровольческой армии. Официально он считался пропавшим без вести, а следовательно, всеми молитвами и надеждами - живым. И только весной двадцатого Александра Сергеевна узнала, что ждать больше некого. Шестого марта, в десятилетний юбилей Елизаветы, к обеду ждали гостей. На лестнице пахло пирогами, особыми, российскими с капустой и грибами, которые с ночи затевала Веруся, в комнатах стояли охапки свежих фиалок, принесенных из сада, где на лиловых от цветов газонах готовились игры для приглашенных детей.

Александра Сергеевна с утра ждала чего-то необычного, потому что в глубине души была суеверна и толковала на свой особый лад всякие маленькие "знаки", которые подавала ей судьба.

Рождение долгожданной, вымоленной дочери Лизоньки всегда отмечалось в семье лавиной взаимных сюрпризов, подготавливаемых втайне заранее, трогательными и наивными знаками внимания, как бы знаменующими торжество всеобщей радости. В этот день подарки доставались всем, включая прислугу, что с увлечением обсуждалось супругами заранее. Так Верусе, заботящейся о гардеробе малышки, была преподнесена однажды новенькая модель швейной машинки "Singer", а Фомичу, наблюдавшему за состоянием сада - тяжелый полевой бинокль.

К семилетию Лизоньки, в первый праздник, отмеченный в новом парижском доме и последний свой, как оказалось, семейный юбилей, Григорий Петрович подарил жене перстень с александритом - фамильную реликвию, идущую от бабушки, который должен был преподнести к десятому дню рождения дочери, как было установлено традицией, но почему-то заторопился. Александра Сергеевна колебалась, но приняв как аргумент шутку мужа, что Лизонька уже и за тринадцатилетнюю сойдет, подарок взяла. А когда через год перстень загадочно исчез, просто как в воду канул, потянув за собой серию невосполнимых утрат, она спохватилась и сопоставив все - потерю семейной реликвии, России и мужа, пошла причаститься, заказав молебен за здоровье близких.

И вот 6 марта 1920-го года, первое, что увидела, проснувшись Александра, был лиловый александритовый глаз, следящий за ней с мраморной доски туалетного столика. Перстень вернулся, благополучно пролежав более двух лет в фиалковой клумбе, где и был найден рано поутру Верусей, набиравшей для комнат цветы.

То, что они, обыскав и перевернув тогда весь дом и сад, так и не нашли потерю, сиявшую в центре на самой ближней, всеми сто раз осмотренной клумбе, свидетельствовало о непростом, совсем непростом смысле этого происшествия.

Поэтому Александра, надев впервые за это время светлое, веселое платье и с удовольствием узнавшая себя прежнюю, счастливо-оживленную в тройном высоком зеркале, ждала продолжения чуда.

Поздно вечером, когда гости с детьми уже разъехались, счастливая Лизоньки уснула, ни отпуская руль нового двухколесного велосипеда в качестве исключения оставленного у постели своей юной хозяйки, когда прислуга, гремевшая посудой на кухне, уже затихла, а Александра, так и не переодевшись и лишь накинув на платье жакет, сидела в саду на своей любимой скамейке, явился-таки визитер.

Он был худ, небрит, высок, с устало обвисшими к сапогам полами некогда серебристой шинели. Это неизбалованная жизнью шинель была именно того особого сукна и покроя, той особой степени трудного старения, за которой здесь, в Париже, угадывали трудную анкету российского белоэмигранта.

А под двухнедельной щетиной, под чужим затертым до дыр мундиром и заношенным бельем оказался Сашенька Зуев, Шурка, который теперь, отмытый в горячей ванне и облаченный в костюм Григория Петровича, сидел перед Александрой, доедая Верусины пирожки и деликатесы с праздничного стола.

Мать Александры и ее закадычная подруга - смолянка, Анна Зуева соседка по подмосковному, состоящая к тому же в дальнем родстве с Меньшовыми, обнаружила свою беременность почти одновременно. Они вместе вынашивали тяжелевшие животы, мечтали о детях и чуть ли не одновременно, с разницей в три дня разрешились от бремени, назвав новорожденных, как и было условлено, Александрями.

Дети, объявленные с пеленок женихом и невестой, росли, практически вместе, чувствуя себя родней и друзьями, а повзрослев, стали не мужем и женой, а братом и сестрой, очень привязанными и близкими друг к другу. Александра Сергеевна так всегда и называла Шурку - "мой московский брат", в отличие от Жоржа - "французского".

Полгода назад она получила от него письмо из Константинополя, но ответить не смогла - ни адреса, ни планов на дальнейшую жизнь Зуев не имел.

В тот вечер, 6 марта, судьба вернула Александре брата, но сделала ее вдовой - Шурка рассказал ей, опуская жестокие подробности, как был расстрелян ее муж и как спасся сам, спрятанный от красногвардейцев своей невестой и исчезнувший навсегда из ее жизни за жестяными крышами тамбовских флигелей.

Зуев не остался у Александры - превратиться в благополучного буржуа он просто не мог - так ныла и металась, тоскуя

по реваншу душа. Сославшись на некие обязательства перед соотечественниками, он уехал в Берлин, пообещав регулярно навещать Александру. Шурка ушел, отказавшись даже обновить гардероб - в чужом мундире, залатанном и отутюженном Верусей, уложив в небольшой дорожный чемодан Григория свою памятную шинель.

- Ничего, Сашенция, ведь за чем-то это все с нами случилось. Я должен понять, и если

разберусь и оправдаю себя - обязательно выживу, - обещал он сестре.

Заехал Зуев к Меньшовой только в 32-ом с женой-герцогиней, подоспев прямо к Лизонькиной свадьбе.

Елизавета Меньшова, с отличием окончила престижную частную школу и, будучи хорошенькой жизнерадостной певуньей, к тому же очаровательно танцующей по босоногой методе Айседоры Дункан, быстро вышла замуж, причем весьма удачно. Ее муж - Алекс Грави, состоящий адвокатом на семейном обувном предприятии, обладал всеми необходимыми достоинствами, необходимыми для счастливого супружества - был добродушен, заботлив и щедр. Этот крупный энергичный мужчина, считавший себя закоренелым холостяком вплоть до того момента, когда в возрасте тридцати семи лет ни влюбился как мальчишка в восемнадцатилетнюю племянницу своего шефа и компаньона. Женившись, он буквально носил свою молоденькую жену на руках. Вначале по семейным апартаментам тещи, а затем - по собственной квартире в центре Парижа. А когда в мае тридцать третьего Елизавета родила ему дочь Алису, открыл счет на имя малышки, должный достиг к ее совершеннолетию приличной цифры. Казалось, в этой молодой семье, уверенно смотрящей в будущее, благополучие было запрограммировано на несколько поколений вперед. Именно так комментировала светская хроника фотографию крестин наследницы Грави-Меньшовых.

Француженку Алису, соединившую в своем имени имена любящих родителей, окрестили по православному обряду как Елизавету в маленькой русской церкви, утопавшую в эти дни в розовом тумане цветущих миндальных деревьев.

В доме молодое семейство встречала Веруся - старуха-цыганка, прирученная полвека назад еще Александрой в воспитательных целях, да так и оставшаяся при Меньшовой - то ли компаньонкой, то ли нянькой. Теперь "наша Ведмочка", как называли Верусю в доме, преданно служила Елизавете, считая себя членом семьи.

- Ну вот, Ведмочка, у тебя, считай, правнучка, - протянула счастливая Елизавета старухе орущий пакет из розовых лент и кружев, Смотри, какая прелесть - красавицей и умницей будет расти. И обязательно необыкновенно талантливой... Пианистка? Или художница... Что там тебе твой цыганский нюх подсказывает?" Старуха жалостливо, погладила одеяльце смуглой морщинистой рукой.

- Ох, девонька ты моя, - вздохнула она, отводя слезящиеся глаза, - Уж больно много хочешь - чтобы рыжики да косою косить. Вон и у родительницы твоей и у тебя в доме счастье из году в год пасется. Кабы ему, непоседе, не прискучило.

Теперь осмысливая судьбу взрослой дочери, Елизавета Григорьевна вспоминала это пророчество старой няньки, обвиняя себя в своем женском благополучии и в том, что истратила, по всей видимости, все везение на себя, оставив Алисе глоток на доньшке.

3

Алиса росла упрямым и скрытным ребенком. В ней не было той беззаботной игривой жизнерадостности, того оживления, которое дает детям любящая семья. "Да, девочка необычная" - думал каждый, встречая этого не по возрасту задумчивого и каритинно-прелестного дитя. Такие лица с лучащимся недетским взглядом, с тщательно выписанным изяществом черт и обилием живописных кудрей изображали в нравоучительных детских книжках в конце прошлого века, когда речь шла о смиренных сиротках и богобоязненных крошках, собирающих милостыню на хлеб умирающей маменьки. И точно так выглядели в этих книжках скорбящие ангелы.

Но тихая Алиса не была смиренницей, проявляя недюжинную волю всякий раз, когда дело касалось ее убеждений. Уж откуда брались эти убеждения, касающиеся всего, что окружало девочку дома. В школе, на улице неизвестно, но в отстаивании их она была бескомпромиссна. Алиса имела свое мнение, как по поводу режима дня, туалетов, меню, так и по отношению к методике школьного преподавания, воспитательной работы классных дам и даже непосредственно стилю работы департамента образования. В своих требованиях она была непреклонна, отмалчиваясь по несколько дней. Единственным человеком, умевшим подступиться к девочке в такие моменты была бабушка Александра Сергеевна. Бабушку Алиса никогда не обижала и с только с ней вступала в тайный заговор против враждебного окружения.

В детской душе боролись, не давая покоя, два извечных спутника взросления - чувство долга, требующее бескомпромиссности, и чувство жалости, взывающее к прощению и снисходительности. Победила жалость. Алиса сделала своим главным принципом терпимость чужим к недостаткам.

Подросток Алиса была по существу уже взрослым, проделавшим большую внутреннюю работу по самовоспитанию человеком. Человеком, на которого можно положиться, имеющим четкие представления о добре и зле и умеющим отстаивать свои принципы. Когда восемнадцатилетняя Алиса привела в дом своего ровесника араба сироту, он, дрожащий как затравленный зверек, и не знал, что был за этой барышней как за каменной стеной.

Алиса же не подозревала, что "подобрала" Филиппа точно таким же образом, как в конце прошлого века "нашла" девчонку-цыганку ее московская бабушка - в городской жандармерии.

Одним прелестным солнечным днем в начале лета, рассматривая книги на лотке букиниста, в толкучке "блошиного рынка", Алиса услышала за спиной вопли:

- Держите, держите этого черножопого! Он стащил кошелек у той нарядной дамочки!

"Дамочкой" оказалась она, а ее кошелек был изъят из-за пазухи парня, удерживаемого под руки двумя полицейскими. Челюсти вора были крепко сжаты, так что на скулах под оливковой кожей ходили желваки, огромные глаза смотрели исподлобья с такой физически осязаемой ненавистью, что Алиса отпрянула, как от удара: на нее никто никогда еще так не смотрел. В участке девушка, боясь взглянуть на обвиняемого, взяла его на поруки и даже уплатила штраф, прежде чем офицер, записавший ее данные, наконец, освободил арестованного:

- Ну пока гуляй, парень. И смотри - больше сюда не попадай. Благодарю мадмуазель Грави, а не меня. Будь моя воля, я бы вас всех, чернозадых, на дух к Парижу не подпустил. Весь город загадили.

Алиса и ее протеже опрометью устремились к дверям и уже у выхода на улицу чуть не столкнулись. Парень остановился, пропуская ее вперед, но дверь, как полагается не придержал - тяжело гроыхнув она захлопнулась, прищемив подол алисиного платья. Девушка в сердцах рванула тонкий крепдешин и, увидав краем глаза появившуюся вслед за ней на ступенях фигуру, бросила на асфальт кошелек.

- Забирай свою добычу, ворюга проклятый, - крикнула она и быстро зашагала порочь, не обращая внимания на летящие за ней по ветру шелковые обрывки.

Негодование Алисы было так велико, что она не заметила, как оказалась в сквере и присев на скамейку, попыталась привести в порядок порванную юбку. Ее лицо горело, а дрожащие пальцы не могли отыскать в сумке припрятанную булавку. На деревянное сидение

рядом лег ее кошелек.

- Возьми. Мне не надо. Там все деньги - я не брал, - сказал парень, уже отойдя на пару шагов. Алиса вскочила, отпрянув от кошелька, как от гремучей змеи, хотела сказать что-то обидное, но не нашлась, резко повернулась и гордо пошла прочь.

Она вновь увидела парня уже на подступах к своему дому. Он выглядывал из-за угла и, заметив, что обнаружен, сжался, напомнив сразу затравленного зверька. Парень держал кошелек в вытянутой руке и не знал бросится ли ему наутек или все же осмелится подойти. Его черные глаза смотрели с собачьей преданностью, ловящей малейшее движение хозяина. Сходство было настолько явным, что Алиса чуть не рассмеялась. Но постаралась говорить строго:

- Чего тебе надо, бандит? Прибить меня хочешь? У меня больше ничего нет - гляди! - она вывернула на асфальт свою сумочку. Зазвенели ключи, разлетелись какие-то бумажки, билетки и она нагнулась за ними, уже понимая, что никакой он не бандит и уже тем более - не убийца.

- Возьми, - парень снова протянул ей кошелек и подобранную записку. - Я не вор. Я сделал это первый раз.

- Уж это-то заметно - ловкостью тебе не похвастаться. Вор-неудачник. Фи! - Алиса фыркнула и не взглянув на протянутые вещи, решительно пошла прочь.

На следующее утро, когда Алиса уже оделась, чтобы уйти на занятия художественной школы, которую настойчиво посещала в течение двух лет, сформулировав для себя однажды задачу стать знаменитой художницей, Веруся доложила:

- Тебя там какой-то цыганенок дожидается. Думала уже - вдруг мой внучок-правнучек забытый-потерянный. Нет - за кустами прячется, выйти остерегается, мадмауазель Грави требует.

Алиса спустилась вниз и, осторожно выглянув из-за ограды, увидела своего "грабителя", сидящего на корточках, прислонившись спиной к стволу каштана. Она сразу узнала его. Но только теперь разглядела, что парень был совсем молод и очень красив. Сейчас, когда страх и унижение не искажали его черты, он был похож на восточного принца, вздумавшего принять участие в маскараде. Даже тряпье, заношенное до крайности, выглядело на его литом бронзовом теле изысканно-экстравагантно. Бывшая когда-то голубой рубаха едва прикрывала живот, а в решетчатые дыры на светлом холсте штанин выглядывали отполированные до блеска колени. Рядом с босыми ступнями парня лежал газетный пакет. Голова, упиравшаяся в ствол дерева, была запрокинута, открывая утреннему солнцу и любопытному взгляду Алисы точеное узкое лицо с разлетом прямых бровей, тонким горбатым носом и нежными губами таких редких изящных очертаний, которые Алиса уже год училась переносить на бумагу со скульптур юных греческих богов. Казалось, парень дремал, опершись локтями на колени и прикрыв глаза.

"Вот бы так и нарисовать его!", - ахнула в Алисе жадная ко всему необычному художница, - "с этими расслабленно упавшими изящными кистями рук, разоватыми с ладони, с этими густыми черными прядями и загадочными ресницами. Прямо спящий шейх из арабских сказок".

А парень, прокараулив здесь под каштаном всю ночь, и не думал спать. Он боялся пошевеливаться, спугнуть видение: сквозь завесу опущенных ресниц светился тонкий девичий силуэт в дымке чего-то воздушно-белого, с золотым сиянием вьющихся волос и большущей папкой на длинном шнуре, покачивающейся у тонких щиколоток. Волна

жасминно-розовых ароматов, расплывающихся из сада под лучами солнца= окутывала эту картину подарочной упаковкой, возвращая Филиппу вкус давно утраченного счастья.

Еще пять лет назад он был Азхаром Бонисандром - старшим сыном иранского ученого-правоведа, гибким тринадцатилетним подростком, бесстрашно объезжавшим арабских скакунов на внушительных просторах фамильного поместья под Тегераном.

Его отец Хасан Бонисандр провел юность в Париже, работая в Сорбонне над докторской диссертацией об аграрной реформе в Иране. В те годы, когда в стране поднялась волна исламского фундаментализма, враждебная прозападным настроениям, он часто шутил:

- Боюсь закончить диссертацию и потерять единственный повод для жительства во Франции.

Но в тридцатые годы, после вступления на престол основоположника династии Пехлеви Реза-шаха, ученый вернулся на родину, чтобы занять важный пост в новом правительстве, обосновав теорию исламской экономики.

В северо-восточном пригороде Тегерана в окрестностях шахского дворца Ниаваран, у самого подножья Эльбруса, в огромном доме, сочетающем элементы традиционной восточной архитектуры с современным европейским комфортом, родился и вырос Азхар. Огромный сад с теннисным кортом и маленьким зверинцем, с бассейнами и фонтанами, сверкающий лимузин с шофером, были привычными составляющими того солнечного, сказочно-изобильного мира, который с детства окружал мальчика. Здесь была мать - с ласковым голосом, окутанная благоухающими легкими покрывалами, запах которых с мучительной болью возникал в памяти Азхара в годы последующего сиротства. Был Учитель наставник, всегда

находящийся рядом с того момента, как ребенок начал осознавать окружающее. От него усвоил Азхар основы ислама и мужского кодекса чести, научился обращаться с оружием и подчинять своей воле горячих скакунов. Учитель сопровождал Азхара в баню и занимался его туалетом, под его же руководством совершал ученик регулярные экскурсии в мировую историю, знакомился с культурой и искусством. В распоряжении Азхара была обширная домашняя библиотека на арабском и двух европейских языках, использование которой происходило под регулярным контролем отца и Учителя.

Образование мальчика было возложено на проходящих учителей высокой квалификации, а знакомство с внешним миром ограничивалось выездами на объекты культурно-исторического значения и даже иногда на спортивные соревнования. Исключение составляла мечеть: ритуально-обрядовая сторона религии была частью повседневной жизни Азхара, столь же привычной и неотъемлемой, как дом и родные.

В общем-то, мальчик, росший в предельно европеизированной для тех лет исламской семье, получил закрытое специфически восточное воспитание не тяготясь ограничениями. Он чувствовал себя вполне свободным в выборе занятий - советник шаха по экономике, доктор Хасан Бонисандр отличался широтой кругозора, и намерением воспитать своего старшего сына достойным идеологическим наследником. Табу налагалось лишь на общение с женщинами и политику, правда, отсутствие этих возможностей, тринадцатилетнего Азхара нисколько не тяготило.

Однажды душевной августовской ночью мальчик был разбужен Учителем, напоен каким-то странным отваром и выведен по темному саду через дальний выход к притаившемуся в кустах автомобилю. Огня в эту ночь не зажигали ни в доме, ни в парке и даже фары

незнакомой машины были погашены. Сонный Азхар запомнил лишь приглушенные голоса, стрекот цикад в лимонных зарослях и тревожное мелькание безликих теней.

В маленьком самолете, стартовавшем с затерянной в песчаных дюнах площадки, мальчик уснул, а открыв глаза, обнаружил, что уже день, а за окнами маленькой незнакомой комнаты с выцветшими цветастыми обоями, чужой голос.

Город оказался Парижем, квартира в верхнем этаже старого неухоженного дома, принадлежала "дедушке Мишелю", а сам Азхар стал его внучатым племянником Филиппом, о чем свидетельствовали оставленные Учителем документы.

Азхар-Филипп выдел Учителя в последний раз в тот день, в незнакомой комнате, в углу которой рядом с черным бубнящим по-французски репродуктором сидел сухошавый старик в какой-то женской обвисшей вязаной кофте. Старик поглаживал свернувшуюся на коленях полосатую кошку и молчал, пока Учитель до боли сжав плечи еще не пришедшего в себя мальчика, что-то быстро и веско говорил ему по-арабски. Много раз потом Филипп пытался вспомнить эти слова, но в памяти всплывали лишь обрывки фраз, повторяемые Учителем веско, как заклинание: "Власть захватили враги, они преследуют твою семью. Ты должен забыть на время свое прошлое, ты должен во всем слушаться Мишеля, ты должен выжить и повзрослеть, а потом - отомстить. Ты должен ждать..." Еще Филипп знал, что было произнесены страшные слова: "белые убийцы", пугавшее с детства любого восточного человека. Всякий знал, что за этим названием древнего вездесущего союза убийц стоит глухая тайна, всемогущая власть и нечеловеческая жестокость.

В чем состояла роль "белых убийц" в трагедии его семьи, мальчик не знал, но постоянные кошмары, начавшие его преследовать по ночам с того самого дня, приобрели навязчивый характер - убийца-зомби настигал свою жертву за всеми дверями и запорами.

Дедушка Мишель - старый юрист, когда-то опекавший в Сорбонне отца Азхара, а ныне одинокий вдовец, живущий на скромную пенсию, получил из Тегерана банковский счет, который должен был использовать на образование и воспитание мальчика.

В течение четырех лет новоиспеченный Филипп посещал частную школу, приспособившись к иной жизни, и после трудного первого года, переболев своим прошлым, довольно быстро преуспел: в его французском почти исчез акцент и старик был потрясен, застав как-то своего "внука" на футбольной площадке, гоняющим мяч в компании горластых длинновязых сверстников.

Жизнь этого странного трио - старика, беспородной кошки Зизи и арабского юноши уже как-то наладилась, когда Мишель получил анонимный конверт и сразу понял, откуда пришла весточка. В письме назначалась встреча на железнодорожной станции парижского предместья, куда "дедушка" должен был прибыть вместе со своим "внуком". Осторожный юрист сжег письмо в газовой духовке, а Филиппу ничего не сообщил. Не успел.

Ночной кошмар настиг Азхара в виде дедушки Мишеля, сидящего в своем скрипучем кресле-каталке с перерезанным от уха до уха горлом. На подоконнике рядом с истекающей молоком перевернутой бутылкой застыла Зизи, глядя на хозяина неподвижными всезнающими глазами. Дверь в квартиру была не заперта. Запечатлев в одно мгновение открывшуюся ему картину кровавого смертного покоя, Филипп бесшумно выскользнул на улицу как был - в кедах, со спортивной сумой на плече и сгинул в чреве вечернего переполненного метро. Благодаря чему, по-видимому, и спасся.

Все это он рассказал Алисе в то же утро, когда вернув украденный кошелек, поплелся за девушкой к автобусной остановке по спокойным, ухоженным улочкам Шамони.

Но Алиса в этот раз на занятия не поехала, а резко свернув в переулок, ведущий к окраине, бросила своему спутнику:

- Пойдем!

Они молча вышли к каким-то безлюдным складам, где усевшись на толстое сосновое бревно, предусмотрительно прикрытое рисовальной папкой, девушка приняла позу терпеливо-внимательного присяжного заседателя.

- А теперь рассказывай все. И помни - я тебе не полицейский участковый - лапшу на уши не вешать. И не расистка - твой цвет кожи меня ничуть не смущает.

Повествование Филиппа, конечно же, мало походило на правду. Но придумывать такое за какие-то 5 фунтов, лежащие в ее кошельке, было нерезонно. Убеждала последняя часть рассказа - те три месяца жизни, которые беглец провел на "дне", среди парижских босяков, сразу же обчистивших наивного арабчонка дочиста, а потом, когда расплачиваться за ночлег ему было уже нечем, приказавшим: - "укради!"

Задавая каверзные вопросы по ходу дела, типа меню на тегеранской вилле, адреса и чина "дедушки" Мишеля, цитат из корана и названия парижских ресторанов, Алиса пришла все же к выводу, что "легенда" парня правдива и постановила:

- Пока ты поживешь у нас, а потом что-нибудь придумаем. Есть же в конце концов какие-то дипломатические каналы...

4

Так в семье Меншовых-Грави появился Филипп. Его формально определили садовником в загородном доме Александры Сергеевны, ожидая, что этот авантюрист чем-то выдаст себя, расколется и тогда уж несдобровать доверчивой, упрямо отстоявшей своего нового приятеля Алисе. Но все произошло ровно наоборот: на праздничном семейном приеме третьего сентября в честь семидесятилетия отца сияющая, повзрослевшая Алиса представила всем присутствующим Филиппа как своего жениха.

В гостиной меньшовского дома на Рю Коперник собралось по меньшей мере около сотни гостей, среди которых были друзья из эмигрантских кругов, деловые партнеры юбиляра, старинные знакомые и новые знаменитости, всплывшие в этот сезон на волне культурно-интеллектуальной популярности писателя, художники и даже известный шоумен, заправляющий делами от Лидо до Фоли Бержера. Он был грациозен, выдавая сразу же балетное прошлое, оживлен и неизменно носил крохотную красную гвоздику в петлице, что толковали и как иронию на розетку Почетного легиона и как подтверждение то ли прокоммунистических, то ли гомосексуальных наклонностей. Звонкий фальцет Валери, слышный из любой части зала, склонял все же к достоверности последней версии.

У рояля сидел, легонько "выписывая" затейливый рисунок грустного армянского напева, модный шансонье, с печальными глазами Арлекина на маленьком обезьяноподобном лице.

Появление Филиппа на сцене этой семейно-официозной идиллии было обставлено Алисой с артистическим вкусом к театральным эффектам. Она выбрала именно тот момент, когда наступил переход от торжественной части вечера к свободной расслабленности, когда гости, покинув столовую, разбились на вольно беседующие группы, а освещение было сведено к режиму "интима"

- лишь потрескивающий камин и шеренги свеч в канделябрах освещали зал.

Алиса подошла к роялю и что-то шепнула пианисту - мелодия ушла в русло едва журчащего piano. Девушка хлопнула в ладоши, привлекая внимание и, почувствовав, что стоит в центре вопрошительной тишины, торжественно объявила: "Дорогие бабушка, мама,

папа, дорогие друзья - маленький сюрприз. Я хочу представить вам моего друга, гостя из далекой страны". Она вывела в круг любопытных взглядов статного юношу в безупречно сидящем черном смокинге. В том, как он двигался, как почтительно склонился к руке Алисы, искушенные взгляды сразу отметили породу. А когда гость выпрямился, обведя присутствующих гордыми, чуть насмешливыми восточными глазами, в комнате повисла шоковая тишина. Все сразу оценили пикантность ситуации: необычайная красота юноши, его раса и явно фиктивное имя в сочетании с подчеркнуто-значительной "подачей" Алисы представляли интригующую загадку.

"С est manifiko" - прервал паузу фальцет Валери, направляющегося к Филиппу с распахнутыми объятиями. В воздухе, как в опереточной массовке пронеслась волна восторженного удивления. Как бы не оценивали ситуацию присутствующие, столь прекрасную юную пару никому еще видеть не приходилось.

Они действительно были великолепны рядом, будто сделанные из разного материала мастерами, состязавшимися в своем искусстве - контрастные и взаимодополняющие эталонные образцы разных пород. Особый эффект свечения, электродуги, возникающей между двумя полюсами, не оставлял сомнения в силе притяжения этих двоих. Даже знавшие Алису с детства и отмечавшие каждую встречу с ней возгласом: "Вот красавица-то растет!", не могли и представить, какой мощный эффект может дать этот высококачественный физический "сосуд", наполненный горячей смесью влюбленности и отваги.

Совсем не стараясь "подать" себя - ведь героиня вечера не она - Алиса не глядя натянула узкое белое платье, на ходу кое-как подколола взлохмаченные пряди и - о чудо! Вдохновение "звездного мгновения" жизни, фонтанирующая энергия любви, превратила эту красивую девушку в редкое явление природы: в эту минуту она была ослепительна. "Мсье Филипп - мой жених!" - Алиса вспыхнула и воинственно вздернув подбородок, ожидала взрывного эффекта.

И гром грянул. По-детски всхлипнув, лишилась сознания Елизавета Григорьевна. С рассыпчатым звоном брызнули на паркете осколки выпавшего из ее рук бокала. Кто-то кинулся за водой, кто-то звал доктора, грохнула, всполошив струнное нутро, задетая кем-то крышка рояля. Суэта и смятение скомкали живописную композицию, а те, кто читал Достоевского, воочию убедились, что великий писатель не преувеличивал - размах даже полу-русской "семейной сцены" превосходил принятые французские образцы.

Александра Сергеевна отвесила внучке звонкую пощечину:

- Ты хоть мать-то предупредила бы, прежде чем общество скандализировать!

Она королевской поступью покинула гостиную, а юная преступница, рухнув на колени, разрыдалась у ног отпоенной валерианой маменьки.

- Неплохо, неплохо... - оценил мизансцену шоумен Валери, глядя вслед неудачливому жениху и отхлебывая глоток крымского шампанского.

5

Конечно же, для семейства Меньшовых-Грави разразившийся скандал не был неожиданностью - он лишь разрядил напряжение, нагнетавшееся в последние месяцы. На протяжении лета шла упорная борьба воль, а когда аргументы были исчерпаны, просьбы и заклинания проигнорированы, маман и папа поставили вопрос ребром: если дочь сама не в состоянии понять в какую дурную историю она попала, не видать ей ни родительской поддержки, ни самих родителей. Бунтарка, сосланная в дом бабушки, уехавшей подлечиться в Швейцарию, поселилась рядом со своим подозрительным подопечным, которого ни

изгнать, ни держать на расстоянии от девушки не удалось. И не удивительно.

Алиса была влюблена впервые в жизни с тем свойственным ей размахом и глубиной чувств, с тем романтически-жертвенным азартом русской девицы, которые, сама того не ведая, пестовала в своей душе под гипнотическим воздействием русской литературы.

Благодаря этим увесистым, потемневшим томам, роман полуфранцузенки с арабом, разворачивающийся на фоне Парижа 50-х годов, культивирующего поверхностность и небрежную легкость во всем - от одежды до семейных отношений, был чисто российским, усадебным, вдохновленным ностальгией по масштабности и роковой драматичности чувств.

Уже целый год Алиса зачитывалась Буниным, открывая в себе бездну русскости, похожести со всеми его одержимыми любовью героинями, отыскивая в своем иноземном быту частицы иного, подлинно своего бытия.

Ей нравилось русское слово "полынь", представлявшего вместе с горьким привкусом серебристого жесткого стебля, бескрайний простор российских степей, пересеченных ухабистыми пыльными трактами. А как-то, когда бабушка поднесла к ее носу крупное зеленоватое яблоко, оно стало русским, самым любимым под смешным именем "антоновка", навсегда запечатлевшим для Алисы особенный осенне-снежный аромат. Хотя, по-видимому, это была вовсе и не настоящая антоновка, а какой-то похожий местный сорт, принесенный Верусей с ближнего рынка, Алиса зарылась лицом в корзину с яблоками, мечтая о невероятной, огромной любви.

Филипп был именно тем персонажем, который явился если и не из литературного русского прошлого, то и не из французской бомондной современности с ее бодростью-спортивной, но уже с пеленок пресыщенной и скупающей молодежью. Эта залетная, не от мира сего, заморская птаха, чудом вспорхнула в распахнутое настезь окно девической души, переполошив все вокруг.

Молчаливый юноша с неземной печалью в огромных, будто созерцающих нечто потустороннее глазах, был значителен своим загадочно-романтическим прошлым, своим рискованным, абсолютно невероятным настоящим, своим ежеминутным бытием затравленного зверя, подлежащего уничтожению. Его экзотическая и совершенная красота, свидетельствовала о принадлежности к миру вымысла, к творениям эстетизированного вне бытового искусства. Алиса лишь подхватила идею, поданную судьбой - стала не только исполнителем, но и творцом любовного сюжета, создавая особую, вынесенную за скобки реальности, атмосферу.

Этот странный роман разворачивался декорациях русского усадебного быта, сохранившихся усилиями Александры Сергеевны под боком французской столицы и теперь увлеченно обживаемых Алисой.

В конце сада, спускавшегося к небольшому пруду, остался маленький уголок, который предписывалось сохранять в первозданной дикости: не стричь, не косить, не обустроить. Здесь, за глухой стеной сарая, отгораживающего владения Меньшовых от соседней территории, среди старых лип стояла срубленная потемневшая скамья и висели качели - обычная доска на толстых веревках, прикрученных к мощным горизонтальным веткам. Видимый с этого места кусочек берега, заросший ивняком и осокой, кусты сирени, скрывающие забор, создавали иллюзию обширности владений, уединенной печали русского захолустья. Надо было просто не замечать южной броскости красок, аккуратной ухоженности мизерных садиков, напиравших со всех сторон, не слышать клаксоновых взвизгов соседского автомобиля и верить, что стриженные кроны чужого парка

за зеркалом озера являются началом могучего, заросшего ореховым подлеском дубняка.

Надо было верить в своей вымысел и Алисе это удавалось без труда. Ведь скрип качелей был таким настоящим, провинциальным, бунинским, а взлетающая доска скользила над белыми венчиками сныти - сочного исконно-русского сорняка, сплошь покрывающего в июне поляны и косогоры России. А к стволу старой яблони прислонился Он - ее герой с граблями в руках, в вылинявшей, выпущенной поверх брюк косоворотке Захара, провожая неотрывным взглядом взлетающие к полуденной синеве оборки пестрого подола. Его заморские глаза сияли открытым восхищением восточного мужчины, обмирающего перед женской прелестью.

Алиса воссияла в центре Вселенной юноши с того самого момента, когда появилась в калитке у своего дома в сопровождении цветочных ароматов, в сквозящей солнцем легонькой юбке, туманным маревом обволакивающей длинные стройные ноги. Она лишь пристально посмотрела из-под золотистых ресниц и, щелкнув, затикали в груди Филиппа особые часы, начав отсчет его новой жизни.

Специалист, по-видимому, обнаружил бы некую деформацию психике молодого человека, пережившего тяжелые потрясения. Но сам он, не ощущал себя единой личностью, не подозревая аномалии. Он был арабским юношей, старшим мужчиной рода, воином и мстителем, вынашивающим идею возмездия. Он был учеником парижской гимназии, доброжелательным и восприимчивым, успешно обживающим и мансарду дедушки Мишеля и саму версию своего европейского бытия.

Теперь же, с Алисой, Филипп стал абсолютным Возлюбленным, без прошлого, будущего и без всякой примеси иных мыслей и чувств в своем фантастическом настоящем, кроме любви и счастья. И когда Алиса однажды сказала ему по-русски "мой милый", он почувствовал, что всегда знал значение этих мягких голосовых переливов, так же как и светлую девушку, ставшую смыслом его существования.

Он допускал лишь одну возможность любить, причем именно здесь и так, как это случилось - на зачарованном островке неведомого океана чужого, не имевшего к нему никакого отношения мира. Куски жизни Филиппа, как обрывки разных кинолент в мусорной корзине монтажной, не могли соединиться в единый сюжет, существуя обособленно. Время, начавшее отсчет с появлением Алисы, принадлежало только ей и означало безумие. Сладкое безумие Единственной Любви, манящее и пугающее смертных.

Веруся - единственная наперсница Алисы, смотрела на влюбленных с горестным предчувствием.

- Хорош-то он, хорош, басурман чертов. Да откуда на нашу голову выискался... Боюсь я, Лиса, боюсь. Не по-людски как-то, не правильно, качала она головой, отводя взгляд. Поднять глаза старая цыганка опасалась столько темного страха металось в ее душе. Веруся предчувствовала беду, но помочь не могла, не зная даже, за кого молиться, как назвать иноверца, да и можно ли.

- Ничего, ничего, старушка, - успокаивала няню Алиса. - Пушкин тоже араб был, а Натали - первая красавица. Вот увидишь - все замечательно устроится! Мы так невероятно счастливы!

В сущности, придумывая варианты будущего, Алиса уговаривала сама себя: найдется семья Азхара, обеспечив ему какую-либо дипломатическую должность, ее отец сжалится и похлопочет в Министерстве иностранных дел или произойдет

что-нибудь еще. Не важно - у сказок всегда счастливый конец. Она не хотела замечать,

что погружаясь в гипнотический омут этого колдовского лета, все больше удаляется от реальности.

Ведь маленький сеновал был таким настоящим, колким и ароматным, были темные вишни на тонких, пружинистых ветках, прохладная библиотека с любимыми книгами, которые можно было читать для Филиппа вслух, и дурман ситцевой спальни, в распахнутом окне которой на пестрой от движущихся солнечных бликов кисее дремали сытые, краснобрюхие комары.

Аромат политого из лейки укропа, выросшего-таки на клумбе, хилого с длинными голенастыми метелками, свидетельствовал о реальности дивного летнего покоя. А ее Миленький, совсем не умеющий спать, всегда был рядом. Когда бы ни проснулась Алиса - в ночной черноте или в акварельной рассветной зелени - его преданные, восторженные глаза смотрели на нее. Неподвижное изваяние восточного божества с тускло мерцающим серебряным медальоном на груди - подарком Алисы...

За скандалом, разразившимся третьего сентября, последовал ультиматум со стороны родителей: немедленное возвращение дочери домой и предоставление судьбы авантюриста компетентным службам.

Алиса предполагала подобный ход и готовила контрудар - на следующее же утро Александра Сергеевна, возвратившаяся домой, обнаружила пустые комнаты и плачущую, упустившую беглецов Верусю: поздно ночью Алиса с Филиппом покинули свой заколдованный островок.

6

Они поселились в дешевой маленькой квартирке на самом верху шестиэтажного дома. За широким окном, в разошедшейся, облезлой раме, виднелось нагромождение крыш, покрытых крашеной жестью или черепицей старой потемневшей и поновее - почти оранжевой. Чужие балкончики и мансарды с цветочными ящиками, в которых еще вовсю цвела розово-алая кустистая герань, чужие окна, принаряженные кокетливым оборчатый тюлем или небрежно задернутые выгоревшими шторками, жили своей особой жизнью, которую Алиса с интересом наблюдала. Вскоре она уже узнавала свои любимые окна, наливавшиеся вечерами малиновым или апельсиновым светом от уютных абажуров, свои приглянувшиеся балкончики, на одном из которых, почти визави, в солнечные дни колченогая инвалидка вывешивала клетку с попугайчиками.

С Филиппом же здесь творилось что-то неладное. Он метался как загнанный зверь по длинной узкой комнате и казалось, что стоит только приоткрыть дверь и зверь вырвется, умчится в тот "край" их короткого счастья, где у пруда покачиваются под палой листвой пустые качели...

Все чаще Алиса видела в мерцании его сумрачных глаз тайный страх. Наверное поэтому она так и не решилась рассказать ему правду об одном странном звонке в конце сентября, в самом конце теплого сентября. Телефон в квартире беглецов бездействовал, так что о нем, практически, забыли. Черный, с несвежей, уже затягивающейся грязью выщербленной у ступенчатого основания, он обиженно помалкивал среди каких-то старых журналов и растрепанных книг, небрежно и тесно засунутых на этажерку в процессе весьма приблизительной уборки. Когда ненужный аппарат вдруг подал голос, его надсадное верещание было столь злобным, что Алиса опасно подняла трубку. Мягкий, баритон с едва заметным акцентом вкрадчиво назвал имя:

- Мадмуазель Грави? Прошу прощения за беспокойство. Только крайняя необходимость

заставила меня побеспокоить вас, вернее, обратиться за помощью. Речь идет о моем друге Азхаре Бонисандре, известном вам, скорее всего, под именем Филипп. Я имею для него сообщение чрезвычайной важности. Если бы мадмуазель подсказала мне, где я могу найти Азхара... Повторяю, речь идет о жизненно важном деле... Голос звучал взволнованно, все сильнее обнаруживая округлый, как арабская буква, акцент. "Учитель!" - подумала Алиса и быстро позвала:

- Филипп! Филипп! - протягивая трубку к двери, в пыльно-плюшевом проеме которой уже появилась бронзовая отливка классического героя в обычной черной футболке с большой разливной ложкой в руке: в последние дни Филипп находил странное забвение в приготовлении экзотических блюд с участием мало съедобных, но вполне доступных по цене продуктов - каких-то трухлявых кореньев, пахнущих болотной гнилью, орехов в зеленой пробковой скорлупе, бобов, которые он покупал на воскресном рынке у своих соотечественников, употребляя мелодичные труднопроизносимые названия.

Он слегка притормозил на пороге, заметив, как медленно умирает радость на ее лице: будто двигали рычаг реостата и свет бледнел, обещая неминуемую темноту. Алиса положила трубку и опустив глаза тихо выдохнула: "Ошибка". Ложь родилась сама собой, уродливый недоносок которого теперь предстояло вынырнуть. Алиса сочинила какую-то версию с созвучной фамилией, обманувшей, якобы, ее слух. Но ведь она слышала абсолютно четко щелчок отбоя и короткие гудки - связь не прервалась, кто-то, где-то не захотел говорить с Азхаром! А может - не смог? Алиса не решилась рассказать Филиппу о странно замолчавшей телефонной трубке.

Через два дня она проснулась чуть свет от барабанной дробы дождевых струй, падающих из обрубка водосточной трубы прямо на жестяной карниз, сонно огляделась и вмиг вскочила, не обнаружив, как обычно, недремлющего Филиппа. В центре его смятой подушки, лениво шевеля клешнями, расположился крупный лаково-черный жук. Алиса бросилась искать Филиппа, но и в крошечной ванной, и на кухне, и даже на лестничной клетке было абсолютно пусто. Уже порядком испугавшись, она обнаружила записку, подсунутую за раму мутноватого трюмо "Меня позвал Учитель. Жди". Но и к вечеру Филипп не появился. Телефон упорно молчал. Боясь согнать так и не двинувшегося с места жука, она осталась на диване, не зажигая свет и даже не вспомнив о еде. Она старалась ни о чем не думать, и лишь почему-то очень жалела, что не успела сообщить Филиппу, на время откладывая, о своей теперь уже явной беременности. Темнота сгущалась, черное пятно на подушке, от которого Алиса не могла отвести взгляд, росло, растекалось, заливая неубранную постель липким мраком.

Было уже совсем светло, когда Алису разбудил требовательный резкий звонок. В туманной дымке над сонными еще сырыми от дождя крышами поднималось солнце. Незнакомый мужской голос, не назвавшись, сказал несколько слов и прежде, чем она что-то сообразила, в трубке послышались гудки. "Читайте утренний выпуск "Обсервера" - прогнусавил неизвестный.

Алиса бросилась вниз, к старику-лоточнику на ближнем углу, распаковывающему стопы свежих газет. Подагрические пальцы в грязных митенках невозможно долго копались в бумажной кипе и наконец вытащили необходимый Алисе номер.

- Для такого сырого утра мадмуазель довольно легко одета, подмигнул старик ранней покупательнице и вернулся, мурлыча какую-то полечку к своему занятию. Но тут же застыл: с жадностью голодного туземца девушка принялась потрошить пухлый номер, роняя на

мокрый бульжник измятые хрустящие листы и вдруг замерла, покрываясь гипсовой бледностью.

Развернув раздел "происшествий", Алиса несколько раз перечитала короткий текст и окаменела, как человек, раненый в сердце, но еще не понявший, что уже мертв. А когда поняла - рухнула на колени, стиснув ладонями виски - так громко и ужасен бы вырвавшийся из ее горла вой.

"Тело неизвестного юноши восточного происхождения найдено на путях пригородной электрички. На шее убитого серебряный медальон, на груди свежесывитравленное клеймо - знак тайного общества арабского Востока. Инспектор криминальной полиции Клемон, ведущий расследование, отказался комментировать происшествие".

7

Под потолком комнаты, где проходило опознание, потрескивала, мигая, неисправная неоновая лампа. Санитар откинул простыню с головы покойника.

- Да, это он, - Алиса не закричала, не разрыдалась, на ее помертвевшем лице застыло каменное спокойствие. Заметив это, искушенный в подобных ситуациях санитар, потянулся за флакончиком нашатыря, но вопреки его расчетам, девушка не потеряла сознание, не повисла без сил на руках поддерживающего ее за локоть инспектора.

- Я могу быть свободна? - обратилась она к присутствующим все с тем же шоковым безразличием и, получив утвердительный ответ, покинула помещение.

"Э, да тут, видно, не так все просто. По крайней мере, роковая страсть эту парочку не связывала, - смекнул инспектор Клемон, поставив в блокноте вопросительный знак против имени мадмуазель Грави.

Как же ошибался опытный полицейский! В тот момент, когда Алиса увидела на простыне мертвое лицо своего возлюбленного, приговор, который она готовила своей судьбе, был оглашен. Не столько горе и погибшая любовь, сколь уязвленная гордыня, подсказала ей это решение: она оказалось заурядностью, а следовательно - подлежала уничтожению.

В той или иной степени всякому человеку дано ощущение своей единственности, особых отношений с покровительствующими силами судьбы Богом, Роком, Космосом или чем-то иным, возвышающимся в его сознании над земным бытием. Тайно веря в свое избранничество, он рассчитывает на любовь и поддержку свыше, со стороны того, кто сильнее и мудрее, кто, в конечном счете, отвечает за все, что происходит с ним.

Ощущение высшего покровительства, веры в свою звезду, свое особое счастье сопровождали Алису с рождения. Достаточно было девочке лишь посмотреть в глаза близких или случайных встречных, чтобы уловить то выражение восторга или зависти, которые появляются у людей при соприкосновении с чужим везением. Чувство избранничества наделяло силой волю Алисы, помогая легко преодолевающей препятствия, питало ее милосердие и доброжелательность.

То, что произошло с Филиппом, уничтожило привилегии избранницы судьбы: ею пренебрегли, вычеркнули из списка любимцев. Кто-то, где-то, сатанински смеялся сейчас над ней, доказав, что она - всего лишь заурядность, мразь, ничтожество, числящееся в общем строю и подчиняющаяся тем же законам, что и грязная уличная проститутка.

Ее не только провели, лишив любви, подаренной с такой сказочной щедростью, но и "подставили", сделав убийцей своего счастья. О этот таинственный телефонный голос "друга", эти суетливые интонации и ее поспешная, глупая радость! Она сама выдала

Филиппа, открыв его убежище и она же, правдивая до дерзости, пронизательная, чуткая Алиса, так и не решилась рассказать любимому о звонке, став соучастницей врага. Непоправимость допущенной ошибки, бессилие перед необратимостью случившегося и невозможность мести сводили ее с ума.

Она не умерла на месте от невыносимой боли, как втайне была уверена там, на мостовой, у газетного прилавка, раздавленная грузом чрезмерного, непосильного отчаяния. Она просто окаменела.

Лицо Филиппа показалось Алисе очень маленьким и темным. В синеватой тени глазниц лежали невероятной длинны ресницы, казавшиеся фальшивыми и столь же неуместными, как у оперной Кармен, умирающей в полной красе с ножом в груди. Кровь от ссадины на лбу запеклась, подклеив черный крутой завиток, на горбинке носа белел гордый хрящик, туго обтянутой бескровной кожей. Под левой ключицей чернел загадочный шестигранник, выжженный раскаленным металлом. А губы... Боль в груди Алисы была настолько сильной, что она не смогла ни потерять сознание, ни заплакать.

"Конец, конец, конец!" - Алиса слышала торжественный хохот. - "Вот тебе, гордячка, получай!" Это был не удар, это был плевок в лицо. "Ну что же, значит - решено" - она чуть ли не улыбалась, предвкушая уготованное мщение. Она знала, что никогда не смирится ни с предательством высших сил.

У себя в мансарде, распахнув окно в осеннюю прохладу, приговоренная оглядела Париж радостно и вольно, будто вернувшись из дальнего путешествия. Затем надела любимое белое платье, вытащила из волос шпильки, сняла с шеи крестик и кинула все это, уже ненужное, на стол. Усевшись на подоконник, Алиса с острой прощальной любовью рассматривала знакомую и уже совсем чужую жизнь, ощущая всем телом прикосновение свежего ветерка, смешавшего в беспечно-приятном коктейле запах палой листвы из ближнего сквера, петунии, задиравшей свои пестрые головы на балконе нижнего этажа, с дымком жареной макрели из чьей-то готовящейся к ужину кухни. Она оглядывала нагромождение черепичных крыш, балкончики, трубы с жестяными флюгерами, окошки, имеющие, как и люди, свои особые лица. пестрые детские штанишки, трепетавшие на веревке... Жадно вслушиваясь в дальний перезвон трамваев, суетливые автомобильные гудки, Алиса смутно думала о том, что никогда уже не случится.

Здесь, внизу, в этом городе, оставалась неостребованной огромная часть ее жизни, причитающаяся по праву вереница лет с вылазками в весенний прозрачный и звонкий лес, с бархатной оперной ложей, сладко пахнувшей дорогой пудрой, любовными свиданиями и цветными пеленками, с этими скучными милыми семейными торжествами, толстокожей "антоновкой", любимыми книгами и недописанными картинами. Жизнь, от которой она отрекалась...

Инвалидка в доме визави, вышедшая на балкон покормить попугайчиков, загляделась на четкий белый силуэт девушки в верхнем окне. Колени, подтянутые к подбородку, обтягивал белый искристый шелк вечернего платья, на ветру трепетали длинные золотые пряди. "Вот, вырядилась, ждет кого-то, наверное того здорового малого, что каждый вечер подкатывает к дому на гремучем мотоцикле", - думала женщина, тяжело опустившись на табурет. Вот оно - счастье. Рядом - рукой достать! Боже, почему только мне, старой больной карге дано понять цену чужого сокровища? Ведь она там у себя, легкая, прелестная в самом начале долгого еще расцвета и не знает, как фантастически богата! И точно - вот умчалась как сумасшедшая, хлопнула рамой, чуть стекла не посыпались. Наверное, кофе у нее сбежал,

и теперь она будет дуться весь вечер. Боже! Мне бы хоть день, хоть час такой силы, такой красоты, хоть час на всю мою гадкую, жалкую жизнь..."

Алиса решительно захлопнула окно, проверив шпингалеты, окинула взглядом комнату, выглядевшую настороженно притихшей, заткнула в шкаф халат, смятое полотенце и, вытащив из рисовальной папки чистый хрустнувший от нетерпения лист, написала углем: "Я сама так решила. Поймите и простите. Не печальтесь, мне хорошо, - Алиса". Не мысль о родных, а стержень уголька, последний раз прикасавшийся к бумаге по воле ее ловких пальцев, рванулся в душу с отчаянным воплем о пощаде, ударил в глаза ливнем слез. Но Алиса задушили жалость. "Я права, я сильная, я все решаю сама," - твердила она себе, отворачивая до отказа вентили плиты и слыша как с шипением вырывается из конфорок газ.

Уже лежа на диване, она вытряхнула из флакончика на ладонь таблетки снотворного, проглотила и старательно запила водой.

- Это я, Алиса. Я так хочу! - заявила она вслух некому предполагаемому "всевидящему оку", следящему сейчас за ней, наверное, с досадливым возмущением, своему мнимому "хозяину", которого удалось-таки переиграть.

Ощувив поступающую ватную слабость, Алиса накрыла ладонями живот. "Прости меня, маленький, незнакомый," - молила она своего не рожденного ребенка. - Прости, что умираю с тобою вместе. Вместе не страшно."

Алиса, месяц назад обнаружившая свою беременность, не разу еще не задумывалась серьезно о скрытой в ней новой жизни. И лишь теперь, убивая ее, вдруг ощутила ослепительную вспышку любви, на которые способные редкие матери. Мысль о том, что она ошиблась, что совершила, жестоко обманутая, именно тот шаг, на который ее предательски подтолкнул этот хохочущий теперь, торжествующий Некто, была ошеломляюще-ужасной. Самой ужасной из всего, что могло бы прийти в уже затуманенное, уже неуловимо гаснущее сознание этой девятнадцатилетней женщины. Но, к счастью, она была последней, канув в черное бесконечное небытие...

13 мая 1954 года запомнилось многим жителям улицы Мрло. К дому №4, завывая и подмигивая красно-синим огнем на крыше, подкатила полиция и "скорая помощь", а к дому № 5, что как раз напротив, - автобус телевидения и грузовик, из которого двое служащих в ярко оранжевых комбинезонах вынесли под стрекот телекамер огромную тяжелую коробку: вдова-инвалидка Филица Бурже толь ко что выиграла в телевизионной игре шикарную стиральную машину.

П. ЙОХИМ ГОТТЛИБ

1.

То же весеннее солнце, что заливало теплом парижские улицы, наполняло пьянящим дурманом маленький австрийский городок на границе со Словакией.

Пологие холмы уходили к горизонту, подступая к гряде едва видимых в утреннем тумане Альп. На крутом берегу быстрой речушки, разделявшей городок надвое, возвышалась церковь, увенчанная золотым католическим крестом. Колокольный звон наполнял торжественными звуками улочки, утопающие в сиреневом цвету.

Тринадцатилетний подросток - худой и нескладный - поливал перед домом цветы под внимательным взглядом бабушки. Перетряхивая перины на веранде второго этажа она не упускала из виду своего странноватого внука, и не зря: вот Йохим выпрямился и зеленая лейка повисла в его руке, щедро поливая тупоносые ботинки. Но он и не замечал этого. Тело подалось вперед, выдавая крайнее волнение, восторженные глаза устремились туда, где за

пышной изгородью облетающего жасмина скрипнула калитка новых соседей.

Еще осенью дом через дорогу, самый нарядный в их части города, был продан, а потом заселен новыми владельцами. Всю зиму оттуда доносилось дребезжание молотков, колокольное уханье сбрасываемых с грузовика труб; рабочие в карнавально измалеванных робах таскали какие-то чаны, катали гулкие бочки, громко перекликались, используя столь выразительные слова, что детям близлежащих коттеджей строго-настрого запрещалось даже приближаться к стройке. А в марте к дому, уже улыбавшемуся сквозь зеленеющие кусты травяным ковром золотистого свечения, подкатил толстобрюхий трейлер, с крылатыми буквами по серебристому боку "Orants fransservis", из которого прямо на лужайку были выгружены замечательные вещи, доставленные не иначе как из какого-нибудь фамильного замка. Среди прочего, отливая на солнце металлическим блеском гигантского майского жука, возвышались доспехи очень крупного рыцаря и нежился под ветвями сирени огромный рояль, молочно глянцево-белизны.

А какое-то время спустя, помолодевший дом зажил своей удивительной жизнью: выпускал и выпускал из ворот новенькую модель "оппель-капитана", сиял в сумерках высокими арочными окнами, источающими временами легкий аромат тихой музыки. Мелодии Шопена, смешиваясь с запахом жасмина, бурно вдруг зацветшего, проникали в сад Динстлеров, где в засаде томился Йохим собиратель красоты, карауля чудное видение.

Увидев ее впервые, он застыл, словно громом пораженный, и большая жестяная лейка в его руках, порхавшая только что над цветочным бордюром, замерла, припав к кусту маргариток хоботками тугих искрящихся струек.

От особняка визави решительно двигалась крупная, крепдешиново-букетная женщина, гордо неся голову с крохотной соломенной шляпкой на крутой перманентной волне. За руку она вела девочку лет двенадцати. Подошвы белых туфелек не касались гравия и серебристый обруч послушно раскачивался на сказочно хрупком плече. Свежий зеленоватый воздух с густо-масляным цветением тяжелых веток, с акварельными пятнами живых теней от них на песчаной дорожке, с пьянящим коктейлем запахов весеннего ясного утра, закружил вокруг маленькой фигурки резвым веселым щенком, заиграл с клешонным подолом балетного платья, открывая худенькие, жеребьячьей легкости ноги. Стало ясно, что все эти декорации майского утра были подготовлены природой для выхода главной героини, для ее танцующих белых туфелек и мимолетного вопросительного взмаха головы в ту сторону, где с тихим шелестом бежали струйки йохимовской лейки.

Два раза в неделю по утрам девочка с обручем в сопровождении дамы выходила из дома, отправляясь к своей неведомой цели и это были минуты, которые наблюдавший из сада мальчик воспринимал как шараду, как головоломку, заданную к следующему уроку. Что за подсказку давала ему судьба этим явлением, о чем намекала?

Йохима Готтлиба нельзя было назвать обыкновенным ребенком.

Уже в то время, когда сквозь общепринятую личину младенческой умиленности начала пробиваться спрятанная в ней бабочка личности, окружающие смутно почувствовали - с мальчиком что-то не ладится, что-то не так.

Собственно, окружение маленького Йохима-Готтлиба состояло из няни-подростка, взятой на время из соседней деревни, бабушки - молодой, ладной и скорой и деда, ни интересом к земным заботам, ни любовью к младенцам не отличавшегося.

Его мать, Луиза, забеременела почти девчонкой от солдатика-немца, проводя рождественскую неделю у тетки в Линце. До конца жизни она, как ни старалась, не могла

вспомнить имя своего тогдашнего случайного любовника, оказавшегося первым, как и стакан шнапса, опрокинутый ею в колкий растрепанный стог под хохот веселой компании. Вспоминался лишь резко вдавленный назад подбородок, светлые близорукие глаза и большие руки с маслястыми худыми пальцами, заправлявшими за оттопыренные уши пружинистые дужки круглых совиных очков. Где этот мальчик, сгинул ли на воинских дорогах или, превратившись в краснолицого дебелого отца семейства, распахивает по весенней погожести свой кусок черноземного Фатерланда? Кто он, откуда и зачем вошел в ее судьбу в канун нового 1942 года? Неужели для того лишь, чтобы обрюхатить единственную дочку австрийского священника, вот уже тридцать пять лет наставлявшего свою паству в духе католического благочестия?

После душераздирающей сцены признания с пощечиной и обмороком со стороны матери и театрально-выразительным проклятием, последовавшим от отца, Луиза была отправлена к тетке, а через год в доме Динстлеров появился младенец, якобы осиротевший племянник, а на деле - кровный внук, действительно, правда, осиротевший: Луиза уехала в поисках счастья на Американский континент, решив начать все заново. И орущий яйцеголовый мальчонка и родительский дом в тихом городке возле австро-словацкой границы остались где-то в другой жизни.

Новый член семьи Динстлеров, названный Готтлибом-Йохимом нежданно стал смыслом жизни своей чуть было не свихнувшейся от горя с утратой дочери, бабушки. Крепкой шестнадцатилетней девицей из Словацкой деревеньки, она была выдана замуж за вдовца священника, имевшего приход в австрийском городке. Большая разница в возрасте и тайный благоговейный страх перед саном мужа, помешали Корнелии, как мечталось, нарожать кучу малюток. Теперь она, заполучив колыбельку, бдела над мальчиком денно и ночью, не ведая, по простоте душевной, что ее заботам поручено нечто большее, чем хрупкое тельце ребенка.

И все же, помимо состояния желудка и горла ее внука, эту простую женщину тревожило нечто иное, чему она не могла бы дать определения, какая-то смутная тревога, от которой хотелось поскорее избавиться.

Лишь много лет спустя одинокая старуха, бодрствующая в душном полумраке забитой старым хламом комнаты, с остротой запоздалого прозрения вновь и вновь будет смаковать необычность, которую так рано обнаружил ее мальчик и которая теперь многое объясняла.

Его детские фотографии, ломкие и слегка выцветшие, ничего льстящего тщеславию бабушки не предъявляли. Шестилетний "моряк", стоящий у игрушечного штурвала в павильоне местного фотографа, выглядел до обиды заурядно. Разве что слишком хмуро, не по детски смотрели исподлобья его птичьи, близко поставленные глаза, выдавая неприятие наивной мистификации взрослых - ни новая матроска с золотящимися пуговками, будто взятая напрокат, ни роль мальчугана-забияки, явно не подходили Йохиму. Беспомощную кривоватость ног, торчащих из-под коротких штанишек не могли скрыть ни белые гольфы с нарядными помпонами, ни усилия фотографа, собственноручно развернувшего ботиночки клиента, привычно расположившиеся носками вовнутрь в более приличествующий ситуации ракурс. Оттопыренные уши подпирали большую бескозырку с блестящей надписью "Победитель морей", а по лицу, лишенному всякого детского обаяния, свойственного даже некрасивости, можно было сразу определить, что ребенок плакал, что набухший нос был раздраженно высморкан бабушкиным надушенным платком, высморкан больно и неловко, а улыбка, чересчур натужная, являлась результатом приказа.

Он не был уродлив, этот ошетилившийся малыш, он был именно таков, чтобы не замечать его присутствия в гостиной, а после вручения подарка и оглаживающего касания затылка - "Ну,

а теперь ступай к себе, голубчик" - не узнать при следующем визите. И все же, и все же...

Вот он, совсем еще кроха, не агукает, не сучит ножками, не колотит погремушкой, раззевая в улыбке беззубый рот, а смирнехонько лежит, упершись взглядом в противоположную стену, где не замечаемое вот уже двумя поколениями висит нечто потемневшее и малопривлекательное - то ли оригинал, то ли масляная копия какого-то неведомого шедевра: у придорожного камня склонилась окутанная воздушным покрывалом женщина, очевидно Мария Магдалина, а сверху по каменистой тропинке, подняв правую руку в благословении, надземной походкой спускается к скорбящей мужчина. Иконописный лик, одеяние путника и светящийся ореол над темными кудрями позволяли опознать Всевышнего. Не вызывало сомнения, что младенец не просто созерцал, а вдумчиво рассматривал этот явно недоступный его пониманию живописный сюжет.

А став чуть постарше, лежа с очередной ангиной или жаром, как смиренно проглатывал Йохим горькую микстуру, предательски подмешанную к малиновому варенью, и как цепко ухватывали его почти прозрачные пальчики вознаграждение - пасхальное яйцо мандаринового стекла, ограниченное десятками лучащихся многоугольников. Любимая игрушка тут же помещалась между глазом и миром, становясь мостиком, по которому детская душа устремлялась в неведомый, томящий ее поиск.

Дарителей всевозможных лошадок, сабель, заводных машинок и солдатиков неспроста удивляло отсутствие радостного блеска в глазах ребенка - все эти атрибуты мальчишеских игр его нисколько не интересовали. Любящая бабушка с тоской понимала, что мальчик, несмотря на все ее усилия придать здоровую полноценность его сиротскому детству - отпаивание козьим молоком, катание на санках, приглашение ватаги сверстников для совместных игр, заметно отставал в развитии. Шумная ребяческая возня его пугала и любой ребенок, значительно меньшего возраста, мог беспрепятственно завладеть под носом рассеянного владельца его мячом или даже трехколесным велосипедом.

Урожденной крестьянке, унаследовавшей открытую эмоциональность и крепкую людей физического труда, было невдомек, что под внешней блеклостью и вялостью Йохима пульсирует как муравейник под слоем палой листвы, мощная, своеобразная энергия.

В нем рано проявилась мечтательность, верней, умение переселяться в другую реальность, которую он для себя начал выдумывать с тех пор, как только ощутил себя элементом бытия и тут же почувствовал его, этого данного в ощущениях мира, недостаточность.

Очевидно, жажда гармонии и совершенства была заложена в душе Йохима изначально, по закону кармической вендетты, дойдя неоплаченным счетом от какого-то былого воплощения. Чем провинился перед Гармонией тот, канувший в Лету неведомый штрафник, как глумился и истреблял красоту? Может это он в пылу горячей схватки сяданул тяжелой секирой по каррарскому мрамору, предоставив возможным эстетам любоваться искалеченной богиней любви или буйствовал в застенках инквизиции, похрустывая испанским сапогом на голени черноглазой ведьмы? А может, хохотнув с матерком, рванул динамит под знаменитым российским Храмом? Неведомо.

Ясно только, что чувство личной ответственности за всякое нарушение гармонии

томило Йохима-Готтлиба предопределяло преувеличенное представление Йохима о собственной физической некрасивости. Ребенок, еще не способный осознать, что почерк судьбы неизменен, пытался сгладить интуитивно ощущаемое несоответствие между худосочной щедедушностью своего тела и цветением летнего сада. Он украшал себя лентами от конфетных коробок, перьями и блестками, не помышляя даже, как предполагала бабушка, изображать индейца. Он просто хотел быть на равных со всем ошеломляюще совершенным порождением летней земли - от размашистых бойких кустов бузины, светящихся алыми гроздьями, до кружевных листьев петрушки, затейливо вырезанных чьими-то крошечными неземными ножницами. Цветы он не рвал, а если находил сломанные и увядающие, то торжественно захоранивал под кустами шиповника, позаботясь о надгробии из придорожного гравия. Странное занятие для мальчика.

Правда, он любил рисовать, но тоже как-то странно. Кипы листов, целые альбомы представляли собой черновики. В центре каждого, практически чистого листа была запечатлена попытка нарисовать лицо, чем-то, по мнению автора, неудавшаяся. Как правило, дело не шло далее носа, именно он давался очень трудно, реже доходило до плавной линии овала, завершающего построение. Но и овалы были брошены, жирно исчерканные нервной, торопливой рукой. Крошечный, величиной с десяти шиллинговую монету, карандашный вензель, загубленный недовольством рисовальщика и - новый лист, новая попытка. Он напряженно водил карандашом, стараясь не упустить момент победы - мгновенного ощущения той самой, единственно прекрасной драгоценности - дивного лица, должного воссиять в самом центре девственно-белого пространства. Йохим охотился за тем, что было почти не возможно уловить, запечатлеть и тем более - пометить ярлыком. Он выслеживал Красоту.

Как только мальчик научился читать, а произошло это довольно поздно годам к семи, зато быстро, без долгого штудирования азбуки, он, минуя начальный детский интерес к простейшим байкам и стишкам о зверюшках, сразу пристрастился к волшебным сказкам. Притихнув под оранжевой лампой, он бесконечно перечитывал одни и те же истории мудрых сказочников - братьев Гримм, Гауфа, Андерсена, ожидал, что в словах откроется нечто новое, недосказанное раньше. Но самое главное, нужное ему, так и не прояснилось. Редко кто из сказочников удосуживался объяснить, что такое "невиданная красота", "прекрасная, как ясный день", отговариваясь общими определениями "такой и во всем свете не сыщешь" или "так хороша, что молва о ней разносилась по всему королевству". Более чем противостояние Добра и Зла, Йохима волновало соперничество Совершенства и Уродства, завершавшееся попранием последнего. Во всяком случае, именно сказки были для него единственным доказательством всеисилия Красоты, ее царственного могущества.

2.

13 мая 1954 года тринадцатилетнему Йохиму Красота была явлена ему воочию, во плоти и крови, подкрепленная мощной оркестровкой сияющего вечернего утра. Она сразу узнала ее - ошибиться было невозможно.

Он ждал два года до того самого дня, пока в последнее воскресенье августа в праздник Урожая, женский клуб "Сестры Марии" не устроил традиционную ярмарку с благотворительным базаром, пикником и танцевальным конкурсом. В парке, прямо на поляне, спускающейся к реке, были расставлены столы с угощениями и сладостями и дощатые прилавки, предлагавшие рукодельную продукцию городских умельцев, книги, домашнюю утварь. Белые скатерти трепал ветерок, у столов шныряли собаки, обнадеженные

воцарившимся добродушием, аккордеон наигрывал полечки. Йохим, облаченный в свой первый взрослый костюм, помогал бабушке в распродаже духовной литературы. Особым спросом пользовалась тонкая книжка под названием "Твой Ангел-хранитель" с цветной картинкой на обложке: на краю обрыва беспечно резвились малютки, а златовласый Ангел распустил над ними гигантские лебединые крылья, заслоняя детей от губительной бездны.

К вечеру, когда солнце опустилось к холмам за рекой и в воздухе зазвенели комары, базар свернули. На радость гуляющей в ожидании конкурса и фейерверка публики, зашелся венским вальсом специально готовившийся к этому случаю любительский оркестр. Йохим уединился в прибрежных зарослях, наблюдая как набухает рубином и расплывается в розовом тумане огромный солнечный диск. Совсем рядом раздались крики детей, игравших в прятки. Йохим поспешил ретироваться, нырнув в кусты барбариса. В это самое мгновение прямо на него кто-то выскочил и испуганно взвизгнул. Йохим зажмурился, а когда открыл глаза, рядом уже никого не было, лишь упруго покачивались встревоженные ветки. Тогда он сел, зажав ладонями уши и закрыв глаза, чтобы в полной сосредоточенности рассмотреть свое богатство, свой счастливый билетик, столь нежданно вылетевший из лотерейного барабана случайности. "Здорово, вот это здорово... Оно, именно оно! Все так! Так!" восхищенно шептали его губы. Понадобилось лишь одно мгновение, торопливой щелчок объектива, чтобы картина, отпечатавшаяся на его сетчатке, легла недостающим звеном в мучавшую его шараду. Он наконец увидел то особенное, единственно важное Таинство, о существовании которого смутно догадывался, в поисках которого исчерчивал листы бумаги и препарировал головки цветов, по чему томился, высматривая из засады торжественный выход своей героини.

Он дегустировал детали, разбирая на составляющие и вновь складывал в единое целое навсегда запечатлевшийся в его зрительной памяти образ, пытаясь понять откуда, из чего возникло это безошибочное, молниеносное чувство восторга, узнавания и совершенной Красоты.

Досье, собранное Йохимом по интересующему вопросу, было достаточно обширным, составляя набор разнообразных впечатлений Прекрасного, схваченных тут и там. Здесь была лавина грозового потока, трепавшая кусты пионов, мерцание свечей в торжественном мраке костела, рдеющая в лучах вечернего солнца рябина, перезвон праздничных колоколов в Зальцбурге, яблоневый сад в сентябрьский полдень и многое другое, вплоть до запаха пасхального пирога ранним утром.

Но центром галереи, ее главным сокровищем были, конечно же, образы Красоты, запечатленные его единомышленниками, среди которых почетные места были отданы Ботичелли, Тициану, Мане, Климнту.

Потрет девочки-соседки, складывавшийся в воображении Йохима из мимолетных, смазанных расстоянием и движением кадров, был теперь схвачен крупным планом, в гигантском формате, заключавшем все прежние впечатления.

Это лицо, раскрасневшееся от бега, залитое золотым сиянием прощального солнца так, что на высоких скулах отчетливо бархатился персиковый пушек, с сюрпризным сиянием в глубине прозрачно-крыжовинных глаз, было озарено тем особым светом резвящейся, распахнутой в предвкушении счастья души, который бывает только у детей за секунду до чуда: дверь в снежную ночь уже открыта и сейчас, вот прямо сию минуту на пороге появится Святой Сильвестр со своим знаменитым мешком, или прямо из вьюги подкатят к ногам хрустальные саночки Снежной королевы...

Нижняя губа, припухшая и влажная, закушена двумя крупными зубами, паутинки волос, тоже припорошенные солнечным золотом, окружают лицо светящимся ореолом и ожерелье глянцево-алого шиповника, нанизанного на замусоленную суровую нитку, лежит вокруг шеи там именно, где в нежной впадинке пульсирует тонкая синяя жилка... Это бы та самая живая Красота, апофеоз таинства Божественного творения, разгадке которого в этот вечер присягнул посвятить свою жизнь Йохим.

Ему понадобится еще четверть века, чтобы посчитать себя вправе подвести итоги трудного поиска. Все это время она, никогда больше не встреченная в реальности, будет жить в сокровищнице его памяти неким талисманом, алхимической формулой, требующей экспериментального доказательства.

Довольно долго он думал, что эта девочка, девушка - живет где-то в нежном шопеновском мире, где вечерний ветерок колеблет прозрачные занавеси в распахнутом сводчатом окне, а на белой крышке рояля благоухает букет никогда не вянущего жасмина. И уж наверняка это она, а не грузная дама касается клавиш быстрыми пальцами.

Ловя обрывки залетавших сквозь заросли сада мелодий, Йохим пытался представить ее повзрослевшую, с прямой спиной сидящую у рояля, когда уже студентом посетил родительский дом с печальной миссией - по случаю похорон преподобного Франциска, своего деда.

Церемония прощания состоялась на старом кладбище. Лето только началось, белые шатры черемухи, роняющей скорбную метель крошечных лепестков навевали образы райских куц, а шестеро мальчиков из церковного хора в черных сюртучках выводили мелодию с таким нежным, звонким старанием, что казалось, сонмы ангелов уже подхватили голубоватое облачко - душу почившего падре.

На локте Йохима повисла Корнелия, растолстевшая и, казалось, уменьшившаяся в росте. Черный сетчатой вуальке, спущенной с полей шляпки, которую он помнил еще по далекому посещению Зальцбурга, не удавалось скрыть всей бедственной немощи опухшего рыхлобедного лица. Рядом с осанкой королевы или классной дамы стояла Изабелла - кузина Йохма из Линца, переполненная сознания торжественности происходящего и собственного очевидного превосходства.

Когда гроб опустили и комья влажной земли застучали по высокой полированной крышке, Йохим, скрываясь за скорбно поникшими спинами, шагнул в боковую узкую аллею - ему как воздух требовалось одиночество. Кладбищенский вернисаж выглядел почти весело - надгробья и могильные плиты утопали в цветах, еще сохранивших блестящую свежесть росы. Йохим шел наугад, не глядя по сторонам, стараясь утихомирить смятенный рой мыслей. Лишь сейчас он впервые задумался над тем, что почти чужой старик, навсегда ушедший сейчас из его жизни, был его родным дедом. Что же такое - родство? И что это вообще было такое - детство, неуклюжее отрочество?

Только раз Йохим поднял глаза, чтобы увидеть вертикально стоящее надгробье, будто нарочно преградившее ему дорогу. К полированному черному камню, светящемуся изнутри перламутровыми сине-лиловыми блестками, нежно прильнул куст, усыпанный мелкими желтыми розами. С фарфорового овалычика в центре плиты насмешливо смотрело то самое лицо, которое он бережно хранил в своей памяти. Только волнистые волосы строго зачесаны назад, к шее прильнуло кружево воротничка, а смеющийся рот почти сомкнут, стараясь скрыть великоватые передние зубы. "Юлия Шнайдер 5.05.1945 г. Попала под грузовик в сентябре 1958 года, катаясь на велосипеде".

Он замер, сжав ладоням виски, морщась, как от раны. Потом долго сидел на скамеечке рядом, унимая головокружение и тошноту. Наконец, мысли обрели ясную, текучую определенность, будто слезы. И в них прорывались острые всхлипы - боль несправедливого, не поддающегося осмыслению удара.

"Значит, ее давно уже не было на свете, она была здесь в темноте, и музыка из светящихся окон ее дома продолжала звучать, продолжал цвести только ей принадлежащий жасмин, радовалось и согревало землю солнце так преданно, так восторженно оглаживавшее когда-то это живое лицо..."

Йохим еще и еще раз перечитывал короткую надпись, будто пытаясь найти разгадку в чередовании цифр, понять смысл страшной ошибки или (о вдруг?) санкционированной кем-то свыше сознательной акции, погубившей обожеественную им драгоценность.

Впервые Йохим понял, что есть нечто беспощадное в своей слепоте, более могущественное, чем Красота. С этого момента он стал жить по-другому - с ощущением брошенного ему вызова...

3

Гимназия была для Йохима тем временем, когда ортопедическими усилиями коллективного воспитания и программного гимназического обучения удалось почти выправить не стандартную от рождения и достаточно пострадавшую от вмешательства ближних личность Йохима. В занятиях он не отличался ни особыми успехами, ни очевидной небрежностью. Ученик-середняк уделял им ровно столько времени, чтобы не раздражать учителей и оставить достаточно времени для собственных нужд. Он запоем перечитывал городскую библиотеку, отличая внимание тех авторов, кто умел почувствовать и запечатлеть присутствие прекрасного, гулял, созерцая природу по ближним окрестностям, отсиживался дождливыми вечерами в чердачной комнатке, принадлежавшей только ему.

В начальных классах он мало общался со сверстниками, имел лишь одного, раболепно ему преданного приятеля. У толстяка, вразвалку носившего на икс-образных ногах рыхлое, дрожащее под форменным сукном тело, были мягкие влажные ладонки и бисеринки пота на пуговке носа, зажатого румяными, сдобными щеками. Страдающий неутомимой страстью к съестному, захлебывающийся одышкой при разговоре или ходьбе, парень часто во время уроков портил воздух, испуганно оглядываясь по сторонам, за что и получил прозвище Пердикль. Подшутить над Пердиклем стало делом чести классных остряков. Его бутерброды, заботливо уложенные матерью в специальный, задергивающийся веревочкой холщовый мешочек, подменялись собачьими какашками, упакованными в нарядную бамбаньерку; на сидении парты, в то время, пока Пердикль потел у доски, подкладывались кнопки или наливалась вода. Печальный опыт ни чему не учил толстяка, в сотый раз не глядя рухнувшего на свое место и тут же с визгом вскакивающего, держась за зад под гогот всего класса.

Процесс обучения Пердикля выживанию в социуме сверстников не ладился. Вместе с чувством затравленности, он все больше привязывался к Йохиму, не принимавшему участия в издевательствах, а так же, в какой-то степени, разделявшим с ним репутацию физически отсталого ученика. Они часто оказывались на скамье штрафников на спортивно площадке, которую абонировали изначально, и толстяк даже сделал попытку занять пустующее место за партой рядом с молчаливым, замкнутым Йохимом. Но был решительно отстранен: привязанность потливого Пердикля тяготила Йохима. Эстет старавшегося разжечь в себе чувство сострадания к нелепому сотоварищу, но чаще всего над усердно взлелеянной жалостью торжествовало озлобленное отвращение.

Много лет спустя Йохим понял жестокую закономерность, заставлявшую сообщество юных и здоровых изводить вонючего толстяка. Страдавший врожденным пороком сердца, обжора умер, немного недотянув до выпускного класса. Он так и не усвоил за свою недолгую жизнь, что кроме еды, ниспосланной ему в качестве утешения, на этом свете есть еще что-то стоящее. Во всяком случае, понятие Добра, о котором твердил на уроках закона Божьего отец Бартоломей, воплотилось для него в образе теплой марципановой булочки с толстым слоем тающего сливочного масла.

Жестокость детей, мучавших толстяка, вдохновляла не злоба, а инстинктивное ощущение превосходства здоровой полноценности над ущербностью и безобразием. Желеобразный, брызгающий слюной Пердикль действовал совсем уж оскорбительно на эстетическое чувство Йохима, когда в классе появился новичок, сразу же ставший звездой школы, любимчиком преподавательского состава обоего пола и всех девочек от нескладех младшеклашек до женственных выпускниц.

Отец Даниила - немец по происхождению, занял место ведущего инженера на молочной ферме, перебравшись с женой-француженкой и сыном в фешенебельный район города. Тот, где над старинными домами с островерхими крышами вздымался позеленевший купол старинной кирхи. Несмотря на фамилию Штеллер и подлинную национальность, отца Дани называли "французом", рассказывая о нем немало игривых историй, чем он, скорее всего, был обязан лихо закрученным маленьким усикам и бледной немощи жены, пребывающей в постоянной, попахивающей анекдотом хвори. Глядя на упитанное лицо, лысоватый череп и брюшко г-на Штеллера, трудно было поверить как в приписываемые ему грешки, так и в столь блистательное отцовство.

Дани и впрямь был великолепен. Какие бы романтические герои не сходили в соответствии с литературной программой в классы гимназии, для подавляющего большинства учениц они приобретали облик Штеллер-Дюваля. Казалось, именно о нем писали Расин, Стендаль, Томас Манн и даже Ремарк, когда хотели изобразить нечто из ряда вон выходящее, вырывающееся из обыденности, всепокоряющее. Крошечное фото Дани, запечатленного во время баскетбольного матча, тайно тиражировалось и заняло почетное место в девических альбомах, конкурируя с недостижимыми героями экрана. Уже если бы поклонницы Дани подбирали ему подходящую семью, то в качестве старшего брата непременно был бы приглашен Жерар Филипп - фамильное сходство было очевидно. Вот только светло-русые, опущенные до плеч по скандальной моде 60-х, отличали Дани от кинозвезды, не только не умаляя достоинств всеобщего любимца, но давая ему фору. Достаточно было понаблюдать как Дюваль носился по баскетбольной площадке, вытягивался в броске у кольца, а светлая гривка металась вокруг его пылающего лица, чтобы навсегда сохранить этот образ в девичьем сердце.

Йохим был сражен и покорен новичком сразу, как только тот появился в классе, будучи представлен преподавателем географии с помощью указки, направленной прямо в грудь прибывшего, где на голубой футболке распластался пикассовский голубь мира. Класс рассматривал новичка в нависшей тишине, ведь обомлеть при виде Дани было невозможно. Его застиранные, потертые джинсы выглядели столь непривычно и шикарно, что всем, кто до сего момента щеголял заутюженными стрелками на шерстяных брюках, захотелось поджать ноги под парту. Ярко-голубые глаза в оправе смоляных девических ресниц, лучащиеся доброжелательностью и весельем, окинули класс. Секунду поколебавшись, Дани направился прямо к последней парте, где в гордом одиночестве ссутулился Йохим.

- Можно к тебе? - бросил он и, не дожидаясь ответа, сунул свой ранец в ящик.

С этого дня все и началось: Дани и Йохим стали неразлучны. Оказалось, что они жили почти рядом, и дом Штеллеров-Дювалей, почти всегда пустовавший (мать большую часть года лечилась на курортах Франции и Швейцарии, а отец возвращался после работы лишь вечером) превратили в постоянное прибежище друзей-заговорщиков. Да, заговорщиков, ибо их союз с самого начала основывался на тайном противостоянии всему обыденному, общепринятому, скучному. Эта пара многих удивляла, а Дани, внимание которого старались завоевать многие, казалось, и не замечал мезальянса, не понимал, что дружбу водят принц и вассал. А этого-то, как раз, между ними и не было. Незаметный, невыразительный Йохим будто ждал момента, чтобы широким жестом креста бросить к ногам достойного сотоварища накопленные им богатства.

В обществе Дани он был открыт, весел и остроумен. Он очень хотел нравиться Дани и несомненно нравился ему. Охотно открывая другу свои помыслы, мечты, весь, накопленный им в сосредоточенном уединении опыт мальчишеской души, Йохим как бы перевоплощался в обаятельного ясноглазого везунчика, заряжался его энергией и примеривал его шкуру, подталкивая к авантюрам, на которые в одиночку никогда не решился бы.

После рождественских каникул в школе появился новый учитель лепки и рисования - г-н Крюгер. Это был одинокий фанатик, неудавшийся Маттис, отдававший работе все свое время и нашедший в лице Дани и Йохима поддержку своим крылатым идеям. Дружья с головой ушли в подготовку выставки, где сюжеты из учебника истории должны были быть представлены разными видами изящных искусств. Под руководством учителя мальчики копали в овраге глину, строили печь для обжига, подготовив целый ряд фигур из средневековой истории. Особенно удался тевтонский рыцарь на коне в полном боевом облачении. Скульптура, хотя и снабженная проволочным каркасом, развалилась еще до обжига, что и спасло ее от окончательной гибели в огне. Куски были склеены, латы и вооружение изготовлены из тонкой жести, грива и хвост коня воспроизведены из натурального конского волоса.

Выставка прошла успешно, ее экспонаты - череп неандертальца, разбитые амфоры, глиняная утварь ацтеков и упомянутый уже рыцарь долго еще хранились в застекленных шкафах директорского кабинета. Они продолжали привлекать внимание младшеклассников и гостей гимназии, когда уже и учитель Крюгер и друзья-заговорщики, да и сама память о выставке давно покинули эти места.

Был и еще один случай, прославивший инициативную группу историко-изобразительного клуба.

К урокам истории Древнего мира решено было подготовить специальное действо. Ученики младших и средних классов, собранные в зале с затемненными окнами, увидели вначале цветные диапозитивы, изображавшие античные скульптуры, развалины Коллизея, виды Рима и бои гладиаторов. А затем в свете софита, направленного к лекторскому столу, взорам присутствующих предстало нечто необычное.

В торжественной тишине голос учителя Крюгера зловеще подвывая объявил, что сейчас на специально подготовленном макете, с соблюдением историко-географической точности будет воспроизведено извержение Везувия, послужившее причиной трагической гибели Помпей и Геркуланума.

Потянуло запахом серы, огромная конусообразная глиняная глыба, искусно уложенная камнями вверху у кратера и обсаженная веточками пихты, изображающими леса у подножия,

содрогнулась. Из кратера повалил густой едкий дым, что-то зашипело, заискрилось бенгальским огнем, глина треснула, посыпались камни и из расщелин побежала огненная лава. Затем внутри глыбы громко рвануло, но шумовой эффект потонул в шквале визга рванувшихся к дверям учеников.

Это был триумф Йохима и Дани, который не мог омрачить даже визит в кабинет директора и снижение оценки по поведению за срыв исторической лекции, а также попытку поджога гимназического помещения. Они стали любимыми героями младших учеников, робко выпрашивающих секреты вулканической деятельности у опытных извергателей. Но тема была засекречена - педагоги опасались инициативы последователей.

Проводя большую часть времени с Йохимом, Дани, однако, имел и свою, недоступную другу жизнь. Он успевал заполучать спортивные грамоты, участвовать в выступлениях школьного хора, совершать походы в Альпы и встречаться с наиболее привлекательными поклонницами. Он легко менял интересы, наклонности, настроения, как бы примеряя разные роли, и во всех амплуа выглядел отлично, ничем не увлекаясь всерьез. Йохим был надолго разлучен с другом, когда тот, абсолютно лишенный музыкального слуха, вдруг начал активно посещать занятия хора, готовившегося к вечеру памяти Шуберта. Предстоял показ концерта в соседних городах, а так же участие в телевизионной программе. Учитывая все это, никак нельзя было допустить, чтобы солист хора, обладавший чудесным звонким дискантом Робертино Лоретти, выглядел таким, как его создала небрежная природа. Курт был мал ростом, лопух и кос, так что казался постоянно гримасничающим и рассматривающим свою переносицу сразу с двух сторон. Прием, к которому прибегнул руководитель хора, был стар как мир. Курта подменил дублер, а несчастный сладкоголосый солист заливался соловьем, стоя прямо за спиной красавчика. Йохим был до слез тронут шубертовской серенадой, вдохновенно исполненной Дани, так прозрачно, так чисто взлетал ввысь чудный голос, а синие глаза лучились печалью: "Песнь моя летит с мольбою... Тихо в час ночной" запевал Дани и многоярусный хор, расположившийся позади него гулко выводил: "Ти-и-хо в ч-а--а-с ночной..." Это было дно из самых ярких впечатлений, полученных когда-либо от музыки Йохимом...

4

Йохим редко вспоминал о родителях, воспринимая их отсутствие как изначальную данность. Наличие молодых матерей и отцов у сверстников казалось ему даже чем-то странным. Случился и некий эпизод, надолго отбивший у юного Динстлера интерес к своему происхождению.

Корнелия не дружила со своей старшей сестрой, проживающей в Линце. В основе антипатии лежала какая-то давняя взаимная распря, в результате которой отношения сестер ограничивались ритуалом семейного протокола обменом поздравлениями по поводу праздников и юбилеев, настолько формально-слащавыми и однообразными, что не заподозрить иронического подтекста было просто невозможно. Лишь однажды дистанция была нарушена. Семидесятилетний юбилей преподобного Франциска, имел большой общественный резонанс в городе, так что в местной газете он был назван "светлым воином Духа, стоящим на страже Добродетели". На празднество из Линца была командирована кузина Йохима Изабелла.

Она оказалась 26-летней девицей того типа, для которого церковно-религиозные убеждения становятся подлинным смыслом жизни, предметом вдохновения и призвания.

Разница в десять лет не позволила Йохиму сблизиться с кузиной, маловероятно так же,

что они нашли бы общий язык, будучи сверстниками. Изабелла была подчеркнута внимательна к двоюродному брату, но не скрывала очевидного чувства превосходства, проявлявшегося в каждом ее слове. Как человек, знающий цену христианскому всепрощению и питающий отвращение к плотским слабостям, Изабелла росла в собственных глазах от сознания совершаемого духовного подвига - доброго общения с мальчиком, имевшим столь постыдное происхождение.

- Иза, скажи, ты когда-нибудь видела моих родителей? Кто они? осторожно подступил Йохим к запретной теме. Девушка многозначительно улыбнулась, давая понять, что уж она-то, конечно, знает, но будет молчать.

- Дети не несут ответственности за грехи родителей, - тоном смиренного всепрощения продекларировала она и смерила брата критическим взглядом. - Могу лишь заверить, что по крайней мере внешне, ты не похож на Луизу. Она была куколкой и не отличалась особой серьезностью. Да простит Господь падших...

Йохим понял, что дальнейшие расспросы безнадежны и что за его рождением скрыта какая-то постыдная тайна, к которой лучше не подступаться.

- У тебя вообще нет никакого фамильного сходства с нашим родом, констатировала Изабелла, окончательно отмежевавшись. Глянув на Изу, Йохим не мог не согласиться, хотя окружающие как раз находили, что они имели весьма много общего. Изабелла была не просто дурнушкой, а дурнушкой по призванию. Она никак не пыталась приукрасить себя, находя тайное удовлетворение в нарочитом отсутствии земной привлекательности, что, конечно же, подразумевало наличие в скорбном теле особого внутреннего превосходства. С первого взгляда на девицу, создавалось впечатление какой-то общей тусклости, запыленности. Казалось, что в люстре разом перегорела половина лампочек - так холодно смотрели ее глубоко посаженные глаза, так сухо обтягивала костяк блеклая кожа, имевшая землистый оттенок, сгущавшийся в глазницах и около рта. Именно эта вялая гамма и беспомощная лепка лица, сделанного наобум, без интереса к деталям, роднили ее с двоюродным братом. К тому же - замкнутость Йохима и отрешенность Изабеллы ставила их в тот разряд рода человеческого, добродетели которого начинаются с "не" - непривлекательных, неинтересных, незлых, неумных, не глупых никаких.

5

Летние каникулы 1956 года друзья провели в разлуке: Дани отправился с матерью к бабушке, имеющей небольшую усадьбу и собственное дело в курортном местечке французской Ривьеры. Оставшись один, Йохим вначале утратил всякий интерес к окружающему, а потом придумав себе дело. Во-первых, он начал вести дневник, в котором копил для друга свои наблюдения и размышления, в основном окрашенные разочарованием и тоской. Во-вторых, серьезно занялся французским, намереваясь потрясти Дани свободным потоком его родной речи. Дома с родителями Дани говорил по-французски, увлекая звучанием языка Йохима. Теперь, уже не уроки гимназической программы, а французский, как язык свободного общения, стоял на повестке дня немецкоязычного австрийца. Правда, Йохим знал звучание и даже мог произнести несколько фраз на словацком - с детства у него сидела в голове короткая молитва, нашептываемая над его кроватью Корнелией: "Свята Марья, матка Божия, про за нас грешних..." слышал мальчик сквозь горячечную дрему, ощущая на лбу желанную прохладу бабушкиной ладони.

Занятия языком шли не слишком успешно, зато в августе дневник Йохима растолстел за один день почти вдвое - это было описание вечернего Чуда на берегу, казалось

пробивавшегося даже сквозь листы бумаги золотистым сиянием заходящего солнца. Совершенство явилось ему с нитью алого шиповника на замусоленной нити! А значит... значит - Бог есть и имя ему Красота! С ощущением припасенного сюрприза Йохим подждал друга. Как только он увидел Дани, выскочившего из большого таксомотора, забитого багажом, то сразу понял жалкую тщетность своих усилий. Легко и просто, совсем не задаваясь этой целью Даниил переплюнул друга: он покинул город четырнадцатилетним прелестным, но достаточно инфантильным симпатягой-сорванцом, а вернулся возмужавшим юношей, исполненным особого, взрослого шарма. В июне Дани исполнилось пятнадцать, он вытянулся, сильно загорел, коротко остриг романтические кудри и накачал бицепсы, заметно игравшие под тонким трикотажем тенниски. Можно было сразу догадаться также, что этим летом он получил свой первый мужской опыт, расширил сферу спортивных достижений (освоил, как и намеревался, лаут-теннис и серфинг), а так же постиг азы светского общения (при встрече с Корнелией, Дюваль поцеловал ей руку и почтительно склонил голову).

Впрочем, друг оставался по-прежнему милым, внимательным, чутким и даже с интересом выслушал прозвучавший сумбурно рассказ стушевавшегося Йохима: в присутствии Дани с его новым авантюрным багажом впечатлений, вся эта возня с красотами девичьей головки и раздумьями о законах мироздания показалась ему сентиментальным подростковым бредом.

А в сентябре в гимназии было объявлено, что телестудия Линца ищет учеников старших классов для ведения новой юношеской программы. Будет проведен серьезный конкурс, в результате которого комиссия отберет достойных.

Все сразу поняли, что командирован на конкурс будет Дани. Йохим же не сомневался, что его друг победит.

- Они сразу сказали, что мои пробы прошли! Что меня "любит камера"! доложил, вернувшись героем, сияющий Дани. - Теперь, Ехи, у меня пойдет совсем другая жизнь. Нагрузка жуткая - репетиции, съемки, эфир...

Он даже весьма натурально вздохнул, искоса поглядывая на себя в зеркало. Йохим встретился глазами с отражением синеглазого любимца камеры и еще сильнее ссутулился, ощущая свое уродство.

В феврале Йохиму исполнилось пятнадцать. Он был не по возрасту высок, вернее - непомерно длинен и переживал это обстоятельство, не ведая, что немного опередил время, возглавив генерацию акселератов, которой предстояло в ближайшие годы значительно обогнать его жалкие 185 см. Пока же он был самым высоким в гимназии, всегда возвышаясь над другими, в то время как хотелось совсем обратного - свернуться, спрятаться, убрать с глаз долой эту вислоносую, ушастую голову.

Бледное, нетронутое загаром тело, извлеченное из спасительной кожуры одежд, выглядело нелепо и жалко. Плечи не так чтобы узкие, но опущенные вперед, выставляли напоказ круглую спину с оттопыренными лопатками. Руки с красноватыми крупными маслами на локтях и запястьях болтались чуть ли не до колен, а бедренные кости, хотя и анатомически обезжиренные, казались все же слишком громоздкими.

Все это тело, будто состряпанное бестолковым поденщиком впопыхах из отходов от работы более вдумчивых мастеров, вызывало ощущение, блеклости, вынуждающие посторонний взгляд поспешно убежать к более достойны объектам. Этот фанат физического совершенства был не просто некрасив - он изображал уродство и делал это талантливо.

Ссутуленная спина являлась печальным знаком капитуляции, крупная голова, втянута в плечи так, что взгляд, всегда направленный исподлобья, казался тяжелым, а на лоб постоянно падали пряди тонких, абсолютно прямых темных волос, не поддающихся никакому парикмахерскому воздействию. Чтобы ни делали эти руки и ноги, особенно в присутствии посторонних, они казались какими-то болезненно вывихнутыми, непослушными, так что приходилось опасаться за любую бьющуюся вещь, находящуюся поблизости.

Много позже Йохим узнает, что можно "сыграть" красоту так же, как можно изобразить достоинство, величие, власть, то есть можно заставить окружающих поверить в фикцию, блеф. Но тогда он не мог предположить, что никого не отвращает своим внешним видом, а сам великолепный Дани находит своего друга весьма симпатичным и даже любит его ловкими длинными пальцами, занятиями лепкой или рисованием, его ироничностью, придающей какой-то блеск изящества его неуклюжести, его свободной фантазией, заманивающей и подчиняющей.

"Йохим - собиратель красоты" - так прозвал Дани Йохима, пометив этим определением некий образ сказочного ученого, доброго андерсеновского чудака, не ведающего о своем могуществе.

Дани уехал в Линц - к занятиям в драматической школе и телевизионным успехам. Йохим осиротел. Он особенно остро почувствовал свою ненужность, потерянность и к выбору профессии не проявлял никакого интереса. Выпускные экзамены и планы на дальнейшее обучение, выстроенные для него стариками, он воспринял совершенно спокойно, так, будто наблюдал за всем со стороны. Ему было ничуть не стыдно, когда на экзамене по математике он перепутал какие-то простые и очевидные вещи и совсем не интересно выслушивать Корнелию, расписывающую ему преимущество профессии, заполучить которую он должен был стараться в течении ближайших шести-семи лет. Даже думать об этом было скучно и противно, ибо протекающая помимо Йохима-Готтлиба жизнь готовила ему явно неподходящее, как с чужого плеча поприще: все шло к тому, что "Йохим - собиратель красоты" должен стать врачом.

6

Ощущение того, что магистральная линия его судьбы затерялась в тумане и ему предстоит блуждать обходными тропками в темноте, без особой надежды выйти на главный, единственно верный путь, принесло Йохиму даже некоторое облечение. С него свалилась ответственность, окрылявшая, но и тяготившая душу, та навязанная идея реализации призвания, которая требует полной отдачи всех сил, максимальной собранности и постоянного контроля на собственное соответствие идеалу.

Само собой сложилось так, что в спектакле своей жизни он стал второстепенным лицом, предоставив сцену другим персонажам. Они думали за него, принимали решения, действовали, двигая кое-как вяло текущий сюжет. Корнелия отправила внука в Грац к сестре Полине, где юноша должен был оплатить свой гражданский долг на поприще *ziwiel dienst* - гражданской службы (ГС), заменяющей воинскую повинность.

Дочь Полины двадцативосьмилетняя Иза состояла в церковной общине "сестер Марии", опекающих дом престарелых. Окончив специальные курсы сиделок Иза проводила дни и ночи в курируемом приюте св. Прасковей, где преисполненная смирения и терпимости выхаживала беспомощных инвалидов, облегчая физические страдания немощных и покинутых, и подготавливая их души к переходу в иной мир.

В крохотном городке, состоящем из двух корпусов, проживало около сотни стариков различного возраста и степени износа. Часть наиболее дееспособных бодрячков организовывала различные клубы и кружки, занимавшиеся рукоделием, огородными работами, хоровыми спевками. Здесь даже случались короткие романы, ограниченные не мгновенностью чувств, а наступлением жизненного финала. Дом св.Прасковей был тем местом, где понятие "любовь до гроба" имело свое прямое значение, хотя и не превышало зачастую сроки мимолетного гимназического флирта.

Большая же часть обитателей Дома пребывала в затянувшейся усилиями святых сестер переходной стадии, так называемом местными циниками "полуупаковочном состоянии", занеся одну ногу в приделы иного, таинственного бытия.

Опекуном девяносто трехлетнего г-на Майера, находившегося уже несколько месяцев на границе жизни и смерти, оказался восемнадцатилетний длинновязый юноша Йохим Динстлер. Его можно было видеть возящим своего в кресле-каталке по аллеям парка в те дни, когда на дворе пригревало солнышко и голова г-на Майера "возвращалась на место". Но это бывало редко. Чаще всего, голова этого почтенного старца, занимавшего отдельный бокс с балконом где-то путешествовала, что врачи называли прогрессирующим склерозом с рецидивирующей амнизией.

Тогда Йохиму, облаченному в светло-салатовый халат с макаронообразными завязками на спине и резиновый фартук приходилось менять под стариком замаранную клеенку, обмывать мыльной губкой тщедушный, покрытый серой с морщенной кожей задик, тонкие, по-детски невесомые ноги с узлами синих, вздувшихся вен. Брезгливый от природы юноша очень страдал поначалу, содрогаясь от подступающей рвоты и упрекая себя за неумение абстрагироваться от происходящего, переключаясь, как советовали более опытные "на автомат". Потому он научился перебивать тягостные ощущения другими, еще более мучительными эмоциями, вызывая в памяти те минуты, которые заставляли его содрагаться от злости и отвращения к себе. Эпизоды неудавшегося актерства и особенно, декламаторские старания перед комиссией действовали на Йохима подобно нашатырному спирту.

Но и удручающие воспоминания и эмоции, вызываемые тошнотворными запахами рвоты и человеческих испражнений, подчинялись то му же закону, что и самые чудесные драгоценные впечатления - они выветривались, бледнели от прикосновения времени.

Когда голова г-на Майера "возвращалась на место", он вел себя вполне разумно в отношениях гигиены, приема пищи и на протяжении длительных бесед, которыми становился просто одержим после долгих странствий в подсознании. Его единственный постоянный собеседник, одновременно исполнявший роли исповедника и судьи высшей научной квалификации, должен был помочь г-ну Майеру перейти в мир иной с облегченной совестью и в ладу с самим собой. Восемнадцатилетнему Йохиму предоставлялась редкая возможность решить сложнейшую философскую проблему ответственности ученого перед человечеством и цивилизацией, определить допустимые соотношения нравственных норм и пределов научного познания на материале конкретного, предложенного его внимаю случая - случая "эффекта М", открытого молодым Майером более полувека назад.

Однако он ею не воспользовался, отложив для себя решение этих проблем на полтора десятилетия. Нынешний же санитар-служащий ГС не имел ни малейшей предрасположенности к подобным дискуссиям, приобретающим зачастую характер абсолютно маразматических мемуаров. Несмотря на минимальный интерес к откровениям доктора Майера, в воображении Йохима засели образы Бонни и Клайда - щенков добермана, превращенных молодым ученым в ходе удачного эксперимента в неких обезьяноподобных монстров, которых ему удалось выдать за детенышей вымершего вида человекообразных обезьян Эти уродки были очень привязаны к хозяину и временами разделяли с ним застолье, сидя на высоких детских стульчиках.

Впрочем, фантазии впадающего в безумие фанатика-биофизика вряд ли стоило принимать всерьез, как и его покаянные загадочные полупризнания о преступном сотрудничестве с нацистами, имевшими, якобы, самые серьезные исторические последствия.

Майер умер ранней весной, проведя в обществе Йохима последние восемь месяцев своей долгой, запутанной жизни. Он уходил в беспамятство, усмиренный сильнодействующим уколом, изредка всхлипывая в трубочку кислородного питания.

Комнату мягко освещал ночник, дежуривший на стуле у изголовья старца юноша дремал, утопив в колени "Духовные чте

ния". Земной срок Майера истекал в декорациях спокойного, почти домашнего уюта. В застывшей тишине, казалось слышался шелест песка в часах его жизни, тонкой струйкой убежавшего в вечность. С каждым коротким вздохом высохшего тела, последние песчинки покидали опустевший сосуд и вот уже последняя, на мгновение задержалась в тонком

перешейке, сожалея о чем-то недосказанном.

В эту же секунду, будто кем-то окликнутый, встрепенулся Йохим и остолбенел: с потемневшего лица умирающего на него смотрели умные, насмешливые, молодые глаза. Озарение внезапной догадки полыхнуло в сознании Йохима с безошибочностью ясновидения он ощутил, что между ними и покидающим мир старцем существует связь, более таинственная, могущественная и важная, чем это можно понять или объяснить кому-либо...

Через минуту в палате суетились врачи, зафиксировавшие смерть, а Йохим глотал микстуру с острым запахом ментола и валерьянки, слыша как позвякивают его зубы о край стакана - это была первая смерть, невидимкой прошедшая рядом.

7

Еще три долгих светлых месяца отслужил Динстлер в доме св. Прасковей, мучительно ощущал контраст между пробуждающейся природой и человеческим умиранием.

Сестра Иза упорно снабжала кузена духовной литературой, тайно ожидая проявлений его духовного преображения, но поводов для радости ее угрюмый подопечный не давал. Книги с назидательными историями из жизни великомучеников он толком и не читал, пробегая поверхностным взглядом: душу его они не трогали, а мысли блуждали далеко в стороне.

И все же этому странному существованию служащего ГС Динстлера пришел конец, пришел именно в тот момент, когда он с удивлением стал замечать, что привыкает и не томится больше запахами больничной кухни и немощных тел, не отводит глаза при виде ужасающего разрушения, производимого в человеке старостью, не содрогается от жестокого фарса праздничных торжеств, устраиваемых для обитателей Дома, с их прическами, нарядами, песнями. А эти улыбки 80-летних кокеток - тронутые помадой губы, старательно подвитые седенькие кудельки над просвечивающейся розовостью черепа... Эти глаза, еще живые, еще помнящие жизнь, еще так ее жаждущие, с постоянным поединком детского неведения, стремящегося позабыть об издевке разложения и всезнающей, все понимающей, но не готовой смириться мудрости... Эти смеющиеся лица людей, постоянно ожидающих финального звонка - Йохим никогда не сможет избавиться от них, хотя и постарается запрятать в самый отдаленный чулан памяти...

В июне 1960 года Йохим предстал перед теткой, имея удостоверение о завершении гражданской службы, деревянный ящик, набитый полуистлевшими бумагами почившего Майера, завещавшего юноше свое научное наследие, а так же повзрослевшую душу, заполненную ценным опытом. Именно благодаря этому опыту смирения и самоотречения он наше в себе силы начать с сентября процесс обучения на медицинском отделении университета.

Перспектива семилетнего проживания в доме тети под духовной опекой сестры Изы казалась Йохиму не более привлекательной, чем тюремное заключение. Поэтому он вздохнул с огромным облегчением, когда после первого семестра получил предложение одного из соучеников поселиться у них в доме. Дело в том, что Алекс Гинзбург, являвшийся единственным наследником преуспевающего предпринимателя-обувщика, владевшего фабрикой в Граце и несколькими филиалами в Европе, имел не больше склонности к медицине, чем сам Йохим, но абсолютно не обладал его умением создавать видимость достаточного прилежания. После сложнейшего зачета по гистологии, который Йохиму удалось сдать и за себя и за подставившего его добродушного олуха, случайно оказавшегося с

ним за одним столом, Алекс произвел простейшие расчеты. Полагаясь на первое впечатление, он решил, что замкнутый молчаливый провинциал, наверняка, потенциальный отличник, намеревающийся сделать врачебную карьеру, станет неплохой страховкой в предстоящем обучении. Йохим перебрался в большой дом Гинзбургов, где студентам был отведен целый этаж - с двумя спальнями, комнатой для отдыха с тренажером музыкальным центром, телевизором и специально подобранной библиотекой. Он знал, что расплачиваться за этот комфорт ему придется вдвойне - во-первых, постоянным присутствием не слишком симпатичного ему Алекса и, во-вторых, образовательными усилиями, достаточно напряженными. В отличие от своего недалекого сотоварища, он просчитался: общество Алекса, активно проводящего время в стороне от учебных залов, его не переутомляло, а вместо тягостного опекуинства Йохиму предстояло в совершенстве овладеть притягательным искусством вранья.

Зато Алекс почти угадал. Йохиму не оставалось ничего другого, как погрузиться в занятия, не по склонности, а инерцией непротivления к обязательству выдерживать имидж старательного студента перед семейством Алекса.

Ощущение того, что он проживает как бы в черновике, изобилующем ошибками и неточностями, какую-то чужую, малоинтересную и малообязывающую его к усилиям жизнь стало стилем существования Йохима: все кое-как, вяленько, без вдохновения и энтузиазма. "Где же ты, настоящее дело? тосковал Йохим. - Зачем я здесь? Кто я и зачем я вообще?" От Дани, поступившего в школу актерского мастерства

театра радио и телевидения в Париже, приходили огромные восторженные письма. Йохим поначалу попробовал излить душу в просторном послании к другу, изнемогая от жалости к самому себе и своей серой унылой жизни. Однако душераздирающие, натуралистические подробности быта приюта престарелых, посещений больниц и анатомички не произвели на Даниила должного впечатления. Чего, собственно, ожидал Йохим? Что друг примчится к нему на выручку, оставив все или заставит его бросить медицину, вытащит его сильными руками в свой чудесный мир? Втайне, боясь самому себе признаться в этом, Йохим ждал именно этого чуда. Но Дани исписывал листы, пространно объясняя другу, как благородное избранное им поприще, как прекрасно ощущать на себе белый халат врача - спасителя и защитника, как много еще ему сулит будущее и т.д. и т.п. Йохим замкнулся, свернув переписку к формальным коротким весточкам.

Он жил, работал, сдавал экзамены, писал курсовые работы с оттенком мазохистского удовлетворения. Прикладывая гигантские усилия к преодолению отвращения к медицине, Йохим и не подозревал, что какие-то вещи в этой области ему даются на удивление легко.

8

На четвертом году обучения группе студентов, наблюдавших за работой хирурга в больном стеклянном колпаке специально оборудованной операционной, полагалось принять участие в последующем обсуждении операции.

Часы уже сделали три полных круга и студенты, изрядно соскучившиеся на своем наблюдательному посту, успели обменяться впечатлениями по поводу главной задачи и стратегии ее осуществления оперирующим хирургом.

В тот день у стола стоял ассистент профессора Вернера, уже имевший хорошую репутацию. Сам же профессор, пробывший в операционной не более 30 минут, должен был провести учебный разбор.

Йохим с трудом переносивший подготовительные этапы трепанации черепа со

специфическим скрипом и хрустом дрелей и пилочек, вскрывающих кость, уже научился воспринимать подготовленное операционное поле в раме стерильного полотна как некую абстрактную игровую площадку, диктующую свои условия и правила их выполнения.

Огромная, постоянно увеличивающаяся гематома, возникшая у 55-летнего больного в результате черепно-мозговой травмы, угрожала важнейшим жизненным центрам мозга, что могло означать только одно - неизбежную смерть пострадавшего не приходя в сознание. Задача хирурга состояла в том, чтобы оценив динамику процесса, ликвидировать кровяной сгусток, давящий на ткани и перекрыть поврежденные сосуды, не лишив мозг нормального кровоснабжения. Многие здесь зависело от состояния сосудов, места и степени их повреждения, а также наличия и прогноза побочных явлений, невыявленных в ходе предварительного обследования. У каждого опытного хирурга имеется множество примет, зачастую на интуитивном уровне, помогающих мгновенно оценивать ситуацию, корректируя свои действия по ходу работы. Как охотник-таежник, ловящий в лесу тысячи ему одному понятных знаков, он движется по следу в верном направлении, заранее рассчитав место и время схватки со своей жертвой.

Профессор Вернер не отличался особой дотошностью в опросе студентов, было заметно, что преподавательская миссия его не слишком увлекает, уступая место более серьезным профессиональным заботам в успешно руководимой им на протяжении 12 лет собственной клинике.

Лет под пятьдесят, со всеми подобающими возрасту признаками усталости и физического износа, Вернер сразу же производил верное впечатление жесткого, сдержанного человека, приподнятого над окружающими загадочным даром Мастера.

Худое лицо нездорового сероватого колера с зоркими маленькими глазами, отягощенными отечными мешками у нижних век, обратилось к Йохиму:

-Чтобы вы могли отметить, студент Динстлер?

-Практически ... ничего, - с трудом выдавил Йохим,

неожиданно оторванный от анализа внешности профессора требовательным высоким голом. - Только... - продолжал он, оставив бесконечное, интригующее многоточие, нависшее над паузой, и вдруг решительно продолжил: -Я думаю, что при данном диагнозе, проведенная коррекция была необходима, но более чем достаточна. Склерозированность сосудов, подтолкнувшая хирурга на меры крайней предосторожности, не показалась мне столь угрожающей...

Йохим говорил торопливо и подробно, анализируя основные этапы операции, как-будто уговаривал себя признать ее успешной и тут же приводя контрдоводы. Студенты притихли, профессор прищурившись и сжав губы с любопытством смотрел на него. "Благодарю Вас" - коротко прокомментировал он пространное выступление студента.

Йохиму было невыносимо стыдно за свое внезапное откровение. Он и сам не понимал, что подтолкнуло его на столь дерзкий шаг, возможно заговор коллег, промолчавших о самом главном, показавшемся Йохиму откровенным промахом хирурга. И вот теперь он, пренебрегая профессиональной этикой и здравым смыслом учащегося, влез со своей наивной критикой, поставив всех в неловкое положение.

Как всегда Йохим преувеличивал масштабы своего конфуза: коллеги-студенты мало чего поняли из его выступления, а вот Вернер был озадачен - в сбивчивом и малопрофессиональном объяснении долговязого парня драгоценным блеском сверкали отдельные наблюдения и выводы. В ходе операции малоопытный студент подметил именно

то, что мог заметить только он сам знаменитость, виртуоз, светило.

Через год, отбирая группу стажеров для хирургической практики, Вернер вспомнил о Динстлере, запросив на него характеристику у руководителя курса. Отзыв был не лестным - студент не блистал способностями, не проявлял активности и склонности к хирургической деятельности. И все-таки Вернер рискнул.

Несколько месяцев Йохим, проходивший обучение в разных подразделениях клиники, ничем не обращал на себя внимания медперсонала. Во время ночных дежурств в отделении экстренной хирургии он старательно выполнял распоряжения главного врача, успевая даже вздремнуть в ординаторской. Но в ночь на 15 ноября все с самого начала пошло наперекосяк. Дежурный врач, живущий в пригороде, застрял на шоссе, где в огромной пробке, вызванной небывалым снегопадом скопились сотни машин. Несколько автомобилей, находящихся в самом эпицентре аварии были основательно размяты и, завывая сиренами, к месту происшествия съезжалась полиция и медицинская помощь. Беснование снежного бурана фантастической синевой заливал свет вертящихся мигалок

так, что пятна крови казались черными, а телерепортер в наброшенном капюшоне с небольшой камерой на плече смахивал на приведение.

С этого злополучного места и начали поступать после полуночи раненные. Обе операционные были полностью подготовлены к работе, собран по тревоге необходимый медперсонал, среди которого оказался Йохим. Он подключал шланг к аппарату искусственного дыхания, когда в распахнувшиеся двойные двери санитары бегом вкатили тележку, тело пострадавшего было уложено на операционный стол. Одного взгляда на кровавое месиво, когда-то бывшее головой оказалось достаточным, чтобы Йохим почувствовал слабость в коленях и подступившую тошноту. Он успел увидеть кусок челюсти с зубами на одном из которых сверкала золотая коронка. Самое страшное было в том, что кусок этот висел совершенно отдельно, на том месте, где должен находиться подбородок, - но не находился...

Сквозь туман Йохим слышал как его окликнула сестра, подавая какой-то шнур, как скрипели дрели, что-то капало и булькало, как коротко и четко звучали команды хирурга. Боясь попасть взглядом в освещенный круг, где творилось нечто ужасное, Йохим устался поверх склоненных голов в окно, но тот его темный, не покрашенный белой краской верхний квадрат, в котором плясали, скользя по стеклу сумасшедшие снежные хлопья.

Когда он, наконец, нашел в себе силы приблизиться к столу, операция уже шла полным ходом. В рамке из окровавленных бинтов, салфеток, тампонов, сверкая торчащими металлическими зажимами было разложено то, что совсем еще недавно составляло человеческое лицо. Йохим решительно отогнал мысли, уже вцепившиеся в него вопросами - кто это? каким лезвием он сегодня брил, весело насвистывая, свой подбородок? кого чмокнули на прощание губы, навсегда сгинувшие? "Не сметь!" - скомандовал он себе. - "Заткнись сейчас же, размазня, кретин, Бельмондо фигов. Работай, ублюдок!" Подстегивая себя злостью и натужно выпучив глаза, стремящиеся зажмуриться, Йохим смотрел на сочно алеющую жутким цветком сцену хирургически действий. Руки в тонких окровавленных перчатках, поблескивая инструментами что-то с усилием делали в глубине раны, деловито щелкал металл и через некоторое время Йохим поймал себя на том, что полностью ушел в происходящее, увлеченно следя за умной красивой работой рук. Как всякие действия, производимые маэстро с подвластным ему материалом - струнами скрипки, комьями глины, красками и холстом, работа хирурга казалась Йохиму очень спорой и простой. Ощущение

невероятной сложности задачи и легкости ее исполнения вызывали в нем то особое чувство, которое пробуждает в человеке приобщение к подлинному искусству - чувство гордости, радости, силы. С захватывающей увлеченностью следил Йохим за ходом этого сражения, ставкой которого была человеческая жизнь. Позиции "фигур" на игровом поле открывали ему свою скрытую значимость, он предвидел последующие ходы, но не имел представления о путях их реализации. Смысл движений рук хирурга открывался перед ним по ходу "игры", принося радость понимания: "Ага, вот оно как, значит, происходит".

И не подозревая за собой какой-то исключительности, Йохим обладал особым даром - сложный механизм организации живой материи был для него открытым миром, законы которого он знал изначально. То, что другим открывалось в результате кропотливых длительных усилий ума и воли, этому парню дано было природой.

...Когда операционная, наконец, опустела и шатающийся от усталости Вернер вышел из дверей больницы, время уже двигалось к полудню - он простоял на ногах около 10 часов. Метель давно кончилась и рыхлые снежные подушки, завалившие деревья и крыши, истекали потоками талой воды. Вернер задержался на ступенях, слыша как за спиной хлопнула дверь, мгновенно разделив наэлектризованную проблемами клинику и его, с честью выдержавшего ответственность, свободного, подставившего постаревшее лицо под прохладную, пахнущую скошенной травой, капель.

-Прошу прощения, профессор. Стажер Динстлер. Я видел сегодня вашу работу - это было удивительно. Пожалуйста, ответьте на один вопрос...

И прежде чем Вернер успел что-либо возразить, он услышал то, что заставило его пристально посмотреть в лицо говорящего. Сегодня, сам не зная почему, подначиваемый какой-то загадочной силой, он поступил вопреки всякой профессиональной логике, он рискнул - и выиграл! Эта мысль, настойчивым звоночком дребезжащая в его усталой головне, пробивалась сквозь изоляционный слой усталости. И вот она, четко сформулированная, была высказана вслух посторонним человеком.

-Почему, почему вы рискнули, профессор? Что подсказало вам это... Ведь я поступил бы так же...

Вернер удивленно рассматривал студента что-то припоминая.

-Простите, я еле держусь на ногах. Жду вас завтра в десять утра. Тогда и поговорим. - Бросил Вернер уже направляясь к своей машине.

...Через час после горячей ванны с хвойным экстрактом и чашки крепкого бульона, Вернер, закутавшись в мягкий халат, лежал на диване в гостиной своего дома. На телевизионном экране мелькали сообщения о трагических происшествиях прошедшей ночи, у ног профессора сидела молодая женщина, умело массируя ноющие голени.

-Ты знаешь, милая, сегодня у меня был удивительный случай. Нет, нет, не на столе - об этом потом. Один парень, ассистент с университетской кафедры. Удивительно. У него какой-то особый нюх в наших делах - он просто знает откуда что растет...

- Как его имя? - Ванда тихонько поднялась и укутала засыпающего профессора пледом.

ЧАСТЬ III. ВАНДА

1

Мужчины считали ее яркой и привлекательной, а женщины - вульгарной и наглой. Возможно тайно завидуя той напористой силе, с которой пробивала себе дорогу двадцатипятилетняя Ванда Леденц.

Дочка мелкого, не слишком удачливого фермера из небогатой австрийской провинции,

Ванда с детства была убеждена, что аист, разносивший малюток, ошибся адресом. Белорозовая кружевная колыбелька где-то в роскошной детской богатого особняка, по праву принадлежавшая ей, была занята по оплошности глупой птицы какой-нибудь бестолковой плаксой, а она - бойкая, смышленная, кокетливая "наследная принцесса", оказалась третьим ребенком большой, суматошной, вечно бедствующей семьи. Ей предстояло исправить ошибку - вырваться из этого дома, пропахшего тушеной капустой, из этого провинциального мирка, где самым большим событием были праздничные церковные службы и воскресные ярмарки в соседнем городке, из предательски подsunутой ей третьесортной судьбы, ограниченной детьми и кухней, копеечной экономией и жалкими редкими радостями - рождественским гусем, новым шерстяным жакетом ко дню рождения или ярким почтовым ящиком у крыльца.

Ванда - школьница с упоением погружалась в иллюстрированные журналы, пристально изучая светскую хронику, следила за ходом сезонных увеселений сильных мира сего, новостями балов, кинофестивалей, изучала рекламы модных курортов, рейтинг фешенебельных отелей, ресторанов, салонов мод. Она знала, как одеваются, что едят и пьют в ее настоящей жизни и с мужественным стоицизмом донашивала одежду старшей сестры, доедала кашку младших, выполняла тяжелую работу по хозяйству, в котором было и кукурузное поле, и скотина, и старый абрикосовый сад. Ванда не жаловалась и почти не умела плакать - она знала, что вырвется, наверстает, что утрет нос всем, подкатив однажды в белом "роллс-ройсе" к этому облезлому дому.

Из пятерых детей Леденцев Ванда и впрямь была самая толковая. В гимназии она успевала лучше других, помогала матери, а также успевала заработать свои маленькие деньги, бегая два раза в неделю рано поутру вымывать аптеку на станции, принадлежавшую ее двоюродному дяде.

Ванде нравился запах трав и ментола, пропитавший высокие шкафы старого темного дерева, ряды всевозможных пузырьков, снабженных языками бумажных этикеток с латинскими словами, и особенно - три огромных прозрачных стеклянных шара, выставленных в витрине. В центральном плавали, извиваясь, живые пиявки, а два других, до половины наполняли лакричные леденцы мазутного цвета - от простуды и кашля.

Хорошие результаты в школьных занятиях, симпатия учительницы биологии, считавшей девочку, аккуратно перемивавшую за весь класс пробирки после занятий, прирожденным химиком и аптечные впечатления подтолкнули Ванду к нужной дорожке. После окончания гимназии она добилась одобрения семьи в принятом ею решении - получить профессию фармацевта в университете города Граца. Впрочем, тяга к образованию, сильно наигранная, была для Ванды предлогом перебраться в большой город, в другую среду, из которой, при необходимых усилиях, откроется для нее дверь в иную жизнь.

2

Целеустремленность Ванды давала ей огромное преимущество перед теми кто неторопливо плыл по течению образовательного процесса или торопился собрать плоды самостоятельной жизни. Попав в Университет, она немедля приступила к выполнению намеченной программы, первым пунктом в которой являлось завоевание симпатий со стороны нужных (т.е. имевших вес в медицинском мире) преподавателей, вторым - внедрение в круги "золотой молодежи", формировавшиеся, в основном, по принципу социальной принадлежности, а потому для бедной провинциалки закрытые.

Осуществить первое условие оказалось вовсе несложно. Понять, кто из университетской

профессуры имеет наибольшее влияние было нетрудно, а усидчивость и внимание на лекциях скромной девушки с преданным взглядом, не могло остаться незамеченным. Эта студентка, хотя звезд с неба и не хватала, столь серьезно относилась к требованиям преподавателей, что не отметить ее отличными оценками и рекомендациями было просто невозможно. Ванду, всегда сидевшую в первых рядах, заметили и опекали из года в год университетские светила, так что к окончанию учебы она уже имела выгодные предложения и на врачебную практику и на последующую специализацию в разных областях.

Второе - а именно выход в иную социальную среду, осуществить оказалось труднее. Ванда старалась подружиться с девушками, составлявшими особый замкнутый кружок. Это были представительницы состоятельных семей всем своим видом показывающие пренебрежение к ученому процессу и демонстрирующие утомленность бурной светской жизнью. Оказаться на утренних занятиях с томными синяками под глазами считалось особой доблестью, дорогие модные вещи носились небрежно, а автомобили с незапертыми дверцами бросались где попало - штрафными санкциями здесь явно пренебрегали.

Ванда представляла собой враждебный этим "золотым девочкам" тип выскочка - "парвеню", потеющая над конспектами в своей нейлоновой блузке, не имеющая за спиной ни приключений, стоящих внимания, ни семьи, способной оплатить капризы, ни видов на будущее. Ее просто не замечали, а при случае ядовито подсмеивались. И все же Ванда не теряла надежду, стараясь оказаться поближе с небрежной томной Мици, учившейся с ней в одной группе. Чем занимался Мицин папаша никто толком не знал, но огромный дом, в модном предместье и сверкающий БМВ с шофером, доставлявший сонную крошку прямо к университету, производили впечатление. Вялая Мици не тратила сил на общение с кем попало, имея близких наперсниц из своего круга, откуда уже и просачивались слухи о ее сногшибательных романах то с известным автомобильным гонщиком, то с телевизионным журналистом. В доме Мици частенько собиралась молодежь, устраивая вечеринки с фейерверками и коктейлями в бассейне, с пикантными последствиями, о которых, сильно привирая, и шушукались местные сплетницы.

Ванда преданно следила за каждым движением Мици, стараясь не упустить ни одной детали. Вот она появилась в дверях аудитории (лекция уже началась, но все головы повернулись к вошедшей), пару секунд постояла, любуясь произведенным эффектом, кротко извинилась за опоздание и не спеша направилась по проходу. "Это уже не первое опоздание, я ставлю вам на вид неся вслед голос профессора. Но не он делает сейчас погоду. Тонкое шерстяное джерси цвета беж туго обтягивало круглый, компактный задик, щедро выставляя на обозрение кружевные белые колготки; белый же пушистый свитерок с большим, небрежно отвисшим воротом, подчеркивал удлиненный торс, прямые светлые волосы - "солома" разбросаны по плечам - поистине небесное создание, сама женственность и соблазн - двигалось между рядов.

Бросив сумку-портфель из мягкой натуральной кожи прямо на конспекты Ванды, "небесное создание" устроилось рядом и утомленно вздохнуло, выставив из-под стола длинные ноги. Профессор Дитц уже рассказал про строение черепа. Хочешь посмотреть мою запись? - Ванда пододвинула Мици аккуратный конспект. Та закрыла предложенную ей тетрадь и с видом крайней терпимости к плебейскому идиотизму, устала в пространство.

Лекция, идущая без перерыва, перевалила уже на второй час, когда Мици, пребывавшая в отвлеченной полудреме, слегка толкнула локтем свою соседку:

- Послушай, - шепнула она, - Мне надо незаметно уйти. Ты сейчас возьмешь мою сумку и выйдешь. Будешь ждать меня у машины.

Ванда вспыхнула от радости - Мици попросила ее о помощи! Вот он долгожданный случай. Стараясь быть небрежной, она зажала под мышкой чужую сумку и демонстративно направилась к двери прямо под носом удивленного Дитца. Найти машину Мици не составляло труда. Ванда с хозяйским видом расхаживала у автомобиля, воображая, с каким любопытством поглядывают на нее сейчас проходящие мимо и предвкушая дальнейшее развитие завязавшихся с Мици отношений.

Мици появилась минут через двадцать, подхватила из рук Ванды свою сумку и и уселась в автомобиль.

- Пока, киска, - небрежно бросила она, захлопывая дверцу. Ванда долго смотрела вслед удалявшемуся автомобилю, пытаясь понять, почему ускользнул из ее рук столь удачный шанс.

Вскоре Ванда, подмечая красноречивые взгляды, брошенные ей вслед и знаки внимания со стороны молодых людей, поняла, что ставку надо делать на мужчин. Здесь ее недостатки - незавидное происхождение, провинциальность и бедность - не имели такого значения, в то время как женские достоинства, если и не давала преимущества перед заносчивой Мици и ее подружками, то и не слишком им уступали. А уже кое в чем Ванда, наверняка, может дать им фору.

Три года городской жизни и университетского общения Ванда использовала с максимальной пользой, неустанно работая над собой. Наконец она нашла тот стиль, который при имеющихся данных создавал образ девушки жизнерадостной, открытой, соблазнительной от природы, по своей яркой женственной сути, но вопреки врожденной скромности и простоте, Ванда не считала себя красавицей, но интуитивно подозревала, что не уступит в искусстве завоевания мужского внимания любой длинноногой "львице" пресыщенной, перекормленной с пеленок питомице "хорошей детской".

У нее была приличная фигурка, довольно приземистая, лишенная тонкокостного изящества, но складная. Коротковатые ноги с крепкими икрами и прочными жилистыми щиколотками хорошо смотрелись в модных лодочках на высоких "шпильках", которые Внда без труда носила с утра до вечера. Широкие, мускулистые плечи могли бы принадлежать юноше, зато летом обнаженные и загорелые, они заманчиво выступали из-под бретелек сарафана. Лицо девушки можно было признать пикантным или неприятным в зависимости от преобразовательных усилий, потраченных на него. Утром в зеркале Ванда видела короткий, толстоватый, будто забитый ватными тампонами нос, не привлекающие особой выразительностью или величиной голубые широко посаженные глаза и тот неудачный овал лица, который уже к восемнадцати годам обещает отяжелеть и обзавестись двойным подбородком, а к двадцати пяти - напоминать о пятидесяти. Но губы были пухлыми и яркими, кожа, хоть и обладающая тусклым сероватым оттенком, быстро загорала и не страдала изъязнениями, а волосы, довольно редкие - легко поддавались укладке.

Конечно, можно было бы махнув рукой на свою непривлекательность, заняться развитием иных достоинств, как поступали многие, имеющие даже более выгодные исходные данные. Ванда часто приглядывалась к блеклому лицу и расслабленной походке какой-нибудь дурнушки-нескладехи, напялившей огромный растянутый свитер и плоские тяжелые туфли, прикидывала, что можно было бы получить из этого материала после ряда вдумчивых усилий - и оставалась довольна собой. Уж она то "выжила" из своего лица и

фигуры все, что было возможно.

Ванда не совершила главной ошибки, подстерегавшей девушек ее плана она не стала копировать светский стиль и утонченность или тянуться за богатыми модницами в приобретении дорогого гардероба, что было бы смешно и нелепо. Она пошла другим путем - оставила свою природную индивидуальность, выгодно откорректировав ее: простушка, но не дурнопахнущая деревенщина, кокетливая, но не легкодоступная, одетая недорого, но нарядно и броско в смесь фольклора и поп-стиля, яркого, всем понятного.

Преображенная Ванда напоминала фруктовую эссенцию химического происхождения, передающую яркий вкус ягоды, но еще более крепкий, ядреный, чем в натуре, и более соблазнительный, во всяком случае, для не слишком утонченного большинства.

3

Устроившись ночной сиделкой в университетской клинике, Ванда все свои заработки вкладывала в редкие, тщательно продуманные покупки, не хватая что попало: минимум, но хорошей дорогой косметики, минимум не случайных шмоток, образующих в комбинациях довольно разнообразный гардероб, и, одна, но хорошая пара туфель. На лекциях "нужных" педагогов, в первом ряду сидела студентка в неизменной белой блузке-гольф с высоким воротником. Она знала, что должна примелькаться, запомниться и старалась выдержать имидж "синего чулка". В других же обстоятельствах Ванда предпочитала яркие блузки, короткие или "фольклорные" юбки, пластмассовые клипсы, длинные пестрые бусы и браслеты - приметы дешевого и модного молодежного стиля. Но главным предметом ее забот было, конечно, лицо, которое надо было тщательно "делать". Ванда тратила много времени на обязательный обильный макияж, даже если для этого приходилось вставать затемно, но никто ни при каких обстоятельствах - ни во время ночных дежурств, ни в плохую погоду или в дурном настроении не видел ее без густо подведенных синевой глаз, удлинненных тушью ресниц и будто выющейся с постоянной помощью бигуди рыжеватой шевелюры.

Привычный облик Ванды запечатлелся у окружающих так прочно, что казалось и голубизна век и милые кудряшки и деревенская свежесть щек - даны ей от природы. Это же постоянство имиджа, упорство работы над собой, составившей Ванде репутацию "хорошенькой дворняжки", помогло притормозить наступление возрастных перемен. На подступах к сорокалетию Ванда вполне могла сойти за двадцатилетнюю. Подвижность, улыбчивость, обнаженные коленки, веснушки на тупом носике привлекали внимание мальчишек и зрелых мужчин. Но в этом вопросе у Ванды были свои жесткие принципы, правда, старательно скрываемая под маской природной сексапильности.

Первые сексуальные опыты со сверстниками-студентами, предпринятые Вандой скорее из необходимости самообразования и любопытства чем по велению плоти, дали ей возможность сделать два немаловажных открытия: во-первых, она поняла, что секс никогда не станет играть главную, всеподчиняющую роль в ее жизни, второе - что в умелых руках он является мощным рычагом воздействия на процесс преуспеяния.

А чуть позже, во время летних каникул перед третьим курсом, для Ванды прояснилось и еще одно обстоятельство. Она поняла, что женский интерес в ней пробуждают лишь зрелые мужчины. Возможно, сидящие виски и опытный взгляд были неразделимы в сознании целеустремленной девушки с понятием карьеры, достатка, но именно тип преуспевающего солидного мужчины стал в ее поисках объектом № 1. Поэтому когда, выписываясь из клиники после длительного лечения с двойным переломом бедра, г-н Шерер оставил ей

свою визитную карточку и долго смотрел в глаза, задержав руку девушки в своих тяжелых ладонях, Ванда возликовала. Отрабатывая ночные дежурства в отделении травматологии, она старалась почаще заглянуть в палату, где лежал на вытяжках крупный, лысеющий мужчина лет 45-и. Поправляя трубочки и шланги возле его кровати, она поднималась на цыпочки, высоко задирая руки и белый халатик послушно скользил вверх, открывая заинтересованному взгляду большие круглые, обтянутые безупречными колготками колени. А когда г-н Шерер начал подниматься и учиться ходить на костыле, как нежно опирались его руки на стан помогавшей санитарочки, как чудно благоухал его дорогой парфюм. Короче говоря, уже в клинике между Вандой и ее подопечным завязалось нечто, дающее надежду на дальнейшее развитие. И когда прощаясь, он попросил "своего ангела-хранителя" не исчезать, она, выждав пару дней, позвонила дабы осведомиться о здоровье. И оказалась как раз кстати. Г-н Шерер - финансовый директор филиала большого европейского концерна отправлялся на долечивание в Швейцарию и очень нуждался в помощи опытной сиделки.

Ванда провела с Вольфом Шерером две чудных недели в первоклассном отеле на берегу лесного озера. Он оказался весел, щедр, купив девушке целый курортный гардероб, прогуливая ее по лучшим ресторанам и дансингам. О будущем и прошлом не говорили, но было очевидно, что Вольф все больше привязывается к своей юной "сиделке". Срок истекал и был заказан прощальный ужин в шикарном ресторане. Вольф, пребывавший в приподнятом духе, счастливо улыбался, когда Ванда примеривала его подарок - изящное кольцо-змеяку с крошечными бриллиантами вместо глаз.

Да и ей самой не верилось, что нарядный затемненный зал в стиле "конца прошлого века" с фонтанчиком, стеклянным потолком-фонарем, малиновыми бархатными драпировками и огромными пальмами в ампирных керамических вазонах, солидный господин, требовательно делающий заказ похожему на опереточного графа официанту - совсем скоро станут привычными атрибутами ее нового мира, мира, принадлежащего ей по праву. Вечер близился к концу, оркестр перешел к томным танго, и уже за десертом, подняв бокал шампанского "За тебя, Ванда" - Вольф протянул ей большой продолговатый конверт. Ванда ждала предложения, меняющего ее судьбу, но не авиабилета до Граца, возвращавшего ее на место. Сам же Вольф летел на Богамы, где уже месяц ждала его жена с двумя сыновьями.

Карточный домик рассыпался. И как же не легко было начинать все заново - наигрывать беззаботность и удовлетворение жизнью, держать себя в форме, снова прикидывать, просчитывать, добиваться. Ванда, ожесточенная полученным уроком и еще более раззадоренная неудачей, заняла боевую позицию.

4

Однажды ясным сентябрьским вечером, когда ведущая к лечебному корпусу клиники аллея каштанов расслабилась после дневного жара в прохладной свежей голубизне, профессор Вернер, едва выехав за ворота, притормозил возле голосующей на тротуаре девушки. Узкое трикотажное платьице в широких оранжево-бело-синих полосах, вздернутое ее поднятой рукой значительно выше загорелых коленок, привлекло внимание уставшего и привычно погруженного в свои думы профессора. Увидев, что машина останавливается, девушка заторопилась к ней, слегка прихрамывая на левую ногу, так что высокий каблук-шпилька, казалось, вот-вот подломится. Вернер распахнул дверцу и ее губы, слегка тронутые помадой, быстро залепетали у его виска:

- Простите, профессор, студентка третьего курса Ванда Леденц. Я только что

подвернула ногу. На Гартенштрассе меня ждет больной. ... Я знаю, что Вы..., Не будете ли так любезны.... -- Садитесь, - предложил Вернер, удивляясь, что вместо раздражения от неожиданной спутницы и задержки, отодвигавшей момент вожделенного отдыха, почувствовал слабый, бодрящий импульс. Видимо, в этот цветущий по-летнему праздничный вечер ему не очень-то хотелось оказаться одному в своем большом, всегда содержавшемся в стерильной чистоте усилиями приходящей работницы доме. К тому же улица, названная девушкой, находилась совсем рядом с его домом, да и больная нога студентки обязывала врача... "Ах, что церемонии! - Вернеру не хотелось заниматься самоанализом. - Подумаешь - пустяк!"

Они направлялись к загородному шоссе, пересекая тихие, готовящиеся к ужину райончики с уютными коттеджами, зелеными лужайками и оживленными детской возней скверами. Девушка что-то объясняла извиняющимся голосом, безуспешно пытаясь натянуть на колени подол узкого платья. Вернер понял лишь что она остановила его по крайней необходимости, которой очень смущена, а так же крайне тронута его любезностью. Он видел в зеркальце простодушное, открытое лицо под копной пушистых, слегка отливающих медью, волос, по-детски припухший тупой носик, слышал, как гремят ее подобранные в цвет платья пластмассовые браслеты, падая к запястью, когда она наклонялась, чтобы растереть ушибленную лодыжку, ощущал слабый запах духов и начинал понимать, что ему очень не хочется высаживать свою незваную спутницу.

- Я очень благодарна Вам, профессор, - мило улыбнулась сказала Ванда, уже стоя на дорожке возле необходимого ей дома. Вернер с секунду наблюдал, как удаляются по гравию, изредка подкашиваясь, тонкие каблучки, профессионально отмечая напряжение икроножных мышц. И вовсе не собираясь делать этого, а повинувшись какому-то стихийному импульсу, он вдруг окликнул удалявшуюся девушку:

- Фролейн Ванда, если у вас не долгий визит... Я думаю с вашей травмой... не стоит... Я мог бы подождать Вас...

Вернер чувствовал, что какая-то сила несла его помимо воли и не хотел сопротивляться ей - искушение казалось ему не серьезным. Этот жесткий человек, считавший, что никогда не теряет голову и не поддается эмоциям, недооценил ситуацию.

Людвиг Вернер вдовствовал уже более пятнадцати лет, существуя в самодостаточном одиночестве и растрачивая все силы души и тела в возглавляемой клинике. Коллеги Вернера женского пола, обнадеженные поначалу его завидным холостяцким положением и веским именем, делали более или менее активные попытки покончить с одиночеством шефа, вскоре признавали поражение - сдержанность Вернера противостояла самым активным домогательствам. Правда, дело было не только в исключительной силе воли, как думалось самому Вернеру, просто чувства этого с головой ушедшего в свое дело мужа, долгое время контролируемые и подвергаемые жесткой муштре, не отличались бурными взлетами. Редкие встречи с постоянной "дамой сердца для головы", как она себя называла, намекая на рациональность их связи, были для обоих скорее привычным ритуалом, нарушать который не хотелось из какой-то суеверной боязни, чем сердечной привязанности. РазЛукка означала бы признание подступавшей старости, холодности души и торжествующего эгоцентризма.

Ванда старательно подготовилась к нападению, собрав исчерпывающую информацию и рассчитала все: и версию с заболеванием племянника, якобы соседствующим в Вернером, и травму ноги, и свой образ наивной милашки-простушки, в котором и выступила в тот решающий вечер. Она выбрала платье достаточно яркое и сексапильное, чтобы привлечь

равнодушный взгляд усталого мужчины и достаточно юношески-небрежное, чтобы не показаться искусственной и легкомысленной искательницей приключений. Она почти отказалась от привычной дозы косметики, придав своему лицу свежесть и обаяние милой некрасивости: тон загара с легким природным румянцем фирмы "Max Faktor", удлиненные без перебора тушью ресницы и слегка очерченные губы - все это должно было выглядеть вполне натурально, разве что - чуть-чуть лучше. Мягкие кудряшки были небрежно взбиты таким образом, что не разберешь - что больше в ее прическе - умения или небрежности. Ванда знала, что запах хороших духов производит сильное действие даже на тех, кто искренне считает себя полным невеждой в парфюмерии или даже ее противником. Ненавязчиво-вкрадчивый он действует исподтишка, создавая ауру смутных ассоциаций, намеков - то ощущение чувственного комфорта, которое фиксирует подсознание.

Словом, Ванда, караулящая "оппель" Вернера в уединенном и живописном месте больничного парка, была именно такой, какой ее создала бы природа, не пожалей она затратить еще немного дополнительных творческих усилий на свою, не слишком избалованную вниманием "поточную продукцию".

Когда она тем вечером прощалась с Вернером у дома, где снимала небольшую комнату, надежда, что жизнь наконец-то обрела нужное направление, засияла с новой силой.

На сей раз Ванда не ошиблась. Ей пришлось приложить еще совсем немного усилий - пару раз попасться на глаза профессору в выгодной ситуации, "случайно" оказаться у ворот клиники

как раз на его пути домой, и отказаться зайти к нему "на чашку кофе" именно в тот момент, когда Вернеру особенно не хотелось расставаться с ней. Ванда чувствовала свою женскую власть и умела выгодно распорядиться ею.

Когда, наконец, она позволила себе принять приглашение и осталась один на один с Людвигом, роль пошла как по писанному. Он видел в ней девушку "из приличной семьи" с моральными принципами и жизненными целями, но игривую, полную жизни, окрыленную первой, захватывающей влюбленностью. Ванде еще не приходилось пылать той огромной всепоглощающей страстью, с которой она виделась лишь в кино или встречала в романах, но она знала, что главные ноты в ее игре - преклонение и восторг перед своим избранником. Вернер и вправду нравился девушке, представляя тип преуспевающего, значительного мужчины, и она искренне восхищалась им, подолгу выслушивая подробности его хирургического рабочего дня. Она всегда готова была принять его совет и подсказку, ловила его малейшие желания и не упускала случая, чтобы появиться рядом.

Ванда часто оставалась в доме Людвига на уик-энд, выполняя обязанности хозяйки, с удовольствием стряпая, наводя чистоту и мечтая о том времени, когда эта роль, наконец, приобретет формальные обоснования. Однако, проходили месяцы. Вернер, извлеченный из привычного одиночества, и не предполагал, что так нуждался в чьем-то обществе. Присутствие в доме оживленной заботливой малышки стало для него привычным, но мысль о браке не приходила в голову, вернее, он не хотел принимать ее всерьез. Ванда незаметно вошла в его жизнь, подчинилась его ритму, сложившимся привычкам, не требуя ни особых забот, ни внимания - удобное и совершенно необременительное приобретение. Но Ванда в роли жены и хозяйки дома с детьми, семейными праздниками, путешествиями, приемами - вся эта перспектива постоянных хлопот и ответственности казалась Вернеру чересчур обременительной.

Ванда делала легкие попытки направить ход мысли Людвига и, чувствуя, что цель не приближается, решила наконец поднажать.

5

Случай подсказал ей удачный стратегический ход банальный и верный, как слабительное средство: она решила дать понять Вернеру, что принадлежит не ему одному. Алекс Гинзбург - разгильдяй и лоботряс, единственный наследник завидного состояния временами посещал занятия и даже каким-то образом умудрялся двигаться по учебной лестнице. Сталкиваясь с Вандой на вечеринках "У Гиппократата", Алекс не пропускал случая, чтобы не наградить Ванду, преданно заглядывающую ему в глаза, многозначительным комплиментом. Конечно, Ванда не была столь наивна, чтобы принимать их на веру: к Алексу невозможно было относиться серьезно, а рассчитывать на него, как на потенциального жениха вообще не приходилось. Но в качестве предмета возбуждения ревности одиозная фигура Алекса вполне могла сгодиться.

В самом начале сентября, спустя почти год после того вечера, когда Ванда под села в машину к Вернеру, она решила пойти ва-банк. Погода стояла не по-осеннему жаркая,, поэтому на первой же студенческой встрече возникла идея загородного пикника. Алекс получил в подарок от отца новый огромный открытый автомобиль и изъявил желание прокатить всех за город, а Ванда, вовремя подхватив инициативу, предложила навестить ее "семейную усадьбу" благо в этом году их абрикосовый сад буквально ломился от небывалого урожая. Тут же подобралась компания с расчетом на вместимость автомобиля, хотя желающих, даже с собственными транспортными средствами, было гораздо больше. Но Ванда, сославшись на ограниченные возможности их крохотного дома, решительно ограничила круг приглашенных. Главное Алекс, в приложение к которому пришлось взять его занудного друга, проживающего непонятно какими молитвами в доме Гинзбургов и парочку Юрген-Марта, так же состоящую при Алексе.

Ранним субботним утром вся компания катила по южному шоссе среди свежего жизнерадостного пейзажа. Предстояло провести два часа в пути и все удобно разместились на мягких кожаных сиденьях, побросав в багажник спортивные сумки. Рядом в водителем села "хозяйка бала". Ванда в пышной цветастой юбочке и ярко малиновой тонкой "макаронке" в обтяжку с таким огромным вырезом, что то одно, то другое ее загорелое плечо оказывалось обнаженным. На свежеподкрашенных хной кудряшках трепетала шифоновая косынка в тон блузке, на запястьях позвякивала дюжина тоненьких серебряных колец-браслетов, такие же кольца покачивались в ушах, навеяв мысли о таитянках и экваториальном темпераменте. Ванда и впрямь решила в этот уик-энд затащить Алекса в постель - хоть это его, конечно же, ни к чему не обяжет, но позволит им перейти на более короткую ногу. Слухи не преминут расползтись по факультету и достигнут= как надеялась Ванда, ушей Вернера. Поглядывая на профиль своего кавалера, небрежно крутившего массивный руль, Ванда позволила себе расслабиться.

Вот точно так катила бы она среди этих садов, аккуратных полей, нарядных утопающих в цветах, деревенек, катила бы на шикарный курорт, где уже ждал бы номер-люкс пятизвездного отеля, заказанный для г-на и г-жи Гинзбург, или Вернер... Если бы, если бы... А, впрочем, чем черт не шутит? Чем лучше нее эти фрау в сверкающих лимузинах, пронсящих мимо с детьми и собаками, с фургончиками-спальнями на привязи. Кружевные занавески на оконцах, велосипеды или серфинги на крыше - счастливый семейный отдых обыкновенных состоятельных людей. Бодрящий воздух, бьющий в лицо,

голос Престли, несущийся из магнитофона под веселое посвистывание Алекса, действовали на Ванду, как бокал шампанского. Она почувствовала себя раскованной, привлекательной, небрежной, скопировав позу, замеченную только что в низком открытом спортивном авто: девушка, сидящая рядом со своим парнем - низко сползла на сидение, задрав ноги на щиток автомобиля. Колени изящно закинутых ног оказались чуть ли не у локтя Алекса и девушка могла бы поклясться, что это выводило парня из равновесия. О сидящей сзади тройки ездоки почти забыли, эти статисты на празднике не стоили особого внимания. Их роль состояла в том, чтобы наблюдать, подмечать, а после - разболтать все как можно скорее и живописнее.

Словом, это была чудесная поездка и Ванде, уже предвкушавшей триумф, не пришло бы и в голову, что всего сутки спустя все так неузнаваемо переменится - дорога, ее спутники, она сама.

Родители Ванды, предупрежденные заранее, были очень гостеприимны, наведя в доме и саду выставочный порядок и подготовив стол для обеда прямо под тяжелыми абрикосовыми ветками. Обед и вино были, наверное, отменно прекрасны, во всяком случае так казалось Ванде, замечавшей необычное оживление Алекса и чувствовавшей себя в центре происходящего. После еды бегали к озеру, собирали абрикосы в большие плетеные корзины, бросаясь наиболее спелыми и треснутыми, когда есть больше уже было невозможно. И, наконец, наступил вечер, игравший в плане Ванды решающую роль. На отшибе дворового хозяйства стояла небольшая деревянная постройка с высокой соломенной крышей. Чердак, заваленный сеном с детства был любимым местом уединения Ванды. Сюда она и задумала совершить экскурсию в Алексом, уже намекнув ему, что вечером намерена показать ему нечто особо интересное, биографически-памятное. Быстро переодевшись в ситцевый пестрый сарафан, застегивающийся снизу доверху большими белыми пуговицами, что чрезвычайно удобно при известных обстоятельствах, Ванда поджидала своего кавалера. Но Алекс куда-то запропастился. Уже начало смеркаться, а Ванда, оживленно болтавшая с Мартой, все чаще и чаще тревожно поглядывала по сторонам.

- Где же наши мальчишки? - наконец спросила она Марту. Девушка удивленного вытаращила на нее глаза. Но Ванда не уловила многозначительности. - Пора устраиваться на ночь. Я думаю, комната Юргена должна быть поближе к твоей, - подмигнула она приятельнице. Марта насмешливо посмотрела ей в глаза и поправила:

- Поближе к Алексу, а лучше, прямо вместе с ним.

Ванда не хотела понимать услышанное, и Марте пришлось подробно растолковать ей то, что уже давно знали чуть ли не все: представительницы женского пола Алекса интересовали мало. Сюда же он и задумал отправиться только для того, чтобы охмурить бледного, девически-хрупкого Юргена, с кем и пропадает неизвестно где уже два часа.

Ванда не заметила, как оказалась возле своего убежища - сеновала. Она не могла сдержать слез обиды и намеревалась наплакаться вволю - за все - за несбывшиеся надежды, за обманщика Вольфа и зануду Вернера, за гаденьша Алекса и нарядных куколок в дорогих машинах, за свои трудные, невезучие двадцать пять лет. Лестница уже была приставлена, и Ванда, сотрясаемая рыданиями вмиг оказалась на чердаке. Рухнув в мягкое, пахучее сено, она предалась своему горю, прекратив упиваться страданиями только тогда, когда колючие стебли под коленями и локтями слишком бесцеремонно напомнили о себе. Ванда села и тут же услышала робкий голос:

- Прости меня, я не хотел подсматривать. Я оказался здесь случайно, просто хотелось быть одному. Здесь так хорошо. С этой стороны видно озеро и Альпы, это почти так же как с

чердака моего дома. Хотя и совсем с другой стороны. И пахнет точно так же, как и пятнадцать лет назад... Мне почему-то именно сегодня стало страшно за свои двадцать шесть, полжизни куда-то вылетело - а куда, зачем? И что дальше? - Йохим прервал свою неожиданную речь и пояснил: - Темно, я не вижу тебя и поэтому болтаю всякий вздор...

Ванда тоже не видела его, не видела этого невыразительного лица, навевающего скуку, этой понурой фигуры закомплексованного парня. Она слышала только его голос. Ее руки начали расстегивать верхние пуговицы халатика, под которым не было ничего. Сено зашуршало, что-то грохнуло и Йохим почувствовал рядом с собой горячее дыхание, к его плечу прижалось нечто теплое и мягкое. В считанные секунды с его головой, душой и телом произошло то, для чего, как ему казалось, необходимы долгие дни привыкания, вдохновения, влюбленности. Время не понадобилось, так как не понадобилось и длительного преобразования Йохима. В кольце Вандиных рук, прильнув губами к девичьим губам, задыхался от бешено волнения совсем другой человек. Для этого отчаянно срывавшего с себя одежду свободной рукой страстного Казановы ничего не имело значения: ни случайность этой сцены, ни отсутствие какой бы то ни было симпатии к своей партнерше, ни даже близость людей, могущих всякую минуту оказаться здесь. Объявись кто-нибудь рядом с взведенным курком, Йохим не оторвался бы от Ванды, ни отказался от этих обрушившихся внезапной всепоглощающей лавиной ощущений. Только одно, только одно-единственное событие, одно-единственное чувство и есть в этом мире. И оно правит всем...

Переполненный своим открытием Йохим лежал на влажном плече Ванды. Где-то стрекотал сверчок, на шесте под потолком возились, трепеща крыльями и воркуя голуби, в воздухе сиропом разливался сладкий абрикосовый аромат.

В квадрате открытой двери чернело огромное, усеянное звездами небо. Йохим боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть наваждения. В его душе только что открылся новый неведомый ранее мир, в огромных владениях которого предстояло обжиться, освоиться. Ванда приподнялась, куда-то потянулась и на грудь Йохима лег тяжелый абрикос. Они стали молча жевать сочные сладкие плоды, стреляя в дверь ребристыми косточками.

-Здесь несколько корзин, - сказала, поперхнувшись соком, Ванда, нам хватит на месяц.

Но ей не хотелось здесь быть больше и часа. Это странное сближение, в порыве горькой обиды, неопытность и неуклюжесть ее случайного партнера, лишь усугубляли ощущение несправедливости и неудачи.

Когда на следующий день, помятая и сильно сникшая компания рассаживалась в автомобиль, Ванда сказала, что хочет сесть сзади, чтобы поболтать в дороге с Мартой, а Юргену лучше поехать с Алексом. Но Юрген тоже нашел какой-то предлог для отказа и рядом с помрачневшим водителем пришлось ехать Йохиму. Ему-то было все равно. Более чем сама Ванда виновница его преобразования, Йохима волновали те драгоценные впечатления, которые он просто берег в себе не в силах сразу понять и проанализировать. Он чувствовал, что никогда уже не станет прежним, но не мог понять каков он есть теперь. Как ребенок, вертящийся и так и этак в полученной обнове и подмечающий оказанное впечатление, Йохим жаждал испытать себя= нового, преобразованного.

Когда Алекс притормозил у придорожного ресторана, чтобы купить чего-нибудь освежительного, сбегать за провизией и питьем вызвался Йохим. И он действительно управился за пару минут, притащив сэндвичи и упаковку пива и две бутылки пепси. Он ничего не уронил а, напротив, подхватил на лету коробку, выскользнувшую из рук подоспевшего на помощь Юргена. А то что Йохим успел пережить в этих коротких

впечатлениях было вообще непередаваемо. Его эйформическую приподнятость можно было определить словами - "свобода" и "легкость", что раньше ему давалось с трудом, со скрипом и хрустом придавливаемых комплексов, шло само собой, без заминки и раздумий - движения, слова, поступки - просто сама жизнь летела, будто спущенная с тормозов.

6

Все теперь пойдет совсем по-другому - чувствовал Йохим, начиная последний университетский год. С этим ощущением скрытого торжества, с внутренним сиянием, казалось, преображавшим все вокруг, застыл он на его пороге, оценивая произведенный эффект. Так новый актер, впервые выйдя на сцену в старом спектакле и рассчитывающий уже с порога сорвать аплодисменты, с удивлением обнаруживает привычно дремлющий зал.

Никто не заметил перемены Йохима и, самое главное, ее не заметила даже Ванда. Тогда, на чердаке в теплую полночь он с лета предложил ей замужество - иного и не могло быть. Ванда как-то отшутилась, обещая подумать. Но теперь, в привычной суматохе учебно-рабочих обязанностей, она не только не искала встречи, а, казалось избегала его.

А к Рождеству, в конец измучившийся Йохим, вдруг получил приглашение от Ванды провести каникулы вместе. Конечно же он не мог и представить себе, что этому счастью был обязан пустяшной случайности, мимолетной обмолвке. Тяжелым ноябрьским вечером, вернувшись домой после двух операций по заваленному небывалым снегопадом шоссе, Вернер сказал ожидавшей его Ванде:

- Этот парень знает откуда что растет. - И еще добавил, что ни разу не встречал ничего подобного и что надеется заполучить странного студента Йохима Динстлера на следующий год в свою клинику. Ванде не надо было повторять дважды на какую лошадку делать ставку, тем более что особого выбора у нее не было. Роман с Вернером зашел в тупик и хотя и имел несомненную практическую пользу для устройства будущей карьеры, но для личной жизни ничего не сулил.

Рождественские праздники, таким образом, Йохим провел вместе с Вандой у своей бабули, заняв огромную кровать в пустующей спальне: после смерти деда Корнелия вообще старалась не подниматься на второй этаж, где все напоминало о ее прошедшей семейной жизни.

Вернувшись в Грац, Ванда и Йохим сняли комнату с маленькой кухонькой, выходящей прямо в сад, и стали жить вместе, строя основательные планы на грядущее лето.

Йохим не знал, был ли он влюблен, наверное не был, если определять это состояние его былыми критериями. Теперь это не имело никакого значения, как не имели значения те смутные ожидания, предсказания, зафиксированные в так и не состоявшемся "беловике" его жизни, изобиловавшим намеками типа жасминного Шопена, золоченной солнцем девочки на берегу, и прочей подростковой чепухи, по-видимому, никакого отношения к реальности не имевшей. Бойкая Ванда, целиком и прочно обосновавшаяся рядом, накручивающая вечерами жидкие пряди на резиновые бигуди, и не имевшая ни малейшей склонности к поэтическим умонастроениям, стала частью жизни Йохима, той реальности, которую и следовало воспринимать со всей серьезностью и ответственностью.

Йохим был сильно удивлен, когда разместившись в теплых вандиных объятиях, вместе со всем своим багажом наблюдений и размышлений, любимых цитат, картинок, воспоминаний, наткнулся на мертвую тишину: девушка спала и ничто из самого дорогого и сокровенного йохимовского достояния, разбросанного у ее ног, не тревожило мерного,

спокойного дыхания.

Слияния душ не произошло. Да и так ли это важно, если тело... Йохим, уверенный, что в этой сфере их союз состоялся, обретал все большую уверенность.

А Ванда? Она просто жила кое-как и была, в сущности, совсем несчастлива. Встречи с Вернером продолжались, хотя стали совсем редкими и чуть ли не чисто дружескими. Роман с Йохимом обнадеживал хоть какой-то перспективой, но не окрылял душу. Ванда не торопилась к венцу - ей надо было вначале точно установить профессиональную цену ее жениха. Поэтому-то она употребила все свое влияние, чтобы заставить Йохима отказаться от намерения получить специальность психотерапевта.

Окончив общий курс занятий в университете и получив диплом доктора медицины, Йохим предполагал специализироваться в психиатрическом отделении, серьезно углубившись в специальную литературу и прочтя пару романов русского писателя Достоевского, получивших известность глубиной психоанализа.

Но Ванда чувствовала, что пристроив жениха под покровительство Вернера, видящего в Йохиме незаурядные способности к хирургии, обеспечит более надежный вариант его профессиональной карьеры.

Так Йохим, продолжавший еще, несмотря на приобретенный больничный опыт, испытывать рвотные спазмы и головокружение при виде развороченных ран, оказался у операционного стола в клинике черепно-лицевой хирургии. Он надеялся, что скоро докажет свою непригодность и будет благополучно "списан" в менее кровавые медицинские подразделения.

Клиника Вернера, являвшаяся по существу частной, работала сразу в двух направлениях - экстренной хирургической помощи, оплачиваемой медицинским страхованием и лечебного стационара, куда попадали лишь очень состоятельные пациенты. Естественно, набивать руку неопытного стажера на больных второй категории не предполагалось - здесь требовался незаурядный опыт и участие лучших профессиональных сил клиники, пользовавшейся отличной репутацией. Йохиму, согласно установившейся традиции и закону гуманности, предоставлялось испытать себя лишь в заведомо безнадежных случаях.

Присутствуя на операциях Вернера и следя за его виртуозной работой, Йохим все более углублялся в "условия игры", научившись относиться к манипуляциям с живой человеческой плотью, как чисто абстрактным головоломкам, требующим напряженных творческих и физических усилий. Как опытный болельщик-шахматист, он просчитывал "партию" на много ходов вперед, радуясь тому, что часто предвосхищает действия самого "маэстро". Но оказавшись сам в роли ведущего с инструментами в руках, Йохим сникал. Он чувствовал, что его интерес, являющийся как бы допингом в роли наблюдателя и стимулирующий его фантазию при самостоятельных действиях, резко падает, оставляя его мозг вялым, а руки ватными.

Йохим просто не знал, что склоняясь над телом обреченного, бывает парализован заведомой безнадежностью ситуации.

Однажды ему повезло. В клинику был доставлен крепкий мужичок прямо с лесопилки, где могучий сосновый ствол, неудачно приземлившись, разворотил ему половину черепа. Уже поверхностный осмотр показал, что больной является прямым кандидатом в морг. Но сильное сердце билось, легкие дышали и к делу приступил Йохим. Обычно он старался не дать себе возможности увидеть что-либо кроме оперируемой части, как бы отвлекаясь от личностного, человеческого, неизменно приводящего его к приступам слабости. Но на этот

раз, оказавшись случайно в приемном отделении, он успел разглядеть все: огромное сильное тело в пахнувшей бензином брезентовой робе, грязные сапожищи, обнаружившие при снятии залатанные шерстяные носки, руку с черной порослью кудрявых волосков, мозолистую и грязную, бессильно падающую из-под окровавленной простыни. Вместо головы на носилках лежала окровавленная мясная туша с торчащими из нее клочьями густых смолянисто-черных волос. Парень был, по-видимому, немногим старше Йохима.

Склонившись в ярком свете ламп над уже подготовленной операционной площадкой, зияющей кровавым разворотом в стиральной простынной раме, над всем этим хаосом из костей, сосудов и мышц, Йохим отчетливо увидел картину, мимоходом ухваченную им в приемной, и теперь предательски подsunутую воображением. Он на секунду прикрыл глаза, ожидая неизбежного головокружения, но почувствовал злость, острую активную ненависть к слепой, стихийной силе, которая искромсала этот образцовый человеческий экземпляр так старательно, любовно выделанный в небесной мастерской.

И он, всегда чувствовавший себя изгоем, пасынком природы, принял этот вызов, вступив в поединок с обнаглевшей всесильностью случая, с разрушением и тленом, посягнувшим на цветущую мощную, полнокровную жизнь.

Его приподняла и понесла на своих легких крыльях загадочная сила. Шоковый ли выброс адреналина в кровь или могущественная поддержка свыше были тому причиной, но Йохим работал как Бог. Бригада врачей, сестер и анестезиологов, находящаяся в операционной полностью подчинилась мощной воле хирурга, творя невозможное. Никто не заметил, как прошло четыре часа. Все это время, человек, лежащий на операционном столе и уже дважды умиравший и возвращенный к жизни врачами "запускавшими" останавливающееся сердце, был во власти Йохима, восстанавливающего разрушения, и чувствующего себя соавтором природы.

Пациент Йохима выжил, поразив больничный персонал невероятной волей к жизни и силой характера. Уникальность же работы хирурга вызывала сомнение а уж и была ли так серьезна травма, и не померещилась ли всем эта фантастическая битва Йохима? Но профессор Вернер не умел обманываться. Наблюдая за своим протеже, он сразу подметил: степень возможностей этого парня предопределяется неким состоянием "куража" - эйфорической приподнятости, в которой он сам того не подозревая, мог творить чудеса. Йохим был от природы наделен редким "чувством материала", позволявшим ему каким-то особым чутьем определять степень повреждения тканей и тактику их устранения, угадывая те единственно возможные пути, которые открывались в каждом отдельном случае. В этом он мог соперничать с самим Вернером. Но в состоянии упадка сил и вялости, бывшими для парня скорее нормой, чем случаем, он уступал самому заурядному малоопытному хирургу-очереднику. К сожалению, Йохим не умел управлять вдохновением, а позволить себе ошибки и провалы хирург права не имел. Эти соображения мучили Вернера, когда он решал вопрос о целесообразности дальнейшего пребывания доктора Динстлера в его клинике. Специализацию он завершил, получив полномочия к хирургической деятельности, но Вернер хорошо понимал, какие трагедии сулит Йохиму такое будущее.

-Он у тебя артист, пойми же, - говорил Вернер Ванде, - блестящий, редкий артист, который может быть виртуозом и мясником в зависимости от того, как посмотрит на него Вдохновение. Но здесь не сцена, и речь идет не о тухлых яйцах в награду за фальшивую ноту. Платить за неудачи здесь придется дорого, очень дорого - совестью, репутацией, карьерой, возможно даже - собственной жизнью.

Сидя в гостиной Вернера, они решали участь Йохима. Остановились на компромиссном варианте: впереди лето, а следовательно, законный отпуск. С августа Йохиму будет предоставлена должность ассистента в отделении травматологии с испытательным сроком на полгода. А дальнейшее покажет судьба.

Так и решили. Ванда уже работала в лаборатории фармацевтической фабрики и могла взять недельный отпуск для свадьбы и небольшого путешествия, Йохим же отправился навестить бабушку, чтобы к 20 июля вернуться в Грац и уже вместе со своей женой совершить небольшое турне по озерным местам, наведя попутно "абрикосовое имение" Леденцев. Все складывалось совсем неплохо, открывая перед молодоженами если и не радужную, то вполне надежную перспективу.

ЧАСТЬ III. ДАНИ

1

Йохим распахнул окно в гостиной и облокотился на подоконник, жадно втягивая запах сирени, мокнущей в мелком морозящем воздухе. Белые махровые, тяжелые, как виноградные гроздья, лиловые - турецкие с мелкими остроконечными звездочками, бледно-сиреневые четырехлепестковые, чьим редким пятилистником владеет Фортуна, - эти соцветия, погрузневшие от воды, источали вкрадчивый, убаюкивающий аромат. Было тихо, лишь по веткам и жестяному карнизу барабанили дождевые капли. Приятно-неопределенные, ленивые мысли текли планов, путаясь и тая, будто вальсируя в нежном, сгущающемся сумраке.

Внезапно что-то хлопнуло, зафыркало, зашуршало по гравию. Скрипнула автомобильная дверца и, прежде чем Йохим вынырнул из своей полудремы, под окном кричали:

- Господин доктор! Необходима срочная помощь! Я сдохну прямо здесь в луже, если не увижу вашу ученую физиономию!

На крыльце, смахивая воду с макушки, стоял Дани. Друзья бросились друг другу в объятия, пытаясь уже телами ощутить происшедшие изменения. Загорелые, мускулистые руки Дани поглаживали спину Йохима, сутулую и теплую, в мягком вязаном пуловере покойного деда, а настороженный нос "доктора" ловил незнакомый запах одеколона, исходившего от мокрой щеки с недельной колкой щетиной.

Вот они снова вместе и нет никакой неловкости, никакой виноватой заминки, которой опасался Йохим.

Переписка заглохла еще года четыре назад и они, в сущности, потеряли друг друга, с неожиданной легкостью освободившись от тех уз, которые казались пожизненно-нерасторжимыми.

- Какая же это, в сущности, ерунда! Есть вещи, которые уже нельзя, просто невозможно испортить... - думал Йохим, не ожидая, что мыслит вслух.

- Конечно же, старина, есть наш Везувий и тевтонец на Россинанте это же нетленка! - подхватил Дани. - Пусть их уже трижды растоптали бесчувственные к большому искусству акселераты. В нашей памяти - они вечны!

Устроившись на диване в гостиной, друзья пристально оглядывали друг друга. Йохим изумленно таращил глаза на темную шевелюру Дани, сменившую знаменитые золотисто-русые пряди.

- Как это у тебя получилось? - наконец вымолвил он.

- Ты про волосы? - Дани отбросил со лба длинную прядь. - "Понимаешь, проснулся

утром после нашего проигрыша итальяшкам, глянул в зеркало - и аж сел. Вот тебе, думаю, и футбол!

-Дани... - Йохим недоверчиво покачал головой. - Я знаю точно - так не бывает.

А тот уже хохотал, довольный розыгрышем.

-Не пугайся, Ехи, со мной все в порядке. Недавно выкрасили для съемок. Ты что, совсем не замечаешь, что я - вылитый Ален Делон, только масть не совпадала... Ах ты, австрийская провинция, неужто не видел "Рокко" Висконти? Ага, узнал! Вот - перед тобой - звезда!.. Ну - копия. А может быть - восходящий оригинал. Во-первых, я моложе и у меня все еще впереди. Во-вторых, - у меня родословная лучше. Он, говорят, сын мясника, а я молочника, что более благородно.

- У тебя, Дани, вечно знаменитости в роду - то Жерар Жиллип, теперь этот Делон. Вот ведь везуха, не какие-то там типы из рубрики "Их разыскивает полиция", или скромные медработники, а все сплошь любимцы публики!

- А вот ты, по-моему, сильно смахиваешь на профессора Фрейда, - Дани весело разглядывал друга. У Йохима появились очки, делавшие его солидным; застиранный вязаный пуловер и толстые теплые носки выглядели уютно. Темные, мягкие волосы, по-прежнему падавшие на лоб и довольно неухоженные, торчали за ушами и на тонкой худой шее.

- Мой отец увидел Корнелию в городе и она сказала, что ты здесь. Представляешь, везение - ведь я заскочил всего на три дня... - и Дани без пауз выложил сразу все, что положено было знать близкому другу. Йохим, потеряв надежду разобраться в деталях, ухватил основное. Мать и отец Дани давно расстались и теперь у него есть мачеха, клевая девчонка, хотя и деревенщина. Маман, все еще хворающая живет на Ривьере у бабушки Дани, т.е. у своей матери. Дани уже получил приличный гонорар за съемки первого киноролика, подвернувшегося ему благодаря участию друга-покровителя Остина.

- Вообще, Остин - суперделовой, может все. Теперь его яхта на неделю в моем распоряжении и я думаю вместе с Сильвией совершить маленькое свадебное путешествие. Нет, женится пока не собираюсь, да и Сильвия замужем, но у нас закрутилась такая история после "Ромео и Джульетты... Нет, Сильвия не актриса. Она - лучшая попка в "Раю". "Парадиз" - название шикарного варьете на Лазурном берегу (для тех, кто не знает). Но она обещала все бросить и отчалить со мной на яхте. Нет, плавать мы будем, конечно, не в одиночестве - какая свадьба без гостей?... - Дани внезапно остановился и ухватил Йохима за руку: - Ты-то, старикан, как? Сидишь, отмалчиваешься, скромник. Наверное, уже доктор. Спасает психов? Старому другу - прием вне очереди - заметил, у меня совсем крыша поехала?

Йохиму пришлось разочаровать друга, объяснив, что психотерапевт из него так и не получился, зато он режет и не менее удачно, чем легендарный Джек-потрошитель - редко кому удается спастись. А через десять дней он возвращается в Грац, чтобы сочетаться законным браком, т.к. уже больше года проживает с Вандой вполне семейно.

- Слушай, дружище, - на безупречно лбу Дани собрались задумчивые морщинки, - как это ты понял, что надо сочетаться браком именно с этой, а не с другой? Чем она оказалась лучше?

- Других пока не было, - внес ясность смутившийся Йохим. Ага-а-а, - протянул Дани, - если в двадцать пять у тебя первая женщина, а в двадцать шесть - она же единственная, то надо непременно жениться. Более того, есть определенная уверенность, что ты не станешь многоженцем, а так же, что до второго брака с такими темпами, ты просто не дотянешь... И

знаешь что, Ехи, ... - Дани что-то смекал и подсчитывал, - у меня есть идея получше, чем каникулы у бабушки. Поскольку мне явно не придется удостоить тебя чести быть свидетелем на свадьбе, прихватив букет с лентами, а главное - гульнуть на традиционном мальчишнике я забираю тебя с собой. Недельный мальчишник с юными француженками на теплой лазурной волне - мой подарок. И никаких возражений. Сейчас ты оторвешь свой костлявый зад от этого дивана, доползешь до калитки - и все решится самой собой.

Дани пропустил Йохима вперед, наблюдая за его реакцией.

В густых сумерках за кустами сирени перламутром мерцало что-то нечто большое и белое. Новенький автомобиль спортивного типа был похож на крепкого мускулистого скакуна, готового сорваться с места. Казалось, ему не терпится покинуть эту тихую узкую дорожку, рвануть во весь опор на просторы скоростного автобана.

- Мой новый дружок, - ласково коснулся Дани усыпанного дождевой россыпью крыла, - послезавтра со скоростью сто километров в час мы умчим тебя к лазурным берегам, старина, Ехи. И никаких, никаких "но".

Когда наступило обещанное "послезавтра", Йохим бросил в багажник свой легкий клетчатый чемодан, чмокнул в щеку перекрестившую его вслед Корнелию, и уже распахнул было дверцу автомобиля, но круто повернулся и направился к дому. Вытянувшись во весь рост у садовой ограды, он сорвал маленькое соцветие сирени с верхушки старого куста, где кисти были совсем еще свежими, и отпрянувшая ветка окатила его мелкими брызгами. Зажав крохотный цветок зубами, Йохим откинулся на сидение и закрыл глаза. Чем объяснялся этот сентиментальный жест отбывающего? Наверное, легкой маетой в самом центре груди, где что-то жало и ныло без всякой на то причины: вот уж пустяк - недельный отдых во Франции, сушая ерунда - забавный эпизод. Но то, что ныло в груди Йохима, что заставило его прихватить с собой этот талисман - влажную сиреневую звездочку, знало наверняка - происходит нечто чрезвычайно важное - в игру вступила, наконец, сама Судьба.

Какой же это пустяк, если случайно протянутая рука вытаскивает из колоды Джокера? Сам не подозревая того, Йохим покусывал и мял губами редкий пятилепестковый цветок...

2.

- А что если мы слегка обогатим твой гардероб, Ехи? Ну, скажем, несколько сместим его в южно-курортном направлении? - небрежно предложил Дани, притормаживая у одного из центральных магазинов.

Витрины, выглядевшие очень солидно, демонстрировали не только дорогой, небрежный стиль курортного оснащения - костюмы, сумки, шляпы и обувь, но и хорошего дизайнера: все это великолепие в светлых соломенно-белых тонах было разбросано среди снопов натуральной кукурузы, увязанных толстыми джутовыми веревками.

- Ты уверен, что меня нельзя показать в твоём обществе без этого прикида? - спросил Йохим, удивив друга пронизательностью.

- Ладно, сдаюсь, Ехи. Если уж честно - ты натуральное чучело. И раз уж тебе настолько все равно, позволь мне заняться тем, что касается лично меня, т.е. оформлением твоего "демонстрационного стенда".

В прохладном мягком сумраке примерочной, стоя в одних носках на мягком ковре, Йохим послушно менял костюмы, рубахи, джинсы. Их ему приносил Дани, внимательно изучавший стойки с мужским барахлом. Приносил, следил за переодеванием, что-то поддегивал, пристегивал и все больше мрачнел: ничего более нелепого, чем Йохим-модник было придумать невозможно. Наконец, Дани сдался, позволив другу с облегчением

спрятаться в свои коричнево-бурые вельветовые брюки-мешок и клетчатую "ковбойку" с закатанными рукавами. Это теперь-то, в 1968-м, когда все носилось только в обтяжку, а зауженные джинсы натягивали прямо в ванне, чтобы подсохнув, буквально слиться с тканью. Н-да... Чего стоили стариковские сандалии Йохи на ремешках и рисунок зеленых носок... - Дани пристально изучал своего друга пока тот одевался, застегивался, искал и водружал на переносицу тяжелые очки. Наблюдая за движением его рук, ощупывающих карманы, за косолапой постановкой ступней, развернуты вовнутрь, за его спиной с оборонительно торчащими лопатками, Дани, наконец, понял - во всей этой нелепости, такой органичной, цельной есть свой колорит, свое обаяние беззащитности, безразличия к условностям. Вот именно так надо играть какого-нибудь фанатика ученого. И если полное пренебрежение к внешности и рассеянная чудаковатость означают стиль, то это стиль психа или гения.

- В машину, все ясно! - хлопнул в ладоши Дани, - Большое спасибо, мадмуазель, мы, кажется, вас очень устали, - очаровательно улыбнулся он таращившей глаза на "Делона" молоденькой продавщице, изображая немецкий акцент.

- Да, старик, - обратился Дани к другу уже в машине, - торжественно предупреждаю: с этого момента - ни слова по-немецки - буду штрафовать. Напрягай свои извилины, вспоминай, ты разговариваешь с французом. - *Jch verschtehe deutsch nicht.*

В другом магазине, торгующем, в основном, для пожилых мужчин вещами уже слегка вышедшими из моды, Дани стал действовать с пониманием дела.

- Мы хотели бы приодеть нашего актера в стиле "ретро", но ненавязчиво, с легким нажимом, - обратился он к продавцу, щедро демонстрируя свою фотогеничную внешность. Тот понимающе кивнул и после долгих переборов в новом большом чемодане Йохи лежал довольно мешковатый летний костюм, жилет ручной вязки с "альпийским" орнаментом, брюки и несколько рубашек, будто извлеченных из дедушкиного гардероба. Сам же "актер", облаченный в легкие штаны светлой холстины, белые парусиновые туфли и бежевую, послевоенного образца "футболку" из шелкового трикотажа с тоненькой молнией у ворота выглядел забавно и даже слегка интригующе. Парусиновая же сумка-портфель дополняла картину, оставалась лишь одна деталь. Дани колесил по узким улочкам и, наконец, остановился под строгой вывеской "Очки".

- Сколько там у темя минусов? Ага, уже пять. Ну-ка, примерь это, Дани снял со стенда окуляры в круглой роговой оправе с мягкими, сильно загнутыми дужками.

- Это еще зачем? Мои такие крепкие! - возмутился потерявший терпение Йохим.

- Пойми, это Цейс и оправка легче. Не будет болеть голова. Да посмотри на себя в зеркало - совсем другой человек! Молодой профессор Динстлер надежда европейской медицины! - смеялся Дани, наблюдая как Йохим прилаживает дужки очков длинными цепкими пальцами. "Вот этими-то ручищами этот тип и режет" - подумал он тут же не без удивления. Но Йохим не стал смотреться в зеркало - очки и впрямь были удобней.

Стараясь больше не задерживаться, они пересекли Италию, объезжая крупные населенные пункты и рассчитывая к ужину оказаться в Сент Поле.

Йохим всего лишь раз выезжал за пределы Австрии, совершив небольшое турне по Германии вместе со школой - страсть к путешествиям и перемене мест его не томила. Теперь же, уносясь вместе с другом, в неведомые дали, он не испытывал ни радостного волнения, ни особой радости. Ощущение, что вектор его жизненного пути, уже определившийся, сместился куда-то в сторону, беспокоило и раздражало. Еще совсем недавно в однообразном потоке своей медицинско-обыденной жизни, он тайно томился о навсегда

утерянном "беловике" судьбы, в котором его жизненный путь был полон неожиданных волнений, тревог и каких-то иных, ярких неординарных, бурлящих кровь впечатлений. Но та жизнь, которую Йохим вел последние годы, в сущности, в пол силы, в пол вдохновения, в пол радости, теперь казалась ему уютной и вполне насыщенной. Ни перспектива новых знакомств, ни суэта Дани с его гардеробом, не казались Йохиму занятыми. Вместо ожидаемой эйфории от маленького отпускного приключения в компании Дани, он обнаруживал в себе некую подначивающую к резкости раздражительность.

Йохима несколько не огорчило, что французскую столицу - мечту туристов всего мира - Дани посоветовал на этот раз объехать. Во-первых, одного-двух часов имеющихся в их распоряжении, было явно недостаточно даже для самого поверхностного путевого впечатления, а во-вторых, в это время суток могли возникнуть серьезные проблемы с проездом по центру города и парковкой и, наконец, Париж еще не утих после майских студенческих волнений. Ежедневно поступали сообщения о новых, зачастую стихийных бунтах и демонстрациях студентов вкупе с примкнувшей к ним разнообразной шушерой.

Дани взахлеб рассказывал о сложившейся ситуации впрямую отразившейся на театральном деле: многие театры, присоединившиеся к бунтующим, открыто противопоставили себя правительству. Искусство как бы стало в оппозицию к государству, отстаивая анархический бунт, проповедуя сексуальную свободу вместо пуританской буржуазной морали и неустойчивость, зыбкость как способ существования.

- Эх, господин профессор, - сокрушался Дани, - могли бы вы там, в своей глуши представить, что по американским штатам разъезжают театрики, ну что-то вроде общин хиппи, которые устраивают свои действия, где попало - в амбарах, гаражах, подвалах. Вначале зрителям предлагают покурить "травку", потом раздеться, а потом... Ну, как бы это выразиться поделикатнее торжествует сексуальная революция, так сказать, коллективный протест... Как это вы там в Австрии обходитесь без этого?

- Все-таки это лучше, чем выпускать кишки или пускать в ход гильотины, - бросил Йохим, с интересом изучая содержимое пакета с провизией.

- А я, видимо, слишком старомоден и, наверное, осторожен, что значит - умен. Меня вовсе не тянет расправиться с "традиционными ценностями" в компании этих немых "детей цветов" и остервенелых "левых", разгромить бабкин бутик со всеми ее шанелями, корденами - "приспешниками разлагающейся буржуазии", измазать дерьмом стены отчего дома и, возглавив какой-нибудь "театр улицы" подбивать сограждан к повальному греху прямо на Каннской набережной или во дворце Шайо... Уф, Ехи, ты даже не представляешь какой я теперь консервативный, тухлый тип! - Дани перехватил у друга круассан.

- Как раз по мне, - Йохим удовлетворенно жевал сэндвич. Бунтарство и социальные страсти вообще мало беспокоили его. Они отвращали, как некая патология, развивающаяся у людей, не способных, как правило, к созидательной деятельности. Его же личными врагами были смерть и разрушение - предательские и незаконные, т.е. происходящие вне естественных природных санкций. Позиция Дани возражений не вызывала. Но для актера, чья карьера находилась в прямой взаимосвязи с "веяниями времени", ситуация, конечно же, была не простой.

Окончив актерскую мастерскую в Париже, на пороге двадцатилетия Дани сыграл Ромео в спектакле молодежной труппы, подготовленном для знаменитого Авиньонского фестиваля. Они играли под открытым небом, в естественных декорациях старинного дворца, на подмостках, которые еще совсем недавно прославил Жерар Филипп. Дани стал одной из

"звезд" фестиваля, обратив на себя внимание профессионалов и публики, среди которой оказалась и некая юная студентка-журналистка, ставшая впоследствии танцовщицей "Парадиза" и супругой начинающего, но уже известного телерепортера.

Группа Дани вскоре развалилась, и он уже несколько приуныл, подрабатывая в массовках. Как раз в этот момент в его жизни появился Остин Браун. Тот самый тип, которому принадлежала ожидающая друзей яхта.

Началось же все так. Однажды Фанни - так звали бабушку Даниила, сообщила внуку, что некий состоятельный меценатствующий господин намеревается субсидировать производство фильма по интересующему его сценарию и очень серьезно относится к подбору исполнителя. Ему нужен молодой, мало известный и обаятельный актер, способный выглядеть на экране не очень профессионально.

Господин Браун - француз немецкого происхождения ожидал актера в своем доме на острове у побережья Тулона, куда Дани был доставлен ожидавшим его в порту катером.

На встрече, кроме хозяина-мецената, присутствовали еще два человека режиссер и оператор будущего фильма. После подробной беседы, носившей скорее политически-нравственный, чем профессионально-актерский характер, Дани прочел кусок газетного текста под стрекот ручной кинокамеры, что и явилось пробой. Дани предположил, что имеет дело с неким шизанутым дилетантом, мечтающим выбросить деньги на ветер. Работа над фильмом, продолжавшаяся более пяти месяцев, целиком увлекла его. Это была документальная лента, повествующая о судьбе политических режимов, ориентированных на коммунистические идеалы. Здесь Даниэля, игравшего кинорепортера, ждало много неожиданностей. У героя Дани был реальный прототип - молодой журналист, собравший труднодоступный документальный материал, объединенный под названием "В рубиновых лучах тоталитаризма". И дырочка в оконном стекле у его письменного стола была вполне реальной, как и рана в виске, прервавшая последний репортаж. Этим окном и листом бумаги, торчащим из старой печатной машинке "Мерседес", заканчивался фильм.

А чтобы снять остальные полтора часа съемочной группе, состоявшей из четырех человек, пришлось здорово повертеться. Неизвестно, как попали эти "Рубиновые лучи" к Брауну, но очевидно, не просто. Он не скрывал, что не только сами документы, но их владельцы представляют известный интерес для определенных спецслужб. В фильм были включены любительские кадры сделанные теми, кто рискуя очень многим, снял их "за железных занавесом": интервью из советского сумасшедшего дома, скрывающего инакомыслящих; "праздник урожая" в колонии для антисоциальных элементов, а в сущности - политического концлагеря острова свободы - Кубы, собрания чешской "творческой интеллигенции", искореняющий из своей среды "чуждые" элементы, и прочие факты, отнюдь не являющиеся достоянием мировой общественности.

Роль Дани, изображавшего кинорепортера, состояла в том, чтобы появляться в кадре на фоне комментируемых событий и связывать отдельные части сюжета небольшими бытовыми зарисовками. Браун старался устроить так, чтобы наиболее рискованные репортажи были сняты отдельно, без участия актера. Каким образом ему удалось получить материалы, осталось тайной, но было ясно, что игра была далеко не детской.

Несколько раз Дани вместе с Остином Брауном и оператором пришлось вылетать в "спецкомандировки", используя фиктивные документы на представителей общества "Мир социализма", снимающих, якобы, агитационный прокоммунистический ролик. Они побывали на Кубе, в России и Польше, преодолевая правдами и неправдами железобетонные

барьеры секретности, перекрывающие всякую утечку информации из этих очагов мировой революции.

- В общем, я кое-что повидал и кое-что понял", - подвел итоги своему рассказу Дани. - К тому же, тогда уже на пленке и выяснилось, что я вылитый Делон и теперь с осени запускаюсь в комедию, которая должна так ненавязчиво пародировать гангстерско-полицейские экранные подвиги этого красавчика. С Остином - мы теперь друзья, и я вполне состоятельный джентльмен, могущий себе позволить и этого симпатягу "Рено", и экспериментальные капризы с твоим имиджем. Я богат, чуток, отзывчив и готов выслушать любую шокирующую исповедь школьного друга.

-Ладно, теперь помалкивай, - Йохим сунул в рот Дани сэндвич с сыром, - Пора исповедаться и мне, грешному... Знаешь, Дани, я так до сих пор и не пойму, нравится ли мне жить... То есть: то ли я делаю, что должен был, что мне предназначалось, так ли живу? Куда и зачем я собственно прую по этому своему "персональному кладбищу", довольно обширному для года хирургической деятельности... Если честно - моей вины в этом мало, так заведено: начинающему - умирающие. Но знаешь, был один случай, я почувствовал у операционного стола что-то такое, в чем не разобрался и что мне хочется пережить еще раз. Пережить и ,наконец, поймать... Засечь разгадку...

Йохим рассказал Дани про чудом уцелевшего лесоруба, довольно сбивчиво, местами переходя на немецкий.

- Самое страшное то, что я, ночами просыпающийся в холодном поту от одного и того же сна: больной умирает у меня на столе, я - страстно мечтающий сбежать куда-нибудь подальше от всего этого, зарыться, как страус, головой в песок, я - трус и нытик - хочу оперировать! Да, хочу!... Иногда.

Йохим надолго замолк, утомленный откровением и, главное, французским, который требовал от него большого напряжения.

Дорога, ведущая к дому Дювалей, долго петляла в улочках уютного средневекового города, неподалеку от Ниццы, поднимаясь все выше и выше над уровнем моря. Наконец Дани притормозил у высокой каменной ограды с перекинутыми через нее длинными лозами цветущих штабельных роз и трижды просигналил. Ворота, ведущие в сад, отворились и Дани подтолкнул в спину нерешительно замершего у входа друга. Семейное "поместье" Дювалей представляло собой двухэтажный каменный дом в "историческом стиле" с резными каменными карнизами, круглой башенкой на углу и лавиной густого плюща, чуть ли не сплошь покрывающего плиты светлого песчаника, облицовывающего стены. Высокие каштаны, уже отягощенные гроздьями ершистых зеленых плодов, витражи из цветных стекол, украшавшие верхнюю часть высоких окон и буйно цветущие вдоль дорожки кусты роз выглядели вполне идиллически. Дверь в дом была отворена. В темной раме проема отчетливо вырисовывался силуэт седовласой женщины, восседающей словно на троне, в сверкающем никелем инвалидном кресле. Несмотря на свою немощь и возраст мадам Дюваль была при полном параде, будто только что отпустила портниху и парикмахера: густые волосы уложены короной, платье из тяжелого жемчужно-серого атласа живописно падало к щиколоткам, укутанным теплым ворсистым пледом. Глядя на лицо старой дамы, сохранившее прекрасную лепку и благородство пропорций, можно было сразу понять, чью генетику унаследовал ее красавчик-внук.

Йохиму ничего не оставалось, как поцеловать величественно протянутую ему руку и улыбнуться, поскольку тотчас же после церемонного представления на лице m-m Дюваль

появилась озорная, ободряющая улыбка и приунывшему было гостю даже показалось, что левый глаз хозяйки весело подмигнул ему: Зовите меня просто Фанни.

Дальше все пошло как-то просто: ужин в столовой без ритуала смены блюд и рюмочно-салфеточного этикета, пугавшего Йохима с детства, с хорошим французским вином и светской болтовней m-m Дюваль, старавшейся говорить для немецкого гостя медленно, членораздельно, избегая серьезных тем. Йохим узнал, что более удачливый двойник Дани прибыл в Ниццу на съемку фильма, в котором его партнершей будет Роми Шнейдер - бывшая жена Делона, а ныне замужняя женщина - мать, бросившая в Берлине своего пожилого мужа-немца, что само по себе уже означает скандал. Курортный сезон в разгаре. Ожидаются приемы и презентации новых кинолент, для участия в которых собирается парижский бомонд. В связи с этим в магазин m-m Дюваль поступила партия новых духов Коко Шанель, лично патронирующей элегантнейшую кинозвезду Роми Шнайдер.

Обсудили нынешних претендентов на участие в Каннском фестивале, вспомнили Филлини и Висконти, а также показ летней коллекции мод ведущих парижских модельеров, в котором явно проявились симпатии к анархическому молодежному стилю и восточной экзотике. Кое-кто из второстепенных манекенщиц даже обрился наголо, подражая кришнаитам.

- Представьте себе, молодые люди, - Фанни изобразила гримаску шокированной вульгарностью институтки, - Корден и Сен-Лоран выпустили своих девушек на подиум босыми с голыми животами! Обвешали несчастных пластмассовыми цепями и амулетами из скобяных лавок. И это не пляжные ансамбли, а платья "для коктейля!" Можете себе вообразить этот "коктейль"? Уж, наверное, не без марихуаны или ЛСД!

Они болтали подобно образом более часа, наблюдая в открытые окна, как исчезают за деверьями последние лучи солнца. Однако, под легкостью непринужденной беседы чувствовалась какая-то настороженность, скрытое ожидание, нависавшее в паузах. Казалось, что Дани и бабушка, понимавшие друг друга с полуслова, к чему-то напряженно прислушиваются. Наконец деревянная лестница, ведущая на второй этаж закрипела под неуверенными шагами и в комнате появилась женщина.

- Мари, зачем ты поднялась, доктор Лурю не позволили тебе сегодня вставать, - встревожилась Фанни. Но вошедшая, в которой Йохим узнал мать Дани, стояла молча, распространяя в воздухе запах валериановых капель и физически ощутимое напряжение. Круто вырезанные ноздри ее тонкого, с легкой горбинкой носа трепетали от волнения, глаза, устремленные на сына, презрительно шурились.

- Ты... ты точно такой же, как он, твой отец, ты бессердечен и лжив. Ты никогда, никогда не любил никого, кроме себя!... - губы Мари судорожно свело и она разрыдалась, рухнув на своевременно подставленный гостем стул. На Йохима она вообще не обратила внимания. Он же, подметив особую мимическую маску, зафиксированную мышцами и кожей за долгие годы душевного дискомфорта, с лету поставил диагноз

- застарелая неврастения, как минимум. Все линии этого не старого еще лица были подчинены выражению постоянно мучавшего женщину недовольства, раздражительности, презрения: "лапки" морщинок в уголках глаз, глубокие борозды у крыльев носа, спускавшиеся к уголкам презрительно изломанного рта, казалось, были не приспособлены для выражения иных эмоций. Женщину невозможно было вообразить смеющейся или ласково улыбающейся.

"История болезни" Мари Дюваль оказалась длинной и запутанной. Уже засыпая в

комнате Дани на втором этаже, Йохим в пол уха слушал рассказ друга, старавшегося объяснить состояние матери и оправдать отца, к которому был очень привязан.

Какая-то странная предопределенность судьбы, грустная черная карма, запрограммировала Мари на воспроизводство негативных эмоций, лишив эту когда-то хорошенькую девушку из состоятельной семьи, удачно вышедшую замуж за любящего ее мужчину, родившую ангелоподобного младенца, возможности быть счастливой. Она страдала сама, мучимая подозрениями, ревностью, обидой, не вызывая при этом ни особой любви, ни сострадания близких и так не согрел никого теплом своего чувства.

- Ни самая ли это страшная аномалия, разрушающая человека отсутствие способности любить и вызывать любовь, атрофия радости жизни? И как бороться с ней? - туманно размышлял Йохим, проваливаясь в сон.

Проснувшись рано утром, австрийский гость был счастлив, что уже через час отшвартуется от причала вместе с Дани, что будет покачиваться на волнах, наблюдая, как удаляется берег с крошечным поездом, огибающим кромку суши, с просыпающимися особняками на склонах, среди которых палец друга укажет ему еле различимую точку - свое "родовое гнездо".

В столовой у накрытого стола друзей ждала Фанни. Она была одета во что-то темное, вязаное, подчеркивающее понурость плеч и как-то сразу постарела.

- Молодые люди, я почти не спала сегодня, занималась тем, что особенно не люблю - я предавалась неприятным воспоминаниям. Пока вы жуете, я хотела бы немного оправдаться... Йохим, вчера, конечно же, я показалась вам брюзгой - старая ханжа, восставшая против обнаженных юных животиков. Уверяю вас, меня пугает и бесит в этих "левых" борцах за свободу совсем другое - жажда разрушения. - Фанни нервно перебирала пальцами блестящие спицы колес. - Всего тринадцать лет прошло после этой проклятой войны. Мы, нынешние старики - "косное, враждебное филистерство", изо всех сил старались выжить и построить это наше "мещанское" благополучие - эти наши садики с розами, наш сытый маленький уют. Мы, хлебнувшие горя, хотели оградить своих детей, внуков от голода, нищеты, опасности, запаха крови от всего того, что досталось нам. И я все думаю - неужели тринадцать лет покоя, нормальной человеческой жизни - это так много? Слишком много для того, чтобы не вдохновиться враждой, ненавистью, дракой?

Не знаю, что от чего идет, но когда торжествует животное, человеческое отступает. Нужно ли бунту освобождать в человеке зверя, чтобы оправдать себя, или зверь, проснувшийся в человеке, толкает его к бунту? К войне против благополучия...? - Фанни умолкла, вопросительно и виновато всматриваясь в молодые лица. Но дискуссии не последовало - мысли друзей уже занимало предстоящее путешествие.

- Не забудь передать мсье Брауну привет от Лиз. - Напомнила Фанни внуку на прощанье. - Она навестила нас в прошлое воскресенье. Ты же знаешь, Это такая сильная женщина и, если бы не эти проблемы с Лиссой..."

- Бабушка, - категорически прервал Дани, вытаскивая к машине багаж, Мы отчаливаем. И никакие страдалницы мира, никакие эпотажные кутюрье и наркоманки-манекенщицы не способны испортить наше абсолютно буржуазное, постыдно-комфортабельное и благочестивое путешествие. Адью, старушка, присматривай за мамой. - Дани чмокнул бабушку в щеку и уже обернувшись от калитки они увидели, что старая дама, подрулив к дорожке на своем инвалидном троне, осеняет их путь крестным знаменем.

"Там Корнелия, здесь Фанни - как сговорились, - мелькнуло в голове Йохима. - Ну что

же - мы под двойной защитой".

* *

*

Маршрут путешествия выглядел следующим образом: от Ниццы до Тулона морское путешествие на рейсовом катерке, курсирующем вдоль побережья. В Тулоне встреча с друзьями и погрузка на ожидающую их там яхту "Victoria". И уже в качестве яхтсменов высадка на острове г-на Брауна для торжественного ужина в его компании.

А далее - учитывая ограниченность во времени австрийского гостя остановка в каком-либо крупном портовом городе, откуда Йохим самостоятельно железнодорожным путем вернется в Грац. Остальные же путешественники продолжат прогулку вдоль берегов Ривьеры как Бог на душу положит - в зависимости от настроения, имеющихся средств и попутного ветерка...

Было всего девять утра, когда друзья, оставив на платной стоянке автомобиль и обвешавшись сумками, поднялись по качающимся мосткам на борт рейсового катера. На палубе уже рассаживалась шумная группа туристов солидного возраста под предводительством чернявой, напористой гидши в весьма экстравагантном канареечного цвета брючном костюме

Мужчины и женщины, почти сплошь одетые в удобные спортивные тапочки, хлопчатобумажные майки и светлые брюки до колен в независимости от состояния фигуры и степени одряхления организма, чувствовали себя вполне удовлетворенными жизнью, поездкой и собственными расположением в композиции удаляющегося цветущего пейзажа. - Американцы, сразу видать, - хмыкнул Дани.

Катер отвалил от причала, оставив позади шеренгу лохматых пальм, пустующие столики "Бистро" под апельсиновыми зонтиками, будто столпившиеся на набережной в прощальном приветствии. Скрипучий голос объявил предстоящий маршрут, в репродукторе что-то щелкнуло, зашипело и на свободу вырвался, сразу завладев синевато-дымчатым утренним пространством, поющий женский голос. То ли мощность динамиков, работающих почти на пределе, то ли сам этот вибрирующий, будто kloкочущий в горле голос, завораживающий своей упругой густотой, был причиной тому, что многим, провожавшим взглядом удаляющийся берег Ривьеры, пришло в голову одно и то же - "Вот это и есть настоящая Франция!"

За кормой сразу появилась стайка крикливых чаек, делавших крутые виражи над самой поверхностью воды и подхватывающих своими крючкообразными носами кусочки хлеба, кидаемые с палубы.

- Сейчас мы то же слегка подкрепимся в компании этих прожорливых пташек. Постойка здесь минутку, - по-матросски раскачиваясь, Дани направился в буфет. Йохим налег на поручни, свесившись прямо над белыми пенными бурунами, вздымающимися из-под винта. Мелкие брызги обдавали лицо при каждом волновом шлепке, приятно одурманивало легкое качельное головокружение. Пахло арбузными корками и волей.

Рядом стояла пара американцев в полотняных, сражающихся с ветром, панамках. Женщина, стараясь оказаться над самым центром kloкочущего под килем водоворота, довольно бесцеремонно потеснила Йохима, пододвинувшись почти вплотную к его плечу. Теперь наслаждавшийся морскими впечатлениями пассажир видел не только разлетающуюся пенными браздами дорожку, но и чужую руку, оказавшуюся у него чуть ли не под носом. Рука была немолодой, несильной, некрасивой. Белая кожа, собирающаяся

мелкими складочками в выемке локтевого сгиба, на тыльной поверхности уже загорела, покрывшись россыпью ярких коричневых пятнышек. Короткие ногти, покрытые розовым перламутровым лаком, впились в кусочек булки, на запястье болтался золотой браслетик с миниатюрными хрупкими часиками из той породы, что преподносятся к юбилеям и потом долго раздражают микроскопичной незрячестью циферблата.

Почему он так внимательно, с какой-то тайной жадностью разглядывал все это, стараясь уловить аромат дезодоранта, смешанного с запахом томящегося от жары тела, почему не отстранился, сохранив свой тет-а-тет с морем?

Отщипывая кусочки хлеба, женщина бросала их в воду, целясь в гребень отлетающей волны, и наблюдая, как ловко охотятся за своей добычей птицы. Ее тяжеловатый, низко подвешенный зад обтягивали узкие брючки с разрезами у полных икр, на бедрах повис свитер, связанный спереди рукавами. Короткие завитые пряди вырывались из под белой панамы, прихваченной у подбородка тонкой резинкой. Американка громко смеялась, и стараясь перекрыть стук мотора и репродуктор, комментировала своему спутнику маневры чаек. А тот, вполне солидный и грузный джентльмен, в длинных шортах цвета хаки, выставляющих на всеобщее обозрение клиническую картину верикозных изменений нижних конечностей, по всей видимости, предпочитал посидеть в тишине. Наконец, дама, широко размахнувшись и чуть не задев Йохима, метнула в воду оставшуюся горбушку, ее свитер, развязав рукава, соскользнул на палубу и они чуть не столкнулись головами - американка и высокий очкастый парень, поспешивший подхватить ускользящую за борт вещь. На мгновение их руки соприкоснулись, и очкарик, ухватив свитер первым, протянул его даме. "Сенкью" - кивнула та и поспешила за своим удалявшимся спутником. Йохим качнулся, будто получив сильный удар поддых, судорожно хлебнул воздух и замер. Первое, что почувствовал он, выныривая из черноты, была смесь непонятных, сильных эмоций, требовавших разрядки. Он притих, прислушиваясь к внутренней буре и тупо глядя на возвратившегося с добычей Дани. Изображая официанта в качку, он лавировал между рядами деревянных скамеек, держа бутылку сидра с нанизанными на горлышко бумажными стаканчиками и тарелку с бутербродами:

- Господин путешественник, господа чайки, ваш завтрак! - протянул он тарелку, - Да ты, я вижу, заслушался. Правда - здорово? Представляешь, эту девчонку откопали совсем недавно где-то в семье угольщика. Говорят будущая звезда, вторая Эдит Пиаф. Что за голос - будто ириска во рту! Тут и Париж, и Франция со всеми потрохами.

- Дани, прошу тебя, умоляю, - угрожающим голосом начал набычившийся Йохим по-немецки, - Твои французы и французский мне уже вот здесь...!

Он чиркнул ребром ладони по горлу и чувствуя, как захлестывает его беспричинная, бесконтрольная злоба, выхватил у Дани и швырнул за борт тарелку с бутербродами. Тот замер с недоумением упершись глазами в ошестинившуюся спину друга и не решаясь сказать ни слова. Через пару минут, однако, Йохим повернулся, на его смущенное лицо прорывалась виноватая улыбка. Он порылся в карманах, нашел монету и вручил ее Дани. - Возьми, это мой штраф и начальное капиталовложение в фонд спасения истеричных иностранцев, - буркнул он по-французски.

А суетливая американка, пробираясь через чужие ноги к месту на лавке у самого борта, заботливо придерживаемого для нее верикозным джентльменом при помощи панамки, с трудом сдерживала вспыхнувшее вдруг отчаяние. Ей хотелось орать, топтать ногами, звенеть пощечинами, изорвать и выкинуть, как обманутый лотерейный билет, всю свою жизнь, всю

эту глупую жизнь - от самого дурацкого ее начала.

- Ты вечно все делаешь не так, ты просто кретин, Гарри! - обрушилась она на опешившего спутника, выглядевшего совсем незащищенно с обнаженной ветром плечью.

Но прошли минуты, солнце припекало сквозь полосатый тент, разомлевшими пассажирами овладело умиротворение. Стук мотора стал особенно громким, когда песня Матье оборвалась и голос капитана, откашлявшись, сообщил, что прямо по борту - Канны. Туристы оживились, подтягивая поближе свои сумки, американка полезла в путеводитель, забыв и о минутном взрыве невнятных чувств и о своей атаке на бедного Гарри, старательно приводящего в порядок длинные, редкие, переброшенные от уха к уху пряди.

Эта женщина, хрустящая пухлым поп-хортом и уже устремившаяся мысленно к очередному пункту туристической программы, никогда так и не узнает, что пережила сейчас самый значительный момент во всей причитающейся ей еще жизни - несколько минут назад, на борту маршрутного катерка, у побережья французской Ривьеры, она прикоснулась к руке своего единственного сына.

...Так бывает, так очень часто бывает. Судьба не всегда находит нужным ставить нас в известность по поводу своих тайных игр. Мы не рассчитывали, мы не предполагали - и вот - мы удивлены!" - комментировал Дани издали ожидавшую их в Тулоне "компанию". Он изобразил недоумение, т.к. вместо обещанной "чуть ли не дюжины" гостей, на причале у большой прогулочной яхты "Victorio", расположились две крошки, что явно предполагало интимный характер прогулки. Позже Йохим понял, что серия вечерних звонков Дани имела целью корректировку списка приглашенных.

Одна из девушек, сразу бросавшаяся в глаза, очевидно, Сильвией, т.е. - "лучшей попкой", другая, наверняка, - ни тем, ни другим.

Сильвия, в белой завязанной на животе рубашке и алых брючках "в облипку", постоянно отбрасывала назад шелковистые пряди длинных, темных волос, причем и ее гордо вскинувшаяся голова, и гибкое тело, и взлетающая к виску рука, совершали маленький танец, мимолетный, не впечатляющий. На мгновение, прежде чем волосы снова закрывали лицо, можно было увидеть очаровательную мордашку, глядящую прямо и весело с крошечными черными родинками под глазом, у рта и на скуле, навевающими воспоминания об игривой поре Мадам Помпадур. Сильвия часто хмурилась, собирая к переносице блестящие черные брови и так же легко смеялась - рассыпчато, девственно. Представить ее на сверкающей сцене варьете в пикантном трико, украшенном перьями, было весьма трудно, как и в качестве жены чрезвычайно крутого, по характеристике Дани, малого.

В подруге Сильвии - Нелли, высокой и крупнокостной было, наверное, то, что называют породой: крупный нос с горбинкой, прямая, ниже бровей челка постриженных "в каре" каштановых волос, бледные, четко вылепленные губы, почти постоянно сжимающие длинную сигарету. Во всяком случае, она сама, несомненно, ощущала свою особенность, демонстрируемую окружающим в экстравагантности одежды и манере держаться. На плечистом торсе девушки свободно болтался сетчатобразный балахон ярких африканских расцветок, запястья обеих рук покрывали тяжелые грубой работы серебряные браслеты, а на груди позвякивала целая связка разнообразных амулетов - костяных, керамических, серебряных и деревянных. Нелли училась на филфаке Сорбонны, увлекалась славистикой и была дочерью шефа сильвиного отца, занимавшего, как ни странно, какую-то крупную дипломатическую должность. Все это выяснилось сразу же, как только компания разместилась на яхте и Дани, запустив мотор, предложил всем "чувствовать себя как дома".

Бутылка вина и пакет черешни, прихваченный подругами пришлись очень кстати. Йохим с девушками, надевшими бикини, расположился на палубе, а Дани, дежуривший "в кочегарке" получил свой бокал вина прямо по месту службы.

Беседовали легко и веселок "ни о чем", правда, очень недолго. Как только яхта вырулила в относительно спокойные воды, Дани потребовал себе помощницу и, удалившись с Сильвией в кубрик, предупредил, что они займутся починкой мотора и в постороннем вмешательстве со стороны остальных гостей не нуждаются.

Йохим остался на палубе с Нелли. Намотав на голову тюрбан из лилового шифона, девушка вытянулась в шезлонге и, пуская сигаретный дым через ноздри, полузакрыла глаза. "Если тебя не тянет говорить по-французски, можешь квакать по своему" - лениво бросила она Йохиму. Он облегченно вздохнул, превратившись из гостя в хозяина положения, а Нелли, говорившая по-немецки с забавным акцентом, приобрела дополнительную привлекательность иностранки. Несмотря на видимую отстраненность и даже некоторую высокомерность, девушка оказалась очень разговорчивой. Ее подчеркнутая открытость, должная, по-видимому, демонстрировать независимость от всяческого этикета, предполагала ту степень откровенности, которая редко возникает при первом знакомстве. За пять минут Йохим узнал многое о ее семье, живущей в фактическом разводе, о любовниках матери и побочных заработках отца, о студенческих баталиях с преподавателями, которые она горячо поддерживает, презирая отупевших от сытого благополучия в буржуазном болоте "стариков", о ее парне, бросившем университет и Нелли с кровоточащей раной в груди и отчалившим босым и абсолютно налегке в далекую Индию, чуть ли не пехом.

- Так что я теперь - свободная девушка, но трахаться с кем попало, как это сейчас принято, не собираюсь, - она угрожающе глянула на Йохима, "загоравшего" в полной дорожной экипировке - в брюках, рубашке и даже теннисных тапочках.

- Отдыхай спокойно, - заверил он. - Я не сексуальный маньяк и не полиция нравов. К тому же - жених, догуливающий последние холостяцкие дни.

Нелли хмыкнула:

- Заявление, достойное киногероя 30-х годов. Но что-то не верится: сидишь, такой застегнутый на все пуговицы, боишься расслабиться. Наверное, за себя не ручаешься, - она иронически прищурила зеленые, по-восточному подтянутые к вискам глаза.

- Да, я скромный. И стораю на солнце. А кроме того - далеко не такой плейбой, как Дани, чтобы демонстрировать экстерьер и навязываться очаровательным французенкам... Работа у меня мрачная, характер скрытный, спортом не увлекаюсь, к сексу отношусь разумно.

- Разумно? - Нелли возмущенно привстала, - Вот уж определение меньше всего сюда подходящее. Мне кажется, секс может быть каким угодно, но самые ценные, редкие его экземпляры появляются вне разума и логики... Вне привычек, законов, становясь экстремальным событием. В голосе Нелли появились менторские интонации.

- Ну ты прямо как на лекции в клубе молодых супругов. А по сути-то все гораздо проще, - и Йохим, с удивлением понимая, что он впервые обсуждает ту тему, да еще с малознакомой женщиной, пустился в откровения, пытаясь подвести для себя самого итоги собственного опыта. Он вспомнил ту ночь на чердаке с персиковым вкусом на губах и ощущением, что мир перевернулся, открыв, наконец, свою подлинную суть. А потом что-то ушло, схлынуло. Агрессия чувств, завоевавших и подчинивших на какое-то время всю территорию его Я, оказалась надуманной, ложной. Эротическая окраска действительности поблекла, эмоции

улеглись, обосновавшись в специально отведенном им уголке жизни и обозначенном понятиями супружества, брака.

-Значит, ты с этим завязал, - констатировала Нелли, - То есть хочешь сказать, что ни на кого, кроме твоей Ванды, у тебя просто не стоит?

Йохим не успел ответить.

- Ну что, флиртуете? - показался над палубой бронзовый торс Дани.

- Обсуждаем немецкую лингвистику, - огрызнулся Йохим.

- Сворачивайте научную дискуссию - перед вами остров "Монте-Кристо", то есть - "Сан-Остин-Браун".

Прямо по курсу, метрах в пятистах от них возвышался каменный берег, резко ограниченный с двух сторон, так что сразу было понятно, что это всего лишь небольшой кусок суши, хотя и монументальный. Огромный, плавающий в синеве торт из каменных слоистых глыб, украшенных пышно взбитым "кремом" цветущих бело-розовых кустов и деревьев, венчало оригинальное строение, как продолжавшие своими линиями естественные природные формы скалистого рельефа. Геометрические конструкции из стекла и металла, пронизывало солнце, стоящее за "спиной" дома. В небольшой глубокой бухточке покачивался на воде мощный катер авиационных очертаний, а на бетонном причале уже кто-то стоял, сигнализируя гостям взмахами рук.

- Вон твой мафиози уже заждался, пока вы там возились с мотором, съязвил Йохим. Яхта благополучно причалила и девушкам, помогая высадиться, протянул руку очень крепкий, коренастый мужчина, оказавшийся темным мулатом. Под тонким, журнально-элегантным летним костюмом угадывался прочный каркас мышц, молодое лицо с полуевропейскими чертами выражало приветствие.

- Малло, помощник и друг мсье Брауна, - представил Дани друзьям темнолицего крепыша.

- Шеф просил меня приветствовать вас и сообщить, что ждет вас ровно в семь часов к ужину. А пока - вы можете расположить в своих комнатах, сообщил Малло, провожая гостей по крутой каменной лестнице к дому.

В холле с квадратными колоннами и стенами из светлого ракушечника было сумрачно и прохладно. Бесшумно ступая по мягкому светлому ковру, компания поднялась на второй этаж, где от полукруглой открытой веранды, выходящей на южную сторону, расходились коридоры. По тонким колоннам балюстрады, поддерживающей стеклянный куполообразный потолок и витому металлическому парапету струились откуда-то сверху тяжелые лозы глициний, покрытые нежными сиреневыми соцветиями.

Малло распахнул две двери визави, находящиеся в самом начале коридора, предоставив гостям выбирать себе апартаменты и партнеров. Девушки свернули в комнату на солнечной стороне и оттуда сразу же послышался радостный визг. Стеклопанельная стена большой светлой гостиной, распахнутая настежь, представляла собой огромную картину, автором которой мог быть только какой-нибудь вконец измученный унылой зимой северянин. Теперь он, не сдерживаясь и отступая от всяческого правдоподобия позволяя себе чрезмерность и слащавость, наваливая в изобилии все то, по чему истомилась его оккупированная холодом и мраком душа.

Прямо от балкона уступами спускался к синему морю фантастический сад. Среди поляны крупных красно-желтых тюльпанов, собравших в свои венчики подобно высоким бокалам, золотистый солнечный свет, в окружении пальм, похожих на огромные, оперенные

изумрудной ботвой ананасы серебрилась зеркальная гладь причудливо изогнутого бассейна. Чуть ниже, на лужайке, среди букетообразных кустов олеандра манили к отдыху белые кресла и шезлонги, а еще ниже, за полями цветущих роз, синело море, поднимаясь к высокому горизонту острыми клинышками белых парусов. Все это эдемское цветение, не знающее ни бурь, ни серости дождевых облаков, благоухало, жужжало пчелиной суетой и нежилось под лазурным, без единой помарочки, небосклоном. Воздух был плотным от ароматов, вселяющим уверенность в бескрылый полет. Казалось, что стоит только распластаться на упругой воздушной струе - и плавно заскользишь, касаясь животом тюльпанного ковра, прямо в прозрачную прохладную воду.. Сильвия потянулась, подняла руки и счастливо зажмурилась:

- Здесь просто невозможно не быть счастливо!

Апартаменты мужчин выглядели более строго, открывая вид на затененную каменистую гряду и бухточку с причаленной яхтой. Бар был полон разнообразными напитками, а в спальне под бархатистой синевой покрывала, величаво застыло монументальное супружеское ложе.

- Да, Ехи, так проводить ночь нам с тобой еще не приходилось... присвистнул, заглянув в опочивальню, Дани. - -А сейчас - водные процедуры и одеваться - форма одежды - свободная.

... В точно означенное время компания встретилась в холле под суровый звон больших старинных часов, и веселые шуточки, сопровождавшие оглядывание друг друга: все были при полном параде. Дани, в элегантном, бледно-голубом легком костюме тянул по меньшей мере на лорда. Сильвия, окутанная легким, почти прозрачным облачком палевого шифона, в греческого типа сандалиях, опоясывающих икры ремешками, выглядела юной нимфой. Ее темные волосы, стянутые на макушке толстым золотистым жгутом, падали на шею и щеки блестящими пружинистыми завитками. Нелли, высокая, с королевской осанкой и вздернутым подбородком, делающими взгляд прищуренных глаз высокомерно-презрительным, была облачена во что то легкое, необъятное, затканное черно-золотым восточным орнаментом. Высокие разрезы снизу до бедер и на груди, доходящие почти до талии, позволяли любоваться шоколадной, лоснящейся кожей.

Йохим мог бы показаться провинциально-скромным, если бы не смотрелся так стильно.

- Ты прямо как со страниц Скотта-Фитцджеральда - сплошная ретруха, с удовлетворением прокомментировал Дани сконструированный другу костюм: белые мягкие, мешковатые брюки и жилет с цветными полосками геометрического орнамента. Рукава сорочки пришлось закатать до локтя, верхнюю пуговичку воротника расстегнуть, волосы на висках и шее состричь, предоставив длинным прядям возможность свободного падения. Йохим и Дани как будто сошли со страниц разных журналов - один из интерьера светского раута, другой - с английской лужайки, оборудованный для игры в гольф.

В столовой, обставленной совсем в ином стиле, чем верхние помещения, можно было бы представить аристократических персонажей Агаты Кристи, уже слегка нашкодивших и ждущих разоблачения. Тускло мерцали зеркала в тяжелых бронзовых рамах, солидно лоснились полировкой панели красного дерева, покрывающие стены, Высокомерно и холодно позвякивало пышное хрустальное оснащение большой бронзовой люстры.

От окна с вишневыми бархатными шторами двинулся к вошедшим элегантный мужчина среднего возраста, среднего роста и средне-плотного телосложения, протягивая для приветствия руку.

- Остин Браун, - представился он гостям. - Надеюсь, Дани предупредил вас, что официоз и церемонии здесь не в почете. Вначале займемся едой. Ужин скорее сытный, чем изысканный, мне показалось, что в вашем возрасте это важно. А удовлетворять сразу два условия, увы, не удалось - пришлось отпустить повара на съезд профсоюзов. Восторги и претензии за все, что представлено на столе, направляйте в адрес Малло и мадам Лани. Сам автор, к сожалению, присутствовать не может - у него ответственное дело. Официантов не будет, самообслуживание и вольный порядок блюд. Но тосты не отменяются.

Подождав пока гости наполнят тарелки, Браун поднял бокал с вином:

-Я вижу, что вы голодны, знаю, что вы веселы и потому буду короток и очень серьезен... Этот бокал я поднимаю в честь Даниила, моего юного друга, с которым нам пришлось пережить немало интересного. За его ответственность, легкий нрав и чистоту души, что, конечно, звучит старомодно. Большого тебе плавания, Дани.

Все выпили и сосредоточились на еде, представленной в разнообразии. Большой овальный стол позволял использовать обильную старинную сервировку шеренги хрустальных бокалов, разнообразные блюда, салатницы, трехъярусные вазы, всевозможные соусницы, подставочки, розетки, старинное серебряное фразе времен Наполеона, свободно располагались на его обширном белом поле, были загружены разнообразной снедью, не требовавшей особых кулинарных усилий.

- Предлагаю попробовать национальное блюдо, популярное в Восточной Европе в летний полдень, когда одурманенные жарой работяги возвращаются с поля домой, - Браун жестом пригласил приступить к действию мадам Лани, держащую большую супницу. В то время как гости разливали в тарелки серебряным черпаком что-то коричневое, звенящее кусочками льда, хозяин объяснил:

- Это, собственно, первое и второе блюдо, вместе взятые, а может быть, и десерт - в зависимости от состоятельности семьи. Здесь мелко нарезанные овощи, травы, кислые сливки и главное - сама жидкость, называемая, кажется КВАС, если я точно произношу. Квас - что-то среднее между пивом и пэпси. Приготавливается здесь у меня лично мадам Лани по специальному рецепту с добавлением хмеля и изюма. Хотя я напрасно распространяюсь. Возможно, кто-то из вас даже больше осведомлен в хитростях славянской кулинарной школы. Ты, Дани, ведь француз только наполовину?

- Мой отец - австриец. А если отбросить венский снобизм, то с коктейлем, унаследованным еще от Австро-Венгерской империи, гарантировать чистоту расовой принадлежности просто невозможно. Вполне возможно, что какие-то мои предки хлебали этот ваш "КВАШ" буквально каждый день, причем.

- А Йохим-Готтлиб, по-видимому, полноценный австриец. Кто ваши родители? - обратился Браун к молчаливому гостю.

- Я сирота. Вырос с бабушкой и дедом, который был католическим священником, а бабушка - словацкая крестьянка.

- Ага, вот видите, значит и вас этим блюдом не удивишь, - заметил хозяин.

- Зато я - чистокровная француженка, причем - парижанка, но при всем этом терпеть не могу снобов, - вставила Сильвия для убедительности трянув головой.

Боюсь, что мне похвастаться оригинальностью происхождения не удастся. Где-то, в глубине родословной, я чуть-чуть турчанка, - сказала Нелли. - Но вместе с отцом, служившим в самых разных местах мира, я жила в Германии, Италии и даже в Константинополе. А вы, мсье Браун, скорее уж похожи на итальянца, чем на немца.

Все устали на Брауна. Его лицо, на контрасте со светло-бежевой тканью костюма, действительно было очень смуглым, так что улыбка казалась особенно белозубой, а густые волосы, зачесанные назад, смоляными. И в глазах, столь темных, что зрачки совсем не выделялись, было что-то южное, помимо черноты, какая-то насмешливо-авантюжная искорка. Особенно "итальянскими" в Брауне были виски - почти седые, довольно длинно низко опущенные, и усы, еще совсем черные.

- Нет, увя. Мне приходилось жить в Италии, где меня действительно принимали за своего, пока я не начинал говорить с моим ужасающим акцентом. А теперь пора отведать горячего и, главное, налить вина. Думаю, что за горячим не будет слишком бесцеремонно называть меня просто Остин.

Ужин, действительно, был сытным, так что расположившаяся на веранде с мороженым, компания чувствовал себя отяжелевшей и расположенной к беседе.

- Остин, - начал Дани, - Ты уже слышал про Йохима, и у меня есть кое-что новенькое про него. Но в начале расскажу всем присутствующим маленькую историю... Для съемок фильма нам пришлось побывать с Остином и оператором в самых разных местах планеты, сразу скажу - не очень веселых. Мы даже дня три пробыли с ним по ту сторону "железного занавеса" в СССР, в одном городе на большой ихней реке, где Остин хотел снять совсем короткий, отнюдь не парадный сюжет. К нам была приставлена переводчица, плохо говорившая по-французски, но зато, наверное, имеющая чин в их ЦРУ, забыл как оно там называется, а! - КГБ - "комитет безопасности". Она грудью закрывала от нас все, что не соответствовало версии советской пропаганды о процветании социалистического общества. "Иностранцы только и приезжают сюда, чтобы фотографировать помойки и каких-то фальшивых нищих. А посмотрите, разве не лучше заснять наши новостройки, памятники, парки, наши дворцы, клубы и школы!" - вдохновенно призывала она и однажды привезла нас, вместо необходимого нам объекта, в какую-то школу, где у бюста, изображающего бородатого Фиделя Кастро, маршировали с барабанами и горнами дети в красных шейных платках. Мы сняли это на пленку. А потом нас повели в самую школу, где в большом зале, в стеклянной витрине я увидел... знаешь что, Ехи? - Не угадаешь, - нашего тевтонца с копьем! Ну точь в точь такого же. Представляешь его там, в этой унылой стране, в этой школе с портретами вождей в каждом классе, вылепили какие-то девчонки из общества юных коммунистов! То есть, понимаешь, они - кажущиеся чуть ли не монстрами думали и делали то же самое. Тогда я, распираемый воспоминаниями юности, рассказал Остину про наши гимназические подвиги... А теперь, Остин, этот длинновязый скромняга - ведущий хирург знаменитой австрийской клиники.

- Ну, ты здорово преувеличиваешь, Дани! - покраснел Йохим. Начинающий хирург и притом, без особой надежды и даже старания когда-либо стать просто очередным.

- Ладно, ладно, знаю я твою скромность. От мании величия ты не умрешь, - многозначительно прокомментировал заявление друга Дани.

Йохиму пришлось рассказать немного о жизни Граца и клинике Вернера. Затем все узнали, как выставила своего мужа-игрока, а вообще-то репортера, Сильвия, и какими настроениями дышит Сорбонна. Девушки, заинтересованные короткими комментариями Дани об австрийской столице, решили при первой же возможности посетить Вену вместе. Браун с нескрываемым удовольствием наблюдал за молодежью.

- А знаете, Йохим, для меня Австрия - это прежде всего

- Венский вальс. Я солидарен в этом банальном утверждении, наверное, с половиной

мира и виной тому - американцы. Мне было около двадцати, когда по всем странам прокатилась эпидемия "Великого вальса". Помните, красавица Милица Кориус и эта головокружительная музыка. Я познакомился с актрисой в 50-м годом в Нью-Йорке, куда она эмигрировала из фашистской Германии. Она жила в огромном особняке со своим мужем - очень состоятельным, родовитым немецким аристократом и двумя детьми, и больше не снималась. "Великий вальс" был единственным американским фильмом, к которому любящий муж допустил Милицу, присутствуя лично на всех репетициях и съемках и вынудив студию Голден Меер снимать великолепную примадонну в натуральных бриллиантах. Павильон в киностудии был оцеплен полицейским кордоном - ее диадемы, кольцо и серьги стоили больше самого фильма... Да она и в 50-м, где-то теперешняя моя ровесница была прекрасна и весь вечер пела нам русские романсы. Милица - москвичка. Ее брат и сестра до сих пор живут в СССР. У русских фильм назывался "Большой вальс", т.к. эпитет "великий" мог быть применен только отношению к вождям советской власти" - Остин поднялся и включил магнитофон. Звуки штраусовского вальса, кружа и заманивая, окрасили вечер, навсегда слившись для присутствующих в единую вкусовую гамму с воздухом, морем, цветением и юностью, с этим домом, островом и человеком, так что стоило после появиться в памяти чему-то одному - и звучал весь оркестр.

- Тогда, девятнадцатилетним мальчишкой, я был околдован этой экранной сказкой, - задумчиво продолжал Остин. - Потом, взрослея, стал относиться к ней с нежной снисходительностью, как к милой детской привязанности мишкам, игрушкам, книжкам. И только сейчас понял - символ великого и прекрасного должен быть простым и наивным. И неизбежно - банальным, то есть всеобщим.

Мы все силимся различить в своих судьбах знаки божественного промысла, понятную и осуществляющуюся в обозримых жизненных пределах справедливость. Но как не напрягайся, мудрый замысел в отдельной человеческой жизни часто не просматривается: нелепые обиды, бессмысленные потери, великодушие и жертвенность, оставшиеся без вознаграждения, без малейшего намека на какую-то высшую благодарность. Сказки и притчи - эта реализованная справедливость, осуществленный на деле Главный закон человеческого существования: возмездие грешникам, награда праведникам.

- Да, я помню, - вставил Дани, - как мы, мальчишки, сидящие в зале, были благодарны людям, собравшимся на венской площади, чтобы приветствовать старого Штрауса, когда-то не признанного и обиженного. Огромная толпа пела его вальс, а старикан плакал. И плакали зрители, умиленные торжеством справедливости.

- Сентиментальность - это так мило, так старомодно, как дедушкин велосипед, - Нелли выпустила струйку дыма. - А главное, сквозь слезы умиления, воспетые Дани, можно не замечать несправедливость, жестокость, алчность - все те болезни, которыми страдает это славное, доброе, умиляющееся над любовной сказочкой общество.

- Господи, вечно ты со своей социальной критикой. Это же фильм ПРО ЛЮБОВЬ! Непростую любовь, возникающую не между обычными мужчиной и женщиной, а между двумя художниками-соавторами. В каком бы обществе это не случилось - это чудо, о котором можно только мечтать, - Сильвия задумчиво протянула руки к морю, будто собираясь кого-то обнять. - Как же, наверное, здорово танцевать, когда за дирижерским пультом стоит твой возлюбленный, написавший эту чудесную музыку для тебя, живущий - для тебя! Я знаю, что была бы гениальной!

Сильвия встала и, войдя в полутемную гостиную, начала танцевать. Ее тонкое, гибкое

тело, подсвеченное лампой из глубины комнаты, казалось совсем легким, невесомым, подвластным изгибам мелодии, словно легким порывам ветерка. Она танцевала здорово, это был даже не вальс: Сильвия танцевала молодость, счастье, любовь, чувствуя с каким восторгом следят за ней синие глаза Дани.

... Уже совсем стемнело, черная южная ночь усыпала гигантский купол над головой мириадами звезд. За черной бархатной полоской моря невидимая земля искрилась гирляндами ярких огней - горели фонари набережных, окна домов, витрины и рекламы, создавая над Лазурным берегом светящуюся дымку. Вальсы кончились, но никому не хотелось говорить.

Прервал молчание Йохим:

- Вы, Остин, сказали, что главный закон рода человеческого возмездие грешникам, награда праведникам. Но кто полномочен судить, карать и миловать? Какому высшему суду доверите вы это, если религиозное чувство в вас недостаточно сильно? Я читал книги русского писателя-классика Федора Достоевского и много размышлял тогда - что есть зло? Как отличить добро от зла? Каким прибором измерить?

- Понимаю вас, Йохим. Я думаю - личной совестью каждого. Хотя и она, как все земное, часто барахлит, сбивается с ориентиров, заложенных в душу, очевидно, свыше, какой-то мудрой силой, как ее не назови. Человек, если он нормален, испытывает потребность в добре и красоте, как нуждается в питье и пище, в продолжении рода. Даже сбитый с толку общепринятыми законами и мерками, он томится по доброму деянию. Он хочет быть хорошим перед лицом какого-то единственного зрителя, которого он сам и придумал лучшей, изначальной частью своего существа... Я знаю одного американца, выпускающего пистолет "Беретта", ставший знаменитым, как любимое оружие Джеймса Бонда. Так вот он, разбогатевший и расширивший свое производство за счет потребности человечества в убийстве, содержит местный оперный театр, куда регулярно выводит на премьеры всех своих рабочих-оружейников... А фашистские палачи, известные своим пристрастием к великой классической музыке, вдохновлявшиеся Бетховеном и Моцартом? Где их добро и зло?... Ладно, друзья, мы можем здесь профилофствовать всю ночь, но так ничего и не решим. Предлагаю перед сном прогуляться к морю, мимоходом осмотрев мой маленький "музей".

...Большой зал в доме Остина был превращен в своеобразную галерею, где кроме картин и нескольких скульптур были выставлены самые разные предметы, неведомо как сюда попавшие - какое-то ветхое, изодранное знамя, старая коллекция уже поблекших бабочек, круглые часы под стеклянным колпаком и даже абсолютно заурядный кирпич, покоящийся в специальной витрине.

- Я не коллекционер и не знаток искусств. То, что вы здесь видите сувениры моего жизненного пути, чрезвычайно для меня ценные. За каждым из них - целая история или судьба. Эти картины, - Остин указал рукой на левую стену, - действительно представляют художественную ценность, а те - махнул он в дру

гом направлении, - чисто личную. Хотя, может, и художественную тоже. Говорят, что это зачастую решает только время.

Внимание Йохима привлекла небольшая икона в потемневшем серебряном окладе, лежащая в застекленной витрине.

- Я, кажется, знаю, - это православная икона Божьей Матери, - сказал он хозяину. - У моей бабушки-славянки была похожая, и у нее все время мерцал огонек. Я даже помню с детства слова молитвы, которую она шептала перед сном, стоя на коленях: "Свята Марья, Матка Божия..."

- Это ты по-каковски декламируешь? - поинтересовался Дани.

- Кажется по-словацки, а может - по-русски. Эти языки на слух иностранца трудно неотличимы, как вы считаете, Остин?

...Потом все спустились к пустому пляжу и Сильвия, еще находящаяся во власти музыки, медленно пошла в воду прямо в сандалиях и шифоновом платъице. Она просто не замедлила движения на ступенях каменной лестницы, продолжая двигаться все дальше и дальше. Все молча смотрели, как светлый силуэт погружается в черную бездну. Потом, уже исчезнув по плечи, Сильвия обернулась и, подчиняясь какой-то звучащей для нее одной мелодии,

направилась к берегу. Ее плавное, бесшумное, без всплесков и брызг, движение казалось фантастическим трюком, а рождающееся из тьмы, обрисованное складками ткани, тело - мраморной скульптурой. Выросшая на берегу, Сильвия мелко дрожала, даже в темноте было видно, как сияют ее глаза:

- Вода очень теплая. Меня знобит от волнения - я боялась раздавить морского ежа - их здесь полно.

Остин снял пиджак и укутал плечи девушки.

- Пойдем-ка, новорожденная Венера, - обняв подругу, Дани направляясь с ней к дому. - Я буду сочинять для тебя песни. Когда-то я просто блистал в гимназическом хоре. Помнишь, Ехи, - "Песнь моя летит с мольбою"? - напел он уже издали.

Йохим, задержавшийся на берегу, метнул в воду круглую гальку, не уверенный, что последует всплеск - так тиха и бездонна была черная гладь. Но вода ответила... Йохим колебался. Он понимал, что не сможет рассчитывать сегодня ночью на общество Дани, но не знал, как поступить - остаться ли в саду или составить компанию Нелли. Вопрос решился просто.

- Не удостоюсь ли я чести быть приглашенной на вашу веранду, австрийский жених?, - насмешливо спросила Нелли. - Я буду паинькой никакой антибуржуазной пропаганды и безнравственных высказываний. Мы будем беседовать... о Шуберте...

Йохим проводил девушку к себе и они, не зажигая свет, устроились в креслах, казалось, нависших над черной пропастью. Было темно и тихо, только угольком алела сигарета Нелли и остервенело трещали в кустах цикады. Девушка уселась, подобрав под себя длинные ноги, и подняла лицо к звездному небу.

- Фу, черт, опять пропустила, - огорчилась она. - Уже вторая звезда свалилась, а я так ничего и не успела загадать.

- А если бы успела, то что? - поинтересовался Йохим.

- Ох, и не знаю. Так много всего надо - большого и маленького, что всей этой прорве звезд пришлось бы обрушиться сплошным дождем... Ну, для начала хочу, чтобы сегодня - было всегда. Чтобы всегда было так хорошо, как сегодня, чтобы висеть так, над затаившейся бездной, а в кресле напротив....

- Понял, понял, - прервал Йохим, - Твой босяк-индус или Ален Делон в подлиннике.

- Ты удивишься, - Нелли загадочно улыбнулась, - но я уже целый час жду, когда ты докажешь мне, что мой последний вопрос там на палубе, был совершенно идиотским...

И снова Йохим оказался в головокружительной тесноте южной ночи и теплого женского тела. И снова, как тогда, на чердаке, забыл обо всем, становясь другим...

- Все-то ты врал про себя, жених, - подытожила Нелли, растянувшись на животе поперек "супружеского" ложа. Она с удовольствием курила, стряхивая пепел в стоящую на ковре пепельницу. - Я далеко не гадалка, но возьмусь пророчить - у тебя вперед еще ого-го что!

- Звучит весьма двусмысленно. Но сейчас я могу присягнуть, что если даже завтра мы все заболеем чумой, или над Ла-Маншем пронесется свирепый тайфун, я буду считать эту поездку самой удачной в моей жизни, - отозвался из темноты Йохим.

* *

Утром, после завтрака в саду, уже в джинсах и майках, прощались с Брауном.

- Жаль, что вы не хотите задержаться подольше. Мне тоже, видимо, скоро предстоит уехать. Я вообще много разъезжаю и берегу этот дом для тихой старости. Но знайте - по

первому вашему знаку - вы мои желанные гости. Будем держать связь через Дани, - заверил на прощание Остин, выглядевший помолодевшим в теннисных брюках и белой спортивной рубашке.

Они долго махали руками с борта удаляющейся от острова яхты фигуре коренастого человека, становившейся все меньше и меньше.

- Ну вот вам и "мафиози", - сказал Дани. - Я не знаю точно, чем занимается Остин. У него какое-то большое дело в Европе и огромные связи. Он может многое, но это - "добрый гений", как пишут в детских книжках. У него что бы он там не говорил, просто идиосинкразия ко всякому злу, жестокости. Эдакий Эдмон Дантес - миссионер справедливости.

- Причем, очень даже веселый миссионер! - подхватила Сильвия, вспомнив о пиджаке.

- Э, нет, - задумчиво протянул Дани. - Вчера он был явно не в своей тарелке. Уж я то знаю.

... Вернувшись в гостиную, Остин Браун, с ненавистью глянул на молчавший телефон и направился к бару. Уже третий день он тщетно ждал вестей. Предельно настороженный, будто превратившийся в напряженную струну, он прокручивал в голове бесконечные варианты, стараясь обнаружить причину. "Почему, почему? Где допущен промах?" - с бутылкой в руках Остин вышел на веранду. Глядя вслед удаляющейся "Виктории" налил себе полный стакан "Столичной".

ЧАСТЬ 5. ОСТИН БРАУН

- 137

ГЛАВА 4. ОСТИН БРАУН

1

Сорокавосемилетний Остин Браун, тоскливо взирающий на морскую синь с террасы своего средиземноморского дома, ровно три десятилетия назад в желтой футболке с крылатой эмблемой и синих сатиновых трусах до колен, наматывал круг за кругом на велосипеде спортивного общества "Сокол" российского города Сталинграда.

Собираясь осушить бокал водки, потеющий в ароматном утреннем воздухе, г-н Браун не ведал, что празднует юбилей. Именно 18 июня 1938 года на областном соревновании юных физкультурников он несся навстречу финишной ленточке, ощущая взмокшей спиной и окаменевшей от напряжения поясницей, что оставил далеко позади обессилевших соперников.

Где-то за каменной стеной забвения, отвоеванного в упорной борьбе с надоедливой памятью, остался этот день с трепещущими в небесной лазури яркими вымпелами спортивных обществ, с широко распахнутыми окнами близлежащих домов, на подоконники которых налегли любопытствующие жители коммуналок, с тонконогой девчушкой в красном галстуке, несущей букет лохматых пионов.

Победители-физкультурники, награжденные памятными медалями и кубками, были выстроены в центре стадиона. Гремели репродукторы: "Мы рождены, чтоб сказку сделать былью", и группа пионеров с цветами, численно соответствовавшая количеству призеров, рванулась к спортсменам от главной трибуны. Все юные ленинцы достигли цели, лишь самая маленькая, с наглаженным бантом в светлой косице, направлявшаяся именно к нему, споткнулась, растянувшись на траве во весь рост. Но рук, ухвативших букет, не разжала. Неловко поднялась и уже с красно-зелеными ссадинами на коленках и вспыхнувшими от стыда щеками нерешительно направилась к своему подопечному - единственному,

оставшемуся без цветов. Он и сам шел к ней через зеленое поле в центре тысячного амфитеатра, широко улыбаясь и протягивая руки - восемнадцатилетний золотой призер велогонок, черноглазый Остап Гульба.

Первенец мастера-бригадира орденоносного сталинградского тракторного завода был назван Остапом в честь героями известной повести Гоголя, потрясшей воображение заканчивающего вечернюю школу зрелого отца семейства. Второй сын Тараса Гульбы, выходца из глухой приднепровской деревушки, был рожден двумя годами позже и получив имя Андрий. То, что старший сын гоголевского Бульбы Остап положительными моральными качествами не отличался, коммуниста и передовика производства не смутило имя хорошее, знаменитое, а уж воспитание и коллектив помогут парню стать полноценным членом общества. И не ошибся. Гражданин страны Советов Остап Гульба с малых лет являл собой пример превосходства социалистической морали над индивидуалистической психологией дореволюционного строя. Его мать, урожденная Клавдия Пучкова по всем своим тайным признакам ждала дочку Майю. Но этот мальчик, появившийся на свет с избыточной созидательной энергией и активным благорасположением к жизни, стал ее гордостью и надеждой. Чернявый и быстроглазый, как цыганенок, он был спор и ладе во всем, к чему не прикасался. А занимался Остап, неизменно лидируя, сразу многим: возглавлял школьный учком, затем комсомольскую ячейку, был отличником учебы и ГТО, брал призы на физкультурных соревнованиях, солировал под гармонию народные песни и уже с малолетства мечтал о кругосветном путешествии и покорении Эльбруса.

Семья Гульбы вообще тяготела к просвещению и общественной работе. Клавдия, имевшая возможность пристроить своих сыновей в заводской детский сад, посещала вечерами кружок марксистско-ленинской подготовки, а сам глава семьи, забрав детей после смены домой, рассказывал их на дермантиновом диване и читал вслух чрезвычайно увлекший его роман французского писателя Александра Дюма "Граф Монте-Кристо". Тарас читал медленно, с выражением, в ответственных местах помогая себе ритмическим покачиванием указательного пальца. Младшенький Андрий засыпал, а четырехлетний Остап никак не мог усидеть на месте, успевая во время отцовского чтения провертеть гвоздем дырку в диване (уж очень было интересно узнать, что там скрипит) или отколотить кончик хобота каменному слонику, самому маленькому из семерки, шествующей по деревянной диванной полочке на самом краю крахмальной салфеточки-"ришель". Но вечерние читки продолжались и к шести годам Остап уже и не мыслил жизни без французского графа, пытаясь самостоятельно разобраться в мелких буквах. Если бы в эти годы Бог послал Гульбе еще одного сына, он с неизбежностью был бы назван Эдмоном.

После окончания школы с отличием, Остап поступил на вечерний юрфак, хотя мог бы учиться и на дневном, но рвался по стопам отца к станку.

К двадцати годам "гарный хлопчик" Остап Остап уже получил шестой токарный разряд, имея кучу физкультурных грамот, большой стаж общественной работы, права автоводителя грузового транспорта, полученные в заводском клубе, и множество заглядывающихся на него девчат, в основном, правда, "сохнушим по углам", без надежды на взаимность. К женщинам комсомолец Гульба относился серьезно, на легкие свиданки не разменивался, а в соответствии с положениями морального кодекса рабоче-крестьянского государства, стремился к созданию крепкой, здоровой и многочисленной семьи.

Витя, Вика, Виктория - синеглазая, высокая, статная с черепаховым гребнем, поддерживающим на затылке тяжелую каштановую косу, с мягкими завитками у шеи и легко

воспламеняющимся смуглым румянцем, была соседкой, одноклассницей, подружкой, а затем - и невестой Остапа. Проходя эти стадии, ступень за ступенью, она превратилась из шустрой глазастой худышки Витьки в вальяжную, статную, гордо несущую свою высокую грудь Викторину. Виктория, как и все почти дети заводского поселка, пошла после школы на завод, но не в цех, а в клуб - библиотекаршей, где и сидела среди высоких стеллажей с алфавитным указателем и лабиринтом книжных полок, успевая два раза в неделю посещать специальные курсы педучилища, готовящие учителей младших классов. У столика Виктории всегда кто-нибудь топтался, затеявая разговоры о книгах. Так ясно смотрели ее улыбочивые очи, так мягко звучал глубокий, слегка модулированный волжским оканьем голос, так ласковы и обходительны были манеры, что простую беседу о чем-нибудь "из классики" или книжных новинок можно было приравнять к походу в кинотеатр по глубине позитивных эмоций.

Единственная дочь инженеров-конструкторов, плечом к плечу трудившихся в заводском конструкторском бюро над разработкой новых марок отечественной сельхозтехники, Виктория относилась к кругу интеллигенции и, по-видимому, отчасти, еврейской национальности, поскольку фамилия ее щуплой чернявой матери, как утверждали осведомленные источники, была Шпак, что, впрочем, до поры до времени ничего значило.

После смены Остап часто заходил в библиотеку и они отправлялись гулять. Однажды дождливым осенним вечером, отстояв длинную очередь в самый большой, двухзальный кинотеатр города, они увидели американский фильм, о котором уже захлеб говорили все вокруг. Большой рекламный плакат у входа в раме из мигающих лампочек, сообщал, что в новой американской киноленте "Большой вальс" снималась знаменитая певица Милица Корьюс.

Толяныч - художник, состоящий при кинотеатра, обычно уродовал всех до неузнаваемости, в процессе перевода на холст увеличенного проектором кадра киноплёнки. В этой же работе он превзошел самого себя - с вышедшего из-под его кисти полотна аристократически-тонко улыбалось прекрасное женское лицо, затененное большой широкополой шляпой. Позже, когда фильм сойдет с экрана, Толяныч унесет полотно домой и будет хранить как доказательство своей причастности к большому искусству. Никогда больше не придется ему испытать подобного творческого взлета, да и у тех, кто сидел в кинозале ощущение кинофильма как величайшего праздничного события собственной личной жизни сохранится на многие годы.

Каждый, плачущий от восторга и умиления над экранной историей короля вальсов Шани и оперной примадонны Карлы Доннер, чувствовал себя рожденным для такого Большого вальса - для прекрасной, головокружительной, великой любви. Те, кто постарше, плакали от того, что узнали об этом только теперь, получив единственную возможность пережить свой "вальс" вместе с героями фильма, а молодые, вдохновенно смотрели в будущее, где уже ожидало их, распахнув широкие объятия, огромное, светлое, кружащееся и поющее счастье.

Над толпой, покидавшей кинотеатр, витал весенний вальс, и женщины не открывали рот лишь из застенчивости, потому что каждая из них тайно надеялась, что сможет сейчас запеть так же божественно-прозрачно, легко и звонко, как прелестная Милица.

Остап и Виктория смотрели фильм несколько раз подряд, опьяненные счастьем, музыкой и предчувствием, что это все еще будет у них - и просыпающийся утренний лес, и уносящий в сияющую высь вихрь влюбленности, и огромный танцующий город,

объединенный общей радостью, гордостью, славой...

Теплыми, свободными от занятий вечерами, Остап и Виктория долго гуляли по узким улочкам, спускавшимся к Волге. Из свежеспелых огородов тянуло укропом и "табаком", ломились от цветов кусты сирени, потом наливались и краснели вишни, тяжелели яблони, пустели, готовясь к зиме, огороды, и какой-нибудь патефон, выставленный на подоконник разносил в сгущающихся сумерка всенародно любимые "Сказки венского леса".

Потом, исходив все заветные уголки приволжской окраины, влюбленные сидели у самой воды, наблюдая за баржами и пароходиками, из которых самым приметным был маленький шустрый "Тракторист", приписанный, видимо, к местному грузовому порту. Отфыркиваясь, неистово колотя воду огромными колесами, пароходик без устали сновал взад и вперед, басовито гудел, внося в величавую степенность волжского пейзажа оживление трудового подъема.

Влюбленные целовались, тесно прижимаясь под синим остаповским пиджаком, перешедшим от деда и очевидно, судя по добротности английского сукна и состоянию общего одряхления, имевшего еще дореволюционное происхождение. Болтали обо всем, мечтали о машине времени, открывавшей возможности невероятных путешествий, и некоем репродукторе, позволявшем не только слышать, но и видеть на расстоянии. Появление того и другого, судя по заявлению журналистов, можно было ожидать в ближайшем будущем.

Однажды Вика, заговорчески сверкая глазами, достала из дермантинового портфеля подшивку популярного журнала "30 дней" за 1928 год, где была напечатана повесть под названием "Двенадцать стульев". С этого дня имя Остапа получило для них некий новый авантюрно-юмористический оттенок. Да он и сам стал замечать, что поддаваясь обаянию тетки, открывает в своем характере новые черты.

2

В осенний призыв сорокового Остапа провожали в армию шумно, всем двухэтажным домом-бараком, выставившим "под ружье" еще двух призывников. Пели и плясали под гармонь до утра, так что скрипели крашенные половицы, закусывали соленьями со своих заводских огородов и своей же разварной рассыпчатой картошкой. Тогда молодые и решили пожениться.

Еще в темном садике на обочине деревянной песочницы Остап обнимал Вику, чувствуя сквозь тонкую блузку ее горячее, мелко дрожащее от волнения тело. Они целовались до одурения, понимая сейчас, на пороге разлуки, что этого уже мало. Остап вдруг панически осознал, что несется куда-то в пропасть, что нет силы, способной остановить его у последней черты. И все-таки остановился. Просто потому, что был "славный хлопчик", а по существу

- уже взрослый и очень серьезный двадцатилетний мужик, умевший любить основательно и ответственно. "В конце концов три года - пустяк, пролетят не заметишь", - урезонивал он себя. А впереди - целая жизнь, в которой будут труды и праздники: майские и октябрьские, с непременно мытьем окон накануне и заботливым выхаживанием дрожжевого теста, с выходом на демонстрацию в заводской колонне, с застольем, рюмкой и песней, с жаркими ночами на новой полутороспальной кровати с пружинистой скрипучей сеткой, отгороженной от детской части комнаты фанерными трехстворчатым шкафом. Будут сыновья и дочери, хватающие горячие пирожки прямо с противня, и раздобревшая Вика, хлопчущая у плиты, отирающая руки о подоткнутый передник и подставляющая припудренную мукой щеку привычному мужниному чмоканию...

А в августе сорок первого Остапа Гульбу, проходившего службу в автомобильных войсках Северо-Кавказского Военного округа, отпустили на побывку домой перед отправкой на фронт, который развернулся уже чуть ли не до Смоленска.

Приволжское лето выдалось жарким с горячими пыльно-песчаными суховеями. В "тракторном поселке" поговаривали о возможности эвакуации завода, перешедшего на выпуск боевой техники. Никто не предполагал, что всего через полтора года завода уже не будет, как не будет, по существу, и города, превращенного в руины и этих мальчишек-подростков, призванных грудью отстоять Сталинград у "превосходящих сил противника".

Предусмотрев осаду своего именного города, вождь подстраховался. "Никакой эвакуации не будет," - решил он. - "Кто же станет защищать брошенный город? Город, носящий имя вождя!" Так имя определило судьбу. Став Сталинградом, Царицын изначально был обречен выстоять в неравном бою, потряся мир количеством жертв и беспримерным мужеством своих граждан. Он был обречен стать героем.

Но тогда, а августе сорок первого жизнь еще шла здесь своим чередом, еще бегали на Волгу удить рыбу будущие герои, еще щипали траву на маленьком кургане чумазые коровы, еще дымились щи и сушились детские пеленки под каменной защитой стен, оказавшихся такими хрупкими...

Виктория ждала своего суженого и ничего более важного на свете для нее быть не могло. В комнате тархтел старый "Зингер" и валялись лоскуты синего в белый горох штапеля. Старое, помутневшее по углам трюмо, отражало вертящуюся девушку в белом сатиновом бюстгальтере и новенькой юбке "солнце-клеш" модной расцветки "в горох": коса спущена между лопаток, босые ступни вытягиваются на цыпочки и вот Виктория бросается к шифоньеру, вытаскивает шелковую белую блузку с рукавом "фонарик" и коробку с новыми, на каблучка-рюмочках босоножками фабрики "Скороход"...

Наконец долгожданный жених появился. Стройный, в туго стянутой скрипучим поясом гимнастерке, загорелый дочерна, сверкая широкой белозубой улыбкой. Таким, стоящим в калитке с вещмешком на плече и прыгающим у ног соседским дворнягой, и запомнит его Виктория. Цветная открытка-фотография с размашистой подписью "Мой". Это коротенькое слово, молнией пронесшееся в голове Виктории, осветило все вокруг новым смыслом. "Мой, мой..." твердила она про себя с гордостью собственника наблюдая, как играют мышцы под мокрой тканью, как перебирает волжский ветерок смоляные кудри Остапа, когда он, налегая на весла, греб к прибрежной косе.

Оказавшись вдвоем на пустынной отмели, залитой клонящимся к горизонту солнцем, Виктория не бросилась сразу поплавать, как собиралась - почему-то застеснялась раздеваться, а принялась сосредоточенно собирать цветы. Белые соцветия тысячелистника, покрывавшего все вокруг ароматным, густым ковром, срывались с трудом. Стебель прочный и жилистый как веревка не хотел ломаться, сдирая на ладони кожу. Остап щелкнул новым перочинным ножичком и вмиг нарезал целую охапку. Стоя чуть поодаль, он долго, терпеливо наблюдал, как Виктория, усевшись в траве и разложив на коленях длинные стебли, по-девчоночьи старательно плела венки.

Почему он стоял, не пытаясь притронуться и сжать ее в объятиях, как тысячу раз мечтал в долгий армейский год, почему молчал, хотя их длинные, на шести тетрадных листах, письма, не могли вместить и части накопившихся, откладываемых "до скорой встречи" слов? Слов невнятных, сумбурных, распивавших тоскующую душу, но так и не сумевших добавить что-либо существенное к простенькому,

стократно повторенному "люблю".

Ощущение чего-то значительно, жизненно-важного, что надо было немедленно осмыслить и запомнить, сковало Остапа торжественным благоговением. Его единственная женщина, суженая, мать его будущих детей, живая синеглазая красавица с тонкой жилкой, пульсирующей на виске с влажными полукружьями под рукавами шелковой блузки, с ее пахнущим земляничным мылом затылком, белыми носочками и поджившей коричневой ссадиной на круглом колене - вся она - радость и счастье, парила над цветущим полем в сияющем ореоле летнего вечера.

И редкие молодые сосенки, застывшие подле в торжественном карауле, и тяжелые желтоватые волжские воды, мягко обтекающие песчаный берег и рубиновый закат, разлившийся на пол горизонта, и родной город на том берегу, казавшийся отсюда игрушечным

- были единой целостной, мудрой и прекрасной Вселенной, центром которой была Она.

Наконец Виктория, замотав травинкой кончики стебельков, водрузила на голову тяжелый вихрастый веночек, отряхнула "гороховый" подол и подняла на Остапа смеющиеся, победно сияющие глаза. Заглянув в эту родную, счастливую синеву, он почувствовал резкий внезапный толчок, который уже ощутил однажды, целуя полковое знамя. Слова присяги звучали торжественно, духовой оркестр играл гимн, кумачовый шелк, поднесенный к губам пахнул утюгом, пионерским галстуком, мамой, Родиной. В горле застрял ком, грудь распирали любовь и жалость, требующие немедленно, сию же минуту, принять в жертву этой громадной любви, этой великой, святой жалости, всю свою жизнь, всю свою кровь до последней капли. До самой последней капли...

Издательские домыслы наблюдателей из-за бугра о способах размножения homo soveticusa, изжившего, якобы, всякие физиологические потребности под прессингом тотальной идеологии, были не так уж безосновательны - все личное, частное, персонально-человеческое было здесь не в чести. Но лучшие представители этой новой человеческой породы, вскормленные не реальностью, а прекраснотушным мифом о ней, несли в себе столь высокий душевный настрой, столь веские представления о гражданственности и патриотизме, что все свое, телесно-жизненное, отнюдь не атрофированное, сублимировали во внеличностном, глобальном. Они не только "как невесту Родину любили", но и любили своих невест, как могли любить только самое святое и важное

- единственное в мире социалистическое Отечество.

Во всяком случае двадцатилетний комсомолец, отличник боевой подготовки, красавец и спортсмен, Остап Гульба прильнул к телу Виктории так страстно и пылко, с таким восторгом преклонения и жаждой самопожертвования, которые отличали издревле лишь идеальных романтических героев самого высокого качества.

3

По-другому чувствовать он не умел, его не научили. Не научили и быть циником, пустобрехом, легковесным, равнодушным, сомневающимся.

В этом смысле Остапу еще предстояло пройти жестокую школу, многое узнать и со многим распрощаться. Все последующие месяцы, годы, все страшное и громадное, обыденное и невероятное, названное Войной, Остапу забыть было бы проще, чем тот заволжский вечер, будто вытравленный в памяти каленым железом. Но делать этого он не собирался. Напротив, многократно перебирая события этих лет, осмысливая заново каждую

мелочь, он наконец-то понял, что же в сущности произошло, какая дьявольская сила закрутила пружину сюжета, превратившего коммуниста, лейтенанта Красной Армии в гражданина Французской республики Остина Брауна, имеющего большой вес в деловых кругах, полномочия и статус *non grata* в тех сферах, тайны которых открываются лишь в фантастических домыслах криминальных романов. Сила эта, позже названная "культом личности", а еще позже - репрессивным тоталитаризмом, в дни Отечественной войны воплощалась в образе "отца народов", любимого вождя, чей особый, волнующий голос несущийся из трескучих наушников полевого радио, призывал их - рядовых и командиров, солдат и офицеров - стоять до конца, "до последней капли крови". Сколько же этих капель, ведер, галлонов, цистерн теплой человеческой крови было пролито тогда за победу, идущими на смерть с его именем на устах?

По завершению войны была названа цифра - восемь миллионов погибших, в шестидесятые годы мир содрогнулся, узнав о двадцати миллионах и лишь в девяностые, семидесятилетнему Остину Брауну будет дана возможность узнать правду - более тридцати пяти миллионов жизней унесла у его Родины та война. Море крови в самом буквальном, ужасающе-достоверном смысле. Сколько же из них, из тридцати пяти миллионов, рассталось с жизнью зазря, стало жертвами даже не глобально-исторических просчетов, а просто - "неоправданными потерями", теми, чьей жизнью распорядились бездушные нелюди, забывшие истинную цену людской крови?

Мысль о том, что Родина жила и воевала не совсем так, как представлялась ему, впервые пришла Остапу уже в конце войны.

С точки зрения строевого армейского офицера, лейтенанту Гульбе, попавшему в командирские "холуи", сильно повезло. Сам же комдив, заполучивший в шофера преданного, храброго, башковитого парнишку не раз благодарил судьбу в лице помощника начальника штаба дивизии по кадрам за полученный подарок.

Имея отличный послужной список и завидную боевую репутацию, лейтенант моторизованной части сухопутных войск поступил в распоряжение командира артиллерийского дивизиона Сергачева

В.С. в начале 1944. Предшественник Остапа подорвался на mine вместе со своей верной старушкой-полуторкой. Теперь же нового "возилу" ждал пахнущий краской "виллис", прибывший на фронт от американских союзников.

Сергачев В.С. жилистый, поджарый, с худым лошадиным лицом, туго обтянутым обветренной землистого цвета кожей, был немногословен, неулыбчив, скуп на похвалу. Доцент-математик, попавший на фронт прямо из стен Ленинградского университета, во главу своей командирской миссии поставил жесткий профессиональный и нравственный принцип: неоправданные человеческие потери приравнивать к преступлению. Выдержать этот, не очень популярный в командных верхах принцип, было ой как не легко, и Остап подставил командиру свое крепкое молодое плечо, помогал, чем мог - смекалкой, расторопностью, инициативой, "прикрывал" Сергачева перед полковым начальством, "выбивал" запасные детали и бензин в хозяйственной части, выискивал хитрые пути-дорожки, объезды и прикрытия и не унывал, когда надеяться было не на что и смерть дышала в лицо.

Комдиву было под сорок, но чувствовалось, что берет он уже не силами и энтузиазмом, а жилами и совестью. Шло наступление по всему фронту и артиллерия, этот "бог войны", по крылатому определению тов. Сталина, действуя в связке с пехотным батальоном,

подготавливала боевые позиции, прикрывала наступление, обрушивая удары на яростно сопротивляющегося противника.

Сергачев почти не спал, отключаясь на несколько минут в блиндаже или на ходу в машине, и Остап, его фронтовой брат и нянька, увидев откинувшуюся голову сраженного сном комдива, заруливал в лесок - переждать пяток- другой минут. Глубоко запавшие, потемневшие глазницы, торчащий острый кадык, тяжелое дыхание - это измученное, на исходе сил тело, тянуло из дня в день тяжелый воз ответственности и за три артиллерийские батареи с орудийными расчетами, известными ему поименно - за все вместе и за каждого в отдельности, за деревушку, попадавшую в зону обстрела, и за тех, кто в тылу, под защитным прикрытием фронта, за своих - жену и двух дочек, пропавших в блокадном Ленинграде, и за Родину-мать, и лично - за товарища Сталина.

Вот только с последним у Сергачева не ладилось. Не раз и не два возникала эта тема в тех разговорах, что сами собой на пределе откровения, возникают между мужчинами в сполохах артиллерийского огня, с горечью пороха и крови на губах, когда выжить совсем не просто, а "до смерти четыре шага". Когда солгать невозможно, но мучительно важно оставить после себя то, что дороже жизнь - выстраданное умом и совестью понимание. Здесь, в ознобе дождливых осенних ночей, у последней решающей черты начал осваивать лейтенант Гульба школу инакомыслия - ее теорию, совместить которую с личным жизненным опытом было пока невозможно. А вскоре началась суровая практика.

Майор Сергачев, отказавшийся выполнить приказ уничтожить части противника вместе со своим пехотным батальоном, попавшим в окружение, уже на исходе 1944 года был отдан под трибунал.

Вскоре после этого Остап, отлежавшись после ранения и контузии в госпитале, приехал на неделю в свой разгромленный город, над героическими страшными развалинами которого рука об руку витали Победа и Смерть. Тех, кто жил теперь в землянках, напоминавших своими серыми холмиками восточное кладбище, напугать и опечалить уже было трудно. Исхудавший Остап с багровым сморщенным шрамом на выбритом и уже зарастающем черной щетиной затылке узнал, что пятидесятипятилетний Тарас, вставший в рядах ополченцев на защиту Сталинграда пал смертью храбрых, непутевый брат Андрий, еще до воцны лишившийся на заводе по пьянке 3-х пальцев и оставшийся в тылу, отдал свою жизнь не задумываясь, подтаскивая под огнем патроны защитникам ставшего позже легендарным "дома Павлова". Эвакуации не было - население города предпочло смерть бегству - только так мог быть сформулирован смысл этой бойни для города имени Вождя. Постаревшая, совсем маленькая и старая мать, перейдя на шепот, сообщила сыну и еще одну, окончательно подкосившую его новость: еще до осады семья Виктории была арестована. Ее родители-инженеры оказались врагами, передававшими немецким шпионам чертежи секретного оружия, к чему, конечно, была причастна и их взрослая дочь.

Остап выбился из сил, отыскивая концы этой истории, но не добился ничего, кроме коротенькой справки: "осуждены на десять лет без права переписки". Те, кто давно толкался в "инстанциях" и разбирался в подтексте судебных формулировок объяснили искать бесполезно, просто уже некого.

Точка. Прихватив флягу с трофейным спиртом, Остап ушел к Волге. В эту ночь тяжелого прозрения, в котором было больше ожесточенности, чем понимания, сгинул "гарный хлопчик" Остап, со всеми своими дипломами и грамотами, со всем своим, под пулями пронесенным прекраснодушием, улетев в черное звездное небо. Храпящее водочным

перегаром, исхудавшее тело лейтенанта, уронившего пьяную голову на холодную, вычерненную мазутом гальку, принадлежало тому, кто должен был научиться жить заново, с закрытыми глазами, со связанными руками, с ампутированной горем душой.

4

Но полного перерождения не получилось. Боль спряталась, ушла в подполье, оставив памятную отметину - седую прядь у левого виска. Восставший было разум остепенился, найдя спасительную опору: ответ за позор и беды его народа должен понести и тот, кто бандитским нахрапом зажал в тиски предательства мудрого, но доверчивого Вождя. Предстоит восстановить справедливость, но прежде всего - дожать до конца проклятую фашистскую гидру.

Остап вернулся на Первый Белорусский фронт, попав по разнарядке военкомата в части НКВД, ведущие спецработу на отвоеванных Красной Армией территориях. Уже были освобождены от фашистов многие районы Литвы и Латвии, советские войска теснил захватчиков в Белоруссии, подступаясь к границам Польши и Австрии. Работа предстояла большая - вернуть стране награбленные и брошенные немцами материальные ценности, восстановить социальную справедливость в тех местах, где до сего момента ни социальной справедливости, ни имущественного равенства не было. В общих чертах "особая деятельность" выглядела так: части НКВД,двигающиеся за линией фронта, прочесывали занятую территорию, изымая бесхозное имущество из разгромленных или брошенных усадеб, богатых домов, музеев и по железной дороге отправляли в тыл. Попадались и особо важные объекты культурной или исторической ценности, чью судьбу определяла специальная комиссия экспертов, состоящая из штабного начальства, представителей местной власти очищенной территории и консультанта - капитана, работавшего до войны в Третьяковке.

Остап, вновь получив "виллис", превратившийся уже в свойский потрепанный "козлик", стал шофером при штабе специальной части, ведущей походную, нервную жизнь. Его непосредственный командир - подполковник Федорчук, отвечавший за своевременное изъятие и отправку груза, держал под контролем всю отвоеванную у немцев территорию Прибалтики.

Фронт грохотал совсем рядом, некоторые населенные пункты по несколько раз за день переходили из рук в руки. Работать приходилось оперативно, изымая вещи под носом совершенно озверевшего от поражений врага. Отступая, фашисты минировали объекты, обладавшие наибольшей ценностью или попросту заблаговременно уничтожали их, так что вступающие на оставленную противником территорию части находили лишь дымящееся пепелище с обломками мраморного фундамента или нелепыми обрубками колонн.

Здесь был тот же фронт, так же гибли ко всему привыкшие солдатики, попадая в обстрел или на заминированный объект, так же беспокойно и ответственно жилось начальству. Но что-то было в этой кипучей, рискованной деятельности "особой части" не фронтовое, не армейское.

Остапа, близкого к верхам, настораживал какой-то ажиотаж, "алчный блеск в глазах", как сказал бы Эдмон Дантес про своих врагов - стяжателей, какая-то особая, шушукующе-подмигивающая секретность и заговорческая круговая порука штабников, работающих при закрытых дверях.

Однажды, февральской ночью сорок пятого, Остап был срочно вызван в штаб, расположившийся в ратуше маленького Курляндского городка Кулдига.

- Нас здесь трое, - подполковник обвел пристальным взором полутемный кабинет с зашторенными высокими окнами, - и только мы несем ответственность перед командованием, перед Родиной и лично, перед товарищем Сталиным, за успех этой, чрезвычайно важной операции.

Остап и капитан Стеблов, коротконогий, по-девичьи румяный, переглянулись, Стеблов застенчиво опустил глаза.

Потом было долгое путешествие с приглушенными фарами по лесным дорогам без указания цели.

- Езжай прямо, теперь сверни у развилки, - командовал сидящий рядом Федорчук, шаря фонариком по скрытой в планшете карте. У обочины их ждала темная полуторка, из которой двое солдат с помощью Остапа выкатили три тяжелых металлических цилиндра, напомиавших канистры с ОВ. В свете фар Остап заметил характерную эмблему - череп с костями и какие-то латинские буквы, нанесенные белой краской.

Все вышли из машины и потащили груз к лесу.

- Вам-то, жердям, ничего, - крикнул маленький Стеблов, шагнув в сугроб. - А мне по самые яйца.

Около часа группа плутала в темноте, проваливаясь в снег, продираясь сквозь кустарник и наконец послышался призыв Федорчука, идущего впереди, порожняком.

Вышли к небольшому, слегка углубленному в берега, озеру. "Будто велотрек замело" - подумал Остап, оглядывая круглую ледяную равнину. Луна стояла где-то за лесом, но было светло, так что фонарики убрали. Солдатик, посланный Федорчуком, потоптался на льду, выясняя его прочность. "Дальше, дальше, иди, к центру", - командовал подполковник. Ледок треснул, солдатик сел, вытаскивая из полыньи провалившийся сапог. Баллоны потащили к берегу и осторожно, накатом, стали толкать в глубь озера. Остап, отправившийся первым, почувствовал, что непрочный ледяной покров потрескивает. Он распластался на льду и стал толкать перед собой тяжелый металл. "Двольно, довольно! Оставь груз и назад", - крикнул с берега Федорчук. Следуя примеру Остапа пополз один из солдатиков, докатив свой цилиндр вплотную к первому. И, наконец, двинулся последний. Он старался попасть в оставленную предшественниками колею и, наверное, зря. Уже почти у цели лед треснул и распахнувшаяся черная дыра поглотила человека и его ношу. Солдатик вынырнул, пытался ухватиться за лед, колотил руками, обламывая края все больше и больше. Остап было рванулся к зарослям, заметив на ходу длинный упавший ствол, но его сильно ухватила за локоть чья-то рука. "Погоди, стой тут", - жестко сказал Федорчук и заметив испуг непонимания в глазах Остапа добавил: " - Это приказ!" Оставшиеся на берегу видели как пошли под воду тяжелые цилиндры, как скрылся в ледяной черноте обессиливший человек. Крики тонувшего оборвались, над озером воцарился покой, лишь где-то справа, ухала артиллерия. "Всем - к машинам. Гульба пойдешь впереди со мной" скомандовал Федорчук.

Полковник шофером уже приближались к дороге, когда за спиной в лесу хлопнул выстрел. Из леса Стеблов вышел один, старательно отряхивая от снега полы шинели. Полуторка исчезла, на обочине одиноко дожидался "козлик". "Да штрафники это, Гульба, что набычился словно видмедик клишаногий, дубина хохлацкая?" - дружески подтолкнул Остапа к машине Федорчук.

Ехали молча. Когда Остап притормозил у ратуши, начинало светать. "Мы здесь с капитаном еще поработаем. А ты, молодец, будешь представлен к награде, герой, - Федорчук неожиданной хохотнул. - И забудь все, что видел, будто контуженный, ясно? Если, конечно,

хочешь вернуться под бок к своей дивчине. Не все-то нам шутки шутить", - добавил он уже другим, жестким голосом, не вызывающим сомнения в серьезности предупреждения.

Неизвестно, как бы поступил со всей этой историей Остап, но какая-то шоковая заторможенность, завладевшая им после визита в Сталинград, мешала все спокойно обдумать. А судьба, будто взявшая своего бывшего любимца "Гарнего хлопчика" Остю, на обучение, готовила ему новый крутой оборот.

5

Через неделю после ночного происшествия, уже на территории Восточной Пруссии, лейтенант Гульба был отправлен ни свет ни заря на объект, отмеченный на немецкой карте как частное владение "Клеедорф", что означало наличие крупной усадьбы, подлежащей тотальной конфискации. Ему предстояла совсем простая задача - выяснить обстановку и подготовить приход спецроты. Дело в том, что телефонная связь с домом, по-видимому, работала. Кто-то брал трубку, но голоса не подавал, что могло означать самое разное.

"Ну ты прогуляйся, здесь недалеко и сразу доложишь обстановку, напутствовал Остапа Федорчук. - Да возьми трофейного "кадетика". "Козлик" может нам здесь понадобится.

Так Остап оказался один в трофейном "опель-кадете" на лесной дороге Восточной Пруссии. Он легко ориентировался по немецкой карте, составленной подробно и основательно, да и указатели, изобиловавшие в этих захолустных местах, не дали бы заблудиться даже идиоту. Если бы он, конечно, хотя бы немного знал немецкий. Остап в который раз за военные годы пожалел, что так скудны его языковые навыки. Школьные знания немецкого, усиленно внедрявшегося молодняку в предвоенные годы, и фронтовой стаж позволяли Остапу даже пару раз выступить в качестве переводчика. Правда, он легче говорил сам, чем понимал немецкую скороговорку. Сейчас он механически пытался переводить названия на придорожных щитках, так и не вспомнив, что может означать по-русски эта Клеедорф? Дорф - деревня, а Клее? Неужто клей? Клейкая деревня, не слишком поэтично.

Перед выездом Остап наскоро осмотрел чужую машину, проверил наличие бензина и прихватил свой дорожный НЗ - две банки американской тушенки, сахар и спирт. В багажнике он обнаружил аккуратно упакованный в брезентовый мешок набор ремонтных инструментов.

Было начало марта, но утро выдалось из самых противных. Низкая облачность, придавившая землю тяжелым серым одеялом, сыпала густой, тающей на стекле метелью. Отчетливо, сразу с двух сторон грохотала артиллерия: войска Третьего Белорусского и Первого Прибалтийских фронтов пробивались к Кенигсбергу, служившему оплотом прусскому шовинизму.

Дорога петляла среди сосняка и занесенных снегом полей, среди которых на взгорках можно было различить красную черепичную кровлю домов и вытянутый шпиль "кирхен". Стреляли то спереди, то сзади и Остап не мог установить на чьей территории он находится в данный момент и кто он победитель или пленный.

"Кадетик" очевидно имел приличный фронтовой стаж, послужив верой и правдой какому-нибудь командному чину средней величины группы немецких войск "Север", оборонявшихся подступы к Пруссии. Мотор стучал, сильно пахло бензином, за щиток у руля была подсунута крошечная фотография: пятилетний мальчик держал на вытянутой руке огромный кабачок.

Остап притормозил у обочины, заметив, что указатель запаса топлива близок к 0. Он

сразу же обнаружил течь в бензоба

ке, наскоро заделал отверстие кусочком толстой резины и тронулся дальше, понимая, что больше двух километров ему не протянуть. "Не фига себе, подарочек", - помянул он со злостью подсунувшем ему "кадетика" Федорчука.

Однако Клеedorф была уже совсем близко: на холме за перелеском, в кольце мощных толстоствольных деревьев виднелись характерные "замковые постройки", уже знакомые Остапу по Белоруссии и Литве.

Собственники-феодалы, не имевшие никакого представления о диалектической смене социально-экономических формаций окапывались на своих землях прочно и основательно. Полтора-два, а то и три столетия назад, они отстраивали себе родовые хоромы, подчеркивая в архитектуре присущие им личные качества - кто силу и властолюбие, кто изысканность и богатство, а кто особые пристрастия - любовь к Востоку или Византии, божественное или плотское. Таким образом эти мелкие курляндские и польские князьки, мнившие свое родовое гнездо пупом земли заявляли о себе издали, как бы предъявляя визитную карточку. Для непросвещенного взгляда Остапа вся эта тяжелая архитектура являлась просто "замком". Что ранняя или поздняя готика, что чистое барокко или эклектика - разницы не было. Замок есть замок, частно-собственническое и, следовательно, подлежащее конфискации имущество, либо культурный объект, требующий особого внимания.

Замок, открывшийся взгляду Остапа, въехавшего с дороги на широкую подъездную алею, обладал тремя, имевшими значение в данном случае качествами: он был больше других, он таил в себе опасность и он принадлежал врагу.

Вопрос о принадлежности, правда, и предстояло прояснить. По вчерашним сводкам эта территория считалась очищенной от фашистов и подчинялась законам освободительной армии. Что естественно, не мешало отступающим немцам устроить в доме засаду или просто накидать мин, коварно пристроив их в самых неожиданных местах. Допустим, дергаешь дверной звонок или протягиваешь руку к забытой на рояле вазочке и ...

Остап прикидывал тактику проникновения в дом. Его мотор заглох перед самой оградой, вход за которую охраняли огромные ворота витого кованого чугуна с гербом, венчающим узорчатую коропообразную арку. Позолоченные геральдические львы тащили в лапах щит с трефовыми трилистниками по зеленому полю. "Прямо как в музее", - подумал Остап, побывавший однажды со школой в Ленинграде и слегка нажал на тяжелую створку - она не поддалась. Обнаружить защелку и отковырнуть ее язычок с помощью отвертки было делом не хитрым - ворота мягко и бесшумно открылись. По обеим сторонам дорожки, вымощенной каменными плитами шли ряды подстриженных кустарников, среди которых возвышались большие рогожные кули, очевидно, скрывавшие статуи. Метель утихла, выкинув на землю мощный снежный заряд, и теперь с голых

веток высоких каштанов, с зеленой хвоей вечнозеленой туи падали частые капли. Фигура человека, идущего по алею, хорошо просматривалась, представляя собой отличную мишень. Остап не стал проверять меткость предполагаемого стрелка и, обогнув массивный фонтан, выросший на его пути, свернул в боковую дорожку, намереваясь обойти здание с тыла. Двигаясь короткими перебежками, он обошел глухую стену с полукруглой башней, увенчанной кирпичной острозубой кладкой наподобие кремлевской стены и, наконец, попал на задний двор. Здесь были какие-то флигеля и пристройки хозяйственного значения, длинное строение с навесом, напоминающее конюшню, у

которого притаилась шеренга пустых бочек и валялось большое тележное колесо. И двор, и строения, и замок выглядели покинутыми, хотя примет поспешных сборов, грабежа, внезапного бегства не было. По его нетронутой белизне рыхлого снега по-хозяйски расхаживала пара угольно-черных ворон.

Остап заметил дверь, ведущую внутрь дома с покрытым жестяными листами пандусом - наверное через него затаскивали ящики, вкатывали бочки и, похоже, прямо на кухню. Дверь к удивлению Остапа оказалась не заперта и он с величайшими предосторожностями проник в дом. Коридор, кухня, вымощенная кафелем с огромными металлическими чанами и медной утварью, развешанной на стенах, с двумя гигантскими плитами и стопками дров у чугунных дверей, темные переходы и анфилады комнат были настоящим сказочным королевством. Вспомнилась детская книжка "Три толстяка" с ее забавными кухонно-поварскими сценками и, конечно же, "Спящая красавица", где целое царство покоилось в заколдованном сне. В сумрачных покоях этого великолепного дома с их штофно-гобеленово-муаровым царственным уютом, с их тусклой позолотой, обрамлявшей слегка затуманенные пылью зеркала, с мебелью и отделкой из мореного дуба, с мрамором, бронзой и хрусталем, с огромными темными картинами и выцветшими старыми шпалерами, витало сонное спокойствие, отдающее тленом.

Собственно мысль о присутствии смерти была навеяна Остапу отнюдь не романтическими ассоциациями, а весьма здравыми соображениями: дом не разграблен, его не бросали в спешке хозяева и не "ликвидировала" какая-либо из вражеских сторон. При легко открываемых воротах и незапертых дверях с учетом прохождения военных частей, все это чудом уцелевшее богатство, казалось действительно заколдованным. Или же - хорошо охраняемым. Остап был готов ко всему - к свисту пули, к рывкающему "Hende hoh", потрясающему стены взрыву. Беспрепятственно попав в просторную залу, из которой поднималась лестница на третий этаж, окруженный деревянной баллюстрадой, Остап прижался за какой-то сплошь покрытый резьбой монументальной шкаф и прокричал, что есть мочи "Кто здесь? Ответьте!" - по-русски и по-немецки. Ответа не последовало. Осторожно, как канатоходец, выполняющий свой коронный трюк, поднялся он на третий этаж и стал толкать идущие вдоль баллюстрады двери. Двери не открывались. Вдруг одна из них отворилась легко и Остап попал в просторную, сумрачную комнату.

Судя по массивному письменному столу с бронзовой лампой в виде лошади, это был кабинет. Стены до потолка покрывали стеллажи с рядами потемневших книг, у потухшего камина лежало несколько поленьев, а большой диван у окна был превращен в кровать. Смятые одеяла прикрывали неподвижную фигурку и уже издали Остап понял, что человек обессилен и тяжело болен.

Старик, полулежащий на высоких подушках захлебывался прерывистыми свистящими звуками, вырывающимися из посиневших запекшихся губ. Голова с крупным, почти лысым черепом запрокинулась, худые длинные пальцы судорожно вцепились в край клетчатого пледа, сжимая его у хрипящего горла так, что сквозь восковую кожу белели суставы.

Остап рухнул в придвинутое к дивану кресло, с облегчением переводя дух. Только теперь он заметил, что все еще сжимает рукоятку ТТ и спрятал пистолет в кобуру. На столике у изголовья больного лежал опрокинутый стеклянный стакан, конвертики с какими-то порошками, таблетки, на ковре валялся скомканный платок с запекшимися бурыми пятнами. В разбитое окно заметал снежок и теперь по мраморному подоконнику растекалась большая лужа. Было ясно - старик безопасен и главное - он в доме один: никто

не подходил сюда, чтобы поднести воду к его пересохшим губам. Приложил ладонь ко лбу старика, Остап почувствовал жар. Веки больного дрогнули, открылись, но в мутном взгляде не было ничего, кроме страдания. "Вассер"... прошептал он. Остап спустился на кухню и принес целое ведро воды.

6

Следующие два дня прошли для него как во сне. Ирреальность происходящего, усталость и какое-то странное оцепенение, охватившее Остапа в этом тихом доме действовали как снотворное. Армейский долг Остапа остался не выполненным - телефонная связь оборвалась, поиски запасов бензина во всех хозяйственных помещениях не увенчались успехом, оставалось лишь дожидаться, когда к имению, наконец, подойдет его часть. Ничего более не оставалось как погрузиться в простые житейские заботы, которых требует присутствие тяжелобольного. Пришлось сбегать к машине за НЗ и инструментом. Остап поил старика горячей водой со спиртом, скипятив на кухне большой алюминиевый чайник, растопил камин и занялся разбитым окном. В поисках подходящего материала он вытащил с нижней полки стеллажа один из огромных фолиантов, оказавшимся альбомом с марками, и с сожалением пробежал глазами плотные серые листы, усеянные крошечными разноцветными прямоугольниками. "Вот бы Марика сюда" - подумал Остап, решительно рванув твердый картон. Марик - очкарик, школьный фанатик-филателист всегда носился с альбомами, что-то выменивал, выкупал, за чем то охотился, вводя в мальчишачьи лексикон новые завораживающие слова "голубая Гвинея", "двойной Маврикий", "слепой Дублон".

Теперь усилиями Остапа из окна Клеедорфа в сырую мартовскую ночь смотрела драгоценная мечта Марика, защищая от сквозняка немоющее тело неизвестного старика. Возвращаясь в комнату или вынырнув из странной клейкой дремы, Остап сразу смотрел на диван, опасаясь, что увидит бездыханное тело. Но утром второго дня старик пришел в себя, открыл глаза и еле слышно прошептал: " - Пожалуйста, мои лекарства". Остап понял, вложив в протянутую ладонь больного пробирку с таблетками. " - Нет, другое, в бумаге". Остап развернул порошок и всыпав в рот старика, протянул ему стакан с водой. Тот проглотил и поблагодарил взглядом. А затем Остап приступил к курсу лечения, разработанному фронтовым опытом. Старика удалось проглотить сто граммов спирта, запивая его горячим супом из армейской тушенки. После чего больной проспал несколько часов и, проснувшись, попросился в клозет. Ему стало лучше, он даже попытался встать, но тут же повис на руках подоспевшего Остапа, оказавшись высоким и легким. Под толстым, узорчато вязанным из деревенской шерсти свитером хрипло дышала костлявая грудь, на худых бедрах еле держались помятые брюки из коричневого ворсистого сукна. Старик перевел дыхание и скрипнув зубами встал, опираясь на руку своего спасителя. Часть панели в углу комнаты оказалась дверцей, а за ней - вполне комфортабельный туалет с кружевными занавесками на узком окне, салфетками, плетеным коробом, полным журналов, и умывальник с овальным зеркалом. "А я то на двор бегаю, деревня", - упрекнул себя Остап, закрывая за стариком дверь. - Гордый, фриц чертов. Лучше умереть, чем штаны замарать", - думал он, слыша как спускается за дверью вода и урчит водопровод. Старик вышел, придерживаясь за книжные полки, доковылял до кресла у камина и сел, с трудом переводя дыхание. Остап заметил, что он побрился, отчего стали заметней размашистые усы, и зачесал назад редкие седые пряди. По комнате разнесся легкий запах одеколona. "Такой ли уж н старик?" - засомневался Остап, которому теперь казалось, что незнакомец не старше его отца. А тот, справившись с сердцебиением, посмотрел на гостя глубоко запавшими светлыми глазами, в которых

притаился смех.

- Я хотел поблагодарить вас стоя, офицер, но уж извините, обессилел, - проговорил "фриц" на столь чистом русском языке, что Остап от неожиданности, по-видимому, приоткрыл рот. - Вижу, вы удивлены", продолжал он. - Никакой мистики. Я - русский. Не беспокойтесь, вы не нарушили воинского долга, не дав мне умереть - я ваш идейный противник, но не враг. В том, что касается фашизма - я с вами заодно. Позвольте представиться: бывший штабс-капитан добровольческой армии Деникина Александр Леонидович Зуев, вот уже семнадцать лет исполняющий обязанности герцога Баттенбергского... Прошу вас, объясните ситуацию - вы у меня в гостях или же я - ваш пленник? Но прежде хочу заверить вас честью офицера, что как бы не повернулись обстоятельства - я ваш должник и не причиню вам вреда... Но лучше по порядку. У нас, по-видимому, есть какое-то время в запасе. Насколько я заметил, вы не торопитесь прервать визит. Придвиньте ваше кресло и присаживайтесь - предстоит, мне кажется, длинный разговор.

Этой беседе, продолжавшейся много часов, суждено сыграть в жизни Остапа особую роль. Много позже, вспоминая освещенную огнем камина комнату, красное вино в хрустальных бокалах, разлитое из бутылки с этикеткой Прусского двора, дымящуюся в фарфоровой вазе с гербами картошку в мундире и лицо человека, неторопливо размышлявшего вслух, будто не замечая своего собеседника, Остап не мог установить, что было на самом деле, а что присочинило его воображение. Была, несомненно, великолепная ветчина и сыр, принесенные Остапом вместе с вином из подвала по указанию хозяина, были тонкие сигары и завывание ветра в камине. А вот сам герцог рассказ герцога Баттенбергского? Что услышал Остап тогда от старика, а что пришло в голову другими путями, застряв там неостребованным грузом в отдаленных уголках памяти, чтобы теперь явиться на свет прозрения, слившийся в единую осмысленную картину?

Александр Леонидович Зуев оказался действительно ровесником отца Остапа, что придавало его рассказу остроту сопоставления, которого никак не мог избежать боец Красной Армии Гульба, выслушивающий исповедь своего классового врага. Дворянин, белогвардеец Зуев был, несомненно, одним из тех матерых хищников, на травлю которых натаскивала свою молодежь страна победившего пролетариата. Тогда, в 1919-ом под Ростовом, возможно именно он, Зуев, брал на мушку краснозвездочную буденовку старшего Гульбы и, наверное, уж не без его участия готовила Германия преступный военный план в начале тридцатых, имевший привкус возмездия для тех, кто был изгнан революцией. Зуев часто останавливался, сотрясаясь в жестоком кашле и, отдышавшись, продолжал говорить тихо, коротко, убежденно, преодолевая недомогание усилием воли. Его личная история, несмотря на свою фантастичность, убедила Остапа, установив между собеседниками тон некой доверительности.

После разгрома белой гвардии и эмигрантских скитаний по Турции и Европе, Зуев оказался в Берлине, осев в дешевом пансионе и зарабатывая на жизнь уроками русского языка. Летом 1927 года, приехав в маленький прусский городок навестить своего полкового приятеля, он отважился на довольно-таки эксцентричный по тогдашнему его душевному состоянию поступок: отправился поиграть в теннис. Поддавшись уговорам приятеля и натянув его белые брюки присутствие на корте в брюках иного цвета было немислимо тридцативосьмилетний экс-россиянин и экс-офицер оказался в игре, считавшей тогда привилегией светского круга. Партнершей Александра была изящная брюнетка "с

манерами". После партии она пригласила русских друзей к себе на чай и усадив в открытый новенький "паккард", покатила в живописное предместье. Когда машина подъехала к роскошному дворцу, оказалось, что это вовсе не музей и не исторический памятник, а попросту - ее дом. Сама же Виктория - сестра бывшего кайзера Вильгельма, герцогиня Баттенбергская бездетная вдова. Через несколько дней было объявлено о свадьбе Виктории и русского эмигранта и светская хроника, захлебываясь от пикантности ситуации, на все лады толковала это событие. Особо злобствовала русская пресса, называя Викторией старухой, а Александра "платным танцором дансинга". Несмотря на скандал и возмущение царственной гогенцоллерновской родни, свадьба состоялась, причем с венчанием по православному обряду во дворце Шамбургов в Боне. Александр Зуев вошел в семью Вильгельма, сделавшись совладельцем крупнейших имений и дворца, что впрямую свидетельствовало о корыстном расчете русского эмигранта. Однако, все было много проще и абсолютно невероятно: Александр просто-напросто влюбился в Викторию там же, на корте, с первого взгляда. "Десять лет прошло с того дня, - рассказывал Зуев, - как я оставил в России мою главную, невенчанную любовь. Мы отступали, я верил, что вернусь к ней совсем скоро и сделаю своей женой. Я так хотел этого, убегая из окна ее дома по скользкой ветхой крыше, что совсем не боялся ни пуль, чиркающих рядом, ни криков с улицы, приказывающих мне сдать. Я знал, что мне вслед с замирающим от волнения сердцем смотрит она, любящая, преданная. Ее взгляд, как ангел-хранитель витал за моей спиной и я чувствовал себя неуязвимым, счастливым и легким. Счастливым и легким... А года через два, в Константинополе от нашей общей знакомой я узнал, что Варя умерла от тифа, родив мальчика... Я тоже хотел уйти из жизни, но не вышло - мой час еще не пришел.

Время и чужая нелепая жизнь, которой я воспользовался, как ношенным пиджаком, снятым с плеча убитого, отодвинули мое прошлое за болевую черту. Существование становилось вполне выносимым.

И вот еще не старый, еще ловкий и стройный и совершенно свободный мужчина с едва обозначившейся сединой, с тайной глубоко скрытой надеждой на святую Любовь, оказывается один на один в теннисном бое с загадочной, утонченной, явно заинтересовавшей им незнакомкой... Может быть, как-то по особому светило вечернее солнце, может быть, что-то живое проснулось и зазвенело в душе, а может просто - свершилось предначертанное судьбой. Я с удивлением понял, что влюбляюсь, наблюдая через сетку за стройной фигуркой в короткой белой юбке-плиссе, слыша эти гортанные немецкие выкрики, ведущие счет. Влюбляюсь в изящную незнакомку, легко ведущую по пустынному шоссе свой послушный автомобиль, в ее манеру пристально взглядывать прямо в глаза, внезапно повернув голову, так что короткие каштановые пряди скользили по щеке и губам... Я не подозревал, что она - герцогиня. Я просто думал тогда, подставляя лицо напору свежего ветра - "Вот оно - свершилось!" И был счастлив впервые за эти десять ненужных лет.

В бескорыстное чувство Александра к Виктории Остап поверил сразу ему было достаточно одного звучания этого магического женского имени. Поверил и в то, что вопреки злобных прогнозам, очевидный мезальянс оказался удачным, прочным союзом. Александр с женой долго путешествовали по свету, посещая самые экзотические уголки, а потом поселились здесь, в Клеedorфе Деревне Клевера, вдали от светской жизни, политики и слухов. Зуев увлекся новой философией и политологией, проявляя особый интерес ко всему, что происходило в России.

- Впрочем, это особая тема, - прервал свой рассказ герцог. - А теперь прошу вас,

лейтенант, - ваш ход. Расскажите о себе, кто вы, как, чем жили, чем вдохновлялись, во что веровали, кого ненавидели, любили? Вы первый русский из "советских", которого я вижу и, возможно, это моя единственная возможность получить информацию из первых рук - вашу личную истину.

Судя по имени вы, скорее всего, украинец. Или "сын турецко-подданного - Остап Берта Мария Бендер-Гей" - процитировал Зуев с улыбкой.

- Откуда вам известно...? - изумился Остап, но его собеседник уже снимал с полки подшивку журнала "30 дней", точно такую же, как приносила из заводской библиотеки Виктория, только совсем не потрепанную.

- Этот забавный памфлет ваших писателей содержит столько живых метких наблюдений, что я простил им все наивные надругательства над собственным трагическим прошлым и полюбил Остапа. Итак - "лед тронулся, господа присяжные заседатели..."

7

Остап начал свой рассказ, впервые в жизни складывая из отрывочных эпизодов широкомасштабную картину собственной недолгой жизни. Ему приходилось уже не раз излагать для различных инстанций автобиографию. Так он и начал: "Родился в марте 1920 года, в семье рабочего..." Но теперь стало ясно, что самое главное, самое прекрасное и трагическое, самое личное, находится за пределами привычных формулировок, а найти слова, да и просто, осознать многое сразу, с налета было трудно.

Однако Александр Леонидович слушал с такой искренней заинтересованностью и удовольствием, которыми воображение Остапа с подачи советского искусства наделяло лишь вождя мирового пролетариата, углубившегося в звучание "Лунной сонаты". Зуев сидел тихо, спрятав лицо в ладонях, закрыв глаза и лишь короткие, точные вопросы, направлявшие рассказ Остапа, свидетельствовали о том, что он предельно внимателен и собран.

Красноречие Остапа крепло, он и не заметил, как подошел в своем повествовании к событиям последних дней.

- Остап, позвольте мне обращаться к вам запросто. Вы остановились на вашей теперешней службе - наша встреча еще не атрибутирована вашим сознанием. То есть - она еще не получила конкретного определения. Поверьте, я слышал в своей жизни немало историй, но ваша, возможно, и не самая затейливая, тронула меня до глубины души. Я следил за развитием тайного узора вашей судьбы, вроде тоненьких линий на ладони, где каждая черточка, морщинка имеет свое значение и обретает смысл лишь в связи с остальными. Послушайте же - здесь главное - девятнадцатый год. Мы лежали с вашим отцом Тарасом Гульбой в разных окопах. Малограмотный крестьянин, представитель народа еще не знавший о существовании Гоголя, и российский интеллигент-либерал, вставший на защиту российской культуры, готовый умереть ради ее спасения не для себя - для этого же самого народа. Мы целились друг в друга и лишь досадная тогда промашка - дюйм мимо - дырочка в фуражке, привела к тому, что на свет все же появились вы, а я - полутруп, кашляя кровью, тороплюсь дать вам то, что по моей же отчасти вине, не сумели дать вам ни отец, ни Родина - Правду".

Зуев рассказывал сжато и точно. Подлинная трагически изломанная судьба России разворачивалась перед Остапом, навсегда разрушая ту парадную, официально-помпезную упаковку, в которой скрывала ее советская культурно-идеологическая мифология.

Остап узнал правду о революции и красном терроре, о концлагерях и репрессиях, о фашизме и коммунизме, оказавшимися братьями. Его сознание, не способное все сразу

ОСМЫСЛИТЬ, ВПИ

тивало информацию, чтобы потом, в нужный момент извлечь ее из тайников памяти. Сейчас же было только одно - доверие к тихому, прерывающемуся кашлем голосу. Слушая Зуева, Остап чувствовал "животом", а вернее - своей высокопробной, не поддающейся коррозии совестью, что правда - настоящая, единственная правда, была на стороне его "классового врага".

Говорил Александр Леонидович все с большим трудом, все чаще тянулся дрожащей рукой к стакану с водой, тяжелее кашлял, зажимая платком посиневшие губы. Он старался поскорее спрятать измятую ткань, но было заметно, что на ее белизне расплываются большие алые пятна.

Еще неделю назад, в самом начале весны у Зуева началось внезапное обострение застарелого туберкулеза, полученного еще в окопах Первой мировой и залеченного в Швейцарском санатории. Виктория умерла два года назад, не оставив наследников и в соответствии с брачным контрактом Зуев получил герцогский титул. Он остался один на попечении старого немца-слуги и штата приходящей прислуги. За три дня до визита Остапа в Клеedorf, старик Мартин с шофером уехали в город, за лекарством для захворавшего хозяина, да так и не вернулись. Александр Леонидович, чувствуя усиление болезни, перебрался в самую теплую комнату, прислушиваясь к каждому звуку извне. В среду, по заведенному порядку приходили горничная и истопник, но на этот раз они не явились. Зуев уже не мог подняться, временами впадая в забытие от сильного жара. Несколько раз он снимал телефонную трубку и, услышав русские голоса, догадался в чем дело. Однажды ему показалось, что за окнами кто-то ходит. Кричать он не мог и схватив с тумбочки тяжелый серебряный поднос, запустил им в стекло, стараясь привлечь внимание. Никто не пришел ему на помощь, и первое, что увидел больной, выныривая из бреда, было лицо Остапа.

- Остап, наша встреча может быть прервана каждую минуту. А мне еще предстоит сделать нечто чрезвычайно важное. Прежде всего, я хочу вместе с вами выпить этот последний в моей жизни глоток вина за наших Викторий. Царствие им Небесное, - Зуев поднял хрустальный бокал, - И второе. Я понимаю, что со мной что-то не так. Что-то перевернулось в моей душе и я чувствую, понимаю по другому, чем какую-то неделю назад. Сегодня, сейчас я уверен, что должен просить тебя об услуге... Когда закончится все это фашизм и коммунизм и какие-нибудь еще чумные "измы", возможно, жизнь сложится так, что ты встретишься на узкой дорожке с человеком, которого должен будешь пощадить... Варя назвала его Сашенькой. Сашенька Кутузов. Друг мой, я перешел на "ты" - так требует мое сердце, а для церемоний нет времени, - Зуев судорожно глотнул воздух, - наша "партия" движется к концу, а мы так и не поняли, кто из нас победитель. Вернее, этот вопрос решаешь сейчас для себя ТЫ. Я же знаю - мы - союзники. И с этим заверением предупреждаю - я вооружен.

Зуев достал из письменного стола браунинг и положил его перед собой:

- Я не отягощу твою совесть моим пленением, когда появятся "товарищи". Поверь, мой самостоятельный уход будет лишь формальностью финальный свисток свыше немного запаздывает. К тому же я слишком слаб и слишком много знаю...

Остап молчал, склонив голову.

- Ты верующий? - спросил Зуев неожиданно, - Ах, что я, вам же, советским людям, нельзя. А мне можно и нужно, но я - не могу. Не получается. Все никак не выясню свои отношения со Всевышним и хуже всего то, что как только я начинаю верить, что ОН -

"еси", мне кажется, что мы - враги. Я не могу объяснить Его ВСЕСИЛИЯ и НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА. Я не могу понять, с чьего высокого дозволения и почему приняла мученический крест наша Родина. Я придумываю сотни ответов, но не могу смириться с суровостью приговора... Довольно, это ты будешь решать самостоятельно, наедине с НИМ, долго, очень долго. А сейчас - возьми. - Зуев извлек из глубины своего толстого свитера, что-то завернутое в голубой цветастый платок. - Это наша семейная икона, переходящая уже через шесть поколений. После венчания мне отдала ее мать - единственную ценность, спасенную из нашего российского дома. Это уменьшенный список со знаменитой чудотворной Владимирской иконы Божией Матери - заступницы и охранительницы Москвы. Возьми ее себе, а если на этом свете и впрямь есть Судьба, в тайный изящный замысел которой я только сейчас уверовал, передайте ее моему сыну. - Зуев на мгновение задумался, будто всматриваясь в незримую даль и продолжал: - Мои глаза ослабли, будущее тонет в тумане. Возможно фигура, маячащая там, в дали, за пределами моей жизни принадлежит другому. Возможно... Возможно моя просьба невыполнима. В этом случае, заклинаю тебя - мой случайный наследник, оставь эту реликвию в своей семье. Передай дочери или сыну. Уж он-то обязательно будет. Я в этом уверен.

Остап взял небольшой тяжелый прямоугольник и спрятал его на груди.

-Я обещаю вам, я клянусь... - тихо сказал он, ощутив внезапно покрывшейся "мурашками" кожей ответственность момента. Зуев неожиданно рассмеялся:

- Довольно клятв и театральных эффектов. В эти дни здесь с вами я чувствую себя героем греческой трагедии. Я слышу дыхание Рока, во всем вижу какую-то многозначительность, и мне хочется говорить гекзаметром. А вас учили в гимназии "мертвым языкам"?

Остап не успел возразить - в этот момент за окнами раздался шум приближающегося мотора и оба одновременно потянулись к оружию. "Ну что же, мы, кажется, все успели" - Зуев спустил предохранитель своего браунинга. Остап, скрываясь за шторой, выглянул в окно: по аллее к дому двигались три немецких мотоцикла, в колясках которых сидели бойцы с автоматами, готовые отразить нападение.

- А вот и ожидаемый вами Рок, Александр Леонидович. В форме моторизованной бригады СС. Извольте встречать, - Остап прислонился спиной к деревянной панели и слыша, как застучали внизу сапоги, поднес дуло к виску.

- Уберите, уберите сейчас же! - железным голосом произнес Зуев. Возьмите на себя труд и мужество пожить еще немного и вы сами убедитесь, что все немного серьезнее и сложнее, чем вам сейчас кажется. - Герцог взял пистолет из руки Остапа, поставил на предохранитель и опустил в карман своих брюк. Распахнутая сильным ударом ноги дверь громыхнула об стену и на пороге вырос эсэсовец с автоматом. "Руки вверх. Не двигаться!" - гаркнул он. Зуев и Остап подняли руки и тотчас в дверях появился офицер в длинном, шоколадной кожи пальто, окидывая взглядом странную пару.

- Я - герцог Батенбергский" - представился Зуев. А этот человек - мой коллега. Подробности я полномочен изложить лично группенфюреру Шелленбергу.

В мае пришла победа. Мир перестраивался, образуя "социалистический лагерь дружественных государств". А в начале января 1947 года в доме мадам Бусоне, вдовы, проживающей на рю Летань маленького провинциального городка на юге Франции, арендовал верхний этаж немец, эмигрант-антифашист, зарегистрировавшийся в префектуре, как Остин Браун, юрист.

Долгожданное известие пришло уже поздно вечером, нагрянув с незащищенного тыла. В 23.20 по рации запросил посадки на острове вертолет береговой службы, привезший заказанный Брауном спортивный инвентарь. "Вы должны сами взглянуть и дать

распоряжения, г-н Браун, - сказал незнакомый голос, заглушаемый шумом винта... - Мы будем через 5 минут. С нами на борту г-н Малло. Включив сигнальные огни на посадочной площадке, Остап ожидал визитеров. Он не удивился, когда в свете прожектора из темного нутра грузового вертолета выпрыгнул Малло, а вслед за ним на поляне появился большой фанерный контейнер. "Распишитесь за доставку тренажеров фирмой "Доре" - протянул пилот Брауну какой-то чек. Вертолет поднялся, приминая к земле воздушной волной кусты олеандров, и Малло откинул створку ящика. Остин сразу же узнал потемневшее лицо лежащего внутри на носилках в беспомощности человека и крепко сжал безжизненную руку: "Я здесь, Натан, все будет хорошо."

... Это означало поражение, последствия которого трудно было предугадать. Остин уже привык к тому, что уйдя в сорок первом на войну, так и не покинул поле сражения. Менялась линия фронта и условия боя, менялись декорации, меняли маски враги, изменился и он сам. Постоянной была опасность, риск, сопутствующий преуспевающему бизнесмену Брауну, и неистребимая воля к победе, запрограммированная в его бойцовских качествах изначально.

Тогда, в сорок пятом, спасенный герцогом Баттенбергским, Остап оказался на территории Западной Германии под опекой американских спецслужб. Александру Зуеву, попавшему на больничную койку, выжить так и не удалось. Этот необычный человек, имевший дружеский доступ в высшие круги немецкого командования и посвятивший последние годы своей жизни тайной борьбе с "наци", состоял в контакте с американской разведкой, объявившей "войну невидимок" затаившемуся фашизму.

Филу Соммерсу, начальнику спецотдела Восточной Европы была препоручена умирающим Зуевым судьба советского паренька. Полтора года провел Остап в маленьком баварском городке под Мюнхеном, в роли бывшего русского военнопленного, не имеющего возможности вернуться на родину и старательно выполняющего обязанности тренера в местном велоклубе. Все свободное время Остина было посвящено "образованию", курируемому по особому каналу Соммерсом, и французскому языку, поскольку именно эта страна должна была стать местом его постоянного пребывания. За время своей "учебы" Остап узнал о существовании некоей международной организации ИО, посвятившей свою деятельность борьбе с различными проявлениями неофашизма= коммунизма, расизма подобно язвенным очагам, поражающим все континенты планеты. В разветвленной структуре этой секретной организации, объединившей в свои ряды очень крупных государственных и политических деятелей мирового масштаба и специальные подразделения профессионалов, Остапу предстояло занять свое скромное место.

Старинный знакомый Зуева еще по петербургскому "свету", а ныне представительное лицо германской дипломатической службы в Париже Густав Адани в сотрудничестве с Соммерсом, устроил так, что некий Остин Браун получил возможность проживания и юридическую практику в провинциальном французском городке.

А через пару лет, осенью 1948-го года, судьба двадцативосьмилетнего адвоката "законсервированного" сотрудника ИО получила фантастический оборот.

В ведомство Соммерса попал некий полковник Федорчук, пожелавший перейти на

сторону противника с богатым "приданым". В обмен на весомые "гарантии" он поведал о кладе на дне латвийского озера, имеющего баснословную материальную ценность. Отбитые у фашистов контейнеры с уникальными музейными экспонатами, награбленными в крупнейших музеях оккупированной Европы, тайно, вне ведения командования, были припрятаны подполковником НКВД Федорчуком "на черный" день в компании капитана Стеблова, вскоре погибшего, и шофера Гульбы посланного Федорчуком на немецкую территорию с предусмотрительно продырявленным баком.

Американцы готовили операцию по изъятию контейнеров, но разговорчивый Федорчук, уже строивший планы на безбедное существование где-то во Флориде, погиб у себя на подмосковной даче в результате неисправной газовой колонки. Неожиданным сопоставлением фактов был выявлен единственный, уцелевший свидетель, проживающий во Французской республике. Таким образом Остин с документами украинского гражданина, приглашенного обществом "латвийских охотников" в Кулдингский заповедник, вернулся на родину воровскими усилиями американских спецслужб. Все прошло благополучно и энергичный "Гарний хлопчик", охотясь в глухих латвийских лесах в сопровождении двух местных викингов, на всякий случай снабженных аквалангами и автофургоном "Латвия", выудили из круглого памятного озера позеленевшие, покрытые слоем ила цистерны.

Груз, какими-то тайными путями, чуть ли не под прикрытием КГБ, поступил в Америку, где и превратился в баснословный капитал, часть которого была вложена в деятельность крупного евро-американского концерна, субсидирующего деятельность ИО. А сопresidentом концерна, владеющим основным пакетом акций, стал Остин Браун.

Так появился преуспевающий бизнесмен, имеющий квартиру в Париже, дом во Флоренции, собственный остров, успешно приумножающийся капитал, связи и знакомства в самых разных кругах. Вся эта шикарная экипировка, общественное реноме и состояние, полученные Остапом в качестве "крыши", играли немаловажную роль в его нелегальной деятельности.

Жизнь Брауна, состоящая из бесконечных рискованных предприятий, был столь опасной и напряженной, что мысль о семье не приходила ему в голову, да и память о Виктории, запечатленная в названии красавицы-яхты, не терпела измены.

Зная правду о сталинском терроре, концлагерях и бессмысленных жертвах и воспылав поначалу надеждами на спасение Родины, Остап вскоре убедился, что его усилия и старания мощной организации наталкиваются на незримое сопротивление - нежелание знать правду самого советского народа, пребывающего в некоем гипнозе. От разоблачений XX съезда и хрущевской оттепели повеяло переменами, но и они оказались достаточно иллюзорными.

Однажды, находясь под влиянием советского "весеннего" обновления, Остап хитрыми путями направил крупную сумму на счет заводской школы, выстроенной на месте его бывшей, разгромленной. Легализовать и обосновать этот дар через "Общество дружбы" стоило вдвое больше.

Осенью шестьдесят седьмого Браун, наконец, получил возможность посетить родной город, связав этот визит со съемкой спонсированной им документальной ленты "В рубиновых лучах тоталитаризма".

Свидание с обновленным городом-героем Волгоградом потрясло Остапа. Широкие светлые проспекты, фонтаны и цветники открылись его взору с балкона гостиницы "Интурист", выходящего прямо на центральную площадь. Напротив высилась колоннада драматического театра, вниз к Волге, забранной в гранитную набережную, спускалась

торжественная "Аллея героев", где у подножия высокой каменной стеллы горел "вечный огонь".

Черный камень, словно застывшая на века звенящая нота - вопль гордости и муки - устремлялся в бледное августовское небо. Высокие алые цветы, будто выкроенные из знаменного кумача застыли в торжественном карауле. Остап неотрывно смотрел на пляшущее в центре гранитной звезды негасимое пламя, переполненный любовью, гордостью и смятением - сумбурным напором тех прекрасных, возвышенных чувств, для которых наверное, и рождается человек.

В эти огненных язычках остались его отец и брат, его школьные друзья и дворовые соседи, его спортивные соперники, толстозадый филателист "Марик-очкарик", киношный "мазила" Толянч - все те, кто не ведая того, стали героями. Здесь была и часть его, Остапа, души, призывая другую, живущую, к действию. Его совесть, обостренное чувство гражданского долга, заложенное с детства, требовали подвига во имя Добра и Справедливости понятий для Остапа всегда высоких незыблемых.

...А потом, обойдя сложным маневром бдительную "переводчицу", Остап и Дани попали за пышно декорированный фасад. Город вытянулся вдоль Волги на семьдесят пять километров и две трети из них представляли собой бесконечное серое поле без садов и деревьев, без каменных стен и оград. Кладбищенское уныние курганчиков-землянок, оглаженных суховеями, тянулось к степному горизонту, рассекаемое трещинами глубоких оврагов. Люди, выныривающие откуда-то из глиняных недр, казались великанами, а школьницы - в белых праздничных фартуках, весело болтавшие у остановки районного автобуса среди этого "захоронения" живых героев Сталинграда, привели Дани в состояние шока.

Мать Остапа умерла пару лет назад, могилы ее он так и не нашел. Зато увидел каменного Кастро у памятной ему школы, получившей по гордому заявлению директора, специальный фонд из "Общества дружбы" на сооружение бюста герою кубинской революции, и с горечью отметил, что стал, таким образом, невольным анонимным инвестором острова Свободы.

Остап не стал снимать на пленку город землянок, не смог - это была его личная боль и его позор. Он отвел душу на волжских пейзажах и грандиозном мемориале Мамаева кургана. В эти минуты среди запечатленной в камне памяти о войне, о ее героях и подвиге, он был лейтенантом Гульбой, он был среди тех, кто ушел, кто спас от врагов эту землю. Охваченный небывалой жадной деятельностью, подвига, готовностью принести себя в жертву, Остап пребывал в смятении. Как помочь этим победившим героям, покорно захоронившим себя в землянках, оплачивающих своим трудом, богатством отвоеванной земли, гигантскую, смертоносную военную индустрию? Как помочь этим родным людям - этим девочкам в белых передниках, этим женщинам-стукачам, заслоняющим грудью свою беду от циничных иностранцев, этим пьяницам-работягам, заваливающимся после смены в пыльный придорожный бурьян? Как помочь этому могучему, щедрому, великодушному, слепому народу? Остап не знал. Он лишь верил, что никогда ничего не забудет, что везде и всегда останется сыном этого города, камень от развалин которого он тайно увез с собой.

9

Вернувшись в свою комфортабельную и опасную европейскую жизнь, Остап еще крепче сжал зубы и кулаки, подключившись к горячей "чехословацкой зоне".

"...Наиболее агрессивные силы международной реакции, опираясь на военный и

разведывательный аппарат НАТО, всемерно поддерживают контрреволюцию в Чехословакии, рассчитывая вырвать эту страну из социалистического содружества" - писала советская пресса, преувеличивая силы противника, но и почти не искажая сути.

ИО было известно, что в советских верхах, потерявших надежду подчинить себе вышедшие из-под контроля "антисоциалистические" силы, готовит решительный удар. Работающий в Праге в качестве корреспондента "Франс пресс" друг и многолетний соратник Остина по ИО Натан Камм, должен был обеспечить информацию о предстоящей акции СССР в среде чешской интеллигенции через "Клуб 231"*, (*На основании статьи 231 Конституции Чехословакии каралась антигосударственная и контрреволюционная деятельность) возглавивший оппозицию КПЧ. "Процесс реформ необратим=" успокаивали себя антикоммунисты, рассчитывая на поддержку народа и мировой общественности.

И вот Натан лежал перед Остапом, белый как полотно от потери крови, с затихающим обессиленным сердцем. Сбросив столбнячное оцепенение, Браун начал действовать быстро и собранно, мгновенно просчитав план действий.

Во-первых, Натану необходима срочная медицинская помощь, во-вторых, его появление на острове и во Франции вообще необходимо сохранить в тайне. Исходя из этих двух соображений Остап приняли решение доставить Натана в клинику находящуюся в предгорьях Альп. Этот небольшой, затерявшийся среди холмов санаторий принадлежал доктору Леже, дважды помогавшему Брауну. Занимался профессор Леже в основном, специфической, полуполюгальной деятельностью, связанной с ортопедией и лицевой пластикой. Клиника оказывала клиентам довольно интимную помощь - в тех случаях, касающихся в первую очередь актеров и государственных деятелей, когда усилия медиков не должны были получать широкой огласки. Но прежде всего, раненному, перевязанному вплоть до живота набухшими кровью бинтами, необходима была срочная медицинская помощь.

..."Виктория" дрейфовала неподалеку от Канн, когда послышался зуммер приемника. Вся компания, расположившаяся на палубе, потягивала "Божоле", любясь пляшущей на воде дорожкой от кормового прожектора и обсуждала планы на завтра.

- Кто это там вспомнил о нас? - удивился Дани, направляясь в рубку.

Вернувшись через несколько минут на палубу, он выглядел так озадаченно, что все поняли - случилось нечто непредвиденное.

- Внимание, девушки, ситуация несколько меняется. Сейчас мы высаживаем вас, крошки, в порту и уславливаемся о скорой пылкой встрече. Я же, с господином Динстлером вызван на срочный деловой консилиум.

...Уже через сорок минут Йохим, размотав бинты, обнаружил на теле мужчины две огнестрельные раны, одна из которых чуть выше левого подреберья, могла оказаться слишком серьезной. Воспользовавшись вполне профессионально составленной аптечкой Брауна, он сделала внутривенный укол адреналина, стимулирующего деятельность обессиленного потерей крови сердца, подключил кислородную подушку и сформулировал прогноз:

- Если в ближайшие пол часа пострадавший не окажется на операционном столе, последствия могут оказаться очень печальными.

Пришлось рискнуть - спешно погрузить носилки в маленький вертолет Брауна и взять курс прямо на каменистые предгорья.

Арман Леже, предупрежденный по телефону Брауном уже встречал их. Находящийся

без сознания больной тут же проследовал в операционную. Учитывая секретность ситуации и пожелание Брауна не включать в круг осведомленных лишних людей, состав медперсонала, собранный в операционной был самым минимальным. Ассистировал Леже Йохим.

С того мгновения, как Йохим увидел побелевшее лицо вверенного ему Остином Натана, эйфорическая активность не покидала его, подстегивавшей к действиям. Йохим буквально клокотал энергией, переодеваясь и моя руки, а повязанная ему сестрой марлевая маска, подействовала как взмах дирижерской

палочки: к операционному столу ассистент вышел с гордо развернутыми плечами, как Марио Ланца, готовый к своей коронной арии. Не отдавая себе отчета, он скоро завладел ситуацией, взяв на себя ведение операции. Арман Леже, уже не одно десятилетие практиковавший, впервые столкнулся с такой уверенной силой и безошибочной интуицией молодого хирурга, что счел возможным доверить ему ведение операции.

Натану, в сущности, очень повезло, пуля в левой стороне груди прошла в миллиметре от важнейшей артерии, повредив крупные сосуды и продырявив легочные ткани. Он остался жив, а следующим вечером, отойдя от наркоза, открыл глаза. У постели стоял Браун и незнакомый молодой врач. "Все в порядке, дружище, мы еще повоюем", - пожал его руку Остин.

Однако, прошла неделя, прежде чем положение больного можно было признать стабильным. И все это время его няней и сиделкой был Йохим. Он позвонил Ванде, коротко объяснив ситуацию и пообещал приехать через неделю. А как-то вечером, вконец измотанный и счастливый от сознания собственной победы, Йохим увидел Нелли, поджидавшую его у дверей санатория. Девушка осталась "погостить" в двухместном люксе Динстлера, предоставленном ему в санаторной гостинице.

Через неделю Йохим в Грац не попал, не попал и через месяц, расторгнув по существу, обязательства перед Вандой и Вернером. Он ничего не планировал, просто жил сегодняшним днем, той задачей, которая казалась ему чрезвычайно важной. Дело касалось Остина Брауна и судьбы Натана в первую очередь, а эти люди заняли в жизни Йохима главное место.

Еще в ту ночь, после операции, Малло рассказал Динстлеру историю, окончившуюся столь трагически. Миссия Натана в Праге провалилась, его сообщники были захвачены службами безопасности ЧССР с обвинением в государственной измене. Сам же "пресс-аташе" полностью засвеченный, чудом прорвался через Австрию и Италию во Францию, где по условленному "аварийному" варианту троих агентов должен был ожидать Малло.

Мулат уже несколько часов сидел в своем мощном "джипе" на тихой проселочной дороге у франко-итальянской границы. Время встречи давно прошло и Малло терзали сомнения. Летний полдень тянул жаром, работавшие на придорожном поле крестьяне прилегли в тени орешника. Машины проезжали здесь редко, хорошо был виден условленный для места встречи бело-голубой указатель у развилки с названием близлежащей деревни. Малло, очередной раз насторожился, услышав звук идущего автомобиля. Машина с чешским номерным знаком затормозила, из нее торопливо вышел мужчина, в котором Малло сразу узнал Натана. Он был один. И в тот момент, когда Малло распахивал дверцу "джипа", рядом что-то хлопнуло, еще и еще раз. Как в съемке рапидом он увидел оседающего на асфальт Натана с расплывающимся алым пятном на груди. Хрустя ветками, скрывались в кустах "крестьяне".

Дальнейшее было похоже на те фантастические истории, в которых так блестяще проявляет себя легендарный агент 007. Только Малло пришлось совсем не просто - надо было не только спасти Натана, но и замести все следы происшедшего - международный скандал, наверняка, был бы направлен не в их пользу. Машина Натана уже горела, когда мощный "джип" с забинтованным наскоро раненным на заднем сидении и голосом Азнавура, вырывающимся из репродуктора, несся к французской Ривьере. Малло иногда останавливался, опасаясь за жизнь раненного, но Натан ободряюще подмигивал. И только уже на подступах к Армантелю впал в беспамятство.

Хорошо оплаченная "слепота" летчика береговой службы, взявшегося доставить груз, помогла переправить раненного на остров Брауна, и теперь, в санатории Леже Натан, погибший для всех окружающих, должен был начать новую жизнь под другим именем и с иной внешностью.

Программа лицевой пластики, составленная Леже предполагала серию операций на протяжении двух-трех месяцев. Ставшему соучастником этой тайной акции Динстлеру было предложено остаться в клинике по меньшей мере до Рождества. Йохим, не без колебаний, согласился. Хотя видимость выбора была довольно иллюзорной. В глубине души он знал, что не вернется в Грац, то ли из тщетно подавляемого страха сотрудничества с Вернером, то ли из-за нежелания возобновлять свои отношения с Вандой, то ли просто потому, что зыбкое, но очень уютное новое существование ему нравилось.

В маленькой квартире трехэтажного коттеджа на территории санатория Йохима ждала Нелли. В тонкой просторной блузе, надетой на голое тело, она валялась на тахте, обложившись книгами из городской библиотеки и что-то писала, подперев подбородок рукой с негаснущей сигаретой.

Обоим казалось, что живут они так уже очень давно, и независимую Нелли уже несколько тяготила семейная идиллия в глухом горном уголке. Но прощаясь с Йохимом в конце августа, она вдруг разрыдалась, размазывая слезы и хлюпя носом.

- Вот ведь знаю, что делаю что-то не так! Всегда знаю. И все равно делаю. И от этого всегда буду несчастна... - корила она себя, вернувшись уже с порога и плюхнувшись на "свою" тахту. - Скажи мне честно, я, наверное, не должна уезжать?" - Подняла она трагически очерненные потекшей тушью глаза. Йохим бросился утешать и отъезд был отложен.

Было очевидно, что кроме Йохима свободолобивую Нелли никто большим не интересовал. Она с нетерпением ждала его вечером, освоив совершенно новое для себя искусство кулинарии и наблюдая, как утомленный "доктор" поглощает пищу, с любопытством выпытывала у него новости санаторной жизни.

- Ну что твой Крошка? Превратил очередную лягушку в царевну? Или может быть заменил какому-нибудь Ротшильду кусок дерьма настоящим сердцем?

10

Крошкой Нелли называла Леже, имевшего столь небольшой рост, что оперировать ему было удобней, стоя на специальном помосте. Однако короткие ручки профессора творили чудеса, а его энергия ставила в тупик даже молодых: он буквально изматывал весь персонал своей требовательностью и бескомпромиссностью. По степени разговорчивости профессора можно было безошибочно судить о состоянии текущих дел. Каждая его удача сопровождалась приступами красноречия, в обычной ситуации ему не угрожавшими.

- Для того, что я здесь делаю, коллега, надо обладать сверх расчетливостью и

маниакальным упорством параноика, - наставлял Йохима профессор, весьма довольной результатами очередной "починки". Какими бы способностями вас не наградила матушка-природа необходим постоянный, напряженный тренинг, беспощадный самоанализ и мозги, работающие с безошибочностью счетной машины. И самое главное, знаете, что? - Терпение и нюх, терпение и нюх - как у охотничьей собаки!

Они обходили палаты, где в комфортабельных условиях хорошего пансионата пребывали те, кто готовился к операции, а также издерганные ожиданием результата страдальцы, находящиеся в процессе работы. Среди претендентов на улучшение внешности были разные люди. Йохим заметил молодого мужчину с варварски изуродованной огромным шрамом щекой и почти отсутствующим носом. Известный автогонщик полгода назад вылетел со своей машиной за оградительный барьер и, проделав в воздухе несколько

фантастических сальто, приземлился прямо на полицейский фургон. Несмотря на увечья, парень смотрел открыто и весело, по-видимому, не слишком угнетенный производимым на окружающих впечатлением.

- Ну вот, Серж, - обратился к больному Леже, - мы окончательно разделались с вашими болячками и можем теперь заняться красотой. Начнем послезавтра.

- Профессор, а на какое число назначить прием фоторепортеров? Только упаси вас Бог, сделать меня похожим на Бельмондо! - отшутился тот.

У дверей другой палаты они столкнулись с медсестрой, сделавшей многозначительную гримасу:

- Мадам Элизабет потребовала успокоительного и адвоката - она хочет оставить завещание.

Понимающе кивнув, профессор вошел в комнату. На диване, скорчившись в дрожащий комок, сидела женщина лет пятидесяти. На ее довольно красивом испуганном лице не было никаких следов травмы. Йохим удивленно посмотрел на Леже.

- Мадам Элизабет нуждается, по ее мнению, в легкой коррекции возрастных изменений. С ее морщинками мы справимся совсем просто, а этот подбородок помолодеет на двадцать лет. Впрочем, дорогая Элизабет, возможно, ваши планы изменились?

Мадам затравленно посмотрела на вошедших, будто явившихся для того, чтобы проводить ее на эшафот и вдруг звонким голосом выкрикнула:

- Все решено, я готова! Я должна сделать это, хотя мое сердце, подсказывает мне, что я, что я... - женщина разрыдалась и на помощь Леже подоспела медсестра с уколом успокоительного.

- Вы убедились, коллега, что мои пациенты очень не простой народ? подвел итоги Леже уже в коридоре. - Зачастую, если речь идет о незначительной корректировке внешности, мы сталкиваемся с людьми психически неуравновешенными, с гипертрофированным ощущением собственных недостатков, отягощенных комплексами и фобиями. Эти люди, раздираемые противоречиями, с навязчивым упорством стремятся к операции и в то же время - одержимы необъяснимым страхом перед ней. Кое-кто из наших пациентов убегал в день операции и прятался в саду или на чердаке. А один большой, с незначительными рубцовыми изменениями на лице даже пытался из страха кончить жизнь самоубийством прямо перед операцией. А ведь, знаете, зачастую, это очень влиятельные люди... Так что, юноша, приходится держать ухо востро. Ах, доктор Динстлер, если бы я мог рассказать вам из каких переделок приходилось мне выбиратья!.. Зато и победы немалые - ведь кое-кто из мелькающих сейчас на журнальных обложках мордашек побывал в моих руках! Но это -

профессиональная тайна.

шш

Серия из пяти операций, должна изменить Натана до неузнаваемости, подошла к концу. Освободившегося тем самым от принятого перед Брауном обязательства Йохими пригласил в свой кабинет Крошка Леже.

- Вы, наверное, предполагаете, коллега о чем пойдет речь. И вы не ошибаетесь, если ожидаете услышать от меня предложение о сотрудничестве. Я довольно хорошо узнал вас за это время и хотел бы открыть свои карты.

Конечно же, рассчитывать на вас, как на ближайшего помощника, способного разделить со мной основную нагрузку, не приходится. Вы понимаете сами, что простейшими операциями может заниматься любой молодой специалист, но для сложных операций, требующих не только восстановления отдельных частей, но и умения буквально "вылепливать" новое лицо, подчиненное законам эстетической гармонии - требуется огромный опыт. А уже, чтобы стать знаменитостью и Маэстро - необходим Дар - прикосновение волшебной палочки феи. И даже не одно прикосновение, а пожалуй три - к голове, рукам и сердцу. Мое дело требует и глубоких знаний биологии, структуры тканей, и общих знаний особенностей человеческого организма в целом. Эти знания приобретаются усердием. Но вот умение мыслить, воображать, умение просчитать на много ходов вперед схватку логики и воображения - удел немногих. Не скрою, что и оплачивается это редкое мастерство неплохо. Я, во всяком случае, могу позволить себе многое - и, в частности, предложить вам, в сущности, неопытному специалисту, хорошо оплачиваемую работу. Выбор мой пал на вас по двум соображениям - вы надежный, порядочный человек, что в моей практике иногда важнее, чем профессионализм. Кроме того, вы, что называется, подаете надежды.

Йохим принял предложение и, собравшись с силами, отважился позвонить Ванде. Оказалось, что она заключила контракт с престижной фармацевтической фабрикой в Калифорнии и вернется в Грац не ранее, чем через год. Он облегченно вздохнул, не слишком огорчившись этому. Теперь ничто не мешало ему углубиться в работу, интригующую тем непреодолимым препятствием, которое встало перед лицевой хирургией еще перед Второй мировой войной.

Йохим сразу же ощутил этот предел, сводящий, по существу, все "чудеса" Леже к уровню очень высокого хирургического ремесла. Как-то раз, еще в начале своего пребывания в санатории Йохим прочел Нелли целую лекцию.

- Понимаешь, дорогая ты моя фантазерка, никаких сатанинских секретов здесь нет. Секретничают лишь те, кто хочет замолчать перед пронырливой общественностью интерес к собственной внешности или озабоченность старением, ну и, конечно, люди, начинающие в силу тех или иных причин, новую биографию. Но Леже этим не занимается, - поспешил добавить Йохим, поскольку скрывал перед Нелли истинную причину своего пребывания в клинике и историю Натана. - Сама же пластическая хирургия, как заманчиво не звучит это определение, на сегодняшний день может не так уж много. Не многим большем того, что умела уже пять тысячелетий назад. И чтобы овладеть ее секретами вовсе не надо продавать душу дьяволу. Хотя, наверное, многие бы и согласились. Но, видишь ли, судя по всему, за последние тысячелетия никому так и не удалось заключить эту сделку: все топчутся и толкаются практически на том же месте.

Пластику носа делали уже в Древнем Египте, на что имеются указания в папирусе

Эберса, написанного около 3000 лет до нашей эры. А в Древней Индии за 1000 лет до нашей эры, как упоминает Сушрута в своей книге познания жизни "Аюрведа", проводились операции на лице, причем, для пластики носа использовалась кожа со лба и щек и даже делались попытки сформировать носовые отверстия.

Дело в том, что развитие ринопластики, то есть пластики носа, у древних народов было вызвано вполне бытовым явлением - носов лишались очень многие и в качестве общественного наказания и в результате личной мести. В Индии даже существовали специальные палачи-носорубы, а также исполнявшие их обязанности жрецы низшей касты. Одни рубили, а другие тут же пытались как-то помочь увечным. Тогда и был отработан популярный по сей день прием использования лоскута кожи со лба "на ножке" - то есть поэтапное приживление трансплантата к новому участку, не пересекая поначалу его связи со старым. Лоскуты выкраивались по заранее изготовленной "выкройке" и обычно хорошо приживались к свежим краям "сруба", не отличаясь по цвету. "Индийский способ" получил большое распространение, дойдя до середины XX столетия, естественно, в несколько модифицированном виде. Дело в том, что однослойные кожаные лоскуты быстро сморщиваются и нос приобретает весьма непривлекательный вид. Уже древнеиндийские экспериментаторы пробовали практиковать свободную пересадку тканей, то есть без соединительной "ножки". Причем, перед тем, как взять лоскут для носа с ягодицы, поколачивали кожу деревяшкой, чтобы увеличить ее жизнеспособность. Но это были лишь отдельные, малоудачные попытки.

Заметив, что Нелли уселась в позе внимательной ученицы, Йохим приосанился, изображая "доктора Динстлера" и голосом одного из Грацевских профессоров, рассказывающих о размножении вирусов с интригующими интонациями светской хроники, продолжал:

- В таком состоянии лицевая хирургия находилась вплоть до пятнадцатого века, когда сицилийский военный хирург Бранка стал восстанавливать носы, пользуясь свободной пересадкой кожи лба и щек, а его сын, Антоний, начал производить пластику носа, и губ, и ушей, беря кожу с плеча.

Это было время закрытого сектантства и приемы многих ремесел, хранящиеся в тайне, передавались только по наследству. Но в 1597 году в Венеции вышла в свет богато иллюстрированная книга профессора Тальякоцци с подробным изложением и описанием всех этапов операции носа и губ с помощью кожи плеча. Таким образом, лицевая хирургия стала открытой наукой, но несмотря на это, вплоть до начала XIX столетия, занимала весьма скромное место в медицине. И даже расцвет этой области хирургии в начале XX века был связан все с теми же двумя методами ринопластики - по "индийскому" и "итальянскому" образцу.

И вот тут-то лицевой пластике "повезло" - с полей брани Первой мировой войны потянулся нескончаемый поток людей с самыми разнообразными увечьями.

Представляешь этих изуродованных инвалидов, на которых применялась неведомое ранее оружие? Теперь приходилось оперировать редко встречавшиеся в мирной жизни травмы - огромные повреждения челюстей, неба, дефекты губ, век, глаз, устранять аномалии не только мягких, но и твердых тканей. Где-то в середине тридцатых годов в качестве трансплантата твердых тканей стали применять трупный хрящ, затем кость, потом пластмассу... И, собственно... Йохим пожал плечами. - Все!...

- Что значит "все"? - возмутилась Нелли. - Всем известно, что голливудские звездочки

далеко не всем обязаны природе.

- Ах, это же совсем другое дело! Что-то можно подправить, "дотянуть" до совершенства. Но переделать - невозможно! Увы, пока, - констатировал явно озабоченный этим обстоятельством Йохим.

- Вот тебе, дорогой, как раз этим и стоит заняться. А что? Сделаешь из меня Одри Хенберн! - Нелли вздернула пальцем кончик носа и вытаращила глаза.

Но "профессор Динстлер" остался серьезен - уж очень прихватила его "за живое" пластическая хирургия.

Изучив литературу, излагавшую историю и современное состояние этой отрасли медицины. Йохим испытал некое чувство интригующей неудовлетворенности - казалось поиск коллег Леже уже вплотную подошел к той двери, за которой откроется принципиально новые возможности.

- Э нет! В том то и дело, молодой человек, что у этой двери топчутся уже не одно столетие настоящие мастера, - охладил Леже новаторский пыл Йохима. - Мы люди, а не Боги. И не стоит притязать на сотворение мира. Совершенствование частностей, отработка деталей, методики, сами по себе очень важны в этом кропотливейшем деле. Взгляните на плоды моих усилий. взять хотя бы знакомую вам мадам Элизабет - вчера я случайно столкнулся с ней в парке - и не узнал! Так по-новому, молодо и привлекательно выглядело это лицо, которое я по крохе "вылепил" сам".

- Увы, профессор, не вылепили, а лишь только починили, - вздохнул Йохим.

Покорный внешним обстоятельством, кротко подчиняющийся чужой воле, он вступил на заколдованную территорию, с удивлением обнаружив, как тяготит, как раздражает его здесь привычное смирение...

Нелли все же вернулась к началу занятий в университет, а оставшийся в одиночестве Йохим погрузился в работу. Сосредоточенно и вдумчиво входил он под руководством Леже в ту область медицины, которая могла дать ему магическую власть. Власть над плотью и небрежной природой, власть художника, к которой он всегда тайно стремился.

10

Для французов Остин Браун был немцем, для немцев - итальянцем, для итальянцев - французом. Но русским он был только с одним человеком - с Александрой Сергеевной Меншовой.

В 1947 году, получив от Соммерса полный пакет документов, юридически обосновывающих пребывание во Франции г-на Остина Брауна, Остап обнаружил письмо, написанное Зуевым еще в мае сорок пятого, то есть в последние дни его жизни.

"...Римляне не любили глагол "умирать". О том, кто ушел, они говорили "пожил". Не замечая, видимо, в своей гордыне, что отягощают умершего грузом огромной ответственности.

Я - пожил. То есть использовал всю меру отпущенных мне сил и времени. Но могу ли я вздохнуть с удовлетворением? Подведение последних итогов - не радостное занятие. В выигрыше здесь можно оказаться лишь шуллерской уловкой - с помощью вороватого лукавства. Но именно она стоящему на последней ступени кажется особенно постыдной.

Уйти легко, без кучи неоплаченных счетов, можно только в юности, когда душу еще не тяготит ответственность этого "пожил" - долг растроченной жизни...

Помнишь, у Мандельштама:

И прямо от страничек "Альманаха"

От белизны его первостатейной
Спускались вниз, ступенями без страха,
Как в погребок за кружкой Мозельвейна...

Я ухажу со страхом. Со страхом за тех, кого оставил и кому не сумел помочь.

В качестве моего жизненного долга примите это имя и адрес, и когда будет совсем уж неумоготу - воспользуйтесь им. Это свои..."

И вот уже два десятилетия Браун приезжал сюда, на рю Сен Симон в тихий, забытый временем дом, чтобы побыть Остапом - говорить, думать и чувствовать по-русски.

Александра Сергеевна хранила память о России с каким-то маниакальным упорством, боясь не только что-либо изменить в самом доме, усадьбе или обстановке, но бдительно следя за всеми мелочами, сохранившими не просто музейную ценность, а подлинную свою бытовую функциональность. В этом доме грелки, кофеварки, лампы, газетницы, чернильницы, туалетные приборы, всевозможные расчески, флакончики, зеркальца, вывезенные в предреволюционные годы из подмосковного имения Меншиковых, жили своей нормальной, отнюдь не старческой жизнью. Единственной уступкой времени был телевизор, упрятанный, правда, как символ постыдной капитуляции, с глаз долой - в личный кабинет Александры Сергеевны. Здесь она и сидела, не отрывая от экрана растерянного виноватого взгляда, когда в дверях появился Остап.

Он застал Александру Сергеевну перед телевизором в ее кабинете, который воспринимал уже как частицу своей жизни, и еще чьей-то другой, быть может, Зуевской. Ведь эта комната, с покрытыми синьковым штофом стенами, с "павловской" мебелью красного дерева, с бронзовыми светильниками, текинскими ковриками, с выцветшими фотографиями на стенах, с переплетами русских дореволюционных изданий за стеклянными дверцами высоких шкафов, с особым запахом муската и высохших трав, не могла и присниться обитателю барачной коммуналки рабочего "тракторного поселка". Но оттуда, от детских чтений Дюма, через заброшенный зуевский Клеедорф, через Толстого, Тургенева, а позже Набокова - тянулась ниточка узнавания. Именно эта комната была для Остапа Россией, домом, который он потерял.

- Остап, что же это? Что, что происходит?! - бросилась к нему Александра Сергеевна и разрыдалась. Он обнял ее за плечи, и, взглянув поверх седенькой дрожащей головы на экран, понял все: любительская, прыгающая кинокамера, выныривая из-за чьих-то спин, прорывалась к центру пражской площади, где среди чужой нарядности по-хозяйски весомо двигались красноезвездные танки.

"...По сообщению ТАСС в ночь с 20 на 21 августа союзные войска стран Варшавского договора, выполняя свой интернациональный долг, вступили на территорию Чехословакии..."

ЧАСТЬ 6. АЛИСА

1

Алису спасли, откачали, вылечили. Соседская такса, скулившая под дверью и две санитарки экстренной помощи пять часов промывавшие желудок самоубийцы, успешно выполнили миссию Рока - вернули к жизни заблудшую душу. Но похороны в семье Меншиковых все же состоялись. В тот день, когда Алиса очнулась на больничной койке, ее родные проводили в последний путь Веру Степановну, Верусю, скончавшуюся на месте с телефонной трубкой в руках. Ее сердце не выдержало сообщения о самоубийстве "правнучки".

Алиса, отосланная родными в чрезвычайно престижный санаторий "психорелакса" под Лозанной, набралась сил, отлеживаясь в грязевых источниках и подвергаясь модной гипнотерапии на открытой веранде в стиле Ренессанс. Через полгода навещавшие ее родители, а, главное, доктор Фоке последователь Фрейда и Адлера, пришли к выводу, что мадмуазель Грави вполне пригодна к дальнейшему существованию "в миру".

Кем она теперь была? Раскаявшейся преступницей, признавшей неправомерность самоистребления и опасность гордыни? Экспримадона, смирившаяся с участью хористки, или мечущаяся между светом и тьмою слабоумная пациентка, сменившая за два года с десяток психоаналитиков?

Для медиков она была трудной больной, перенесшей тяжелый нервный срыв, вследствие гибели возлюбленного и потери не только ребенка, но и надежды на возможность будущего материнства. Для родных страдальцей-неудачницей, патологически ранимой, обращение с которой требовало предельной осторожности.

Окружающие считали Алису мрачным человеком, в присутствии которого всякий ощущал неприличность собственного благополучия и жизнерадостности. Заметно было, что прошлое этой печальной и прекрасной, как надгробное изваяние, женщины омрачает трагедия, тяжесть которой она ни с кем делить не собирается. Алиса легко переносящая поверхностные светские контакты, с трудом шла на более тесное сближение с людьми, не рассчитывая на сострадание и не пытаясь скрыть свою обособленность.

По протекции бабушки, много лет дружившей с Мари-Бланш де Полиньяк дочери знаменитой Жанны Ланвен, основоположницы всемирно известной парфюмерной фирмы, Алиса Грави, покинув санаторий, начала работать в "Доме Ланвен" художницей. В Отделе "оформления и декора" числилось еще три постоянных сотрудника, кроме того, фирма в особо ответственных случаях заключала контракты с каким-либо известным художником, чье имя придавало парфюмерному шедевру особый изыск.

Еще в 1927 году, ко дню рождения дочери Маргариты, Жанна Ланвен, прошедшая к тому времени блистательный путь от шляпной модистки до хозяйки крупного производства, создала духи "Арпеджио", прославившие ее как парфюмера. Новые духи были названы глашатаями моды "песней радости, сочетающей грацию музыки Дебюсси с утонченностью стихов Аполинера", а эмблема известного дизайнера Поля Ириба, украсившая флакон, стала символом процветающей фирмы. И хотя рецепт "Арпеджио" после смерти Жанны был утерян, Дом Ланвен на престижной парижской улице Буасси д'Англас вошел в список лучших европейских салонов высокой моды.

В кабинете Алисы в специальной, слегка подсвеченной из глубины нише, покоился полуметровый черный шар с золотой круглой пробкой и знаменитой эмблемой на глянцевом боку: округлыми, завихряющимися линиями Поль Ириб соединил силуэты женщины и девочки, устремленные друг к другу: Жанна Ланвен и Маргарита, взявшись за руки, навеки запечатлелись в экслибрисе "Арпеджио", символизируя неразрывную связь матери и дочери.

Алисе нравилось смотреть на гладкую черноту гигантского рекламного флакона. Шар привороживал ее и, возможно, благодаря ему, напомиравшему о чем-то несбывшемся, благодаря намеку, заключенному в замкнутой загадочной округлости, она и осталась здесь. А вовсе не потому, что Александра Сергеевна всеми силами старалась вытащить внучку из апатичного одиночества к "людям, к интересному делу".

Алиса, вошедшая в Отдел как протеже "сверху", быстро сделала успехи, проявив

незаурядное художественное чутье в переводе обонятельных ощущений в зрительные. Все запахи, которые она научилась различать с профессиональным, загадочным для обычного человека, умением, приобретали в ее воображении пластическую форму, цветовое насыщение и общий, чувственно-символический колорит, свойственный именно этому пахучему объекту.

У нее был особый вкус, с нервом и горчинкой, с пристрастием к сумрачно-погребальной гамме и аристократической простоте, а так же прирожденное чутье художника, которому не надо объяснять, что запах свежести может быть гладким, глянцевым или шершавым, прозрачным, остро кристаллическим, или матовым, летящим или текучим, что он может нести радость весенней капли или пронзительную грусть прощальных осенних скверов. Все зависит от сопровождения, от аранжировки букета свежести.

Алиса имела собственное видение запаха и не поддавалась постороннему воздействию. Никто, допустим, не сумел бы убедить ее, что привкус розового масла в аромате неизбежно связан с присутствием чего-то розового и пышного в деталях "телесного" оформления его летучей субстанции.

Когда Алиса впервые увидела на витрине Дома Ланвен новые духи в своем авторском дизайне, в ее душе шевельнулось забытое чувство торжества: молочно-матовое ядро флакона в эллипсе орехово-полированной кожуры упаковки, привлекал взгляды прохожих. Это были "Гавайи".

В общем-то, спокойная, элегантная женщина с гладко зачесанными назад волосами, была вполне благополучна. Банковского счета, открытого отцом в день ее рождения хватило бы как на основание собственного дела, так и на бездумное сибаристское прозябание с развлекательными путешествиями в каютах-люкс, приключениями на золотых пляжах Антиль и посещение горных курортов в самый разгар лыжного сезона. Другое дело, что все эти атрибуты сытой здоровой молодости ее не привлекали.

Дом в Шемони, где жила в одиночестве Александра Сергеевна был всегда открыт для Алисы, заботливые родители только и ждали момента, чтобы протянуть руку помощи своей единственной дочери. Но Алиса выбрала нечто среднее, отдаленное как от родительского дома на Рю Коперник, так и от "российской" усадьбы в Шемони. Она не таила обиду бывшего раздора, в ее душе просто не было тепла, которым неизбежном приходится делиться с близкими. А наигрывать благодушие ей было слишком трудно.

Комфортабельная трехкомнатная квартира в красивом доме со львами на набережной Сены, работа у "Ланвен" и редкие вылазки в деловые поездки составляли привычный жизненный круг Алисы, который она не намеревалась расширять дополнительными впечатлениями. Просто удивительно, как мало значили теперь для нее вещи, составлявшие ранее если и не смысл, то основную "плоть" существования - красивые вещи, общение с искусством, друзьями, вечеринки и путешествия.

Задушевных подруг у Алисы не было. Коллега Анни, работавшая на фирме вместе с Алисой, правда, считала себя таковой, регулярно посвящая подругу во все свои жизненные перипетии, но по существу, это дружба была односторонней. Алисе нечем было ответить приятельнице - ни личной жизни, ни желания по-женски излить душу у нее не было.

Со временем Алиса вполне вписалась в свой небольшой коллектив. Ее считали тихой и доброжелательной, никому уже не мерещилась траурная косынка на монашески склоненной голове. Временами она казалась даже весьма жизнерадостной, но только тем, кто не знал ее

раньше.

Алиса, конечно же, осталась красавицей и это определение с восторженным восклицанием вырывалось при первой встрече у каждого. Однако через какое-то время ее красоту переставали замечать, теряя к ней интерес как к какой-нибудь редкой вещице, полученной после тяжелой борьбы на аукционе и после недели почтительных ахань - забытой. Мужчины считали Алису холодной, женщины - несколько высокомерной и скрытной. На самом же деле она была просто неживой. Юный победный азарт, переизбыток радостных сил, освещавший восемнадцатилетнюю Алису в пору ее короткого романа, иссякли, краски щенячьего обожания всего и вся поблекли.

Она вычеркнула из своей памяти пережитую трагедию, больше не боялась оставаться одна в закрытой комнате, не прислушивалась к саркастическому смеху предавших ее Покровителей, не сводила счеты с Высшими инстанциями. Алиса просто-напросто была теперь такой, какой не смогла стать прежде обыкновенной. Иногда, пытаясь мысленно вернуться за запретную черту прошлого, Алиса обнаруживала, что ощущает в нем себя гостьей, с любопытством рассматривающей чужие вещи. Да и было ли все это? Был ли Филипп? Краем уха она подхватила информацию в прессе о загадочной пропаже тела убитого араба и заключении под стражу некоего безвестного гражданина, признавшегося в совершении теракта - взрыва иранского самолета с официальными представителями. Лицо худенького старика-убийцы на телевизионном экране, транслирующем криминальные новости, показалось Алисе знакомым. Она не вспомнила, что мельком видела его при опознании в морге и, конечно же, не могла и помыслить, что маленький тщедушный араб в каком-то смехотворном, явно чужом, чарли-чаплинском черном костюме, этот загадочный террорист-мститель, и есть Учитель.

Все происшедшее тогда казалось Алисе нереальным. Однажды, правда, она чуть не упала в обморок при виде майского жука, залетевшего в окно, и убежала от плотной, румяной крестьянки, протягивающей ей корзину с крупными зелеными яблоками...

В мае Алисе исполнилось тридцать - жизнь прошла, впереди маячило одинокое старение в однообразной веренице домашних юбилеев. Она стояла у зеркала, рассматривая не себя - свое безрадостное будущее. Вот сорокалетняя Алиса с легкой сединой и мелкими морщинками, вот уже появилась сияющая искусственная челюсть и двойной подбородок, а вот - в крахмальном жабо высокого воротничка, скрывающего отвисшие кожные складки, строгая старушка, совсем одинокая, потому что смутные тени близких, маячившие вокруг, постепенно покинули пространство, бесшумно, на цыпочках, удалившись в неведомое.

Алиса вздрогнула, прогнав наваждение и подняла телефонную трубку. Бабушка всегда ждала ее звонка, предполагая, в затянувшиеся паузы, самое невероятное - она теперь всегда боялась потерять внучку из виду.

2

В конце ноября Алиса отправилась в Рим, где предстоял большой показ мод "Зимний сезон", сопровождавшийся выставкой ювелирных изделий, различных аксессуаров одежды и парфюмерии. Фирма Ланвен отправила в Италию свою новую коллекцию и высоких представителей, а мадмуазель Грави предстояло проследить за дизайном демонстрационных стендов, содействовать установлению деловых контактов.

Алиса машинально собрала необходимые в таких случаях строгие костюмы и поколебавшись, бросила в чемодан черное вечернее платье: обычно официальные приемы она избегала, но могли возникнуть обязательства.

Лишь на ночном банкете в ресторане "Плаза", устроенном для участников "Зимнего сезона", Алиса подумала, что прихватила платье не зря. В затемненном зале, среди столов, накрытых "а ля фуршет" толпилась самая изысканная публика, так что допущенные репортеры престижных газет, ежеминутно щелкали блицами. Здесь были кутюрье ведущих домов моделей мира, элитарные манекенщицы, работающие по самым высоким ставкам, богемные знаменитости, наглядно свидетельствующие, что большая мода - это большое искусство, и солидные господа - представители бизнеса, не оставляющие сомнения, что искусство моды - весьма высокооплачиваемое.

Сверкали улыбки, драгоценности - подлинные и фальшивые, радовали эстетствующий глаз великолепные фигуры, декорированные вещами, кажущимися рядовому обывателю крайне нелепыми и издевательски дорогими.

Среди букетов необычайно изысканных желтых хризантем, прибывших из Японии и моря пармских фиалок, буквально захлестнувшего все свободное от людей и еды пространство, с бокалами в руках небрежно беседовали те, чьи имена с наслаждением переминает светская хроника. И уже завтра станет известно, что Петти Грейс, снимающаяся в весьма рискованных фильмах, сделала силиконовый бюст, Грег Сименс - продюсер и бизнесмен сменил жену, что на шее певички, только что пролезшей в высший круг - целое состояние, а ее щедрый покровитель, по-видимому, ворочает огромными делами в "теневых" кругах.

Все было как обычно, на уровне установившегося мирового стандарта со строгой дозировкой дорогого шика, эстетизированной помпезности и низкопробного скандала.

Но с самой Алисой, прибывшей сюда в компании коллег - Анни и Жерара, творилось что-то неладное. Прежде всего, она с удовольствием отметила, что в представленном букете красоток занимает отнюдь не последнее место. Если ты всего лишь художница, одета в глухое черное платье, если ты "забыла" достать из сейфа фамильные бриллианты и не являешься спутницей одиозного плейбоя, то весьма красноречивые любопытные и заинтересованные взгляды, перепадающие тебе от сильных мира сего, могут означать только одно - ты в самом деле прекрасна.

Алиса оценила это обстоятельство, а так же заметила, что интересом следит за официантом, катившим к столику сервировочную тележку с огромным серебряным блюдом, накрытым куполообразной сияющей крышкой. Под крышкой что-то шипело, распространяя вокруг аромат горячего пряного мяса. Официант с элегантностью фокусника приподнял купол, представив гостям восхитительное создание поваров, в виде золотистых, утопающих в соусе ломтиков поджаренной телятины, окруженных венком из виртуозно нарезанных помидор, перцев, артишоков, неведомой зелени и хрустящих горок картофельного хвороста. Впрочем, было похоже, что кулинарное чудо заинтересовало только Алису, уже прицеливающуюся к аппетитным кусочкам длинной вилкой. Это казалось совершенно невероятным, но изящная француженка, равнодушно покидавшая подобные пиршества в самом начале застольной программы, почувствовала сейчас здоровый, веселый в своей наивной жадности аппетит.

Конечно, она с утра ничего не ела, карабкалась по горным тропинкам вместе с группой гостей, приглашенной на парфюмерное производство в римском пригороде, она отказалась от обеда и вот уже несколько часов была как-то странно оживлена, выпив три бокала шампанского. Анни сделала большие глаза, указывая Жерару на полную тарелку в руках Алисы.

А все началось еще накануне, когда в просторном выставочном зале, перестроенном из бывшего железнодорожного вокзала, крытого гигантским стеклянным плафоном, Алиса вносила коррективы в подготовленную техниками экспозицию.

Витрины и зеркала изламывали пространство, отправляя вереницы движущихся отражений в разных направлениях, как стрелочник курьерские поезда. Алиса видела себя одновременно сбоку и со спины, а балетная череда одинаково взмахивающих рукой Алис удалялась в тоннель черно-зеркальной выгородки. Оттуда, из неизвестно где находящейся глубины, глянуло на нее это лицо. Глянуло пристально, со значением и промелькнув дюжиной размноженных зеркалами ушей за золоченую раму, исчезло. Алиса обернулась, ища глазами оригинал. У соседнего стеклянного бокса под сверкающей вывеской "Trezzano-milano" беседовала группа мужчин, обсуждая что-то, помещенное в витрине. Один из них, видимо, совсем не заинтересованный беседой, развернулся спиной к своим спутникам и весело смотрел на Алису.

Лучистые глаза итальянца будто смеялись какой-то удачной шутке, понятной только ему и женщине у парижского стенда. Он даже приветственно махнул ей рукой, задев одного из погруженных в беседу, и тут же скорчил серьезную, извиняющуюся мину. Алиса не могла вспомнить, кто этот, по-видимому, знакомый ей человек, но улыбнулась ему, кивнув головой в знак приветствия. Ей почему-то стало весело и, скользнув взглядом по одному из своих отражений, Алиса удовлетворенно отметила, что выглядит хорошо.

Через пару часов, когда она уже собиралась покинуть выставку, незнакомец возник перед ней, протягивая тяжелый букет фиалок.

- Согласитесь - пармская фиалка в "Зимний сезон" - это весело. Берите, не бойтесь, вы меня не разорите - я поставил сюда целый вагон этих цветов. В рефрижераторе установлен специальный режим влажности. Смотрите здесь еще капли росы! - незнакомец потрянул букетом, обдав себя и Алису прохладной капелью. - О, простите, я не ожидал. Для росы это слишком много, - огорчился он. - Вот бестии! Они опрыскали цветы водой! Я же категорически запретил!

Он вдруг засмеялся, глядя как Алиса стряхивает капли с лица и блузки, а ей опять стало весело.

"Лукка-цветочник" - как представился мужчина, - говорил очень быстро с напевным акцентом, подкрепляя свою речь выразительной мимикой и движениями длинных подвижных рук.

Он предложил подвезти Алису к отелю, где его ждали для переговоров французские партнеры. У нее не было причин для отказа. В шикарнейшей новой модели "альфа-ромео" Лукка тут же включил музыку.

Тихо зазвучал голос Адамо, со слезой исполнявшего новый шлягер: "Падает снег, ты не придешь сегодня вечером... Падает снег - мы не увидимся, я знаю..."

- Как вам это нравится, - возмутился Лукка, - в Париже - снег?

- Очень даже бывает, - вздохнула Алиса. - Особенно если у кого-нибудь отменяется свидание.

Лукка ловко маневрировал в потоке машин, пересекая центр Вечного города. Он непрерывно болтал, комментируя римские достопримечательности и окидывая спутницу быстрым, любопытным взглядом.

"Странные глаза, глубокие, почти голубые и будто лучатся. Неужели это эффект мелких морщинок, разбегающихся к вискам от насмешливого прищура? анализировала внешность итальянца Алиса-художница. - И запах фиалок. Похоже - их здесь у него целый склад. Славная профессия у крепкого парня "цаеточник"!

Взвизгнув шинами, автомобиль резко затормозил в какой-то узкой улочке.

- Я предлагаю маленькую экскурсию для французской гостии, - Лукка помог Алисе выйти. - Вон там на площади шумит и плещется знаменитый Треви фонтан, в котором Феллини искупал сексбомбу Аниту Экберг, а многочисленные туристки бросают свои монетки в надежде сохранить вечную молодость. Это Вы, уважаемая мадмуазель, конечно знаете, а вот теперь взгляните левее на того каменного бородатого мужика, возвышающегося над самой сильной струей... Видите? А теперь - смотрите сюда... - Лукка повернулся в профиль, постучав пальцем по виску. - Сходство, по-моему, очевидно. Дело в том, что того матерого сатира лепили с моего деда и эскизный бюст до сих пор покоится в моем кабинете. Алиса не знала, смеяться ли ей над шуткой или ее спутник говорит всерьез. Но он уже, взяв ее за руку, потянул к самой воде.

- А теперь аттракцион, известный только мне. Становимся рядышком, спиной к воде. У вас есть монетка? Так. Я тоже достал. Теперь, по счету "раз!" - бросаем свои монетки через плечо крест-накрест. - Вы через мое, а я - через ваше. Ясно? Начали! Главное не засмеяться и сохранить равновесие. Туристы, толпящиеся у фонтана заинтересовались процедурой и кое-кто уже пытался скопировать мизансцену.

Они швырнули монетки, столкнувшись плечами, но Лукка сохранил полную серьезность. Он протянул ей руку и когда Алиса ответила на рукопожатие, сказал:

- Поздравляю, теперь по местному обычаю мы обязаны говорить друг другу "ты". И я заявляю тебе с полной ответственностью следующее: я увидел тебя еще утром в "Плазе" и очень огорчился - я увидел, наконец то, что никогда не смогу получить, хотя очень, очень хотел бы. Ты не просто красивая. Ты - искристая. Не знаю как это объяснить. У старых венецианских мастеров был особый секрет - их мадонны будто светились изнутри. Это, наверное, от того, что они писали радостно. И ты - радостная!

Через десять минут они были в отеле.

-Увидимся, - подмигнул на прощание смеющийся глаз Луки.

Принимая вечером ванну, Алиса позволила себе понежиться в нежной пене. Позади был трудный день, ноги, сбросившие высокие шпильки, просто гудели.

Шикарная туалетная комната, казалось, могла вместить маленький гарем: круглая ванна, рассчитанная по меньшей мере на четверых, пробулькивала сквозь толщу голубой воды воздушными пузырьками. Алиса слегка повернула вентиль и вода "закипела", приятно массируя тело. Она тихо засмеялась и вдруг вспомнила определение, данное ей "цветочником" - "искристая"! Это она-то!

Вытираясь перед зеркальной стеной мохнатым шоколадным полотенцем, Алиса откинула распущенные мокрые волосы и увидела свое раскрасневшееся лицо с виноватым взглядом нашалившего ребенка. "Ну позволь мне, обратилась она к своему отражению, - позволь хоть не на долго, хоть совсем капельку поверить в то, что этот чокнутый парень оказался прав".

А утром, выехавшая с группой гостей на парфюмерную фабрику "Чезарро", Алиса уже забыла о своей вчерашней просьбе. Поездка ее не очень радовала, как и перспектива вечернего фуршета. Мужское внимание и комплименты были для нее привычным эпизодом, стандартной деталью делового общения. Поначалу на нее обращали внимание очень многие представители сильного пола, среди которых были и весьма завидные кавалеры, но быстро остывали, разочарованные равнодушием "каменного ангела". Они легко сдавались, подхватывая деловой тон Алисы, подыгрывая ее отстраненной печали, а если и настаивали, то становились навязчивыми и вовсе невыносимыми. Таких Алиса сурово пресекала.

Вчера с этим болтливым "цветочником" она почувствовала себя другой, подыграв ему и изобразив тот тип женщины, который потряс обманувшееся воображение эмоционального итальянца. Теперь же, рассматривая из затемненного окна комфортабельного автобуса пригородный ландшафт, Алиса была сама собой - живущей без аппетита...

И вот нарядный банкетный зал, толпы оживленных людей, провокационная игольчатость шампанского и неожиданная жадность к еде, разваленной на столах в великолепных натюрмортах. Крошечные разнообразные тарталетки, вазочки с неведомой снедью под снежными шапками взбитых сливок, муссов, кремов, соусы и деликатесы, искусно убранные и декорированные, "плывущие" на высоких многоярусных блюдах как праздничные платформы бразильских карнавалов - все это Алиса будто увидела впервые. Ей надоело думать и анализировать свое поведение, ей просто нравилось, пробовать, окусывать, жевать, дегустируя лакомства и прихлебывая золотым прохладным вином.

На эстраде среди хризантем и фиалок появилась певица, осыпанная приветственным аплодисментами с ног, в золотых, немыслимо остроносых туфельках, до головы, увенчанной высоким нейлоновым шиньоном. Зазвучала музыка и пары потянулись в метель световых бликов, засыпавшую танцевальный круг. К Алисе подошел финансовый директор австрийской фирмы - партнера "Ланвен", уже два дня "обстреливающий" ее многозначительными взглядами и мелкими комплиментами, но она отказала, шутливо показав на вазочку с мороженым. Жерар увлек танцевать Анни и Алиса осталась одна.

"Падает снег - ты не придешь сегодня вечером... - запела певица уже знакомую Алисе песню. - И теперь я слышу твой любимый голос и чувствую, что я умираю. Тебя нет здесь..."

И все пошло как по-писанному. Подстегиваемая душераздирающей печалью этих слов, еще утром казавшихся смешными, Алиса чуть не плакала, вспоминая Лукку, его фиалковый автомобиль, смеющиеся глаза и подвижные руки. Ей стало одиноко и грустно, как никогда не было еще в этой взрослой жизни. Она поняла, что весь вечер прятала и лелеяла втайне от себя глупую иллюзию. И когда одевала вечернее платье, длинное и облегающее, из плотного тяжелого крепа, когда открыла флакон своих любимых духов и чуть подвела тушью недоумевающие глаза. Она явно что-то ждала, спускаясь в этот зал и окидывая ищущим взглядом прибывающую публику. Алиса теперь знала, что дрожала не от холодного мороженого, а от песни, которую пели, конечно же, специально для нее и про нее...

У себя в номере, сбросив на пол платье - она никогда уже не сможет его надеть, - Алиса, растерянная и обескураженная, никак не могла уснуть, дразня и бичуя свою гордость насмешками. "Что, старости испугалась, бедняга, спешишь ухватить что-нибудь с этого пиршественного стола? А вот и не досалось ничего! Другие расхватали", - подначивала себя Алиса, замечая, как по мере приближения утра, вместе с хмурым, дождливым рассветом, растет и ее злость.

...А в девять часов утра, поблекшая и хмурая, в наглухо застегнутом темно-сером жакете, она вышла из лифта, чтобы отправиться в выставочный центр. Похоже, что отель, утомленный ночной светской жизнью, еще спал. В холле было безлюдно. Свежеумытый дежурный в малиновой ливрее с удивлением пожелал ей доброго утра. Алиса не нашла в себе сил на ответный кивок и мрачно, зажав под мышкой сумку направилась к выходу.

- Привет! Ух, как хотелось тебя увидеть. Я на колесах почти сутки, объехал всю Ломбардию, лично доставил нашей уважаемой ветеранше Коко Шанель корзину фиалок в номер... Пропустил прием. Не мог заснуть! Все думал, что тебя увел прямо из-под моего носа какой-нибудь пижон. Ну, теперь, держись! - Лукка крепко сжал алисино запястье,

вопросительно заглядывая в глаза. - Не упусти. Пора пообедать еще "за вчера". Я, кажется, похудел от волнения, чуть брюки не сваливаются. Ты как?

- Я ужасно проголодалась. По-моему, я не ела всю жизнь, - засмеялась Алиса, припомнив свое невероятное обжорство на банкете.

3

...И началась, закрутилась эта история. "Обедали" в десять утра в маленьком приморском ресторанчике в местечке Фреджене, где Луку хорошо знали, а потому предоставили отдельную веранду и накрыли стол рыбными деликатесами подлинной свежести. С моря, казавшимся непривычно сумрачным, дул сырой, холодной ветер. На ветках апельсиновых деревьев покачивались необычайно яркие в это серое утро, крупные плоды.

- Ну хватит с нас морской романтики, - Лукка захлопнул створки стеклянной стены. - Сквозит жутко. Да и апельсины, конечно, фальшивые. Я вовсе не хочу сегодня вечером заниматься градусниками и компрессами. Я хочу, чтобы ты была со мной веселой, здоровой и счастливой, - добавил он раздельно и внятно, подчеркивая каждый слог. - И поэтому слушать не хочу ни о какой диете. Это все, - Лукка показал на покрытый явствами стол, - ты должна съесть немедленно.

- Да уж знаю, что итальянцы любят полновесную "натуру". Достаточно посмотреть на тициановских красавиц. В наше время им пришлось бы лечиться у диетолога и сбросить по меньшей мере килограмм двадцать. Боюсь, что мне предстоит непереставая жевать месяца три, чтобы приблизиться к итальянскому идеалу женственности, - Алиса взяла у Лукки наполненную для нее тарелку. Ну что же - попробую!

Рядом с этим малознакомым ей человеком Алиса почему-то чувствовала себя как за каменной стеной. Несмотря на дурашливую веселость школьника, в нем была основательность и надежность отца семейства, заботящегося о своем чаде. Укрытая его пиджаком, с толстым бутербродом, намазанным для нее Лукой двухэтажным слоем осетровой икры, под внимательным взглядом лучистых глаз, ловящим каждое ее желание, Алиса стала маленькой капризной девочкой, изводящей обожающего ее папа бесконечными капризами. Роли распределились сразу и оба исполнителя ими явно увлеклись.

-Интересно, как такой урод может двигаться в воде? - спросила Алиса, указывая на лиловое чудище со щупальцами, распластавшееся в свежих листьях салата. Лукка на секунду удалился, а через несколько минут официанты внесли круглый аквариум, в котором, упруго отталкиваясь щупальцами и тараша через стекло бусины молящих о пощаде глаз, метался испуганный осьминог.

- Как жаль его - совсем малыш, а ведь, наверное, скоро будет съеден. Японцы утверждают, что осьминоги не глупее собак и очень привязываются к людям. Теперь ни за что не стану это есть, - Алиса отодвинула подальше от себя блюдо. Лукка что-то коротко сказал официантам по-итальянски, махнув рукой в сторону пустынного пляжа, простирающегося под верандой.

- Смотри - он будет жить, - Лукка указал жующим подбородком на море. На фоне сероватой гальки двигались две фигуры, подвязанные длинными белыми фартуками - они осторожно несли к воде стеклянный шар и, взобравшись на бетонный мол, выплеснули его содержимое в воду.

- Теперь можешь есть спокойно. Твой дружок уже удирает восвояси. Он вырастет большой и добрый, а когда-нибудь спасет девочку-Алису, попавшую в кораблекрушение.

- Ага, я поняла, ты сочинишь сценарий для женских сериалов, поддела Алиса своего визави.

- Угадала. Сочиняю, причем очень длинные и сентиментальные. - А вот тебе достаточно есть мороженное. Будет болеть горло. И не хныкать - я ведь могу и выпороть.

...Было уже три часа пополудни, когда они въехали в Ассизи, где Лукка намеревался показать Алисе нечто особенное.

Старинный городок, выстроенный в средние века на высоком холме, венчал собор Франциска Ассизского, видный издалека. Когда запыхавшийся "альфа-ромео" вскарабкался по брусчатке узкой крутой улочки, в соборе кончилась служба и монахи в черных рясах, подпоясанных веревками по примеру св.Франциска, выходили из разных ворот. Алису удивили ясные румяные лица парней о чем-то оживленно беседующих.

Путешественники вошли внутрь храма, в царившую там торжественную тишину, понизив голоса до шепота. В центральном нефе у потемневших каменных колонн светились в сумраке огромные букеты белых лилий. Служители-монахи с помощью специальных палок, увенчанных металлическими колпачками, гасили свечи в высоких металлических канделябрах.

- Иди сюда, - Лукка потянул Алису в сторону. - Смотри, здесь сохранились фрески работы Джотто - гордость Ассизи. Роспись, покрывавшая стены, запечатлела евангельские сюжеты. Странно было думать, что кисть великого живописца касалась штукатурки пять веков назад.

-А вот это - ты! Я сразу узнал, - Лукка подтолкнул Алису к "Благовещанию". Ангел с пальмовой ветвью преклонил колени перед удивленно и благостно вззирающей женщиной с золотым сиянием над головой. Алиса уставилась на Марию, отыскивая в ее лице свои черты, а на нее, ожидая эффекта и торжествуя победу, смотрел этот странный итальянец, углядевший в утонченной парижанке джоттовскую Мадонну.

Позже Лукка рассказал, как ребенком любил засыпать в комнате няни, где над кроватью с блестящими железными шишечками, рядом с деревянным распятым, была приколотая репродукция фрески. Мальчик подолгу смотрел на лицо Марии пока глаза не начинали слипаться, молясь, чтобы она явилась к нему во сне. Белое крахмальное кружевное покрывало пахло ванилью и воском, шершавые нянины ладони гладили волосы ребенка и он засыпал, но видел не ангела и Марию, а свою мать Изору - холодную и властную женщину, изредка навещающую дом между постоянными европейскими турне. Изора имела красивое сопрано и это было главным в ее жизни и в жизни мужа - графа Бенцони.

А лет с тринадцати Лукка, так и не нашедший в матери джоттовский идеал, начал искать его в своей невесте. И чуть было не встретил, женившись в восемнадцать на девятнадцатилетней дочери богатого заводчика, наезжавшего в Парму по весне, к сезону фиалок. Но Арманда, родив ему подряд троих сыновей, превратилась в толстозадую итальянскую матрону, озабоченную пеленками, кухней и доходами мужа. Вдобавок она хворала чем-то женским, объяснившим ее раздражительность, постоянное недовольство жизнью и частые истерики.

Однажды рано утром, глядя на спящую жену, Лукка внезапно прозрел, спрашивая себя, как это остроносая женщина с крашенными в светлую паклю волосами и выражением постоянного брезгливого высокомерия на лице, могла напоминать ему ту, единственную.

Он вывел из гаража "феррари" и жал на газ до тех пор, пока не остановился у Ассизского собора. Служка уже запирали ворота, но Лукка умолил впустить его на минуту -

так необходимо было ему вновь увидеть свою Мадонну. А увидев, он понял, что ошибался целых десять лет, позволив злой колдунье медленно, исподволь вытеснить из его памяти образ кроткой возлюбленной.

Лукка еще долго искал и не раз ошибался, пока не увидел в холле "Плазы" Алису.

4

Они бродили среди древних, будто выросших из каменных уступов домов, карабкались по узеньким улочкам, видели мощи св.Клары - сподвижницы и возлюбленной св.Франциска, спящей в прозрачном саркофаге, смотрели вниз с каменных стен, укреплявших город, в туманную мглу, растворявшую оливковые рощи у подножия холма - казалось, что маленький островок с домами и храмами парит в облачной выси над бранным грешным миром.

В антикварных лавках, попадавшихся здесь на каждом шагу, пахло тленом и плесенью, а развалы вещей, попавших сюда неведом как и откуда, напоминали кладовые бальзаковских старьевщиков, прячущих среди хлама магический кристалл ацтеков или роковую шагреновую кожу. Разбуженные от межсезонной спячки продавцы, предлагали им все - от "подлинного" Микельанджело до настоящего деревянного арбалета - громоздкого сооружения, предназначенного для метания стрел, хотя было похоже, что его создатели думали не о сражениях, а о кухонном приборе, облегчающем шинкование капусты.

- Смотри, это тебе, - протянул Лукка Алисе нитку тяжелых бус, когда они покинули одну из лавок. - Это настоящее венецианское стекло шестнадцатого века - забытый секрет старых умельцев. Каждая бусина от большой до самой маленькой слеплена из мельчайших обрезков многослойных стеклянных трубок. Скатывали такой "рулет" из разноцветных пластов, резали на кусочки, а кусочки склеивали в "пироженное". - Вот какие кулинарные ассоциации. - Лукка перевел дух от обилия тяжелых французских слов. Алиса с удовольствием перебирала узорчатые бусины, любуясь разнообразием орнамента .

- Когда же ты успел их высмотреть? - удивилась она.

- Ловко отвлек твое внимание гоббеленом с козочками, заверив, что это подлинная флорентийская вышивка, а тебе понадобилось целых пять минут, дорогая моя художница, чтобы заподозрить надувательство= торжества Лукка.

...В маленькой гостинице, разместившейся в уединенном особняке эпохи чипквиченто, они представились как супруги Борджоми. Именно так, утверждала Алиса, именуется целебный кавказский источник, известный в России. Хозяин, обрадованный появлением гостей в мертвый сезон лично провел "молодоженов" на третий этаж и торжественно распахнул двери "аппартоменто". Здесь была только одна комната, зато очень большая и полукруглая, обнесенная по периметру колоннами, а весь центр ее занимала "королевская" кровать на возвышении под балдахином, поддерживаемым витыми консолями. Хозяин, заметив реакцию опеших гостей, быстро затороторил, широким жестом приглашая их войти:

- Уверяю вас, сеньора, что эту комнату занимал сам президент Швеции, путешествуя по Италии. Именно здесь сохранилась подлинная обстановка. Вы же видите эти колонны! Настоящий мрамор, а не какая-нибудь пресованная крошка. А обивка стен и штоф над постелью - точная копия спальни виллы Боргезе - вы конечно узнали эти золотые лилии по пунцовому полю? - И, видя, что "молодожены" не возражают, хозяин поторопился удалиться, радостно доложив:

- Ужин будет через полчаса, а ваш багаж поднимут сейчас же!

- Багажа нет, а к ужину принесите побольше цветов, - распорядился Лукка и умоляюще

посмотрел на смеющуюся Алису. - Боже, в детстве я видел однажды в опере, где пела мама, как такой балдахин рухнул, когда мавр начал душить Дездемону. С тех пор я предпочитал скромную нянину кроватку своей пышной детской - у меня развилась, наверное, балдахиноробия. Но Алиса уже хохотала, обрадованная комичности пышных декораций.

- Решено - остаемся здесь! Ты же не станешь меня душить. И вообще не прикасайся к историческому штофу, иначе мы погибнем под лавинами пыли. Но какой вид из окон - мы висим прямо над бездной!

Высокая стеклянная дверь распахивалась на круглый балкончик, под которым мокли в мелкой дождевой мороси оливковые деревца, круто спускавшиеся по откосу вниз в туманное, тающее в сумраке облако.

- Меня интересует, есть ли в этом музее канализация, - Лукка толкнул дверь в углу, задрапированную под стенные обои. - О, здесь-то как раз все обставлено по-королевски! Иди-ка, взгляни. - поманил он Алису.

Ванная комната была размером чуть ли не в спальню, только центр ее занимала огромная мраморная ванна, поставленная на бронзовые львиные лапы, а над нею располагалась система позолоченных душей, кранов и рычагов явно антикварного происхождения. Унитаз, причудливых очертаний, скорее напоминавший надгробную мраморную урну, был стыдливо развернут "спиной" к ванне и "лицом" к огромному окну, скрытому ветвями густой туи.

- Ого, я такой царственный экземпляр еще не встречала, - Алиса рассматривала "львиные" ножки унитаза, обитую бархатом спинку и мраморные ступеньки, на которые это чудо сантехники было вознесено. - Наш хозяин наверняка может рассказать с чьего трона скопирован этот шедевр. Не иначе, чем царицы Клеопатры.

Они все еще хохотали в ванной, когда увидели прыщавого коридорного, стыдливо замешкавшегося у двери с огромным букетом мокрых оранжевых календул, несомненно, только что срезанных в саду.

- Ставьте сюда и сюда, - скомандовал Лукка, указывая на тумбочки у изголовья ложа. А потом на тележке прикатили ужин, дымящийся в дюжине каких-то супниц, соусниц, блюд. По всей видимости появление "молодоженов" в пустующем в межсезонье отельчике, произвело переполох.

- В столь поздний час спагетти и жаренный барашек! А сколько сыра и зелени! И это на родине святого Франциска, проповедовавшего простоту и воздержание, - притворно засомневалась Алиса.

- Отдавать нищим ничего не будем. Грешить так грешить, - Наполнив бокалы Лукка поднялся:

- Алиса, несколько серьезных слов для тебя. Может быть это даже клятва... Я клянусь именем той, чей образ мы видели сегодня и на кого ты удивительно похожа, клянусь, что на коленях просил бы тебя стать моей женой. Клянусь, что не могу сейчас сделать это и что буду жить ради того дня, когда моя клятва сможет осуществиться. Ты - моя женщина, Алиса, *mia d'oro bambini*.

К утру Алиса была уверена, что Лукка - единственный мужчина и что жизнь ее специально делала такие странные загадочные виражи, чтобы подвести к этому моменту, к этой встрече. Все прояснилось и заняло свои места. Высшие силы не издевались, они учили ее любить, любить по-настоящему, и готовили приз за безропотное терпение.

Луку уже исполнилось тридцать семь, но он совсем не преувеличивал, уверяя, что за

последние двадцать лет не прибавил в весе ни унции.

- Если только за счет этой шерсти. Потянет, наверное, килограмма на два, - усмехнулся он, вороша кудрявые завитки на своей груди. - Я тебе еще не сказал, стеснялся, что и Микельанджело лепил своего Давида с моего предка. Впрочем, это сразу заметно. - Лукка принял скульптурную позу, облакотившись на каминную полку и скрестив кривоватые ноги. Алиса восторженно хлопала в ладоши. Лукка действительно казался ей совершенством, хотя вовсе и не был красив, скорее обаятелен и, несомненно, наделен мужской привлекательностью. В занятиях любовью он был также непосредственен и увлечен, так же заботлив и неуклюже нежен, как и во всем, к чему бы он не прикасался.

Своим бойким французским Лукка был обязан прежде всего матери, имевшей гальских предков и культивировавшей в доме французское воспитание. А вот голубые глаза сына черноглазые родители предпочитали не замечать, поскольку они служили подтверждением тайных домыслов: поговаривали, что в беременности певицы виновен вовсе не граф Бенцони, а норвежский тенор, певшему с ней в тот сезон "Травиату".

Может быть, от матери, умершей в тридцать пять лет, так мало успевшей дать своему единственному сыну, унаследовал питомец мрачного дома Бенцони веселый нрав и страсть к лицедейству. Он всегда любил дурачиться, а сейчас ему особенно нравилось то, что Алиса слету подхватывала предложенную игру.

...Алиса нежилась в огромной ванне, когда двери распахнулись и возникла фигура "красной рабыни", прибывшей для "омовения Клеопатры". Бедро Луки были повязаны ярким полотенцем, а красный томатный соус, намазанный на щеки, лоб и подбородок, капал прямо на Алисин бюстгалтер, прикрывавший грудь "рабыни".

- С ума сошел! У меня же с собой нет других вещей, - испуганно взвизгнула Алиса.

- Это часть туалета госпоже совсем не нужна. У нас в Египте такое не носят, - "рабыня" сняла бюстгалтер и брезгливо подняла его над унитазом. Сейчас свершится ритуальная казнь преступника в жерле вулкана. Он приговаривается к смерти за сокрытие красоты! - И прежде, чем Алиса успела что-либо произнести, ее белье исчезло в водовороте.

- Теперь ваша преданная рабыня приступает к омовению своей повелительницы при помощи вот этого чудесного растения, - "рабыня" приблизилась к "Клеопатре" с мочалкой из какого-то огурцеобразного войлока.

- Смотри, прекраснейшая, - что за удивительную вещь мне удалось откопать! Только в нашей итальянской глуши еще используют это высушенное растение вместо губки. И знаешь - моет замечательно. Я лично мыл своих старших сыновей до двенадцати лет, когда мы посещали термы. Старшему сейчас шестнадцать и он уже давно не нуждается в моих банных услугах. - Лукка полил мочалку шампунем. - Тебя, наверное, мама купала в последний раз лет пятнадцать лет назад, и с тех пор ты доверяешь свой туалет только квалифицированной массажистке. Можешь их разогнать. С сегодняшнего дня - у тебя личный банщик с большим стажем.

- Вовсе и не угадал, - Алиса подставила спину. - Купала еня не мама, а няня Веруся. И к массажистке я не хожу...

- Да, тебе в самом деле не нужны никакие массажистки. Ты - само совершенство - особенно вот так! - Лукка засмотрелся на Алису, стоящую на балконе в его белой рубашке, лохматую и босую. - Сейчас же иди под одеяло и признайся: чертовски приятно иметь такие ноги! Они за версту так и вопят: "Я - классная девчонка!"

- Ноги я предпочитаю не демонстрировать - не балерина. И "девчонке" уже стукнуло

тридцать!" - вздохнула Алиса.

- А я-то подумал вначале, что ты моя ровесница. Эти серые длинные платья, прическа классной дамы... Конечно, такая маскировка очень гуманна по отношению к посторонним мужчинам. Для них ты должна скрывать соблазн. Но для меня - ты будешь всегда постоянным искушением, даже в девяносто лет. Знаешь, таким рыжим зверьком, который заманивает в гущу, мелькая своим пушистым золотым хвостом, - Лукка собрал в горсть длинные волосы Алисы.

- Знаю, знаю! А вот знаешь ли ты, что мое имя по-русски звучит как название этого зверя, только надо поставить ударение в конце: лиса.

-Лиса-а-а... - обрадовался Лукка, - Ты - моя Лиса!

...До вечера "молодожены" провалялись в "королевской" постели, оказавшейся очень крепкой несмотря на свой возраст и иллюзию театральной бутафории. Они торопились рассказать друг другу как можно больше о себе, интуитивно отбирая детали и формируя именно тот образ, который должен был стать теперь для каждого из них настоящим.

А когда каминные часы гулко пробили пять раз, двери отворились и коридорный внес целый чан, наполненный фиалками. Отпустив получившего вознаграждение парня, Лукка сдернул с Алисы одеяло и вывалил на нее гору мокрых, прохладных цветов.

- Поздравляю! У нас с тобой юбилей. Мы знакомы уже сорок восемь часов и двенадцать из них - - "молодожены"!

А еще через час они неслись по автостраде "Солнце" в Рим, торопясь к парижскому рейсу.

- Мы могли бы и не забирать твой чемодан в "Плазе", эти вещи тебе все равно больше не понадобятся, - категорически постановил Лукка. И если бы не документы и закупочные образцы, оставшиеся в номере, Алиса так и вернулась бы в Париж почти Евой - в единственном костюме, надетом на голое тело, стеклянных бусах и простоволосой - Лукка запретил закалывать шпильками "лисий хвост".

В самолете Алиса отмалчивалась, пропуская мимо ушей вопросы изумленной Анни, и дремала не расставаясь со счастливой, спокойной улыбкой.

5

В Париже она прежде всего отправилась по магазинам. С подачи юной английской манекенщицы на улицы выплеснулся "стиль Твигги" - все были молоды, гибки, сексуальны, сверкая смело открытыми коленями (независимо от достоинства ног), подведенными черной тушью глазами несовершеннолетних грешниц и щеголяли наивным легкомыслием девочки-подростка.

Алиса приобрела новый гардероб - от тонких обтягивающих свитеров до шубки-колокол из мягкого синтетического "леопарда". Она не могла бы и помыслить неделю назад, что оденет эти вызывающие сапоги на толстой "платформе", туго обтягивающие икры блестящим мягким лаком.

Дома, примерив доставленными посылными вещи, Алиса была разочарована - новый имидж не складывался. Начинать, видимо, надо было сверху.

В парикмахерском салоне "Ланвен" мадмуазель Грави никогда не появлялась: косметикой она почти не пользовалась, а волосы отпускала в свободный рост, слегка подравнивая концы.

Теперь, сидя в удобном кресле перед огромным трюмо, позволяющим менять ракурсы, Алиса видела застывшего за спиной с расческой наготове мастера и медлила с решением.

- Что пожелает мадмуазель? - наконец поинтересовался "маэстро", похожий скорее на мечтательного скрипача, чем на шельмоватого Фигаро.

- Мадмуазель желает стать молодой и привлекательной. Ну знаете "искристой"! - сформулировала задачу Алиса. - Алиса вытащила шпильки и тряхнула головой - шелковистые волны охотно рассылались, закрыв ее до пояса.

Мастер отступил на шаг и замер, задумчиво изучая материал.

- Нет, Твигги мы из Вас делать не будем. Знаете - ведь у вас редкая индивидуальность - этакая солнечная, женственная классика. Итальянский ренессанс. Причем вы не "мальчик-паж" Караваджо, а скорее "Весна" Боттичелли.

Алиса рассмеялась:

- Похоже, мне никак не вырваться из круга художественных ассоциаций в наше реальное современное пространство. Парикмахер сделал несколько пазов, перемещая над головой Алисы золотистые пряди и подвел итог:

- Мы немного подпортим вашу деловую репутацию: уберем святость и подбавим задорного легкомыслия. И уж, конечно, - оставим Вам основной "капитал". Такие волосы нынче редкость.

Алиса опустила веки, слыша как порхают над ее головой шелкающие ножницы, чувствуя прикосновения расчески, поглаживания щетки и, наконец, теплое дуновение фена.

- Новый портрет готов. Я бы назвал его "Бриджитт Бордо позирует Боттичелли". - Мастер сдернул с плеч Алисы накидку и отступил, предоставив клиентке полный обзор в зеркале.

То, что увидела Алиса, ей очень понравилось: эта юная Луккавая кокетка, по-видимому, не прибегала к искусственным ухищрениям, волосы выглядели абсолютно естественно, густая растрепанная челка неровными прядями падала до бровей, а масса косматых завитков, будто взъерошенная ветром, опустилась на плечи и спину, достигая лопаток.

- Мадмуазель совсем не надо заботиться о такой прическе. Волосы выются от природы, а специальная стрижка сохранит это впечатление растрепанности. Если же Вам понадобится выглядеть торжественно - поднимите все пряди высоко на затылок. Пусть будет коса, валик или "хвост" и капризный взгляд из-под челки. - Любовался полученным эффектом мастер.

- Отлично! Это мне как раз подходит. Теперь к новому "парику" надо делать другое лицо, - задумалась Алиса.

- Сегодня "лицо" - это прежде всего глаза и губы. Вы можете воспользоваться услугами нашего дизайнера - предложил мастер, но увидев отрицательную реакцию Алисы, добавил: - Женщина со вкусом, конечно, лучше знает себя и сумеет найти грим. Я рекомендую вам как можно темнее у глаз, и светлее губы.

... Алиса воспользовалась советом маэстро и, сидя дома перед туалетным столиком, покрыла губы помадой светлого тона и почти гротескно увеличила серыми тенями глаза. Она вопросительно вглядывалась в незнакомое лицо, улыбающееся ей из зеркала - "Кто ты, Лиса? Что-то ждет тебя d'oro bambina?"

Алиса не могла скрыть перемен, происшедших с ней и не хотела Золушка превратилась в Принцессу, а Лиса, лихо закинув ногу на ногу, так что узкая "мини" вздернулась, плюхнулась в кресло перед Александрой Сергеевной и заявила:

- Бабуля, я влюбилась! Конечно же, он всех на свете...

Александра Сергеевна оторопела, она так ждала и так боялась этих слов. Облик внучки приводил в смятение - бабушка слышала позывные, предвещающие приближение нового противника. Неужели ее бедную девочку ждет еще одно потрясение?

Алиса же, уже другая, оживленно-приподнятая, будто танцующая, ждала звонка из Пармы. День, два, три. Через неделю она почувствовала, что новая внешность ее тяготи: раздражают пряди, падающие на лоб, помада, а кружевные колготки вызывают брезгливую неприязнь, словно от чужого белья.

"Спектакль окончен, уважаемая публика", - Алиса с трудом зачесала назад выстриженные пряди и сколола на затылке пучок. Облачившись в привычный костюм-джерси цвета маренго и темное твидовое пальто - новая леопардовая шубка была слишком вызывающей-, выскочила на улицу. И тут же за ее спиной взвизнули тормоза. Она в испуге оглянулась - сквозь морозящий снежный дождик, подхватив дорожную сумку, к ней мчался Лукка.

У себя в гостиной, разжав, наконец объятия и включив полный свет, Алиса увидела, как он изменился: глаза ввалились, нос заострился, а на смешливые морщинки лег пыльный налет усталости. Это был человек, прошедший через трудности и что-то переживший.

- Все, все, Лиса! Не надо так смотреть! Не пугайся, милая, самое страшное уже позади. Я хотел стать героем для тебя. Не вышло - получил по носу. Но никаких сожалений - открой сумку: с этой минуты у нас с тобой праздник и долгая-долгая весна!

В темном глубине сумки Алиса обнаружила залежи фиалок, смявшихся и поникших. Она расставила их во все имеющиеся в доме вазы, бокалы, салатницы, наполнила лиловыми нежными цветами ведерко для бумаг и даже хозяйственный таз. Цветы воспряли, поднимая тяжелые головки и разлив по комнатам свое легкое, радостное дыхание.

"Весна" длилась целых пять дней и ровно столько дышали фиалки. А когда Лукка ушел, запретив Алисе проводить его, она собрала поблекшие, умирающие цветы в пластиковый пакет и вынесла его на лестницу, да так и осталась стоять, прижавшись спиной к захлопнувшейся, что-то оторвавшей, что-то отделившей двери. Опять надо было начинать жизнь заново.

Все это время с Лукой она была Лисой, игривой и манящей, перемерив новые одежды, изрисовав пол-альбома "портретами" Луки и фиалок. Им было хорошо в этом логове, где в смятых простынях валялись обломки темперы и шуршали обрывки ватмана, а на ковре среди стильных шмуток - блайзеров и мини, - сохли остатки бутербродов и апельсиновая кожура. Им было весело, когда ветер с Сены завывал у окнах, затянутых серой сеткой дождя, а в камине потрескивали поленья, в которых грелся медный кувшин с винным коктейлем - потому что именно так, по уверению Луки, готовится настоящий грог.

Она хотела показать ему свой Париж, но лишь раз "молодожены" вышли из дома с удивлением обнаружив фигурки рыбаков, скорчившиеся у холодной воды, и группу веселых туристов, фотографирующих собор на противоположном берегу. Город жил, а им неудержимо хотелось вернуться в теплое логово. Переглянувшись, заговорщики опрометью кинулись к себе, переведя дух только после того, как оказались дома и накрепко заперли за собой дверь.

- Для рыбаков и туристов мы слишком страстны, а для любовников слишком много путешествуем - уже двадцать минут потеряли, - проворчал Лукка, стягивая с Алисы мокрые туфли.

Он ничего не рассказал о том, что же произошло с ним в эти дни.

- Италия - особая страна, *mia d'oro bambino*. Дело мужчины и дело женщины там четко разделено. И мужчина всегда молчит о своем деле, не потому что считает женщину ниже себя. Он боится за нее, особенно, если любит... - Лукка был необычно серьезен, вороша в

камине покрывающиеся серым пеплом угли. Тающие огоньки вспыхивали, с треском разгорались, отбрасывая на его лицо отсвет далекого пожара. - А фиалки - наше семейное хобби. Их выращивают в специальных теплицах уже более века круглый год, а это очень непросто. Мой отец, гордившийся своим утонченным пристрастием, расширил и усовершенствовал оранжерею и даже начал "фиалковый бизнес", поставляя цветы в лучшие магазины Европы. После его смерти, вот уже семь лет я поддерживаю жизнь этого хозяйства, но не знаю, что будет дальше. Моих мальчиков больше интересует спорт. Когда-нибудь, наверное, Винченце или его дети, сделают на месте фиалковых лужаек футбольное поле или что-нибудь еще, более материальное и полезное.

Лукка грустил и Алиса, сидя на ковре с поджатыми по-турецки ногами, быстро чиркала углем по листу, пытаясь поймать это необычное для него настроение.

- Природа уступает место цивилизации - это, увы, не только итальянская история. У русских символ гибели старого патриархального, очаровательного в своей бескорыстности и непрактичности мира - срубленный вишневый сад. Вишни в цвету - это волнует не только японцев, а пармские фиалки - не только итальянцев. - старательно наигрывала веселость Алиса. Но растормошить Лукку в последний вечер их "весны" никак не удавалось. Он отмалчивался, сидя на ковре у камина, а когда Алиса, обняв за шею, повалила его на пол с намерением "защекотать поцелуями", Лукка сумел выдавить лишь кривую улыбку. Его лучистые глаза смотрели серьезно:

- Прости. Я не умею весело расставаться с тем, что люблю.

6

Он звонил то по несколько раз на день, то пропадал, не предупредив. В рождественскую неделю, после короткого обязательного домашнего торжества, Лукка обещал приехать в Париж. Алиса волновалась, планируя познакомить возлюбленного с родными. Вопрос их брака решало время, как скорбно сообщил Лукке врач Арманды. Его жена была обречена и дни ее сочтены - такие опухоли, как правило, не слишком церемонятся с жертвами. Влюбленные ждали естественного конца, никогда не касаясь этой темы и боясь проявить заинтересованное нетерпение.

Но двадцать пятого декабря - в Рождество - произошло то, о чем Алиса думала меньше всего, считая своего добродушного, подвижного отца, неуязвимым долгожителем. А этот хорохорящийся бодрячок был далеко не молод и к тому же, как оказалось, - нездоров.

Грави умер, не приходя в сознание, на третий день после того, как у себя в кабинете после вечернего чая, удивленно вскрикнул "Лиз!", схватился рукой за грудь и рухнул на стол. Крышка бронзовой чернильницы рассекла его лоб и тонкая ссадина, уже подживающая, на его мертвом лице, поразила Алису: организм хлопотал, залечивая повреждение, стягивал кожу в то время как в груди затихало, устав сопротивляться ослабевшее сердце.

Елизавета Григорьевна слегла сразу же после похорон и две недели находилась между жизнью и смертью с двухсторонней пневмонией. Все это время Алиса не отходила от матери. В конце января больная начала подниматься, а в феврале Александру Сергеевну с дочерью проводили в швейцарскую лечебницу, успешно справлявшуюся с ослабевшими легкими.

Алиса осталась одна. Она заперла опустевшую квартиру на рю Коперник, отпустила прислугу и вернулась к себе, где каждая вещь теперь напоминала Лукку: забытый бритвенный прибор, починенные им часы, темперные наброски, приклепленные к стенам, пуговица от рубашки и медный кувшин, так и погибший в огне в процессе приготовления

грога. Лукка все время звонил, быстро и жарко твердя слова любви и сострадания и клятвенно обещал встречу - шестого марта в десять утра, в маленьком аэропорту Рима у трапа парижского самолета. Эта дата, просвечивая сквозь череду однообразных, ненужных дней, манила Алису весь сумрачный февраль.

Она работала над дизайном новых духов, основным компонентом которых был весенне-фиалковый аромат. Но привычный механизм настройки образного восприятия не срабатывал: Алиса видела Луку с его насмешливой мальчишеской улыбкой, а к нежному дыханию фиалок примешивался запах бензина и пота - тот запах любви и счастья, который она жадно впитывала, бросаясь в объятия своего возлюбленного. Это был образ ожидания и встречи - через расстояние, через долгую гонку автобанов, через тяжелое пустое одиночество.

Работая в паре с оранжировщиком ароматов, Алиса задумала создать мужской одеколон "Встреча", но тревога мешала сосредоточиться. Чем ближе подходил день назначенного свидания, тем ясней становилось Алисе, что оно не состоится. Горький опыт "обманок", предостерегающе помигивал красным глазом - "осторожно - опасность!"

Поэтому, когда поздно вечером пятого марта Лукка сказал: "До завтрашней встречи у трапа, *mia cara!*", Алиса еще долго держала в руке телефонную трубку, соображая, с какой стороны ждать беды.

Набрав номер швейцарских апартаментов матери, она с колотящимся сердцем ждала, что чужой голос в трубке сообщит ей нечто ужасное. "Алиса, ты? - обрадовалась Александра Сергеевна. - Мы здесь с мамой молодцы. Сегодня утром поднимались на площадку в горах - такая красота вокруг!.."

Алиса машинально перекрестилась, запирая утром квартиру и обреченно спустилась к ожидавшему ее такси. Но аварии не случилось и уже сидя в самолете, летящем в Рим, она громко охнула, услышав веселый голос стюардессы в микрофоне: "Наш самолет проходит грозовой фронт, просьба пристегнуться". "Вот оно - конец!" - Алиса не знала кому и о чем молиться, скорчившись в дрожащий клубок.

Все еще не веря, что находится на этом свете, нервная пассажирка ступила на трап и чуть не потеряла сознание, увидев протянутые к ней руки. Алиса рухнула в объятия Луки и никак не могла отпустить его, всхлипывая:

- Я так сильно боялась, держи меня крепче, милый!

- Давай-ка лучше высморкаемся в платок, а не в мое пальто - я же сегодня надел новое. Специально для тебя. Стиль "денди", - Лукка заботливо вытер ее покрасневший нос. - Ах ты, маленькая моя трусишка, *mia piccolo bambino*^ *mia grande cortina* (моя маленькая детка, мое большое счастье)..."

...Два дня отчаянных гонок по проселочным дорогам Лации и Ломбардии все северней и северней от Рима - к побережью, к Венеции, к сумасшедшему карнавалу; пять дней в маленькой гостинице "Alla" с окнами, глядящими прямо в черную воду канала и - снова бросок к югу, где на каменных склонах Калобрии уже вовсю цвели заросли мимозы и дрока.

С невызывающей сомнения уверенностью Алиса знала, что проживает сейчас минуту за минутой, час за часом, день за днем

- лучшее время своей жизни. И бережно собирала каждую мелочь, каждую крупицу счастья для долгого хранения в памяти. Наверное, никогда еще она не была так близка к Богу, не чувствовала с такой полнотой и ясностью радость бытия, радость любви ко всему миру, обостренную слезной, щемящей скорбью о его, этого мира, бренности. Никогда еще

она не была так благодарна дару жизни и любви, отпущенному ей свыше.

С какой-то новой, пронзительной жалостью и восторгом Алиса любила рвущиеся к жизни, начинающие зеленеть и зацветать поля, кусты, деревья, людей, проживающих в трудах и забытых здесь, совсем рядом с ней, свою особую, отдельную жизнь. Она любила старуху-крестьянку, тянущую за веревку худую облезлую козу, любила глупо подшучивающего и подмигивающего им хозяина маленькой придорожной тратории, коротконогого и толстобрюхого, считающего себя, наверняка, юморным свойским парнем, любила монашек в белых крылатых "шляпах", стайкой летящих куда-то на своих утильных велосипедах, их ноги в шерстяных самовязанных носках, крутящих повизгивающие педали под "занавесом" подколотой бельевого прищепкой рясы, - и совсем отчаянно - до слез, до желания орать от нежности и жалости, любила этого человека, косящего на нее голубым лучистым глазом.

Сидя в машине рядом с Лукой, Алиса не могла оторвать взгляд от его цепких пальцев, ухвативших руль, от бесконечно милого профиля, летящего над зелено-голубой весенней землей в открытом окошке автомобиля.

В эти дни, за каждый из которых она готова была отдать всю, причитающуюся ей еще жизнь, Алиса поняла насколько дорог и близок стал ей Лукка. А когда наступило расставание, оно оказалось больнее, чем смерть.

Солнечный день радовался, пассажиры парижского рейса весело-озабочены, таможенники белозубы, автокар, забравший людей, чтобы провезти их по взлетному полю прямо к трапу самолета - сверкающе нов. Ничто не напоминало преисподнюю. И все же - это была именно она - бездна страха и муки, поглотившая тех, кто должен был расцепить объятия.

Алиса стояла у окна, с ужасом смертника наблюдая, как увеличивается полоска асфальта между автобусом и мужчиной в потертых джинсах. Он растерянно замер, словно примирившись с неизбежностью, но вдруг спохватился и, перемахнув через турникет, ринулся за медлительным вагончиком. Вот он уже догнал его и прямо под окном Алисы машет руками и что-то кричит... Но вот отстал, поник, смирился - одинокая фигурка на взлетной полосе и служитель в синей униформе с красным флажком в руке, бегущий к ней от здания вокзала.

Эту картину Алиса увезла с собой, обливая горячими слезами, как урну с дорогим пеплом.

Они расстались тогда всего на две недели - но разве это важно, когда и минуты дышать друг без друга было трудно.

...Куда же делось все это? Как произошло, что через два года от захлеба чувств, переполняющих душу, сводящих с ума, остались привязанность и жалость, а от острой боли обнаженного нерва - тупое нытье застарелой раны?

Они продолжали встречаться - сначала часто, жадно, с непримиримостью к расставанию, затем все более свыкаясь с ним и с увеличивающимися разлуками. Арманда продолжала цепляться за жизнь, а Лукка, мучимый виной своего краденого счастья, делал все возможное, чтобы эту жизнь продлить и украсить. Он исправно проводил дома все многочисленные семейные праздники, был хорошим отцом - он жил показной фальшивой, ненужной ему жизнью, как стало ненужно ему все, что не касалось Алисы. Но постепенно свыкался, втягивался, с удивлением отмечая, что научился заново есть, пить, спать, работать и даже смеяться, то есть - выжил. Выжил без нее.

Выжила и Алиса. В один прекрасный день, она заметила, что лжет, лжет самой себе.

Их встречи становившиеся все более редкими, сопровождал неизбежный рефрен: "Мы придумаем что-нибудь, мы обязательно придумаем!" - убеждали они друг друга, прежде чем разомкнуть прощальные объятия. Считая себя изгоями судьбы, гонимыми одиночками, они не понимали, что эти слова твердили и твердят все влюбленные через бездну невозможности, все бунтующие и в конце-концов, смиряющиеся. Они строили планы, один нереальней другого и ждали. И однажды Алиса поняла, что никогда ничего они уже не придумают. Что самое прекрасное и ценное, оставшееся у них, - это прошлое, а мечты о совместном будущем - лишь худосочные, бледнеющие на свету реальности иллюзии.

Они расставались в Милане в канун Рождества. Лукка уезжал к себе в Парму, где ждала его к празднику семья. Алиса - в Париж, в одиночество. Они мало говорили, но испытывающе заглядывали друг другу в глаза, пытаясь понять - что же творится там на самом деле, в душе самого близкого и нужного человека, что происходит за напускным спокойствием и защитной броней равнодушия?

Рейс задерживался и Алиса отпустила своего любимого - чужого мужа, торопящегося вернуться домой. Но Лукка медлил. Он ненавидел теперь вокзалы и провода, затянувшиеся расставания, будто обязывающие договорить что-то важное, решить нерешенное. Он мучительно любил эту женщину в светлом плаще, отороченном золотистым мехом - и ненавидел - ненавидел за свое бессилие, за невозможность дать ей счастье. И поэтому, когда она тихо сказала: "Ступай же, ступай" - он смиренно кивнул и обещал: "Я позвоню сегодня вечером. Будь умницей, Лиса". И ушел, затерявшись в толпе.

...Ожидание затягивалось. Алиса измучилась, запертая в бетонной коробке аэровокзала, как в клетке, она явственно представляла, как в эти минуты красный "альфа-ромео" несется в потоке машин по мокрому, матово лоснящемуся в свете фар шоссе, удаляясь все дальше и дальше от нее, в другую, чужую, неведомую жизнь.

Алиса обрадовалась, когда у багажного отделения появился сержант с ищейкой - собака ей нравилась, а парень явно гордился своей питомицей, украдкой зыря из-под козырька в поисках восторженных лиц.

"Кто он, откуда? Как зовут эту умницу, с влажным кожаным носом и легким запахом псины от густой шерсти?" - гадала Алиса и, встретившись взглядом с черноглазым полицейским - дружески кивнула ему.

...И это было единственным, что она потом могла о себе вспомнить.

7

Поздно ночью в кабинете средиземноморского дома Брауна зазвонил телефон. Он только что вернулся на остров после длительной поездки в Азию, о чем практически еще никто не знал. К тому же, номер настойчиво трезвонившего телефона был известен очень немногим.

Женский голос назвал его по имени и тут же послышались всхлипывания. Женщина пыталась что-то сказать, но никак не могла взять себя в руки рыдания мешали ей объясниться.

Остин не сразу узнал Александру Сергеевну. Старушка, неизменно проявлявшая выдержку и волю, была в крайнем смятении. Наконец, по обрывкам фраз он понял, что произошло нечто ужасное. В катастрофе в Миланском аэропорту, где неделю назад от взрыва погибли люди, пострадала Алиса. Теперь опасность миновала, она останется жить, но нужен хороший врач, вернее, волшебник, потому что только чудо может спасти ее от

уродства.

"Алиса? Опять Алиса!" - Остин хорошо помнил трагическую историю с Азхаром Бонисандрой, зная ее основную подоплеку: ситуация в Афганистане серьезно изучалась ИЮ. Потом попытка самоубийства, трудное возвращение к жизни, долгая несчастная любовь и теперь опять - нелепость, чудовищная случайность и жертва ее - Алиса. Но причем здесь она? Остин понимал, что Александра Сергеевна ждет не слов сочувствия, а помощи, и потому, уже на следующий день специальным рейсом Алиса была доставлена в Канны, а оттуда в клинику Леже.

Профессор имел накануне длинный разговор с Миланским доктором, выведшим мадмуазель Грави из шока и сделавшим надлежащее обследование. Обсудив все pro и contra, они решили, что больная не нуждается в помощи нейрохирурга - к счастью, мозговая травма была не очень серьезна.

Обследования, сделанные в клинике Леже, подтвердили данные итальянских медиков: небольшая гематома в височной области мозга не увеличивалась, а открытые повреждения тканей лица требовали специального хирургического вмешательства.

В этом страшном невезении Алисе, в сущности, немного повезло. Она отвернулась в сторону (кивок сержанту полиции) в тот момент, когда произошел взрыв. Обломок чего-то тяжелого, по-видимому, мраморной облицовки панели, ударил ее чуть ниже левого виска, свернув челюстной сустав, повредив носовой хрящ и по касательной задев глазницу. Мягкая ткань кожи щеки, подбородка и носа была разорвана и обожжена, мышцы повреждены. Кроме того, приходилось опасаться за глаз: все зависело от того, как пойдет восстановительный процесс в мозговой ткани и степени повреждения лицевого нерва.

В консультационном кабинете Леже проводил обсуждение состояния новой больной со своими коллегами, демонстрируя рентгенограммы, томограммы мозга, данные специальных исследований. Консилиум пришел к выводу, что больной необходим месяц общего лечения и наблюдений, а в случае благоприятной ситуации - отсутствия осложнений и негативных процессов - можно приступить к осуществлению лицевой пластики.

Лишь в начале февраля, обстоятельно ознакомившись с динамикой выздоровления больной, Леже решил, что настала пора действовать. В его кабинете плакала худенькая старушка, на сей раз от радости: она знала, что внучка будет жить и верила в маленького доктора, рассчитывавшего ликвидировать в той или иной степени внешние последствия травмы.

Александра Сергеевна теперь часто плакала - слезы появлялись сами собой от всего, что как-то было связано с внучкой - от ее музыки, книжек, качелей и яблоч, от ажурных колготок на прохожей девчужке, от одеколона "Встреча", появившегося в магазинах и присланного от Маргариты Ланвен, от тревожного голоса итальянца, звонившего чуть не каждый день.

Стаканчик с валерианой, протянутый высоким помощником профессора, задрожал в ее руке и старушка бурно разрыдалась, уронив на колени сумочку с тем, что она берегла и теперь принесла показать всем. На ковер веером легли Алисины фотографии: Алиса-девочка с прямой спиной, восседающая на новом велосипеде, Алиса-девушка с мольбертом, в тирольской шапочке где-то на живописном альпийском склоне, Алиса в Венеции на площади Синьории со стайкой наглых голубей, слетающих к пакетику с кормом. Один из них сидел на протянутой алисиной руке, а другой, застыв в кадре с размазанными штрихами крыльев, собирался, видимо, присесть прямо на ее взъерошенную ветром макушку.

Йохим стал собирать листочки и, машинально взглянув на один из них, застыл - неожиданность открытия буквально парализовала его. Он быстро тассовал фото, тарасил глаза, расплываясь в радостной улыбке: "Я... я, кажется, знаю... Нет! Я точно узнаю это лицо!" Йохим протянул большой любительский снимок Леже. Алиса-подросток была запечатлена в летний день, в тот момент, когда оторвавшись от группы сверстников, смутно обозначенных в пестро-лиственной глубине кадра, ринулась за мячом, запущенным, по-видимому, каким-то шалуном прямо в объектив аппарата. Это его округлый бок закрыл всю верхнюю правую часть кадра и его ожидаемое столкновение с фотографирующим распырало Алису вот-вот взорвущимся смехом. Ее вспыхнувшее лицо с солнечной пылью на высоких скулах, с сюрпризным сиянием в прозрачной глубине крыжовинных глаз, было озарено тем особым светом резвящейся, распахнутой в предвкушении счастья души, которое бывает у детей за секунду до чуда. Йохим узнал припухшую нижнюю губу, закушенную двумя крупными верхними зубами и паутинки волос, светящиеся ореолом вокруг единственного, всегда живущего в его памяти лица.

"Да, это Она..." Йохим рухнул на стул, оглядывая окружающих растерянно и жалобно, как человек, которому объявили, что он обречен.

На следующий день Леже пригласил ассистента Динстлера в свой кабинет.

- Присаживайтесь, коллега, я заметил, что у вас не слишком крепкие колени. Они легко подкашиваются - а я собираюсь вас удивить. Речь идет о нашей пациентке мадмуазель Грави. Вчера я понял, что Вам удалось вытащить крупный козырь. Изучите все материалы, продумайте ход операции и доложите мне. Вести эту больную будете Вы.

8

Вот и случилось. То, что казалось ненужным ответвлением судьбы, дурацким аппендиксом, бредом, порождением худосочной фантазии и весеннего юношеского безумия, обрелом весомую реальность факта. Тонкая ниточка смутных намеков, тянущаяся от калитки соседнего дома к августовскому вечеру у реки и прервавшаяся у черного могильного гранита, объявилась вновь, заставляя Йохима снова и снова мысленно проделывать путь от появления девочки с обручем на плече к вчерашнему вечеру, когда Она вернулась, смеясь на дрожащем в его руке листочке картона.

Вот и случилось. Значит - все неспроста. Не зря томили детскую душу поиски неведомого - мандариновое зазеркалье граненого стекла, всякие там звенящие цветы и танцующие свечи. Значит, со смыслом, а не в приступе подростковой дури, повергали в сметение закаты и зори, звуки и краски. И не канула в небытие яростная клятва на могиле чужой, незнакомой девочки... А Ванда, а Вернер, а потоки крови и искромсанного мяса, обмороки и рвотные спазмы, апатия и пустота? - Неспроста.

Очевидная осмысленность сюжета его недолгой жизни бросала Йохима в дрожь. Он понял, что должен совершить нечто, для чего был послан в этот мир кем-то нелепый "собиратель красоты". Воинственный азарт ответственности, смешанный с ликованием причастности к Высшей тайне, гоняли Йохима из угла в угол его потемневшей, давящей ночной темнотой комнаты, заставляли метаться и вскакивать на измятой постели, не давая заснуть ни на минуту.

На рассвете, когда вся клиника еще пребывала в предутреннем сне, Йохим стоял у двери палаты мадмуазель Грави. Он медлил, не решаясь ни постучать, ни отворить двери, лишь слушая, как тяжело, со значением, ухает в груди сердце. Вот сейчас он увидит ее - сломанного человека, изувеченную женщину, молящую о помощи, чужую, жалкую,

незнакомую. Сейчас он станет врачом, поспав к чертям все игры своего большого воображения. Сейчас... Он тихо постучал и не дожидаясь ответа, осторожно отворил дверь.

Очевидно она спала - на подушке белела округлая бинтовая глыба. Серенький жидкий рассвет за спущенной кремовой шторой нехотя освещал комнату. Йохим бесшумно подошел к кровати. Белая голова повернулась и в окошечке повязки на левой стороне лица открылся серьезный, будто не спавший глаз. Йохим понял сразу, что приговор провозглашен и обжалованию не подлежит: на него смотрел именно тот глаз, не узнать который было невозможно.

В белоснежном обрамлении бинтов он сиял редкой драгоценностью, некоей звездой сокровищницы, оберегаемой бдительными стражами и системами мудреной сигнализации. Светлая, нежная зелень радужки, кристаллически-крапчатая в глубине, была обведена черной каймой, отчетливой и яркой, что придавало расширенному зрачку манящую притягательность бездны. Этот одинокий, и потому, особенно значительный глаз в оправе золотых пушистых ресниц казался Йохиму необыкновенно большим и до мелочи, до ювелирной выделки радужки, век - знакомым. Он констатировал это со спокойствием очевидного факта и ничуть не удивился его выражению: абсолютного холодного безразличия, без тени тревоги и печали.

- Доктор Динстлер, - представился Йохим, зная, что поврежденная челюсть не позволяет больной говорить. - Я ассистент профессора Леже и уже несколько месяцев имею в этой клинике самостоятельную хирургическую практику. Профессор нашел целесообразным передать ваше лечение мне. Я должен осведомиться о вашей согласии. Но прежде - хочу предупредить: мне редко везло, я не всегда умел идти до конца. Но вы... вы это совсем другое. В вашем случае я буду сражаться до последнего. - Йохим приблизил свое лицо к этому немигающему равнодушному глазу. - Я смогу очень многое, поверьте... Если вы согласны, подайте знак. - Веко дрогнуло и слегка опустилось, голова отвернулась. - Значит, да? Вот и хорошо. Через два часа я осмотрю вас. А пока отдыхайте, еще слишком рано. И слишком мало оснований для доверия мне. - Он слегка сжал ее вырисовывающуюся под простыней неподвижную руку.

...В хирургическом кабинете, куда была доставлена большая, Йохим следил за медсестрой, снимающей повязки. Пальцы сестры работали ловко и быстро, порхая над белым коконом, но ему это процедура казалась бесконечной. Уже были размотаны кипы бинтов, а маска оставалась и Йохим начал сомневаться, окажется ли под ней лицо, которое он так ждал: в детстве его потрясли кадры английского фильма, в котором человек-невидимка, освободившись от бинтов, попросту исчез. Чтобы успокоиться он отошел в сторону, изучая хирургические инструменты, разложенные в эмалированной лотке. "Готово, доктор", - раздался за спиной голос медсестры. Йохим обернулся и на мгновение, как тогда, в самом начале медицинского поприща его случайный гость и мученик - зажмурил глаза и впился ногтями в ладони, стараясь собраться с духом.

Через минуту, вооруженный пинцетом с зеркальцем, он был только доктором Динстлером, изучающим рабочий материал, а буря эмоций, всколыхнувшаяся поначалу, была поспешно подавлена и спрятана в дальний ящик сознания - до последующего разбирательства.

Поверхностные повреждения лица мадмуазель Грави затягивались, покрывая, как травка в поле, оставленные боем воронки и рытвины. Волосы, сбритые от правого уха до темени, уже торчали мягким ежиком, открывая лиловато-зеленую гематому, залившую скулу

и рассеченную большим вспяченным рубцом до самого глаза. Изуродованный нос, подбородок с рваным швом, стянутым скобками, заплывший= неоткрывающийся глаз и верхняя губа искривленного, нехотя усмехающегося рта вопили о жесточайшем насилии, совершенном слепой варварской силой.

Доктор Динстлер внимательно изучал раны, боясь признаться что не находил теперь знакомых черт в хаосе искромсанной плоти. Да и так ли это? Не наваждение ли, не хитрое ли изобретение изошренного воображения, все эти "узнавания", скрытые замыслы судьбы и призывы к Деянию?

И в эту ночь он не мог уснуть от предельного напряжения и усталости. Его мысли металась, шарахаясь в тупики, чувства вопили противоречивым разноголосьем и чем дальше - тем меньше он понимал, что-либо ощущая, что сходит с ума. Порывшись в аптечке, Йохим в отчаянии проглотил три таблетки снотворного, оставленного Нелли, хотя до этого не употребил и одной.

И проснулся на рассвете, проспав всего четыре часа, с ясной головой и бодрящим предвкушением интересного дела, по которому давно уже чешутся руки.

К вечеру на его столе, заваленном фолиантами научных трудов, лежали три аккуратных листа бумаги с подробным описанием цикла операций. Дотошный план с пунктами и подпунктами шаг за шагом прослеживал все этапы лицевой пластики, предусматривая на каждой ступени возможность трех вариантов - от отрицательного до самого благоприятного. С этими листками к семи часам вечера Динстлер явился к шефу.

9

Арман Леже слегка нервничал. Он спрашивал себя, не минутный ли порыв заставил его поручить судьбу Грави Динстлеру? Утром у Леже состоялся телефонный разговор с Брауном.

- Арман, я уверен, что ты хорошо подумал, назначив ведущим хиркргом Динстлера. Я не сомневаюсь в человеческих качествах этого юноши, возможно так же, что он блестящий профессионал. Но когда есть ты, твой опыт и твои руки... Пойми, Алиса дорога мне, как собственная дочь, я не имею права рисковать. Я должен быть уверен, что твой расчет имеет веские основания, голос Брауна в трубке вопросительно затих.

- Ты ждешь, Остин, что бы я тебя переубедил, - вздохнул, решившись на малоприятное признание профессор. Это длинный разговор. Могу сказать одно тебе я признаюсь: пару раз я смотрел на этого парня с открытым ртом и думал: "стареешь, Арман, тебе на такое уже не подняться". Я лгал самому себе - подняться на такое я не мог никогда. Я думаю, у него особый, запредельный дар... Ты знаешь, Остин, я далек от мистики, но здесь я засек такие моменты, которые никому, понимаешь никому, без поддержки свыше было бы не одолеть. А он творит чудеса и сам не замечает - сила дается ему запросто, даром. Этаким легкокрылый Моцарт... Не знаю... Назови это везением, талантом, одаренностью... Динстлер бывает разным, но в этом случае, с этой твоей Алисой - он будет гением. Я ручаюсь...

Остин, присутствовавший вместе с Александрой Сергеевной в эпизоде с фотографиями и наблюдавший внезапный полубоморок Йохима, сообразил: "Ага, значит у него здесь особые счета".

- Ну что же, с Богом, Арман. Постараюсь вскоре вырваться к вам.

...Ожидая Динстлера с планом предстоящей операции, Леже все больше впадал в панику. Будучи рационалистом и скептиком, он признавал справедливость аргументов Брауна, коря себя за поспешное решение. "Он будто околдовал меня, этот длинновязый. Что

за чушь я молот сейчас - какая там "поддержка свыше"? Чистый бред... Заврался ты, старик Арман, с перепугу," бормотал профессор, хлопывая ладонями карманы - он машинально искал сигареты, которые бросил курить три года назад. - Фу, черт! Наваждение! Леже, заставив себя успокоиться, демонстративно положив миниатюрные холеные руки на стол.

положив беспокойные руки на стол. - Войдите! Ну-с, это, наконец, Вы, коллега. Пожалуйста..."

План Динстлера был оригинален, точен и вполне реалистичен. Придаться было не к чему - сам Леже избрал бы подобную тактику. Никаких фантастических прожектов - все в рамках опробованной методы. "В конец-то концов, я всегда буду рядом и смогу подстраховать, если его занесет", подумал профессор, облегченно вздохнув, когда за Йохимом захлопнулась дверь.

Первая операция из четырехэтапного цикла, рассчитанного на полгода, состоялась через три дня. Больная не проявляла признаков беспокойства, спокойно отдав себя в руки бригаде анестезиологов. Леже, в соответствии со своим решением, взял на себя полномочия ассистента, не вызвав никакого сопротивления со стороны Динстлера, вероятно, и вовсе не принявшего этот факт во внимание. Йохим был очень сосредоточен, погружен в себя. Внимательно проверил подготовленный трансплантант, необходимое оборудование. Леже удивился, что вместо одного, запланированного, ассистенты по распоряжению Динстлера подготовили три образца заменителя поврежденной ткани, а также микроскоп, необходимый в тех случаях, когда требовалось нейрохирургическое вмешательство.

Вначале все шло по плану. Поврежденная челюстная кость, зафиксированная итальянскими медиками, срослась, оставалось лишь восстановить мягкие ткани - вернуть правильное положение изуродованным мышцам и коже.

Однако вместо того, чтобы заняться подтяжкой рубцов, Динстлер обнажил челюстной сустав и по тому, какие инструменты потребовал у медсестры его властный голос, Леже понял, что предстоит вскрытие суставной сумки.

- Боже мой! Боже! Что он делает! - закричал Леже, чуть не рухнув со своего помоста. Но ножницы продолжали шелкать, а локоть Динстлера резким коротким толчком нокаутировал профессора, протискивающегося к столу.

- Господин Леже, у меня в руке секатор и вы знаете, к чему может привести малейшая оплошность. Не берите грех на душу - оставьте меня, - не отрываясь от дела внушительно молвил он.

Обескураженный профессор в бешенстве покинул операционную и уединился в своем кабинете, панически просчитывая последствия этого непредсказуемого вмешательства Динстлера. Он сидел, обхватив голову короткими руками, пряди редких волос, удачно тонированных красителем в каштановый цвет, прилипли к взмокшему лбу. Леже просидел так очень долго, не обращая внимания на трезвонящий телефон, и не поднял глаз, когда в комнату кто-то вошел. Он знал, что это Динстлер.

- Почему вы не поставили меня в известность о ваших намерениях? Или я уже не руковожу клиником и вы едите не мой хлеб? Зачем вам понадобилось ломать то, что уже однозначно непоправимо? Ведь суставные хрящи не подлежат замене - это же азы! Они не могут срастись, сохранив подвижность! А вы - вы профессиональный преступник и должны быть дисквалифицированы! - бушевал профессор.

- Они могут срастись, профессор. И обязательно это сделают! Динстлер сел рядом и мягко, словно успокаивая обиженного ребенка, продолжал: - Я уже на снимках заметил, что

перелом сросся неверно, что подвижность челюстного сустава будет ограничена. А это не просто косметический дефект - это нарушение жизненно важных функций - речи, приема пищи, мимики... Вы же тоже видели это, но вы - боялись...

- Да, боялся. Это как раз тот случай, коллега, когда авантюризм очень опасен и может приравняться к преступлению. А вы - безответственный авантюрист! - Леже вскочил, удержав за плечи собиравшегося встать Динстлера. - Извольте сидеть - мне так удобней вас отчитывать...

- Ага, профессор, вы уже поняли, что авантюры не было и риска особого тоже - просто расчет и везение! Представляете, мне удалось не только восстановить размер челюстной кости за счет реберного трансплантата, починить сустав, но и, кажется, привести в порядок лицевой нерв - это просто везение, что не был поврежден основной ствол - она сможет улыбаться! И простите меня, покорнейше прошу, за ... Ну, вы просто попали под руку.. под локоть. Я совершенно не контролировал себя и не рассчитал силу...

- Да, ручки-то у вас просто железные. С такой хваткой только на ринг. А ведь не скажешь... - профессор погладил ушибленные ребра.

- Простите и забудьте, умоляю! Вы даже не знаете, как много для меня сделали... - Йохим виновато взглянул в глаза Леже. - Но прошу вас об услуге, профессор... Нет, серьезно предупреждаю: не трогайте меня, когда я стою у стола!

- Ну это мы посмотрим через две недели. И если она не сможет открыть рта - вы моментально вылетите в свою Австрию и будете дебоширить у милейшего доктора Вернера= - непримиримо резюмировал Леже.

Еще до истечения указанного Леже контрольного срока, Йохим понял, что все идет хорошо и ссылка к Вернеру ему не грозит. Впрочем, он в этом и не сомневался, лишь иногда припугивая себя шальным сомнением: "А вдруг?" Вдруг прав профессор и весь опыт классической хирургии?

Он навещался в палату №6 по несколько раз на день, фиксируя малейшие изменения в состоянии мадмуазель Грави. В разрезе повязки виднелись вспухшие губы и что-то неуловимое сигналило Йохиму, что сустав встал на место и натяжение щечной мышцы ослабло, отпустив уголок рта. Его совсем не тревожило душевное состояние пациентки, вызывавшее опасения у наблюдавшего ее психиатра. Очертание губ, приходившее в норму постепенно, радовало его, как радуется набухающий, готовящийся распуститься бутон редкого цветка какого-нибудь фанатика-натуралиста.

Когда в нервной, накаленной тишине операционной, повязка наконец была снята, Леже, томимый сомнениями, первый подскочил к больной и дотошно проверил подвижность сустава, не веря своим глазам. Грави могла открывать и закрывать рот, предстояло лишь заняться разработкой челюсти и занятия с логопедом, восстанавливающие артикуляцию. Потрясенный Леже и не заметил в первые минуты того, чем любовался, стоя напротив больной Йохим выправленной линии губ и тоненькой розовой нитке шрама на месте грубого рваного рубца. А когда заметил - пришел в недоумение: он был убежден, что ликвидация рубцовой ткани предстоит на втором этапе операции.

Пока доктора суетились вокруг пациентки, она сидела неподвижно, опустив веки и на радостное предложение медсестры подать зеркало, лишь отрицательно качнула головой. И правильно: выправленный подбородок, иссеченный шрамами и все еще отекий, мог радовать только поработавших над ним специалистов. А на то, что располагалось выше и еще не подвергалось коррективке - смотреть вообще было страшно.

Через несколько дней Грави начала говорить. Вернее, она получила теперь такую возможность, но пользовалась ею чрезвычайно редко. Психиатр Бланк, пытавшийся провести с пациенткой сеансы психотерапии, столкнулся не только с глухой стеной апатии, но и частичной амнезией. Память Алисы работала очень избирательно, выуживая, как изюм из булочки, отдельные, не поддающиеся логичной систематизации факты отдаленного и недавнего прошлого.

Врачи решили, что визиты близких, до сего времени строго запрещенные, помогут больной восстановить душевное равновесие.

Александра Сергеевна хворала, а Елизавета Григорьевна собралась в путь, обрадованная и тем, что наконец-то может позволить встретиться с дочерью этому измученному неведением итальянцу, чье искреннее горе и сочувствие вызывало у нее симпатию.

Они встретились в холле клиники и сразу узнали друг друга по одинаковому выражению глаз, полных мучительного ожидания. Елизавета Григорьевна представилась и протянула руку, а итальянец поднес ее к губам и вдруг как-то странно согнулся, пряча лицо.

Когда мать увидела Алису, то несмотря на все предостережения врачей сохранять спокойствие, ахнула и, упав на колени возле ее кровати, зарылась лицом в одеяла. Алиса молча гладила идеально подкрашенные волосы матери и вдруг спросила: "Ты привезла мне "Встречу", ма? Я просила Леже передать тебе..." Елизавета Григорьевна трясущимися руками извлекла из сумки коробку с одеколоном. Алиса взяла ее, открыла, достала флакон и, изучив его левым здоровым глазом со всех сторон, поставила на столик возле кровати. Они немного поговорили обо всем, Елизавету Григорьевну удивило спокойствие Алисы и какие-то вопросы, показавшиеся ей странными. Что могла она сказать, например, о том, вошел ли укроп на клумбе под окном бабушкиного дома, или сколько лет живут осьминоги?

... - Хватит, хватит печалиться. И скажи бабушке, что теперь уже со мной ничего плохого не произойдет. Баста - весь запас невезения я израсходовала, управилась за тридцать три года, - успокоила на прощание мать Алиса.

В коридоре Елизавету Григорьевну ждали Лукка и доктор Динстлер.

- Все в порядке, можете заходить, господин Бенцони,

- сказала она, и тот, сопровождаемый одобрительным кивком доктора, нерешительно открыл дверь. Йохим деликатно отошел к окну и ему показалось, что он простоял там вечность, изучив трещины в краске, форму шпингалетов и рисунок прожилок на мраморном подоконнике. Наконец мужчина вышел из комнаты. Его голубые глаза смотрели куда-то в пространство, на скулах ходили желваки. Вдруг он резко отвернулся и, уткнувшись лбом в стену, яростно заколотил по ней сжатыми кулаками: "Почему? Почему это случилось именно с ней?"

Йохим, ожидавший грустной сцены, был все же слегка удивлен: на его взгляд положение больной не должно было вызывать такой трагической реакции, напротив, можно было бы ожидать даже некой радости по поводу успеха первой операции. Он вошел в палату и опешил: мадмуазель Грави сидела в постели ногами к изголовью - то есть переместившись так, что изуродованная часть ее лица была обращена к стене. Оставшиеся длинные волосы были распущены, падая волной на грудь и спину, а маленькие маникюрные ножницы больной с треском вгрызались в светлые пряди. Вся кровать и ковер возле нее были усыпаны пармскими фиалками.

Йохим взял свою пациентку за руку:

- Зачем, ну зачем вы это делаете? Подождите... придет парикмахер. Мы и впрямь упустили из вида вашу прическу. Пожалуй, это половинчатость действительно слишком экстравагантна. Завтра у вас будет чудесная модная стрижка - у нас очень хороший мастер. Точно не знаю, но кажется такая модель называется сейчас "дитя без мамы".

Большая смотрела холодно и зло, не удостоив Йохима ответом, но ножницы бросила и, отвернувшись лицом к стене, дала понять, что аудиенция окончена.

Через несколько дней предстоял новый этап восстановительной пластики - сражение с травмой верхней части лица, мешающей правому глазу. Окулисты уже выяснили, что зрение в пострадавшем глазе хотя и нарушенное из-за рубцов на сетчатке, сохранилось. Йохима же больше всего волновала подвижность глазного яблока и восстановление надкостницы. Он вновь и вновь переворачивал труды по ортальмологии, выискивая по крохам то, что могло помочь в данном случае, и продумывал свои действия до мелочей.

Вечером накануне операции он пришел к своей пациентке, чтобы заручиться ее поддержкой. Завтра они вместе будут отвоевывать у болезни законные природные права и от того, в каком состоянии духа будет пребывать мадмуазель Грави зависело многое.

Она сидела в своей теперешней излюбленной позе - изуродованной щекой к стене, - не зажигая света, и смотрела в окно. Йохим изложил больной ход операции, увлекаясь подробностями, приводя аргументы, как на медицинском консилиуме, будто та, что сейчас молча слушала его, будет завтра ассистировать у стола, а не лежать недвижимо, погруженная в наркотическое забвение.

Грави не проявляла никакого интереса к хирургическим планам Йохима и он осекся.

- Вы, возможно, сомневаетесь, правильно ли выбрали врача? Скажите, не стесняйтесь, прошу вас. Еще не поздно изменить все.

Она отрицательно качнула головой и Йохим успокаивающе коснулся ее руки.

- Мне кажется, вы скептически относитесь к моим усилиям. Либо вас просто мало интересуют результаты... Я еще не встречал здесь женщины, которая не держала бы зеркальце на тумбочке и поминутно в него не поглядывала. Даже дамы весьма почтенного возраста и далеко не такие красавицы, как вы... Больная вдруг взглянула на него с такой мукой, которую он и не предполагал обнаружить под ложной оболочкой спокойствия.

- Прошу вас, доктор, уйдите. Я доверяю вам. Я не хочу другого врача. Я не хочу зеркала. Я не хочу ничего. - Ее губы задрожали и Йохим восторженно уставился на этот заново вылепленный им рот. Впервые она говорила с ним и движение этих губ завораживало. Он приблизил к ее губам свои близорукие глаза:

- Говорите, говорите, пожалуйста, что-нибудь! Вы же просто не знаете - как это замечательно у вас получается!

Алиса с усилием улыбнулась:

- Вы смешной, доктор.

- Хотите сказать - сумасшедший? - уточнил Йохим.

- Может быть. И может быть - это к лучшему= - согласилась она. Только перестаньте меня жалеть. Вы не представляете как мало значит для меня теперь внешность. Пустая, ничемная мелочь - рекламная вывеска, манящая фальшивым блеском.

- Вот уж - слова безумия или ... святости. Или кокетства. Да, внешность - мелочь. В этом не сомневается всякий мало-мальски претендующий на "духовность" человек. Но - не ваша. Ваше лицо - великая, но, увы, брэнная мелочь. Как полотна Тициана, или Боттичелли... Но когда они, эти брэнные мелочи являются в мир - на время, на миг - мир становится лучше...

После второй операции, сложной и очень болезненной, мадмуазель Грави как-то сдала. Похоже - она просто выбилась из сил, устав сражаться. Температура прыгала, сердце меняло ритм, то смиренно затихая, словно в предчувствии конца, то бешено колотилось, цепляясь за жизнь. У постели больной круглосуточно дежурили сиделки и бесшумно входивший в палату Динстлер слышал прерывистое дыхание, слабые стоны, видел вопросительные, встревоженные лица медсестер. Но почему-то не пугался. Он просто ждал.

На пятый день Грави стало лучше и вскоре вместе с уже вовсю наступающей весной, она стала выздоравливать - охотно ела, слушала музыку, начала выходить в сад. А однажды Йохим застал ее оживленно беседующей с медсестрой. Хохотушка Жанна, всегда была весела, не уставая рассказывать о своем семилетнем сыне и муже - водителе грузового трейлера, совершавшего длительные рейсы по альпийским дорогам.

Йохим услышал обрывок фразы, со смехом произнесенный Жанной:

- А на боку, чуть ниже бедра - вот такусенький бантик!...

"О чем они здесь болтают? - недоумевал он. - Что может занимать мою пациентку, кроме подсчета часов до предстоящего снятия повязки?"

Когда это событие, наконец, свершилось, больная нетвердо пошла, покачиваясь и пытаясь прикрыть ладонью вновь прозревший глаз. Врачи остались довольны результатом: глаз сохранил свою подвижность и лишь немного косил, что по убеждению египтян только усиливает женскую привлекательность. Об этом тут же сообщил присутствующим Леже, втайне озадаченный таким ходом дела: столь благополучного исхода он не смел и предполагать. Тонкий шов, пересекающий лоб и бровь со временем может быть успешно скрыт средствами повседневного макияжа, но форма надбровья и глазницы!

- Ну, коллега, поздравляю и обещаю, что впредь никогда не буду хватать вас за руки. Они у вас, кажется, умнее, чем я! - признался Леже, предвкушая приятное удивление Брауна, которого ждал со дня на день.

Остин приехал в клинику в те дни, когда Алиса уже полностью оправилась после операции глаза. Было начало мая и даже здесь, в прохладной горной местности, в полную мощь цвели каштаны, разноцветный кустарник и фруктовые деревья. Больная большую часть времени проводила в саду в укромном уголке у маленького пруда, где под прикрытием опущенных нежной игольчатой зеленью лиственниц был сооружен бельведер - нечто вроде беседки из решетчатого штакетника, сплошь зарастающего летом диким виноградом и розами. Сейчас их гибкие лозы уже были покрыты гроздьями мелких карамельно-розовых бутонов, а в траве, покрывающей берег, белели россыпи маргариток.

Мадмуазель Грави, несмотря на восторги медиков по поводу удачного восстановления ее подбородка, предпочитала носить черную повязку, оставляющую открытыми только глаза. Украдкой, вопреки запрету окулиста, она зачитывалась Достоевским, заново открывая для себя "Братьев Карамазовых", впервые "проглоченных" еще в юности.

Остин нашел ее в беседке, спокойно созерцающую пейзаж, поскольку книгу, заслышав шаги, больная поспешила спрятать в сумку. Узнав визитера, Алиса обрадовалась и вскочила ему навстречу. Но спохватилась, поправила повязку и смущенно опустила глаза.

Остин же, взяв ее за руки, внимательно разглядывал, отступив на шаг.

- Погоди, погоди прятаться. Ты в этой парандже и темном одеянии вылитая черкешенка! Похудела, вытянулась как-то - этакая гибкая и пугливая "дочь гор!" ...Извини, что не приехал раньше - ты же знаешь - дела. Но все про тебя знаю. И с доктором твоим

юным уже беседовал. Он не прост - совсем непрост! И так верит, что "будешь танцевать на осеннем парижском балу!" Остин говорить торопливо, не давая возможности Алисе прорваться со своей печальной темой. Почувствовав, что он явно заговаривает ей зубы, перетаскивая на свой "берег", Алиса улыбнулась глазами и усадила гостя на скамейку.

- Не бойся, Остин, я не стану плакать и жаловаться. Ты не согласишься со мной сейчас хорошо. Я будто вычеркнута из списка тех, кто непременно должен быть полноценным - т.е. радоваться жизни, преуспевать, быть "кузнецом своего счастья", быть не хуже других и так далее. Я вышла из забега и вся эта гонка, эта маята кажется мне отсюда такой мелкой возней.

- Суета сует и вечная суета, - процитировал Остин. - Знаю, знаю, я это тоже проходил в своей жизни. Считаю, что пройдя через испытания, ты просто поднялась на несколько ступеней по кармической теории индусов.

- Да, взрывной волной, - усмехнулась Алиса. - Погляди-ка на мою голову! - она сдернула с волос черную, по-монашески повязанную косынку. Остин расхохотался:

- Потрясающе! Как это получилось? Ручаюсь, для стилистов "Ланвей" твоя прическа была бы находкой: "Авангард и ретро - попытка взаимопонимания".

Алиса так и отказалась от помощи парикмахера и теперь ее голова была похожа на рекламный манекен, демонстрирующий два типа прически: с правой стороны топорщился уже отросший ежик модели "тиф", а слева вились, падая до плеча романтические пряди.

- Но больше ничего показывать не буду. Сама не смотрю, только щупаю свой нос, вернее, то, что осталось. Не могу удержаться...

- Ах Алиса, ты была чересчур хороша и как человеку с юмором, тебе собственное совершенство, видно, изрядно надоело. Ну пусть теперь этот Динстлер помается, попыхтит, померяется силой со злобным Фатумом. Знаешь, на Кавказе есть такая притча: когда рождается ребенок, Бог целует его. Если поцеловал в уста - будет оратором, если в лоб - мудрецом и так далее. Этому Йохиму, думаю, кто-то чрезвычайно полномочный, поцеловал руку. Сама понимаешь - дело деликатное и очень редкое. Доверься ему - и мы еще пересмотрим вопрос о твоей карме.

Они долго сидели, обсуждали "Карамазовых", которых Остин прочел уже в весьма зрелом возрасте, говорили о событиях на мировой арене, о судьбе и Боге в том поверхностно-"терапевтическом" плане, который применяется для врачевания души, с лихвой одаренной страданием.

- Испытания ниспосланы нам свыше, во искупление... - тоном проповедника шутливо продекламировал Остин и виду не показывая, как тревожит и озадачивает его фатальное невезение Алисы, явно перебранный среднюю дозу трагических случайностей.

Однако, после отъезда Остина, Алиса почувствовала себя более сильной и готовой к дальнейшим испытаниям. Весь день она удивляла персонал клиники необычным оживлением, а вечером, стоя перед зеркалом, как под дулом пистолета, решительно сняла повязку и не отвела глаз. Прошла секунда или несколько минут, окаменевшая Алиса определить не смогла бы: изображение в зеркале сразило ее бесповоротностью "похоронки" - она похоронила саму себя - тот образ Я, который, как не крути, был представлен прежде всего ее глазами, носом, ртом, ее телом.

"Недаром в монастырях нет зеркал, человек видит только свою душу, истинную красоту добра и любви," - думала Алиса, лежа в постели. Только теперь она начала осознавать, что для нее значила физическая красота, казавшаяся зачастую ненужной, даже

обременительной. Она поняла, что попросту привыкла к комфорту незаурядной внешности, полученной даром - по прихоти судьбы, как человек привыкает к роскоши и богатству - ко всем "врожденным" привилегиям, выделяющих его из круга себе подобных. Привилегиям, которые ощущаются как изначальная норма, но лишение которых для него зачастую равносильно смерти. "Бог дал - Бог взял" - это формула смирения приемлема для тех, кто получил неожиданный дар, и потеряв его, лишь вернулся к былой скудности. Алиса, всегда считавшая себя существом духовным, личностью, достаточно интересной, чтобы пренебречь броской упаковкой, вдруг потерялась, утратив ориентиры. "Кто же я, в сущности "флакон" или его содержимое? Кого любит Лукка? Кем гордились родные и восхищались окружающие? За кого борется Динстлер? Если Лукка любит меня главную - духовную, почему же этот страх в его глазах? К чему мои суетливые попытки скрыть уродство? Почему я не могу теперь быть рядом с ним, не хочу быть жалкой, обременительной, да попросту боюсь, боюсь понять, что его "золотая девочка" навсегда исчезла, а то, что осталось, способно вызвать брезгливое сострадание. Я не хочу стать для него второй Армандой!"

Этот визит Луки в клинику к изувеченной возлюбленной был решающим. Черная траурная повязка на рукаве означала, что он свободен - неделю назад Арманда умерла на руках плачущих сыновей и мужа.

Теперь вдовец стоял на коленях, уткнувшись лицом в Алисины ладони и боясь поднять глаза на ее страшные бинты. Он просил Алису стать его женой через год, как только позволят формальности траура. Он привез фиалки и пучки влажных росистых цветов лежали у алисиных ног.

- Невесты такие не бывают, - вздохнула она сквозь наворачивающиеся слезы. - Поздно, слишком поздно.

Лукка целовал ее взмокшую от слез повязку, мягкий ежик на макушке, судорожно сжатые руки. Он горячо шептал о любви и преданности, обещая заботу и непоколебимое восхищение...

Теперь, увидев ответ в безжалостном зеркале, Алиса кляла утешительные заверения Луки, убеждавшие ее в могуществе медицины, да и самого доктора Динстлера, поддерживающего эти иллюзии. Она все еще оставалась максималисткой, привыкшей рубить сплеча. Луку она больше никогда не увидит, докторам не поверит - таково было решение озлобленной испуганной Алисы. Она - урод и должна начать жизнь изгоя.

Но не тут-то было. Что-то незримое и уже знакомое опустилось на Алису - теплый туман, разливающийся от макушки до кончиков пальцев. Сейчас он был утешителен, бережно-ласков, баюкая мягкой волной. Хорошо! Да чего же все хорошо! Игрушечные города, как под крылом самолета, крошечные домики, улочки, люди... Игрушечный островок, маленькая девочка - огромное море! Как любила Алиса эту девочку, эту синюю гладь, на которой покачиваясь и дробясь, улыбалось ее отражение: прежнее, потерянное лицо Алисы...

11

Йохим готовился к заключительной коронной операции - той ринопластике, недостатки которой он когда-то живописал Нелли. Увы, изучение новейших данных в этой области не добавило ничего интересного - ставка в основном делалась на мастерство и профессионализм хирурга. Йохим был убежден, что починить нос, даже находящийся в значительно более плачевном состоянии, чем у мадмуазель Грави, он сумеет. Сейчас же задача намного усложнялась - он должен был вернуть этому сложному биологическому

прибору не только функциональные особенности, но и тот первозданный вид, без которого ее лицо попросту будет другим.

Йохим рассматривал фотографии Алисы, разбросанные повсюду в его комнате. Он знал наизусть каждый изгиб и линию, но продолжал вчитываться в изображения и удивляться. Анатомическая алгебра не могла объяснить гармонии: все время что-то оставалось за пределами рационального. Как же здесь все было виртуозно и непросто - в этом лице! Этакое совершенство, создаваемое одним взмахом кисти, одним штрихом - но штрихом гения. Линия лба, следующая по переносице к самому кончику носа была упрямой и насмешливой. Видимо, выпуклость лобной кости и чуть вздернутый кончик носа, находились в некоем постоянном диалоге, выявляя объемную сложность характера своей владелицы. Форма и вырез ноздрей - о Боже! Йохим лишь подозревал, что красота - вещь очень тонкая. А теперь он должен был сотворить ее своими руками.

... Операция очень затягивалась и Леже никак не мог понять, почему так нервничает и чего же добивался Динстлер - все возможное было сделано в первые сорок минут. Когда он наконец посчитал свои действия завершенными, то поднял руки в окровавленных перчатках - знак капитуляции.

Ощущение поражения не покидало Йохима на протяжении тех мучительных дней, когда послеоперационные осложнения не давали возможности оценить окончательный результат. Он без конца навещался к пациентке, словно надеясь проникнуть взглядом под толщу повязки.

Однажды, плутова рано утром в раздумьях по парку, Йохим наткнулся на Алису. Присев на корточки, она кормила белок орешками. Услышав шаги, Алиса предостерегающе подняла руку.

- Тихо, тихо, не спугните: сейчас к еде подбирается вон тот крупный самец. Он очень осторожен, но эти орешки так заманчивы...

Йохим замер за спиной Алисы, а метрах в трех от него, разглядывая человека черными бусинами, застыл зверек с торчащими кисточками на ушах. Мгновение длилась немая сцена: зверек колебался между протянутой рукой Алисы, наполненной орехами и инстинктом осторожности.

Хруст ветки под ногой Йохима - и белка пустилась наутек, мелькая пушистым рыжим хвостом.

- Вот видите, доктор Динстлер, - Алиса поднялась, отряхивая платье, такие чудные зверьки, но меня боятся. Даже в животных заложено эстетическое чувство. Я слишком так ужасна.

- Нет уж, испугался этот ваш трусливый самец именно меня. И согласно вашей теории - неспроста. Моя некрасивость отталкивает.

Алиса с интересом посмотрела на Йохима:

- Вы что, решили мне подыграть? Хотите перехватить инициативу? Не выйдет. Я вас огорчу - вы вполне симпатичный, обаятельный мужчина.

Они направились по тропинке вдоль пруда.

- Мы так давно и близко с вами знакомы, мадмуазель Грави, а в сущности, совсем не знаем друг друга. Я все время изучал ваши фотографии и насочинял бог весть сколько сказок про чудесную девочку Алису. Наверное, мне и не надо знать большего...

- Тем более, что чудесной девочки уже нет. Она превратилась в чудище. Тоже как в сказке.

- А прекрасный принц ее расколдовал... - в тон Алисе добавил Йохим. - Когда-то для меня это было очень серьезно, то есть, что я - отнюдь не прекрасный принц. Я хорошо понимаю, что в интересе мужчины к своей внешности есть нечто патологическое. Такая паталогия у меня была с детства. Нет-нет, не то, что вы думаете! - испуганно замахал руками Йохим. - Я был очень неприятным ребенком, неуклюжим подростком и остро переживал свою внешнюю непривлекательность. Это стало навязчивым комплексом. Но только потом я понял, что относился к своему лицу, телу, к этому, как утверждают индусы - плотскому скафандру, заключающему нашу бессмертную душу, как относится придиричивый критик-эксперт к плохо сделанной вещи - к халтуре, к низкопробному ремеслу... Вам трудно меня понять. Полноценность личности накрепко связана с физической полноценностью. Вам, от природы одаренной совершенством, трудно понять ощущение недоделанности, второсортности, которое сопутствует некрасивости. Так в обществе респектабельных людей, обладатель рваной обуви, воровато подсовывает ноги под стул, а человек, обделенный приличной внешностью, редко обладает настолько сильными личностными качествами, чтобы пренебречь этим и не чувствовать себя обиженным. Кроме того, очень часто именно внешние качества, и чаще всего у женщин, определяют жизненный успех.

- Да, чувствуется, что вы ведете "обстрел" этой темы из-за противоположного окопа. Потому что какие-то жестокие люди вбили вам в детстве мысль о неких физических недостатках, а у вас не нашлось сил противостоять внушению - вы вошли в роль, свыклись с ней и теперь рассматриваете все вокруг с позиций "лишенца", переоценивая чужие привилегии, - Алиса чувствовала, что "заводится". Ее жизненный опыт свидетельствовал совсем о другом.

- Да, я была милашкой, куколкой и, наверное, очень счастливым ребенком... Я не знаю, какую роль в моей женской судьбе играла моя внешность - но, поверьте доктор, никакой жар-птицы я не ухватила. Напротив - все время будто расплачивалась за что-то... - Алиса поравила свою повязку и они некоторое время молча шли рядом.

- Речь не обо мне. Разговор-то у нас теоретический. Если бы вы были повнимательнее, доктор Динстлер, то заметили бы, что часто принимаете за красоту фикцию, видите то, что вам показывают. Особенно умеют пустить пыль в глаза женщины. Самоуверенность, жизнерадостность, ощущение своей привлекательности - и все. Все вокруг уже восторженно ахают - "хороша"! Вот, например, наша Жанна. Как вы ее находите, чисто теоретически, конечно?

- Жанна очень милая. Это тот тип женщины, которую всегда кто-то добивается. Наверное, уже в школе у нее было полно ухажеров.

- Но при этом она коротышка, толстоногая и нос у нее - просто пуговка! Ага, "квалифицированный эксперт" - вас провели. И правильно, я думаю и ее сынишка и замечательный муж, да и мы все вокруг, с удовольствием, да именно с удовольствием смотрим на нее. Она радуется... Не то что ваша, временами очень кисла, физиономия...

- Я доволен, мадмуазель Грави, что сегодня работаю ковриком у ваших ног - вам даже нравится по нему топтаться. Да, и возможно - это моя истинная профессия, - обрадовался Йохим разговорчивости своей замкнутой пациентки.

- Кстати, а где сейчас муж Жанны? Он, кажется, шофер на дальних рейсах?" - вдруг заинтересовалась Алиса.

- Не знаю толком. В сущности я нелюдим и малообщителен. Верно от того, что дурные люди внушили мне с детства, что у меня отвислый нос, Йохим шутливо вздернул

подбородок, изображая самодовольство.

12

И вот наступил день, когда лицо мадмуазель Грави должно было освободиться от повязок, от уродства, от тяжких напоминаний пережитого. Было условлено, что вначале пациентку осмотрят профессор и ведущий врач, после чего она будет представлена на обозрение медперсоналу клиники.

Алиса сидела под яркими лучами ламп в центре хирургической, сдерживая руки, тянущиеся к непривычно обнаженному, открытому лицу. После шести месяцев повязок и масок, она чувствовала себя голой. Оба мужчины разглядывали ее лицо, щупали, надавливали, растягивали кожу, обмениваясь загадочными терминами. Так, наверное, ведут себя ихтиологи, вытаскившие из глубин редкий экземпляр морской фауны. Трудно было понять по их реакции, что же все-таки происходит - радуются ли они добыче или собираются выкинуть эту редкость подальше в воду.

Мнения разошлись. Леже, скинув гору с плеча, считал, что его клиника с помощью Динстлера одержала большую победу. Йохим же был разбит и удручен. Конечно, он знал, что чудо полного возрождения красоты невозможно, что серьезные повреждения поддаются в лучшем случае удачной корректировке, то есть ликвидации очевидной аномалии. Но если бы это было другое лицо! На этом же, единственном, обожаемом, каждое нарушение гармонии вопило о его, доктора Динстлера, несостоятельности. Некоторая асимметрия черт была явно заметна, хотя и не бросалась в глаза, рубцы еще розовели, навязывая свою неуместную геометрию, а нос - нос, конечно, был далеко не тот. Не плохой, но не тот! Йохим готов был орать от отчаяния. Алиса заметила это и быстро пробежала руками по лицу:

- Что, что вы там увидели, доктор, что случилось?

- Ничего особенного, мадмуазель Грави! Все прекрасно. Доктор Динстлер просто чрезвычайно переутомлен, - елеиным голосом успокоил пациентку Леже и жестом выпроводил Динстлера из кабинета.

...Утром, в день выписки больной, Йохим караулил в саду, надеясь перехватить Алису до прибытия визитеров - родных и, конечно же, жениха. Он прождал более часа в беседке и уже собирался уходить, когда увидел размашисто шагающую по тропинке фигуру. Алиса, вопреки своему здешнему обыкновению одеваться в траур, была в чем-то светлом, оказавшимся льняным костюмом типа "сафари" и в бежевой косынке, повязанной до бровей концами назад. Не глядя друг другу они сели на скамейку.

- Куда вы запропалились, доктор? Я ищу вас по всей клинике. Я знаю, что уже полгода вы живете с постоянной мыслью о моих проблемах и сделали больше, чем удалось бы кому-либо другому. Я нахожу себя вполне сносной и очень благодарна вам... Но... вы дурной человек, Динстлер, вы боитесь смотреть на меня и я, как вы тогда в детстве, чувствую себя обделенной и несчастной...

- Алиса, простите, мадмуазель Грави, я должен, обязательно должен объясниться с вами, прежде чем мы расстанемся. Возможно, вы сочтете меня сумасшедшим ну, во всяком случае - со странностями. Я и сам не знаю, как к этому относится, просто наваждение какое-то...

Стараясь быть точным и меньше поддаваться эмоциям, Йохим рассказал про девочку-соседку, про свой хирургический крест, несомый тяжело и безрадостно, про встречу с фотографией Алисы и свое возвышенное, самозабвенное врачебное миссионерство. Он

упорно рассматривал носок своего ботинка, ковыряющего песок под лавкой и боялся поднять глаза на Алису. В поле его зрения белела ее рука, обнаженная до локтя, по которой ползла красная в черную крапинку "божья коровка". Алиса слегка взмахивала рукой, заставляя букашку взлететь, но та лишь на мгновение поднимала твердые полукружья, показывая оранжевые прозрачные подкрылки, и снова опускала их, продолжая озабоченно семенить к алисиному запястью. Рука послушно повернулась, испуганный жучок по дорожке голубой пульсирующей жилки выбежал в открытый амфитеатр ладони, и уже оттуда, из самого центра - стартовал, превратясь в жужжащий летательный аппарат.

- Это она от моей песенки. Знаете детскую "Божья коровка улетит на небо..."

- Алиса, да вы меня совсем не слушаете. Я вовсе не хотел смутить вас своими признаниями. И не хотел быть надоедливым. Простите. - Йохим попытался встать, но был остановлен алисиной рукой.

-Сидите и не церемоньтесь. Я сразу заметила, что вы раздваиваетесь... Ну так бывает, когда телевизор плохо настроен. Моя голова теперь несколько не в порядке, но еще до того, как это поняла не только я сама, но и доктор Бланк, что-то изменилось для меня в этом мире, стало не так... Не знаю, должна ли я вам рассказывать то, что не касается вашей специальности, то есть из области психопатологии... Но..., может быть, вы, именно вы, что-то поймете, раз уж и вас тоже донимают какие-то... странные мысли... Йохим, вы, наверное, заметили, что в вашем присутствии я вела себя не совсем обычно...

- Старались не смотреть на меня?

- Именно. После вашего первого визита, тогда на рассвете... Я, видимо, дремала и видела какую-то женщину, кормящую чаек с борта белого катерка. Солнце, барашки на синей воде, панамы... Но мне почему-то было не по себе. Я пыталась освободиться, но видение не исчезало. А потом появились вы, одновременно - у моей постели и там - на борту катерка... Ах, боюсь, это невозможно объяснить. Ну, ваш силуэт стал как-будто двоиться, я понимала, что уже не сплю и вы говорите со мной. Но "настроить телевизор" мне никак не удавалось. Я еще была очень слаба и плохо отличала явь от сна, тем более, эти обезболивающие таблетки, ну, вы знаете. Однако и потом, уже без сомнения, наяву, вы появлялись не один, а с каким-то "призвукон", "отражением".

- Значит, вы заметили, что я все время таскал на себе груз невероятной мучительной ответственности. Я верил, что должен и смогу вернуть миру чудо вашей прелести. Поймите же, что для меня речь шла не о спасении внешности красивой женщины. Я возомнил себя Рембрандтом, Веласкесом, а может - Богом... Но я не смог, я всего лишь человек, обычный человек. Простите мое бессилие и - прощайте!

Они поднялись и впервые обменялись долгим пристальным взглядом.

- Как же вы все-таки прекрасны! - с болью выдохнул Йохим.

...Забирать Алису приехали мать и Лукка. Они сговорились и чтобы не ставить Алису перед мучительным выбором, подкатили к санаторию вместе - в огромном черном таксомоторе. В этом совместном визите было что-то семейное, как и в согласованности общих планов: вначале Алису доставят в Париж, откуда через неделю Лукка увезет ее в путешествие, возможно на Гавайи. Месяц вдвоем под солнцем и пальмами, короткая зима, а весной, в сезон фиалок - свадьба в Парме - среди уветов и дряхлой чинности старинного замка. "Сколько бы девушек, не раздумывая расстались со свими хорошенькими носиками ради такой перспективы", - думала Алиса, припудривая еще отекающую скулу, перетянутую атласной ленточкой шрама.

Провожать мадмуазель Грави к машине вышел чуть ли не весь медперсонал санатория. Все желали ей счастья, а Жанна принесла букет чайных роз из собственного сада. Не было Динстлера. Из окна второго этажа, он наблюдал оживленную сцену прощания с ощущением, что не раз видел все это в каких-то фильмах: лаково-рояльная крыша автомобиля, шляпка с вуалеткой на Елизавете Григорьевне, песочный костюм Алисы, черная вьющаяся макушка элегантного итальянца, цветы, носовые платки, белые халаты и где-то в самой гуще розоватая лысина "крошки Леже". Вот захлопнулась передняя дверца за Елизаветой Григорьевной и Лукка уже распахнул заднюю, Алиса нагнулась, собираясь нырнуть в темное утро, но распрямилась, закинув голову: ее взгляд, быстро пробежав по фасаду санатория,

отыскал за двойной стеклянной рамой Йохима. Он отпрянул вглубь комнаты, как от электрического разряда. Секунда - и машина скрылась в зеленом тоннеле кленовой аллеи.

Алиса покидала санаторий со странным чувством: ей хотелось бежать поскорее от этого места, где оказалась не по доброй воле и не в радости, где прошло столько мучительных, гнетущих дней, но что-то держало ее, не давая насладиться свободой. Когда автомобиль выехал за ворота парка и Лукка заглянул Алисе в лицо, ожидая увидеть радость избавления, грустная сосредоточенность удивила его. Уже на спуске к морю, Алиса вдруг ожила, встрепенулась, всплеснув руками:

- Вспомнила! Наконец-то вспомнила!

- Ты что-то забыла, милая? - обернулась к дочери Елизавета Григорьевна.

- Успокойся, мама: это не важно... Посмотрите-ка лучше, какое огромное, синее, какое высокое - ну немного выше горизонта - море! Ах, как же я по тебе, ласковое ты мое, соскучилась!.

7. ЙОХИМ ГОТТЛИБ

1

Еще в июле, накануне последней, завершающей операции, в санатории объявилась Нелли. Она приехала к Йохиму на каникулы - с чемоданами и крошечной болонкой, которую только что по пути купила на воскресном рынке.

- Это совершенно стерильная собачка - смотри, вся белая и чистая просто клубок ваты! - протянула Нелли Йохиму повизгивающего щенка. Он недоуменно рассматривал свою гостью, свалившуюся откуда-то из другой жизни. Собственно, сосредоточенный на предстоящей операции, Йохим даже толком не огорчился помехе - его чувства и мысли, не касающиеся ринопластики, целиком атрофировались. Нелли быстро сообразила, что до восьмого августа Доктора лучше не трогать и в компании местного клуба любителей истории, совершала регулярные экскурсии по близлежащим окрестностям.

Когда автомобиль, увозивший пациентку Йохима скрылся из вида, Нелли предъявила ультиматум:

- Ну все, дорогой мой спящий красавец, начинаем реанимацию. Вечером ресторан "Альпийская избушка", а с завтрашнего утра - недельный отпуск, который тебе обещал Леже. Мы теперь с тобой можем позволить пожить на Ривьере, в пятизвездочном отеле, а не в каком-нибудь затрапезном придорожном шалаше. И, кстати, как там твой Остин? Он ведь нас, помнится, приглашал?

Йохим встряхнулся, как пес после купанья, отгоняя дурман: "Все. Надо расслабиться. Точка: сюжет исчерпан. А вывод: ты, Ехи, не Бог - и не притязай! Ты ослаб - значит кушай побольше витаминов! Ты свихнулся - значит держись за нормального, то есть - за Нелли."

И он старался. Старался стать сильным и веселым. Он купил автомобиль - подержанный "ситроен" и Нелли ловко рулила по горным дорогам. Милые семейные пансионаты на побережье, дорогие отели с ночными дансингами, ночевки под звездным небом в автомобиле и на прохладных пляжах, музеи, концерты и дешевые пивные с пьяными песнями под аккордеон - они перепробовали все. Лишь к Остину не попали - он был в недостижимой "командировке". К концу второй недели "диагноз" вырисовался Йохиму с безнадежной ясностью: он не может больше выносить этот отдых, слышать светски гнусавящий прононс Нелли, не может есть, пить, спать. Он вообще больше ничего не может.

Он сидел у ночного моря на теплой от дневного солнца гальке, считая звезды и чувствовал, что не в силах усмирить закипающую злость: "самое лучшее сейчас, было бы

утопиться, но не выйдет: вместо благородного ухода будет сопливая истерика". У машины краснел уголек неллиной сигареты и что-то позвякивало. Потом появилась она сама, неся стаканы и бутылку гавайского рома.

- Крепковато, но это единственное, что я нашла под сидением.

Йохим взял стакан, наполнил его до верха и выпил одним духом, наслаждаясь недоумением Нелли. А потом, уже проваливаясь в сон, он радовался победе: "Истерика не состоялась, мы придушили ее вместе с этим убойным гавайцем". - "Что ты там бормочешь, боцман? Я всегда думала, что махнуть так без закуски целый стакан рома может только бывалый моряк", нехотя шутила, предчувствуя неладное Нелли.

...Йохим вернулся в клинику за пять дней до оговоренного Леже срока. Он обошел полупустой в это время года санаторий, посидел в саду на алисиной скамейке. Он еще чувствовал, как отрывает от своего свитерка вцепившиеся руки Нелли, как бормочет что-то невнятное в ответ на ее слова любви, как утирает ей слезы и раскуривает для нее сигарету, как уверяет, что приедет к ней осенью, а она грозит немедля отравиться, разбрасывая из сумочки пустые флаконы снотворного...

Безлюдный парк с пышными клумбами напоминал о приближении осени. Соцветия роз увядали, роняя в некошенную траву яркие лепестки, и кое-где в кленах краснели пряди стареющих листьев. В траве что-то зашуршало и Йохим увидел зверька, устремившегося к нему в поисках лакомства. Ветка лиственницы еще качалась, зверек замер, поднявшись на задних лапках. "Наверное, это тот самый алисин "пугливый самец". Или какой-нибудь другой за лето отъелся - ишь какой пушистый и шустрый" - подумал Йохим, пообещав себе вернуться сюда завтра с орехами.

Ее белки, ее скамейки, ее шрамы, книги, фотографии, ее тень везде, никуда не сбежать. Конечно, это было наваждение, психоз - мадмуазель Грави не покидала Йохима. Заново продумывать детали операции, изобретать новые подходы, выискивать ошибки стало для него единственным занятием, в которое он погружался с мазохистским самозабвением. Хуже всего было то, что ни поправить сделанного, ни "прокрутить" заново весь сюжет он не мог, да и надежде на его продолжение зацепиться было не за что - Грави навсегда ушла из его жизни. Йохим собирался обратиться к психиатру за помощью: видеть Алису по нескольку раз в день, думать о ней, стало для него необходимостью, наркотиком, зависимость от которого не ослабевала со временем. Напротив пружина заворачивалась все туже.

...Последнее воскресенье августа - повсюду ярмарки и праздник сельское веселье обтекало пустующий санаторий со всех сторон, как воды островок. Было видно, как по ленточке серпантина движутся грузовики, фургоны, тянутся подводы и автобусы. Фермеры, торговцы, кочующие общины евангелистов, виноделы со своим ходовым продуктом и просто ротозеи, рассчитывающие полакомиться свежее-копченным угрем с кружкой молодого пива, померяться силой на обязательных "кулачках" или поплясать в веселой толчее под разливистую гармонику, направлялись в маленькие городки, разбросанные на пологих холмах.

"Последнее воскресенье августа, - у нашей реки, конечно, как обычно, гулянье и Корнелия продает свои душеспасительные книги и комаров, наверное, - тьма. На берегу визжат и хохочут дети, играя в салочки, а какой-нибудь угрюмый мальчик прячется от них в кустах барбариса... Неужели же там, год за годом проигрывается один и тот же сюжет? А вдруг? Ведь достаются к Рождеству из ящика на чердаке каждый год одни и те же елочные

игрушки и тот же кукольный театрик, где над яслями сверкает Вифлиемская звезда из погнутой фольги, а у волхвов из-под тюрбанов топорщится пыльная пакля. И стареющие мальчики, показывая все это детям и детям детей своих, еще сильнее любят эту пожухшую паклю, выцветший бархат "небес" и трогательную роскошь фольги", - грустил Йохим, выруливая на шоссе и следуя туда, - куда ехали сейчас все - к ближайшему городу.

Сен-Антуан, расположившийся на зеленом холме был одним из заманчивых пунктов в карте туристических маршрутов. Округлая спина несущего его холма располагалась в первом ярусе от моря, прямо над "партером" Лазурного берега, прикрытая с тыла круто вздымающимся амфитеатром горных вершин. Уже издали хорошо были видны крепостные средневековые укрепления на самой вершине, вокруг которых уступами теснились старые дома из желтоватого камня, а дальше - город сползал вниз, редая и молодея. Чем дальше от крепостной макушки - тем больше зелени и меньше построек, а чем обширней сады - тем современной и комфортабельней выглядели дома.

Главная ярмарка развернулся на центральной площади города среди старинных стен городской ратуши, исторического музея и собора, с утра оглашавшего окрестности колокольным звоном. Йохиму пришлось оставить машину внизу - проезды в центр города были перекрыты и узкие улочки представляли собой ряды лавок и лотков, среди которых прогуливалась нарядная толпа. Чинные семьи, от мала до велика одетые в отутюженные национальные костюмы разных Альпийских районов, голоногие веснушчатые туристы с фотоаппаратами, темнолицые цыгане, зыркающие исподлобья смоляными глазами, собаки, козы, лошади, жующие овес в холщевых торбах, и даже огромный медно-зеленый петух, пытающийся склевать прилипшее к брусчатке конфетти - все это шумное, многоголосое окружение - жующее, поющее, торгующееся у лотков, разбрасывающее пестрые листочки потерейных билетов, испугало Йохима. Голова кружилась, он шатался и бледнел, как трагической Пьерро в гуще карнавала, но все же шел, удаляясь от своего спасительного "ситроена".

Он не знал, что ищет, но когда увидел старую даму, одиноко стоящую у выщербленного каменного фонтанчика, сразу понял, зачем зарулил сюда. Дама, действительно, была очень стара, как этот покрывшийся зеленью камень, выдолбленный корытцем, как треснувшие стены, укрепленные рогатой чугуновой загогулиной. Она умоляюще смотрела на Йохима - единственного любопытного, притормозившего у ее крошечного прилавка. На потертом бархатном платке, сохранившем остатки бисерной вышивки, были разложены вещицы, извлеченные, по-видимому, из ее пропахшего гвоздикой камода. Здесь были какие-то вилочки с витой филигранной ручкой, табакерки, бусы и то самое, к чему магнитом притянуло блуждающий взгляд Йохима. Алая прозрачная рубиновая капля, вправленная в золотой ободок с "лапками", изображала "божью коровку". Крошечная мордочка из черной эмали и прорезь крыльев, рассекавшая камень, создавали иллюзию жизни, казалось, что букашка вот-вот отправится в путь.

- Мсье, не зря обратил внимание на эту шляпную булавку, - проговорила старушка голосом театральной феи, протягивая Йохиму вещицу. Она держала булавку двумя пальцами, отставив мизинец, как в старину учили девушек брать цветок или надушенный платочек. - Это работа очень известного ювелира, жившего здесь до войны... до первой войны. Если мсье был в нашем музее, то наверняка обратил внимание... С мастером произошла удивительная история... Большая любовь, мсье, завершившаяся трагедией... И сам камень такого редкого сочного тона...

Она, наверное, много могла рассказать и о городе, и об этой булавке, которую Йохим приколот к подкладке куртки с левой стороны. Но покупатель торопился, он даже не стал торговаться, отсчитав названную сумму и пошатываясь устремился вниз

- вспять праздничному потоку, направляющемуся к площади.

В голове у Йохима звенело, перед глазами плыли черные пятна, когда он, чудом избегая столкновения с встречными машинами, удирал домой. Он поминутно касался рукой груди, ощущая желанную добычу и пьяно улыбался: у его сердца притаился тот самый торопыга-жучок, который еще недавно стартовал в божью синеву с теплой алисиной ладони.

2

Дани подждал Йохима у двери коттеджа.

- Ты всегда - как снег на голову! Разве можно так со стариком глядишь - удар хватит. У меня сегодня весь день мозги плавятся, - Йохим обнял друга и уже потом, оттолкнув, критически осмотрел. Дани опять стал длинноволосым блондином, выгоревшие пряди падали до плеч, а его брюки с широким ремнем, тесные в бедрах, вольно клещились от колен.

- Как я понимаю, мне срочно необходимо приобретать такой же прикид, что бы не выглядеть археологическим ископаемым... Или ты снимаешься в бразильской кинокомпании? - подкалывал друга Йохим, радуясь, что теперь ему, наверняка, удастся обойтись без помощи психиатра.

Они провели вместе три дня, поменявшись ролями: Дани терпеливо слушал беспрерывно говорящего друга, которому просто необходимо было выговориться.

- Похоже, я прибыл во время, как пишут: "К счастью, обошлось без жертв. Спасательная команда вытащила из волн утопающего." И вот, что я тебе прежде всего скажу: ну и каша у тебя в голове, Ехи! Ты все перепутал сам и сейчас водишь меня за нос, пытаешься передернуть карты. Но опытного шулера не проведешь - на на того напал, - Дани небрежно развалился в кресле. - Я понял по твоему единственному августовскому письму, если так можно назвать эту изящную записку с какой-то сомнительной цитатой, что ты просто перепутал адрес - тебе нужна была "служба спасения". Явился я, не подозревая, что роль психоаналитика меня так увлечет. Тем более, что уже три дня она совсем лишена текста. Но в финале - у меня большой выразительный монолог, в котором я надеюсь блеснуть. Учти, кстати, никто не стал бы пятьдесят часов рядом выслушивать эти истории о резекциях, перкуссиях, атрофиях, аритмиях - и так далее. Только за особый гонорар так что - с тебя причитается. А теперь сядь лучше на диван, старик. Да, да - поудобнее, расслабься и слушай: я рассчитываю потрясти тебя красноречием. - Дани встал, образовавшись в доброго аолшебника:

- Слушайте, малыши, сказку про одного утенка..., нет, про мальченка... Жил-был маленький утенок - мечтательный, романтичный, но очень, очень гадкий. Ехи - "собирателъ красоты". Однажды он увидел симпатичную соседскую девчушку и вместо того, чтобы уже вечером играть с ней в лапту - два года подглядывал из-за кустов, воображая бог знает что эльфов, фей, спящих красавиц и прочее. На берегу реки она сама выскочила к нему из-за куста - "Ну, давай - знакомься!" А он опять сдрейфил и еще больше подпустил пару: "небесное создание"! "чудо"! И вот стряслось, действительно, нелепое, но, увы, весьма житейское несчастье - девочка погибла. Романтичный мальчик, к тому времени уже превратившийся в весьма задумчивого и обремененного многочисленными комплексами юношу, узнав об этом, клянется, как и положено по закону жанра, у могильной плиты, в вечной верности и мщениии...

Действие второе... Наш юноша уже наполовину сбросивший оперенье "гадкого утенка", но все еще никак не чувствующий себя лебедем, вновь встречает свою мечту, свою несбывшуюся любовную, подчеркиваю любовную грезу. Он, правда, так уже истомлен ожиданием, что готов принять любую цветочницу за свою принцессу, а здесь - ситуация совершенно исключительная. Принцесса заколдована! Он должен разрушить чары и вернуть ей красоту, царство, богатство, и - увы, жениха. Вот здесь ты, Ехи, пошел своим особым путем, передав расколдованную принцессу прямо в руки итальянского разбойника. На этом и свихнулся. Извините, малыши, что хеппи-энд не вышел!

- Ну, Дани, ты не психоаналитик, а наставник приюта для бедных сирот, банальный и злющий притом. Всех обидел. И всех вывел на "чистую воду". Лукка Бенцони не разбойник, а очень симпатичный и уважаемый господин. Я видел, как он рыдал у ее ног. А злополучный доктор Динстлер - увы, не расколдовал, а передал этому славному малому больную женщину, которую он будет любить героически, с сознанием собственной жертвы ... Ну вот тогда-то он и будет негодяем! - неожиданно завелся Йохим.

- Ты не можешь представить себе, Дани, как она, даже такая "заколдованная" - сногшибательно прекрасна!

- Вот, Ехи, вот. Сядь, пожалуйста, на место. Мы переходим к серьезным выводам... Из всего, что мне стало известно и о чем я уже был ранее осведомлен, могу с полной убежденностью и ответственностью постановить следующее: - Дани удержал друга, помешав ему подняться: - Спокойно, больной, будьте мужественны. Во-первых, доктор Динстлер, сегодня же, я мокну вас в пруд, а вы расправите крылья - они у вас - лебединые! Тихо, тихо, я только начал. Во-вторых. В вашей лебединой породе все не так, как у нас - простых гусей. У нас "чувиха" - у вас - "Фея", у нас "свиданка" - у вас - "встреча". У нас - жизнь, а у вас - Судьба. Уж не знаю, кто там сочиняет лебединые песни - но эта девчонка - вернее все четыре встречи с ней - твоя Судьба. Твоя лебединая песня. Простите, сударь, за высокий стиль. И не покидайте дивана, пожалуйста. Вы сейчас можете упасть, потому что, в-третьих, Ехи, прекрати выпендриваться и лгать, прекрати отбиваться обеими руками от очевидности - ты любишь ее!. Любишь так, как умеют, естественно, только лебеди, выполняя предписанное Судьбой. Все. Можешь встать. - Дани сел рядом с другом. Ну а тот и не мог подняться.

В синем бездонном пространстве он явственно увидел огненную линию, сворачивающуюся в круг и услышал щелчек, с которым этот круг, искря на стыке, сомкнулся. Концы сошлись! Он любит, он всегда любил и будет любить Ее, кто бы и где бы она не была.

Утром друзья прощались в некотором замешательстве.

- Как же мне теперь, Дани? Что делать-то? Ждать? Преследовать ее? Добиваться? Забыть?

- Не сможешь ты, лебедь умирающий, преследовать и добиваться. Сиди, значит и дожидайся, когда Судьба сама явится - она у тебя мудреная.

- А если уже нечего ждать - круг замкнулся?

- Ну, тогда доживай в скорбях и трудах праведных И попробуй быть как все. Знаю, вам - лебедем, это трудно. Вот и осваивай новую линию - подвиг смирения... - Дани подмигнул, - Между прочим, Сильвия с Нелли обещают устроить нам веселое Рождество. Имей в виду, лебедь.

3

Как ни странно, Йохиму стало дышаться легче. Он теперь знал, что любит и

раскручивать весь сюжет назад на предмет выявления признаков любви доставляло ему странное удовольствие. Он только сейчас понял, что такое любовь, содрогаясь от мысли, что и Ванду и Нелли принимал за возлюбленных. Он научился ревновать, вспоминая чужие фиалки в комнате Алисы, наверняка, чрезвычайно ей дорогие. Он задним числом стал коллекционировать мельчайшие знаки внимания, которые как драгоценные реликвии собирают все влюбленные. Алисин особый взгляд, когда он заявил о своей некрасивости, ее опровержение и, как она определила его? - "обаятельный!" Да - обаятельный. Еще она сказала, что у него золотые руки и долго рассматривала ладонь. Подумать только, Она держала эту руку в своих руках! А ее израненные губы под его "штопающими" напряженно-сосредоточенными пальцами...

Йохим достал все фотографии, забытые Алисой, заполнив ими комнаты. Куда бы не падал взгляд - Она была рядом. Он шептал ее имя, не уставая наслаждаться переливом звуков. Единственное имя. Он переживал раннюю розовую влюбленность, полную намеков, догадок, надежд. И был счастлив. Он смиренно наслаждался мыслью, что будет доживать свой век так, одиноким бобылем, среди ее фотографий, с памятью о ней и ее именем на устах. Но прошел не век - а сентябрь, октябрь, ноябрь - три тусклых месяца, и Йохим понял, что и не собирался смириться, а втайне - ждал. Ждал, что его позвуют. В середине декабря сохнувшего в одиночестве влюбленного, действительно, позвали. Позвонил Дани и сообщил: - Грандиозные планы на Рождество в Париже: премьера кинокомедии со мной в главной роли и богемные посиделки в хорошей компании.

Напугав друга такой перспективой Дани добавил на всякий случай:

- Шучу. Концерты классической музыки в консерватории и полное уединение

Йохим не отказался, но сообразив, что без Нелли эти "концерты" не обойдутся, решил отсидеться дома, у себя в Геншеле - он уже полгода не навещал бабушку. Взяв у Леже лишнюю неделю отпуска, он уже девятнадцатого декабря сидел за овальным дубовым столом в гостиной старого дома.

Пожилая чета давних друзей Динстлеров, приглашенная Корнелией на торжественный обед по случаю прибытия внука, и сама старушка, сильно согнувшаяся и обмельчавшая, составляли компанию, которой доктор Динстлер коротко и внятно (у Корнелии за ухом чернела коробочка слухового аппарата) докладывал о своих хирургических успехах. Йохим и не заметил, как начав рассказывать о мадмуазель Грави, буквально уперся в эту тему. Ему нравилось произносить отстраненное "мадмуазель Грави", зная, что для него она Алиса. И это было что-то вроде осознания скрытой связи, особой, соединявшей их тайны.

В своей спальне Йохим впервые физически ощутил, что он уже очень взрослый, что кровать коротка для вытянутых ног, а потолок висит почти над головой. Он так же с удивлением обнаружил, что темная картина, которую разглядывал младенцем и после уже никогда не замечал, представляет Марию Магдалину, молящуюся у придорожного камня, а бородатый человек, движущийся к ней надземной походкой в сопровождении маленького летучего облачка-нимба - Христос. Он уже знал, что стоит приглядеться и в опущенном лице кающейся грешницы проступят черты Алисы.

Из окна второго этажа хорошо был виден дом напротив. Голые мокрые ветки деревьев полностью открывали строение казавшееся Йохиму некогда, в просветах цветущих кустов, сказочным замком. Дом как дом, провинциальный, давно не отремонтированный, с робкой претензией на оригинальность, он грустил под дождем и казался пустым и заброшенным. Странно, почему все же Йохим ощущал здесь Ее присутствие? Или же вся печаль и грусть

мира - была теперь грустью о ней, а вся радость - ее радостью? Когда-то по этому гравию вышагивали белые балетные туфельки и шурша шинами проносился Ее велосипед... Чей? Был ли вообще у Алисы велосипед, да и знает ли она о существовании этого городка? Наваждение...

Конечно же, он отправился на кладбище, навестить деда и, посидев с полчаса на низенькой скамеечке, пошел туда, где встретил некогда черный камень с фарфоровым овалычиком портрета. Кладбище, вымокшее под дождем, было сейчас похоже именно на то, чем оно и являлось - ничто кроме уныния и скорби не навевали ряды надгробий - мертвых кроватей в заброшенном городе мертвецов. Лишь кое-где виднелись увядшие цветы и красные фонарики, в которых теплились огарки свечей, оставленных утренними визитерами.

"Ага, сегодня воскресенье," - сообразил Йохим, сворачивая на узкую тропинку. Он шел, оглядываясь по сторонам и замирая от предстоящей встречи. Где же этот камень и кустик желтых роз, прильнувших к его холодной черной глади?

Уже стемнело, а Йохим все блуждал, вглядываясь во мрак, кружил среди могил как ищейка. Несколько раз ему казалось, что кто-то стоит за его спиной, он резко оборачивался - но только поскрипывание веток, шелест увядшего венка, потревоженного ветром, нарушали безлюдную тишину. Он уже запомнил какие-то имена на ближних надгробьях, узнавая чужие, улыбающиеся с мокрых портретов лица и покрываясь мурашками холодел, не решаясь признаться: ни того имени, ни того лица среди них не было...

Дома, отогреваясь горячим чаем, Йохим осторожно спросил у бабушки о доме напротив.

- Стоит он пустой, гниет. Никому не нужен. Съехали они все еще лет пять назад. И не слуху ни духу...

"...Конечно же, так и есть. Так и должно было быть: фантомы исчезают, миражи рассеиваются. Интересно, а что если в клинике никто не вспомнит о мадмуазель Грави, а в картотеке не окажется истории ее болезни? Тогда я точно буду знать, что спятил".

- Ехи, тебе звонит Даниил, кажется из Парижа, - прозвучал сквозь дремоту голос Полины. - Умоляет меня отпустить тебя к Рождеству... Что уж там - поезжай. Интересно разве со стариками сидеть.

- Интересно,- упрямо заверил Йохим. Но вскоре снова зазвонил телефон и он услышал в трубке знакомый голос:

- Йохим? Это Остин. Дани считает, что я имею на вас достаточное влияние, чтобы выманить из дома в канун праздника. Приезжайте, право, на пару дней в Париж к моим друзьям. Я беру вас под защиту и имею к вам серьезное дело. Так будете? Записывайте адрес, мы будем ждать.

...Парижский таксист нервничал, крутясь по пригородным улочкам в поисках нужного адреса. Близился рождественский вечер, на дверях домов зеленели веночки омелы, увитые красными лентами. В окнах особняков, светящихся тепло и уютно в сырых сумерках, мелькали силуэты нарядных людей. Там уже были накрыты праздничные столы, припрятаны в нарядные коробочки подарки, там была любовь и тепло, детские голоса, кудрявые головки в атласных бантах и елки! Боже, эти нарядные в свечах и шарах, с хвойным запахом и капельками прозрачной смолы на чешуйчатом рыжеватом стволе праздничные елки! Если они светятся в домах, то каждый, блуждающий сейчас в уличных потемках, чувствует себя андерсеновским сиротой, а заплутавший таксист - бандитом-громилой, готовым "пришить" своего бестолкового клиента.

"Черт побери этого немчика! Да он просто перепутал буквы в названии улицы.

Высадить его поскорее, пока он замешкался, разглядывая надпись на доме, и поскорее сматываться..." - решил измученный таксист, получив деньги. Не успел Йохим опмниться, как задние фары машины скрылись за поворотом. Он стоял один у калитки незнакомого дома, слыша как сквозь накрапывание дождя пробивается откуда-то "A ve Maria".

"Где я, зачем и почему? Париж это или Грац?" - Йохим вспомнил, что неоднократно видел во сне подобную сцену - чужой город, чужие дома, запертые двери. И никто не ждет его, никто не порадуется его появлению. Будто он перепутал время или пространство - сбился с пути. Вечный странник. "Ну хватит разжигать страсти, уж телефон-то Дани у меня есть. И город этот, чей бы он ни был - явно не в состоянии войны. Нужно просто постучать куда-нибудь и попросить разрешения позвонить". Йохим толкнул ближнюю незапертую калитку и по выложенной каменными плитами дорожке направился к дому, стараясь не наступать в лужи. Все три этажа коттеджа с нарядным балконом и фигурной черепичной крышей светились высокими, явно праздничными окнами, отбрасывая на мокрую дорожку глянцевые блики. "Фу, черт! Конечно же, полный ботинок. Как всегда. Динстлер в своем репертуаре" - злился Йохим, обманутый тенью и осторожно прыгнувший в самый центр большой лужи. Он поднялся на ступени и решительно нажал на кнопку бронзового звонка. Подождал и нажал снова. - Зина, да где же ты, в дверь звонят, - услышал он женский голос. Послышались шаги и дверь распахнулась.

- Простите, добрый вечер, сударыня... Доброго Рождества... Мне... мне... необходимо позвонить..." - лепетал он заготовленную фразу и не слышал своего голоса. На пороге, придерживая дверь обнаженной рукой и насмешливо улыбаясь, стояла Алиса.

4

- Зина, Зина, проводи доктора переодеться - у него полный ботинок воды! Как же это вы - единственная глубока лужа - и прямо в "яблочко"! Алиса разглядывала тяжело прислонившегося к дубовой панели Йохима. - Да что с вами? За вами гнались?

- Напротив - от меня удрал таксист. Просто, всякий раз, когда я неожиданно встречаю вас, у меня подкашиваются ноги... А ботинок ... вы что - подглядывали из окна?

Алиса пожала плечами:

- Шпионаж - не мое амплуа. Чтобы знать, мне вовсе не надо подглядывать... А ну - раздевайтесь! Вас уже заждались.

- Можно я так минуточку постою и просто посмотрю, чтобы привыкнуть?..

Свет люстры, падающий из холла подсвечивая золотом пушистую шапку волос, очерчивая силуэт Алисы, одетой в узкое открытое платье так что руки на фоне бархатной черноты удивляли тонкостью и белизной. А лицо... Взяв Алису за пелчи, Йохим развернул ее к свету, пристально вглядываясь в обновленные черты. Так быстро и жадно, по несколько раз возвращаясь к началу, читают любовные записки; сначала охватив главную добычу смысла, а потом долго охотясь за разбегающимися оттенками, выискивая недосказанное между строк.

- Хорошо, очень хорошо! - шептал Йохим, - А это? - Он быстро провел пальцем по ее брови в том месте, где полоску густых волосков рассекал шрам. - Карандаш?

- Вы хотите, чтобы я всегда ходила a la naturelle - как под лупой в вашем кабинете. Дудки! И это, и это, и это... - Алиса ткнула пальцем в щеки, глаза и губы, - "Мадам Ланвен" - лучшая парфюмерия в Европе!

- Я разделяю с ней лавры и преклоняюсь - она с легкостью ликвидировала мои недоработки. Хотелось бы и впредь рассчитывать на сотрудничество: работая в паре мы горы свернем!.. Правда, Алиса, это все так здорово!.. Я знаю, что даже в огромной толпе,

состоящей сплошь из кинозвезд, ну где-нибудь на фестивале во дворце Шайо, будете видны вы одна, будто только на вас направлен откуда-то сверху луч прожектора... Вы знаете, как бывает - бродишь один по пустым музейным залам, скользя по сторонам уже усталым пресыщенным взглядом, и вдруг "цепляешься" за какое-то полотно, скромно висящее в ряду с другими. Подходишь - и столбенеешь от восторга, а потом, прищурившись, читаешь латунную табличку: "Тициан" или "Боттичелли".

- Вы опять за свое, Йохим. Но я рада, что вы довольны собой. Потому что я - уже наполовину - ваше творение! С фасада, конечно...

- С кем ты там заговорила, дочка? - в холле появилась Елизавета Григорьевна и опешила, увидев обнимающуюся пару: Йохим все еще держал Алису за плечи, восторженно глядя в ее лицо.

- Мама, это, наконец-то, доктор Динстлер. Он опоздал, так как был брошен одним из твоих прекрасных таксистов, забастовки которых ты так горячо поддерживаешь... Ну теперь - все в сборе - и быстро за стол! Только вначале доктору необходимо переменить обувь.

У тройного окна-плафона в ярко освещенной гостинной серебрилась шарами пушистая елка, а в центре под низко висящей хрустальной люстрой раскинулся в полной праздничной экипировке огромный стол. Запахи хвои, пирогов и мандаринов звучали вступительной увертюрой, предвосхищая канонический аромат запеченной с яблоками и апельсинами, умащенной корицей и майораном, приправленной орехами и курагой, огромной, томящейся в духовке чуть ли не с утра, индейки.

Вся атмосфера этой теплой комнаты, упрятанной от декабрьской ночи за темно-зеленые атласные шторы, с толстым ковром китайской работы, где на мягком поле цвели букеты выпуклых палевых роз, а на камине и резных столиках зеленели кустики плюща в красных лентах с пучками свечей "растущих" из самой серединки, с лесными пейзажами в тяжелых рамах, темнеющих на серебристо-зеленом штофе стен - все здесь было именно таким, как мечталось путнику, затерявшемуся на чужой, темной улице.

- Рада приветствовать вас, доктор, в моем имении, - протянула Йохиму сухую легкую руку седая старушка, не поднимающаяся с высокого резного кресла. - Алиса, верно, рассказывала - я русская и очень старомодная. Этот дом - моя крепость. Вернее - эта вилла - мой дом, - Александра Сергеевна произнесла последнее слово по-русски.

- А нас представлять не надо. Разве только эту даму - мадам Дюваль! Дани подтолкнул вперед нарядную Сильвию. - Мы супруги уже неделю. Жаль, что тебя не удалось вытащить пораньше.

- Но я же не знал! Так не честно. Поздравляю, Дани, я очень, очень рад!

- Нелли передавала привет и сожаления: сразу же после нашей свадьбы она должна была вылететь в Африку к отцу. Там что-то не совсем ладно, вставила Сильвия, заговорчески подмигнув Йохиму.

- Рад видеть вас, Йохим! Я только что звонил вашей бабушке - мы боялись, что вы опять передумали, - протягивая гостю руку, появился в гостиной Браун. Он был необыкновенно элегантен в черном смокинге и белой бабочке под высоким крахмальным воротником. - Не смотрите на меня так, доктор, я не изображаю Шани из "Большого вальса". Просто в этом доме мне всегда хочется быть чуточку старомодным - позволить себе такую редкую роскошь. Но не я герой этого вечера. Мы все собрались сегодня ради Гостем N 1. Прошу за стол, моц друг".

Йохима посадили на почетное место между Алисой и Александрой Сергеевной и

буквально засыпали благодарностями и комплиментами, так что он не успевал есть, краснея от смущения над полной тарелкой.

- Ладно, Ехи, привыкай. Ты еще никогда не был "королем бала"? А ведь приятно! И главное - по Сеньке шапка. Помнишь, что я там тебе рассказывал про лебедей, а? - довольно усмехался Дани.

- Нам, православным, в сущности, очень повезло. У нас празднуется Рождество две недели спустя. А я думаю - ведь не может же Господь рождаться два раза - один раз для католиков, другой - для православных? Поэтому праздную целых две недели и, надеюсь, что для такого события это не слишком много, - начала Рождественские поздравления Александра Сергеевна.

После того, как все обменялись добрыми пожеланиями - настало время подарков.

- Это, дорогой наш доктор, - Вам, памятный дар от старой России, России, которой уже не будет. Это маленькое издание Библии, которое путники берут с собой в дорогу и которое прихватила я, отправляясь в Париж погостить весной 1917. Я была в возрасте Алисы и нив какие "революционные смены формаций" не верила, - Александра Сергеевна протянула Йохиму маленький увесистый томик в кожаном переплете, запирающемся серебрянной застежкой. - И уж точно не могла знать, что никогда не вернусь домой... Не важно, что она на русском языке - вы и так все знаете... Примите с моим благословением...

Было уже полночь, когда все расположились у потрескивающего камина. Люстры погасли, зато елка и зеленые букеты со свечами мерцали крошечными, колеблющимися огоньками.

- В эту ночь, как утверждают газеты, случается много пожаров. Но не пугайтесь - только не у нас. Мы люди опытные, приняты все меры предосторожности. Так что можем спокойно рассказывать Рождественские сказки. Только непременно - каждый про себя! Если позволите, я предлагаю начать тапан, - сказала Елизавета Григорьевна.

...Это абсолютно мистическая история, - Александра Сергеевна откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза. - Помнишь, Лизанька, тот день, когда тебе исполнилось десять лет и в твою спальню притащили подарок большой дамский велосипед, а ты до утра держала его за руль? Так вот именно в этот день нашелся перстень, тот, что перешел ко мне по традиции за год до того от тапан Григория, а потом загадочно исчез. Конечно же, обнаружив пропажу, мы обшарили весь дом и сад - перстень дорогой, старинный, но главное - семейный талисман! Пропал. И уж я смирилась с потерей, многое тогда пришлось потерять - Россию, друзей, да и Гриша, уехавший в Москву, уже несколько месяцев не подавал вестей... А утром, в день рождения Лизаньки перстень подобрала Веруся (царство ей Небесное!) на круглой клумбе у входа, когда собирала для комнат цветы. Как он там оказался и почему не попался на глаза раньше - совершенно не понятно. Но я смекнула - это знак. Да, да, знак! И надо ждать чего-то особого.

Праздник кончился, гости разъехались - а я все ждала, сидела в саду и глаз с калитки не спускала... Глупости, думаете? Ан нет! Скрипнула калитка-то - я же ее незапертой оставила. Смотрю - идет ко мне Шура Зуев мой брат московский. Весь согнулся, исхудал, потемнел, а шинель его гвардейская - обтрепанная, замызганная - чуть не по земле волоочится. Я уж думала, что его в живых нет. Перекрестилась - нашелся! Именно в тот день нашелся. И рассказал, как Гришу убили. Стала я вдовой с того же дня...

- Грустная что-то у тебя сказка получилась, бабуля. А перстень-то вот! - Алиса подняла руку и на безымянном пальце полыхнул зеленым глазом большой прозрачный камень. - На

тридцатилетие получила от мамы... И вскоре поехала в Италию... Даже в его заслугу счастье свое приписывала... Но вот ведь подвел...

- Не знаешь ты, внучка, что без него-то могло стать, - Александра Сергеевна бросила взгляд на Йохима. - Не замечаем мы, когда нас от беды прикрывают - а только шлепки да затрешины чувствуем... Перстень этот александритовый - изменчивого настроения. При солнышке он красный, будто кровью наливается, в сумерках - лиловый, а сейчас - словно изумруд. Так и наша жизнь - вроде одна, а все разная. Шура Зуев, эмигрант нищенствовавший, бездомный, вскоре после того герцогом стал! Вот уж это, действительно, рождественская сказка.

- А, кстати, Александра Сергеевна, ведь у Зуева был сын в России. Не слышали о нем? - поинтересовался Остин. - Искала я его, искала. У всех приезжающих оттуда спрашивала. Ничего! Как в воду канул. Так ведь и известно о нем мало - только дата рождения и фамилия - заметная такая, памятная - Кутузов... Ваш брат тогда не успел свой брак оформить: революция, война...

- А теперь давайте послушаем что-нибудь повеселее. Почему молодежь наша молчит? Вот у Вас, Йохим, какая-то романтическая история вышла с этой алисиной фотографией? - обратила Елизавета Григорьевна внимание присутствующих к "почетному" гостю.

- К сожалению, тоже совсем не смешная и, даже, кажется, не веселая. Но романтическая - это уж точно... Рос я в небольшом австрийском городе. Домики в садах, река с ивами, церковь в центре, а вокруг - Альпы. Под окном - сирень, а за ней - соседская девочка, в которую я влюбился издали, Йохим исподлобья глянул на Дани - тот слегка поднял брови, отметив, что его "теория любви" другом принята. - Я даже не знал как ее зовут. Но запомнил ее в точности - и во сне и наяву мерещилась... А потом я увидел эту фотографию Алисы - знаете, не простое сходство - а полное совпадение! Такие лица, как понимаете, встречаются не часто... Правда, воображение у меня всегда было излишне бойким...

- Но ведь мы никогда не были в этом городе! Правда, Алиса? удивилась Елизавета Григорьевна.

- Да что ты, мама, когда эта загадочная девчушка мелькала в зарослях сирени, я уже... короче, мне было 20 лет! Ведь я старше ее на целое десятилетие! - Алиса вдруг запнулась и погрустнела.

Заметив это, Елизавета Григорьевна, поспешила сменить тему:

- А вы-то, Остин, человек вполне рациональный и трезвомыслящий. Неужели-таки ничего особенного, такого - слегка потустороннего, никогда не замечали? "Знаков", "голосов" не слышали? Совпадений роковых не обнаруживали?"

- Почему же, были совпадения. И знаете - тоже, как у Йохима - с девочкой... Когда-то в юности я был заядлым велогонщиком, призы брал, в клубе спортивном ходил в героях. И вот как-то, в весенний праздник, а было это в одном европейском городе, вручает нам клуб призы, а букеты цветов раздают девчушкам-гимназисткам, чтобы эти крохи нам, победителям, их прямо там на стадионе, вручили... Солнце сияет, музыка гремит, зрители трепещут... Девочки бегут через поле, а моя, самая маленькая, беленькая худышка, спотыкается и растягивается во весь рост! При всем честном народе! Колени в ссадинах, слезы по щекам размазаны, а цветы мне тянет - красные такие, лохматые. Я подхватил ее на руки, нос вытер и говорю: "- Не хнычь, пожружка, вырастешь - чемпионкой станешь!.." И что же вы думаете? - Остин сделал вопросительную паузу.

- Она победила по бегу на Олимпийских играх! - догадался Дани.

- Нет, не стала кроха спортсменкой. Но встретились-таки мы. Лет через двадцать...

Приехал я в тот город уже важным гостем из другой страны. И знакомят меня тамошние чины с женщиной, которая, по их правилам гостеприимства должна опекать и сопровождать меня всюду. Ну, как бы - гид. Синий строгий костюм, волосы белесенькие в перманенте - помните, прическа такая была - "венчик мира" называлась? И губы бантиком подрисованы. Тянет мне она букет цветов этих самых лохматых в хрустящей бумажке, а глаза испуганные. Я так и ахнул про себя: "она" - думаю. Быстренько возраст прикинул - сходится. Но уж больно невероятно, не бывает так - мистика! А на следующий день мы с ней спортивный комплекс осматривали, которым тот город очень гордился. Она мне и говорит: "В этом спортивном обществе были воспитаны лучшие спортсмены нашего города. Один известный чемпион по велогонкам даже прочил мне большое будущее. Но я в спорт не пошла, занялась общественной работой, тем что более необходимо нашему обществу". И глаза опустила, а румянец - во всю щеку. Ее румянец

- стыдливый... Хотя, возможно, все это я и придумал. От начала и до конца... - Браун с улыбкой посмотрел на Дани.

- Это уж точно, - подхватил тот. - Остину вообще свойственно нагнетать таинственность. В некотором царстве, в некотором государстве... Но лично я ему на сто процентов верю. История-то обыкновенная. Со мной такое почти каждый день происходит. Вот слушайте: Весна этого года. Йохим там в горах колдует над Алисой, Остин разбирается с Арабскими эмирами, а я снимаюсь у Жако. Пародирую Делона, дурю, падаю с вертолета, стреляю от бедра, похищаю агентшу китайской разведки и так далее. Ну вы видели. Черненький такой, весь в джинсе - Ален, да и только. Еду поздно ночью с загородных съемок. На шоссе из-за кустов выбегают трое - торможу. "Выходи!" - дулом в живот тычат. - "Руки", говорят, "за голову такой-разэтакий!" Делать нечего - вышел. И такая у нас массовка началась! После, когда я уже сонание терял, а они меня, лежачего, ногами колошматили, схватился за лицо, ну, думаю, кончена кинокарьера, теперь я пациент Динстлера! Мужички развернулись и к своей тачке. А один, самый Кинг-Конг, еще раз наподдал в ребро и шипит мне: "- В следующий раз, если хоть близко к Жаклин подойдешь - кастрирую, плейбой фигов!" Какая, думаю, Жаклин? Еле до машины дополз. В студии скандал - съемки думали отложить, а потом Жако пришла мысль снять тот эпизод в больнице, где я, отделанный мафией, весь в гипсах и ранах, к медсестре пристаю. Так это я без грима играл... Ну так вот - о девочках. Лежу я утром дома, вою - сигарету в зубы не втиснуть. Звонят: на пороге девчушка, прехорошенькая, улыбается. И представьте, тоже покраснела от смущения и тоже - с букетом! - "Жаклин" - говорит. "Простите, что так вышло, мой муж боксер вас с Аленом перепутал. Он у меня очень ревнивый. А здесь цветы и компенсация за ущерб в виде чека". - Так я дублером Делона поработал".

- И ты хочешь сказать, что все это - правда? Что-то я на тебе ни разу натурального синяка не видела. Хотя с Жаклин, верно, кое-что было, вставила Сильвия.

- Невероятно! Мы слушаем наши забавные истории, смеемся, грустим. Но мне все время кажется, что мы недоговариваем чего-то главного... - Алиса поднялась и задумчиво подошла к окну. - Вы в самом деле думаете, что все это просто так? Игра огня в камине, дыхание рождественской хвои, блеск хрусталя, тяжесть хризантем... Эта серебристая отметина на виске Остна, верное сердце Дани, мои нелепые шрамы, невероятный дар Йохима? Вы называете наше тесное кружение на пяточке времени и постранства игрою случая, а

фантастические пересечения судеб - забавным приключениями? Нет!

В зыбком свете догорающих свечей Алиса казалась невероятно прекрасной. Настороженно вытянувшееся, охваченное черным бархатом тело парило над зеленью ковра, тонкие руки протянуты вперед трепетным жестом слепца, ощущающего присутствие чего-то невидимого.

- ... Я чувствую, я знаю: в хаосе запутанных звуков прорастает и постепенно оживает мелодия - нежная, величественная, властная. Послушайте - это вальс! Наш большой, бесконечный вальс... Еще немного, еще один поворот - и мы узнаем, что обещает, куда манит он. Мы поймем, зачем родились...

5

Уже близился рассвет, свечи догорали, и вслед за хозяевами потянулись в отведенные для них комнаты гости.

Йохим поднялся, чтобы последовать за всеми наверх. Алиса остановила его:

- Пойдите, доктор, мне еще надо вам кое-что доложить. Нет, не жалобы на самочувствие - другое. Вы ведь не станете вызывать меня на консультации к доктору Бланку? Прежде всего, напоминаю, мы уже как-то стихийно перешли на дружеский тон. Вы просто Йохим - ладно? Так вас не удивило, Йохим, что я вычислила возраст вашей возлюбленной? Не-ет. Не случайно прикинула. И только не говорите, что вы рассказали мне все сами - вы этого никому не рассказывали... Черный камень надгробья с синевато-лиловыми перламутровыми вкраплениями. Солнце, весна, кустик роз - мелких, желтых, кругленьких таких с темной мелкой листвой. Овальчик с девичьим лицом, а ниже выбито: "Юлия Шнайдер. 5.05.1945. Попала под грузовик в сентябре 1958 года. Верно?"

- Вы были там, Алиса?! Вы знали ее? Что все это значит?

- Йохим схватил Алису за руку.

- В том то и дело... Не знала. И никогда не была. Я просто увидела эту картинку после нашей тогдашней беседы у пруда. Но боялась сказать. Знаете, Йохим, мне после катастрофы многое стало мерещиться, такое впечатление, что мою память спутали с чьей-то чужой. Я до сих пор не могу вспомнить много о себе. Представьте - эту семейную легенду об этом кольце я будто услышала сегодня впервые - а она уже всем надоела в бесконечных пересказах. Когда ко мне начала возвращаться память там, в вашей санатории, я стала видеть какие-то сны наяву - кусочки чужой жизни. Помните Лукку? Я видела "картинку" про него и про каких-то незнакомых людей. Да, вот про вашу медсестру Жанну, например. Я еще про нее ничего не знала и однажды поливает она цветы в моей комнате и что-то щебечет о погоде, о доме. А я смотрю ей в спину и вижу горную дорогу и грузовик с серебристым рефрижератором. И он, как в замедленном кино, заваливается на бок на крутом повороте и медленно-медленно, переворачиваясь в воздухе, летит в пропасть. А когда я узнала, что у нее муж шофер-дальнобойщик - испугалась...!

- Алиса! Когда вы это "видели?"

- После первой операции, значит весной...

- В октябре муж Жанны погиб. Именно так, как вам привидилось в мае...

Они испытывающе смотрели друг другу в глаза, не находя ответа.

- А вот еще, не перебивайте, я давно хотела сказать... Пустяк какой-то, но тяготит своей непонятной значительностью, вы

непременно должны зать. Помните, я говорила, что впервые увидела вас, там, рано утром в моей палате, будто двоящимся в сопровождении четкой картины: белый катерок,

пенные буруны за кармой, чайки... И эта женщина! Ну, вспомните же: толстушка в панаме с булкой в руке... Что? Ничего? Странно. Как заноза у меня в голове. Я ведь тогда, уезжая из санатория, хотела вас расспросить, но вы все прятались и я забыла. Но эта женщина и вы - что-то тут есть особое= важное, а я никак не могу разглядеть. Не улыбайтесь, пожалуйста, - Алиса смущенно насупилась и упрямо продолжала: Вот и сегодня вечером, до того, как вы позвонили в дверь, я "видела" мужчину, прыгающего в лужу у нашего крыльца - мельком, как по телевизору, когда переключают программы... И что самое страшное, да и сомнительное - я часто не знаю, что было на самом деле, а что мне привиделось...

- Алиса, мне как-то не по себе... Я могу привеси разные научные версии... Раздвоение личности, рефлекторная неврастения и прочее. Но это не то! Я даже про себя не знаю, нормален ли я. Да и что такое норма? Может быть из-за того, что Ваш мозг тряхануло, он сбился с волны, ну, знаешь, как испорченный радиоприемник, и "ловит" чужие передачи? А значит - вы просто богаче нас всех - многопрограммное устройство! Только надо привыкнуть к этому, научиться регулировать, отключать ненужное...

- Кажется, я уже и научилась. Как это получилось - не знаю, но сегодня вы у меня - один! То есть - совсем не раздраживааетесь, никто не мелькает за вашей спиной, не мутит воду. И так спокойно, хорошо...

Они сидели в полутемной гостиной у елки, как дети взявшись за руки. Йохим видел профиль Алисы, вызолоченный угасающим огнем, чувствовал влажную нежность ее ладоней и знал - так оно и должно быть. Именно так. Он всегда был не там, не с теми и не таким, каким должен был быть. Что-то всегда не совпадало, мучило неточностью. И только сейчас пришло уверенное ощущение цельности, окрыляющая радость быть самим собой!

- Алиса, я уверен, существует что-то мудрое и громадное вне нас. Оно не посвящает нас в свой замысел, но открывает дорожки к нему. Мы редко умеем распознать их, а обнаружив, не знаем как воспользоваться... Я любил вас всю жизнь, но не знал этого. Я замечал мигающие светофоры, которые направляли меня к вам, но не мог до конца доверять им. Теперь я знаю точно - я родился с этой любовью и для нее... Не пугайтесь, Алиса, это не предложение руки и сердца, скорее - еще одно "мистическое" признание. И вот еще что, - Йохим отвернул полу пиджака, отколов булавку, которую всегда носил у сердца. - Узнаете? Это - для вас.

- Та самая "божья коровка", которую я отправила на небеса перед отъездом из клиники!.. Я ведь тогда кое-что загадала... Где вы взяли это чудо?

- Оно само опустилось в мою ладонь. Правда, Судьбе пришлось сочинить целый сюжет, чтобы подвести меня к ней - затеять ярмарку в средневековом городке, загримировать в старушку добрую Фею, а еще раньше, полвека назад вдохновить неизвестного мне художника на эту кропотливую работу - огранить так странно рубин... "Господи, что мы знаем о путях твоих?" - говорила моя бабушка, сталкиваясь с неожиданностями. - Мне часто кажется, что все мы похожи на детей, складывающих картинку из кубиков. Мы уже почти выстроили целое, но каких-то кубиков недостает и смысл - ускользает, - в зрачках Алисы отражались огоньки догорающих свечей. - Это потому что мы все еще дети. Все человечество - дети, пугливые, бестолковые, а зачастую капризные...

...После этой рождественской ночи Алиса и Йохим почувствовали странную близость - будто встретились после долгой разлуки те, кто прежде не мыслил и дня друг без друга. Что-то связывало их накрепко, не на жизнь, а на смерть, нечто большее, чем обычная влюбленность и нечто более значительное, чем симпатия родственных душ. Алиса не могла

бы сказать, что за чувства связывают ее с Йохимом. Но он уехал и ей стало тесно: потолки нависли, давя и пугая, стены сомкнулись теснотой каземата, а на улице, куда в страхе выбегала Алисла, ее обступал плотный, тугой воздух. Разве это можно кому-либо объяснить? Алиса не скучала - она попросту задыхалась.

Поэтому, когда Остин сообщил ей, что договорился с Динстлером насчет дальнейшей "починки" ее слегка стянутой шрамом скулы, она с радостью, удивив Брауна, согласилась.

...Сен-Антуан завалило снегом. Узенькие дома с островерхими крышами, теснившиеся впритык вдоль кривых улочек, кусты и лавки в маленьких скверах, высокую нарядную елку на старой площади ежегодно "выраставшую" перед ратушей. Снег лежал пышными пуховиками на крышах жавшихся к тротуарам автомобилей, на голове и плечах каменного рыцаря, уже несколько веков стоящего навтыжку в центре восьмигранного фонтана. Его торжественный караул в праздничном шатре из арочек, обвитых еловыми ветками и гирляндами светящихся разноцветных фонариков, был не напрасен - ничто не нарушало покоя мирного, погрузившегося в предновогодние заботы, городка.

- Вот здесь мы и будем жить! - захлопнула Алиса двери за спиной Йохима, приглашая его в квартиру, которую только что сняла.

Чудный трехэтажный домик, всего в четыре окна на этаже с высоким треугольным чердаком под островерхой крышей, расчерченным черными балками по белой штукатурке, имел всего лишь два жилых помещения - комнаты хозяйки за магазином, и пустующую квартиру над ними. Две большие комнаты с каминами, выходящие на разные стороны дома, соединяла маленькая кухня и ванная. Побеленные стены, минимум мебели и высокие голые окна, выходящие с одной стороны на "Площадь рыцаря", так что прямо не вставая с кресла можно было увидеть затылок статуи в пухлом снежном шлеме и верхушки арочек с гирляндами фонарей, а с другой - белый сквер, окружающий церковь, тоже сахарно-белую, с башенкой колокольни и лазурным циферблатом над высокими резными воротами. Когда золоченные витые стрелки касались римских цифр, часы ухали - по разу каждые тридцать минут и каждый час рассыпались мерной капелью гулких звуков, казавшейся нескончаемой, особенно тогда, когда дело приближалось к двенадцати.

- Чудесно, здесь просто чудесно! Совсем нет ощущения чуждого дома. Напротив - мы просто путешествовали, а теперь - вернулись. На этом широком подоконнике стоял когда-то карапуз Йохим, выглядывая на рыцаря и карауля, когда он спуститься со своего пьедестала, как ему обещала бабушка, "вспоминала" Алиса.

- А девочка Алиса прикрепила к оконной раме своего тряпчатого Ангела, подаренного на Рождество, чтобы он всегда видел Храм Господний, вторил ей Йохим.

- Ну - нет. Девочка Алиса лизала снег с форточки и бросала в камин оловянных солдатиков, ожидая, что они, как в сказке, переплавятся в сердечки...

- А за этим занятием наблюдал я из-за кустов далекой сирени...

- И, видимо, из другого времени, поскольку тогда еще не одился. Время - странная штука, Никому пока не известно, что это такое. Но уже признали, что оно может сгущаться или растягиваться вместе с пространством.

- Да я и не сомневаюсь в этом: все гораздо сложнее, чем кажется, особенно на этой - видимой, удобной "поверхности". - Алиса огляделась вокруг. - Здесь, пока, правда, не очень удобно, скорее - загадочно. Хозяйка предупредила, что квартира не обставлена. Но даже тут даже люстра отсутствует. Но это же как раз здорово! До закрытия магазинов остается целых два часа - вполне достаточно, чтобы обставить целый дом. Мы будем ужинать уже в нашей

квартире - тем более, что я уже точно знаю, что здесь должно быть.

- Только не говори, что "видела", как должна выглядеть эта квартира, - нерешительно заявил Йохим.

- Не видела. Просто знаю. Всякий нормальный человек знает, как хочет жить и что иметь при себе. Это только для олухов нужна реклама-поводырь: "выбирайте вместе с нами!" Мы то не так просты - сами знаем, что нам надо. Вот ты, я вижу, одеваешься совсем не во что попало - своеобразно и очень стильно. Все эти вещи, будто слегка того... ну, будто выросли вместе с тобой, давно приручены, как собачонка. Они создают ощущение прочности, обжитости. Ну, знаешь, бывает - так уютно на душе, когда вдруг чувствуешь так было, так есть, так будет всегда!

- Да, это уж точно. Как-то Дани сделал попытку превратить меня во вполне уважаемого господина. Не вышло - я этот куртец никому не уступлю, - Йохим погладил потертую замшу на груди своего шерстяного пуловера.

Они стремглав скатились с лестницы и уселись в "ситроен" Йохима.

- И машина твоя - точно старая п ривязчивая такса...

- С добрыми подслеповатыми глазами, - добавил Йохим, тщетно пытаясь включить фары.

Сумерки наступили быстро, яркими призывными огнями светились сквозь мелкую снежную кисею праздничные витрины, заманивали базарчики последними предпраздничными распродажами. Продавец елок, держащий наготове баллончики с краской - серебристой, голубой, белой, в последней надежде привлечь покупателей, опрыскивал свой нереализованный товар, превращая живое хвойное дерево в нарядную игрушку.

"Ситроен" торопился на окраину города, где высился единственный здесь многоэтажный современный супермаркет.

- Мы явно не успеваем на аукционы антиквариата в этом году, притворно вздохнула Алиса. - Но мы и не хотим...

- Мы хотим успеть в супермаркет, потому что нам нужна еда. Я хочу есть. Я еле удерживаю руль.

- А я хочу люстру и занавески, и вазы, и... Боже, нам понадобится грузовик! - сообразила Алиса.

Они стремительно взлетели на четвертый этаж магазина, изнывая от медлительности экскалатора, и Алиса сразу же ухватила две тележки.

- Давай, давай, шевелись - ты обходишь слевал, я - справа, распорядилась она, направляясь в отдел светильников.

Огромные шары из гофрированной бумаги, складывающиеся в лепешку, могли служить абажуром, торшером, люстрой.

- Это как раз для нас, - обрадовалась Алиса. Вслед за абажурами в тележку последовали клетчатые сине-зеленые пледы, такой же расцветки шторы из шерстяной рогожки, подушки - зеленая и алая, полотенца, коврики, какие-то туалетные мелочи. Затем Алиса обнаружила тяжелый керамический сервиз темно-кофейного цвета на шесть персон и три огромные глиняные вазы гладенькие, вытянутые, с темной пористой "скорлупкой" внизу. - Эти гулливерские желуди придется нести в руках - моя "такса" не выдержит, решил Йохим, рассовывая вещи в машину. Но все улеглось, а две объемистые коробки с закусками и корзинку со свежей клубникой Алиса в обнимку держала на коленях.

- Ой, не тормози так резко. Я здесь как в Помпеях - эти вазы меня раздавят! - жалобно просила она.

Ажиотаж сумбурных покупок, веселость резвящихся школьников - все это было немного чересчур, немного не всерьез, как будто они, оказавшись вдвоем, боялись остановиться, подумать и решить что-то важное, неизбежное, боялись обнаружить под хмельной радостью внезапного сближения сомнения и неловкость.

Им очень хотелось быть как все, как те счастливые пары, которые спешили приобрести последние покупки и запереться в теплых домах со своими домочадцами, пуделями и попугаями, в своей обычной, такой простой и недостижимо-прекрасной человеческой жизни, почему-то не сложившейся ни у одного из них. Им очень хотелось быть обыкновенными, но оба, не сговариваясь и не признаваясь себе чувствовали, что как раз в этом-то им кем-то отказано.

Понадобилось около часа, чтобы расставить по комнатам покупки, развесить светильники, найти место для ковриков. Колец для штор не оказалось, пришлось прицепить их к карнизу кое-как, бельевыми прищепками, найденными в ванной. Вдумчиво расставив вазы, Алиса ахнула:

- Забыли самое главное - елку! Придется принять дар у этого замороженного рыцаря. Там их слишком много для одного. Беги скорее - на площади совсем пусто!

Алиса наблюдала из окна, как Йохим, перемахнув через ограду фонтана, торопливо надергал еловые ветки из арочных гирлянд, и, пугливо озираясь, кинулся в подъезд.

- Умница, умница! Чудесно пахнут, - она расставила ветки в вазы. Вот теперь чувствуется, что Новый год. Осталось всего двадцать минут. Я уже кое-что здесь приготовила, жаль поленьев нет, камин совсем холодный.

- Подожди-ка минутку. Я только что впервые украл, причем муниципальную собственность, и теперь не могу остановиться - собираюсь посягнуть на частную, - Йохим выскочил на лестницу. Через пару минут он вернулся с охапкой поленьев. Алиса крикнула из ванной.

- Минутку! Я сейчас.

Поленья "занятые" у хозяйки Йохимом разгорались, и, когда в комнату вышла Алиса, слово "сюрприз" они выдохнули хором. Он - показывая на горящий огонь в камине, она - на свое праздничное платье из тонкого серебрянного трикотажа с большим, мягким, как у свитера= воротником.

И тут на церковных часах пробил первый удар.

"Бом-м-м!" - металлически гулкая упругая волна разлилась в воздухе. "Бом-м-м!"

- Быстро за стол, шампанское! Свечи! - Алиса чиркнула спичками поджигая свечу в медной розетке, украсившую центр накрытого стола. Хлопнула пробка, зашипели пенные шапки в высоких бокалах.

- С Новым годом, Алиса!

- С Новым годом, Йохим!

Этот Новый год, оповестивший о своем приходе звоном колокола маленькой церкви, был самым странным в их жизни, самым непонятным. Кто сидел сейчас друг против друга за праздничным столом в наскоро принаряженных чужих комнатах? Влюбленные? Брат и сестра? Родственные души, нашедшие друг друга волей судьбы? Сумасшедшие, одурманившие себя иллюзией некой общности? Справедливы были все определения, если подумать. Если бы подумать! Но никогда они еще не были так далеки от разумности,

никогда еще ни для одного из них воздух не был так густо насыщен Любовью, той, что прежде всего - Состадание и Нежность.

Они протянули друг другу руки через стол, да так и сидели молча, сцепив пальцы и глядя в глаза друг другу, пока плясал, то покачиваясь, то стрункой вытягиваясь вверх бледный огонь свечи. И не сказав ни слова поняли и решили про себя все.

А потом сидели рядышком на диване, в перекрестье тени, падающей из окна от уличного фонаря.

- Я знаю, единственная моя, что где-то в другой жизни я был твоим братом, отцом или мужем. Мы стояли с тобой у алтаря, любили друг друга, растили детей... Я рубил лес или сидел с нарукавниками в маленькой конторе, а вечером торопился в наш дом, где уже дымилось на столе мое любимое свиное рагу.. Мы спали с тобой в одной кровати до глубокой старости и умерли в одночасье. Я бесконечно люблю тебя - всей своей душой, всей своей кровью. Но я знаю, как знаешь и ты - мы сейчас не муж и жена. Мы - нечто большее... - Йохим обнял Алису, прижавшись к его груди и тихо укачивал ее, как качают детей, легко похлопывая по спине. - Спи, бесценная моя, единственная...

6

Весь январь Алиса и Йохим жили вместе, расставаясь лишь на то время, когда доктору надо было находиться в клинике. В эти недели Динстлер был на взлете - Леже уже не сомневался, что нашел клад и удвоил ему жалованье. Но чем большего добивался Йохим как хирург, тем меньше был доволен достигнутым. В феврале он трижды "поправлял" лицо Алисы, пытаясь довести его до совершенства, но, увы, вмешательство человека все же было заметно. Здоровая, неповрежденная часть лица Алисы - эталонный образец - была упреком Йохиму, вызовом, казнью.

- Не могу! Ни душой своей, переполненной силой любви, ни руками, так старающимися совершить чудо - не могу! - сокрушался он.

- Оставь ты это, Ехи. Все очень здорово - никто не смог бы добиться большего, - успокаивала его Алиса.

Алиса отказалась от дальнейших экспериментов и они основа поселились на "площади Рыцаря", чувствуя, что становятся патологически неразлучны. Они были беспредельно счастливы, а для этого счастья было необходимо лишь одно - ощущать присутствие друг друга. Они много говорили. Теперь стало ясно, что все, накопленное за жизнь - все впечатления, мелочи, размышления - все боли и радости - прятались и береглись в душе для этого момента - их совместного обсуждения и обдумывания. Йохим снова рос и взрослел, блуждал и терялся на жизненных тропах - но вместе с Алисой, вместе с той половиной своей души, недостачу которой он так мучительно ощущал. И Алиса - вся-вся целиком, с тем, что боялась мысленно касаться сама, со своими ранами, сомнениями, болью и радостями, явилась Йохиму, чтобы уже никогда не быть растерянной, покинутой - не быть одинокой.

Странно, а ведь всего несколько месяцев назад она покидала санаторий и Йохима, не предполагая когда-либо вернуться. Она отправилась в путешествие с тем, кого любила и продолжала любить.

- Мы с Луккой были хорошей парой. Нам надо было выждать год и мы назначили свадьбу на май. Май нынешнего года. Почти месяц Лукка возил меня по курортам, где только солнце и море, где я загорела почти как мулатка и научилась заправски плясать румбу и самбо. Ему удалось вытянуть меня из притягательной бездны безумия, куда я начинала, наверное, потихоньку спускаться. Ни видений, ни страхов мне было - я

выздоровливали. И каково же было мое удивление, когда в чудесных напоенных ароматами сумерках, полулежа в плетеном кресле на белой веранде отеля, я услышала мужской голос, раздающийся рядом. Мужчина говорил по-итальянски, а я понимала отлично, хотя и не думала, что настолько знаю этот язык. Оборачиваюсь - никого, только машет зеленым "крылом" банановая пальма. Закрываю глаза и вижу: такая же веранда, сумерки, беседуют двое - мой Лукка и очень пожилой крючконосый господин в черном костюме и прилизанными на косой пробор седыми прядями.

- Я выслушал тебя, Лукка. Ты рассказал мне все это, чтобы получить "добро" или восстать в случае моего отказа.

- Восстать, в случае отказа", - отвечал ему Лукка.

- Я не могу одобрить твой брак. Она - не наша. Тебя ждет другая невеста... Подумай и послушай меня, сынок: спрячь подальше свой "вессон", чтобы рука не чесалась.

Вечером спрашиваю осторожно у Лукки, кто и что - он пугается, путается, впадает в панику и, наконец, раскалывается. И вот что я узнаю. Отец Луки, потомок старинного аристократического рода - человек холодный, утонченный, беспомощный в делах, но с претензиями на оригинальность, выращивающий в качестве оригинального пристрастия фиалки, попадает под влияние мафиозной "семьи". Шантажируя, его заставляют "не обращать внимания" на то, что в рифрежераторах с его цветами по всей Европе путешествует какая-то контрабанда. Граф брезгливо зажимает нос платком от такой грязи, но начинает получать проценты от бизнеса. Вначале отказывается, а потом - принимает: дела-то с его фамильным именем были совсем плохи, жил он на широкую ногу, жена - сопрано, сын - спортсмен.

Когда отец умер, к Луке пришли мафиози и тоже "нажали"= пообещав золотые горы. Он сам - мальчишка, а уже женат, имеет двоих сыновей - в чем дело - не слишком вникал - согласился. После нашей встречи Лукка воспрял духом и решил развязаться с "семьей". Я ждала его в Париже и не подозревала, что в это время мой веселый герой сидит на цепи в каком-то подвале и ждет приговора, который "отцы" выносят всем отступникам. Ему удастся сбежать, пристукнув охранявшего его парня и оказаться возле моего парижского дома с сумкой фиалок, которые он, на этот раз, купил в магазине на Елисейских полях.. Мы были счастливы целых пять дней и Лукка уехал, чтобы продолжить бой. Он думал тогда что оставляет меня навсегда... Дальше следует длинная история сражения одиночки против могучей силы, ставшая уже почти классической. Ему удалось отвоевать особый "пограничный" статус: он не с ними, но и не против них. И вот после смерти жены и визита Лукки ко мне в клинику, вызывал глава "семьи" и сказал то, что я уже "слышала". Мафия не разрешила ему жениться на мне. Но Лукка бросил вызов, увезя меня на Гавайи. Я только тогда узнала, как боялся он весь наш райский месяц, как мерещились ему шаги за спиной и тени, шныряющие за нашими окнами...

Йохим слушал Алису, не перебивая, но его сокоиствия хватило ненадолго.

- Что же теперь? Оказывается, я не так уж бескорыстен и не нахожу в себе сил по-братски благословить вас, Алиса. Я ревную, как молодой супруг, и... и я желаю Лукке беды! - схватился за голову Йохим.

- А я так спокойно рассказываю тебе и о Филиппе и о Лукке, потому что все они - в тебе! А главное - я сама в тебе. Я люблю свое отражение в твоей любви, хотя всегда относилась к себе довольно прохладно.

...Они убеждали себя, что не должны портить огромности и бесконечности их единства

мимолетностью плотской привязанности и все же боялись искушения. Они ни разу не поцеловались и спали в разных комнатах Алиса в комнате, выходящей в церковный скверик, Йохим - на диване "у Рыцаря". Так сложилось само собой по той, новогодней, не высказанной вслух, договоренности.

В самом конце февраля, в воскресенье, проснувшись рано утром от звона колоколов, Йохим как всегда направился к Алисе, чтобы еще час-другой охранять ее сон, витая в возвышенных мыслях. Он знал теперь, что захватывающая дух нежность - от ее вздоха, от губ и ресниц, от бугорков позвонка, проступающих под золотистой кожей, когда откидывала копну волос, рассыпая их по подушке, - что тягучая, обволакивающая расслабленность покоя, охватывающая его рядом с ней - и есть любовь. Он ценил эти тихие минуты бдения - молитвы ли, присяги ли, - возвышенные и умиротворяющие, как великие полотна, стихи, музыка - как все то, что дает человеку понять: ты бессмертен, ты прекрасен, ты - вечен.

Но ее кровать была пуста. Алисы не было ни в кухне, ни в ванной. Мечущийся, затравленный отчаянием Йохим, наконец, заметил то, что уже невидя пробегал глазами несколько раз - листок бумаги, пригвожденный шляпной булавкой к центру стола. Рубиновая букашка каплей крови застыла на золотой игле.

"Мой Единственный, Самый Главный. Ты главнее всего на свете - меня самой и моего счастья. Ты знаешь - мне дано прозрение. Поверь, я знаю, что должна уйти. Ради тебя, ради нас, ради того, о чем знаем только мы. Не ищи. Прислушайся к себе - все кончилось. Кто-то, где-то отключил свет..."

Йохим опустился в кресло, в темноту, в хаос. "Этого не может быть. Да это просто показалось, примерещилось, - он разжал ладонь - скомканный листок ласточкой выпорхнул к его ногам. - Я слушаю, слушаю тебя, Алиса. Почему ты молчишь. дай знак - и я умру". Пустая тишина звенела в ушах. И в ней ровно и мирно забил колокол. Раз, два, три... - восемь раз. "Знаю. Теперь знаю. Именем Господа нашего и всех сил, управляющих нами, заклинаю появись!" - Йохим встал на колени перед окном, за которым тускло золотился церковный крест, закрыл глаза и торжественно произнес: "Сейчас я буду считать до трех. Я отдаю свою бессмертную душу за Алису. Я продаю ее. Берите. Но только после счета "три", когда я открою глаза, пусть она будет здесь. А если это невозможно - пусть она будет где Вам угодно, только жива! Раз... два..." - Йохим ощутил чье-то присутствие, тень пробежала по его закрытым векам. - "Три!" - он открыл глаза. На форточке, любопытно заглядывая в комнату, сидела ворона.

"Значит, моя душа никому не нужна. Уцененный товар. Значит вообще все не так!" Йохим без сил опустился на кровать и даже не понял, что мгновенно погрузился в сон. На самое его темное дно...

7

...Автомобиль несся по мокрому шоссе, унося Алису прочь от города. Она убегала, с силой сдерживая руль, стараясь не думать, не чувствовать, стараясь быть мертвой.

Она проснулась на рассвете от странной тревоги и едва касаясь босыми ступнями холодного, лоснящегося жирной мастикой пола, кинулась в комнату Йохима. Посапывающий на диване клетчатый холмик источал сладкую сонную негу.

Алису всегда забавляло, казавшееся ей необычайно трогательным обстоятельство, как этому нескладному, избыточному острыми углами телу, удавалось достичь невозможной компактности, укладываясь спать. Освобожденное от неусыпного надзора дисциплинирующего разума, подчиняясь простому инстинкту сбережения тепла, тело

обретало гармонию округлости и покоя.

Вот и сейчас, худое плечо, торчащее из-под одеяла, крупное ухо, сквозящее розовым, были вписаны в такой завиток беззащитной доверчивости, что рука сама потянулась к поглаживанию, как тянется ребенок к свернувшемуся в лукошке щенку.

Алиса отдернула ладонь, да так и не прикоснувшись, так и держа ее слепо тянущейся, попятилась, не в силах оторвать взгляд от этого плеча, обороняющего приткнувшуюся к самым коленям ушастую голову. В поясницу Алисы, будто взяв ее на мушку, предостерегающе уперся угол мраморной каминной плиты. Чувствуя, как стены сдвигаются, наваливаясь со всех сторон, она закрыла лицо руками и ясно увидела ЭТО: пестрая коровья морда с жадно прильнувшим к бледной веснушчатой ноздре серым оводом опускается в густую росистую траву, раздвигает ее, любопытно пофыркивая. Шершавый язык лижет что-то розовеющее в веселой россыпи бестолково глазающих желтых лютиков. Ухо! Алиса увидела висок, лоб, локоть, кисть руки, дирижерски чуткую, длиннопалую, далеко высунувшуюся из шелкового манжета. А затем - и все вольно раскинувшееся на зеленом ковре тело, с еще витающим над ним азартным ветерком - спутником стремительного полета. Правая рука, заломлена высоко за голову, салютуя кому-то незримому, зовущему, подбородок гордо вздернут, очерчивая на светлой ткани рукава барельеф носатого профиля. В уголке улыбающегося рта тонкая алая струйка, проворно сбегающая куда-то в весеннюю зелень.

"Боже! Откуда это? Зачем? Почему Ты показал мне это? Это что - опять моя смерть? Из-за меня?" Алиса оцепенела, мгновенно прозрев свою неизбежную обреченность. Филипп, возможно Лукка, теперь Йохим. Ей суждено убивать любимых. Предупреждение, тревожный гонг бреда.

"Нет, на этот раз меня не провести. Я купила себе знание, заплатив за него очень дорого. Я должна спасти его и теперь - не струшу!" - прижимаясь к ледящему мрамору, крупно дрожа под тонкой рубашкой, она чувствовала как яростно сжимаются челюсти и наливаются тяжелой злой силой свинцовые кулаки.

"Силы небесные, земные - всякие - оставьте его! Он не со мной. Вы же знаете - мы чужие! Я сама, я одна - я не люблю его. Слышите? Он не нужен мне!.." - заклинала она кого-то в вышине, за стенами и потолком, за сереньким небосоводом, тронутым мутным рассветом.

Алиса выскочила из дома, не замечая затихшего было и вновь припустившего как из ведра холодного, подстегиваемого порывами ветра дождя. "Он не нужен мне, не нужен, не нужен, - твердила она, расплачиваясь за прокат "вольво". - Как я оказалась здесь? Откуда это сумка, деньги? Куда я еду? Подальше. Подальше. Мы чужие. Быстрее, быстрее - вниз, к морю, на край света, да хоть за край..."

Свинцовое море затаилась далеко внизу в узком просвете ущелья. И камни - глыбы, стены, отроги, скаты, завалы - холодные, мертвые, сошедшиеся вдруг с дождем в глумливой дурной вакханалии - окружали, теснили ее. Женский голос в репродукторе пел о роковой любви.

"Откуда столько камней и воды? О чем она поет? совно прощается... Почему аплодисменты? Кого же там радует смерть?"

В обступившем ее безумии все были сообщниками и врагами - голоса, несущиеся из репродуктора, потоки дождя, яростно набрасывающиеся на изнемогающие от натуги дворники и фары, мчащиеся навстречу. Сговор, травля, погоня. Алиса резко затормозила, но

было поздно. Отчаянно взвизгнув тормозами "вольво" развернулся поперек дороги и юзом, с панической стремительностью беглеца, ринулся к обрыву. И тогда встречный автомобиль ловким маневром дорогого футболиста, поддел крыло "вольво" бампером, оттолкнув от гибельного края.

Визг скользнувшей по асфальту резины, рваный скрежет металла, стеклянные брызги разлетевшихся фар - и тишина.

Мотор заглох, переднее правое колесо продолжало медленно вращаться над обрывом, мерно сыпал по крыше угомонившийся вдруг дождь.

"Вы слушали "Травиату", записанную по трансляции из Метрополитен опера. Сейчас в Париже восемь часов утра. Передаем сигналы точного времени," - трижды пискнуло радио.

- Уже восемь, а я все еще жива, - с ощущением тайной победы прошептала Алиса.

- И на этот раз, кажется, невредима. Кто-то там, за тебя, видать сильно молился, - раздался знакомый голос и над Алисой, осторожно прикрыв дверцу, склонился мужчина. Смуглое лицо улыбалось множеством веселых, разбегающихся морщинок, в глубину огромных, расширенных критическим выбросом адреналина зрачков, медленно и нехотя, как в темный коридор бесконечности, отступал страх.

ГЛАВА 6. ЙОХИМ ГОТТЛИБ

1

Йохим Динстлер спал уже одиннадцатый день. Его обнаружила хозяйка квартиры и поскольку жилец никак не хотел просыпаться ни к вечеру, ни на следующее утро, позвонила по телефону, указанному на персональной карточке доктора. Теперь он находился в отдельной палате клиники и консилиум специалистов, приглашенных Леже, пришел к единодушному мнению.

- Несомненно, один из видов летаргии, явления, увы, мало изученного. Нервное перенапряжение, сильный стресс, а может - и вовсе ничего подобного. Вы же знаете, коллеги, бывает и так: домохозяйка варит суп и засыпает с ложкой в руке как сказочная красавица, года, эдак, на три, - подвел итоги дискуссии доктор Бланк. - Помните тот случай в Марселе в конце 40-х? Человек приехал навестить стариков-родителей в голодный послевоенный город, прилег отдохнуть, а проснулся двадцать лет спустя, одиноким и богатым - его близкие переселились в мир иной, а мизерный счет в банке превратился в целое состояние. Что касается доктора Динстлера... Предпринять здесь, увы, ничего не возможно. Мы можем лишь наблюдать и поддерживать жизнедеятельность организма.

Так и поступили - наблюдали и ждали. Вся клиника - медперсонал и пациенты потихоньку бегали смотреть, как безмятежно, разгладив озабоченные морщинки на лбу, спал доктор с ритмическим сердцебиением, контролируемым приборами, и небывалым румянцем на посвежевших щеках.

- Молодцы, молодцы, девочки, - хвалил Леже опекающих спящего медсестер.

"Этак мы, в самом деле, откроем новую область медицины, - размышлял профессор, вглядываясь в лицо Динстлера. - Что-то я не замечал раньше этой горбинки на его носу и брови явно загустели... А упрямая складка губ? прямо Наполеон!... Ну не придумываю же я в самом деле все это? Сколько раз разглядывал эти невнятные черты и думал: Эх, взяться бы за тебя, парень! Здесь подправить, там убавить... Как удивительно повлиял на него сон! "Гипнотерапия и красота" - надо об этом поразмыслить... Если он проспит этак "продуктивно" год, то хоть в Голливуд. Будем фиксировать процесс внешних изменений на фотопленку - интереснейшие данные!"

Но Йохим не успел подтвердить гипотезу Леже, проснувшись на тринадцатые сутки. Сел, огляделся, застегнул верхнюю пуговицу казенной пижамы.

- Здравствуйте, коллега Зендель, мы, кажется, сегодня еще не виделись, - поздоровался он с оторопевшей медсестрой. - Как я здесь оказался? Со мной что-то не ладно? Почему раздет? Медсестра замялась и попятилась к двери:

- Я лучше позову профессора!

- И принесите, пожалуйста, мои вещи! - крикнул Динстлер ей вслед. Что-то невероятное творится в этой клинике.

Леже пулей влетел в палату, тряс Динстлера за плечи, считал пульс, распорядился немедля измерить давление и сделать электрокардиограмму.

- Срочно - полное обследование! Черт! Фу ты, черт! Вот это сюрприз! не мог успокоится старик, разглядывая пробудившегося.

- Во-первых, профессор, перестаньте чертыхаться. Это... нехорошо. А во-вторых, объясните, что значит весь этот спектакль? Мы что - лишились своих пациентов и перешли на самообслуживание? - Динстлер сдернул с руки перевязь тонометра, закрепленного медсестрой. - Я абсолютно здоров. А вот что с вами, профессор? Боюсь, вам необходимо серьезно заняться нервами.

Леже насторожился. "Что-то не так, - думал он. - Этот голос, вернее, интонация, это лицо - ведь другое лицо! Меня не проведешь, я на этом деле собаку съел." И Леже конфиденциально обратился в частное сыскное агентство, начав расследование. Он подозревал бог весть что и на всякий случай держался с человеком, проснувшимся у него в палате, как ни в чем не бывало. А это требовало выдержки, ведь профессор уже почти не сомневался, что мужчина с властной складкой у рта был самозванцем.

Но результат расследования разочаровал Леже - в идентичности данных дактилоскопии его служащего Динстлера и проснувшегося пациента сомневаться не приходилось. Зато детективы выяснили, что доктор снимал квартиру на "Площади Рыцаря" в Сен-Антуане с некой мадмуазель Грави, уехавшей из городка на взятой в прокате автомашине и разбившей ее на трассе М-6, ведущей в Канны. В аварии никто не пострадал. Ущерб оплачен владельцу гаража неким господином, пожелавшим остаться неизвестным. Копия чека прилагается.

"Ага, значит это все же он, но в сильном любовном шоке. Я всегда знал, что пациентки влюбляются в своих докторов. Ай да Динстлер! Вот это ход!.. Пережитое нервное потрясение, по-видимому, и обусловило личностные изменения, а от этого - и внешние перемены. Ведь известны случаи, когда великие актеры перевоплощались в своих персонажей настолько убедительно, что были неузнаваемы даже без грима. Во всяком случае, история интересная, далеко не завершившаяся, и надо быть на чеку, - решил бдительный профессор.

Когда Динстлер попросил у Леже недельный отпуск для делового визита на родину, профессор не колеблясь отпустил его с полной выплатой зарплаты, не надеясь на возвращение. Однако, в означенный день тот появился в его кабинете в сопровождении молодой женщины и попросил часовую аудиенцию при закрытых дверях.

- Ванда - моя жена, - представил Динстлер профессору свою спутницу. - Мы с супругой имеем к вам серьезное предложение, господин Леже.

Пока посетитель обстоятельно и четко излагал профессору свои соображения, тот ерзал в кресле, испытывая смутное томление - что-то здесь все же было не так, а вот что? "Да просто я не могу смириться с мыслью, что слабак и романтик, проспав две недели,

превратился в крепкого мужика с бульдожьей хваткой. Не могу признать, что раньше была всего лишь масочка "бескорыстный Дон Кихот", "влюбленный Пьерро" - пудра и глицериновые слезы! Сейчас-то он настоящий и не случайно это дама рядом - не простая дама", наблюдал исподлобья визитеров Леже.

Статная блондинка в строгом деловом костюме держалась очень корректно. Ее голубые, прямо смотрящие глаза, лучились любезностью и уважительным вниманием, а высоко открытые узкой юбкой изящно скрещенные ноги в модных тупоносых лаковых туфлях приводили к мысли, что "коллеге Леденц" не чужды земные радости.

План Динстлера заключался в следующем. Профессор должен признать, что возглавляемое им направление лицевой пластики доведено до совершенства. До тупикового совершенства - *plus plus ultra*. Дальше в этом направлении идти некуда. У него, у доктора Динстлера есть свои соображения и своя методика принципиально нового подхода к коррекции физического статуса, требующая серьезной экспериментальной отработки. Его жена - доктор Леденц дипломированный фармацевт, прошедший хорошую школу на одном из закрытых химических предприятий Калифорнии. Ей предстоит возглавить поиск медикаментозной базы нового направления, суть которого пока должна сохраняться в строгой тайне: ведь речь идет о сенсационном научном открытии.

- Мне необходима маленькая, хорошо оборудованная лаборатория в стороне от любопытных глаз, небольшой надежный персонал и основательный кредит... Я не склонен к фантазиям, профессор, и отдаю себе отчет, что баснями сыт не будешь. И хотя абсолютно уверен в плодотворности своего эксперимента, набросал вкратце практическую программу финансового обеспечения долгосрочных поисков. Здесь в горах, недалеко от санатория я открываю небольшой собственный филиал вашей клиники. Нет, нет, профессор я не позволю прорваться воплю возмущения: естественно, иметь конкурента под боком вам вовсе нет резона, а вы еще не доросли до альтруизма. Я и не требую вас собственноручно накинуть себе петлю на шею. Мой филиал будет до поры до времени лишь работать в комплексе с этим санаторием. Я предусмотрел для него следующие направления: релаксационные процедуры- грязелечение, массаж, гипнотерапия и так далее и главное - различные методы корректировки фигуры от хирургических до терапевтических. Иногда, и лишь в тех случаях, когда вы сами направите к нам клиента, мы будем заниматься пластикой лица, преимущественно возрастных изменений и хорошо оплачиваемых "травм". Подчеркиваю еще раз, что моя клиника будет очень небольшой на 5-6 пациентов, с условием полной конфиденциальности и высокого класса работы. Вся эта временная возня мне необходима лишь до тех пор, пока я не смогу пустить в ход отработанный, абсолютно сенсационный, профессор, можете не сомневаться, метод. И вот тогда-то мы с вами, господин Леже, выходим на совершенно иной уровень - уровень старателя, сидящего на золотой жиле...

- Или на пороховой бочке, - хмуро заметил Леже. - Судя по всему, предполагаемое "открытие" должно наделать много шума и много денег. А это, как известно, весьма чревато... Но это так - попутная ремарка. Я все же не пойму, уважаемый коллега, почему вы так уверены, что я должен охотно содействовать вашему начинанию? Из слепой жадности к каким-то весьма абстрактным будущим доходам? Из научного интереса или дружеского расположения? А может быть, я произвожу впечатление добродушного Санта Клауса?

- Увы, профессор, ничто из перечисленного вами мне не приходило в голову. Я просто знаю, что вы - именно тот человек, который станет моим деловым партнером, внося 40% необходимой для открытия клиники суммы. 50% я рассчитываю получить от Брауна. Мы с

супругой, взвалив на себя основную часть предстоящей работы по налаживанию новой методики - - назовем ее условно "Пигмалион"-, к сожалению, располагаем на сегодняшней день небольшой суммой. Подумайте, уважаемый профессор, - вы меня знаете. Я редко ошибаюсь, даже когда вам кажется, что я делаю глупости. Вернее - именно тогда, - Динстлер простодушно улыбнулся. - Ответ жду завтра вечером. И думаю, что вас не нужно убеждать, что этот разговор - сугубо между нами.

...Леже колебался. "Вложить значительную сумму в столь сомнительное предприятие, основываясь на каких-то смутных поисках и обещаниях? Нет, я не мальчик, поздно пускаться в аферы. А если в лоторее везения выскочил именно тот шальной шанс, которого ждешь всю жизнь, не переставая надеяться по последнего вздоха - а вдруг? Есть в этом новом Динстлере какая-то притягательная дьяволинка - какая-то заманчивость невероятного. Убедительность абсурда". Профессор промаялся всю ночь, так и не приняв окончательного решения, а утром подписал чек - не глядя, чисто машинально.

Через два дня Динстлер имел необходимую сумму. Уговорить Брауна не составило труда. Остин очень обрадовался, услышав голос Йохима, не потребовалось ни визита, ни письменных гарантий займа - он лишь узнал банковский счет Динстлера, на который должен был перевести вклад. Проблема "пайщиков" решалась без особых хлопот: они послушно шли на зов идеолога "Пигмалиона", слетались, как мотыльки к огню, они подчинялись ему без сопротивления.

2

...Две недели назад Динстлер проснулся на больничной койке с навязчивой идеей, разрастающейся и пухнувшей у него в голове подобно дрожжевому тесту. Все, что не касалось этой идеи

- разговоры о его летаргии, научные версии, сплетни и шушуканье за спиной - совершенно не интересовало его, выметалось как сор. Он знал по пунктам, что ему надлежало делать и не сомневался в успехе. Он действовал наверняка.

Прежде всего Динстлер направился в родной городок и перерыл в доме Корнелии чердак, морщась от въедливой пыли. Он искал старый деревянный ящик. "Вот какой-то с детскими альбомами и рисунками, бесконечные личики-цветочки! Оранжевое крашеное яйцо, завернутое в потертый фетр. Фу, идиотизм! Зачем собирают такой хлам! Книги, карандаши... Ага, наконец!" Темное дерево, плотно защелкивающаяся тяжелая крышка, старые листы, клеенчатые тетрадки с пожелтевшими краями в трухлявых, обсыпавшихся пятнах. Факсимильный оттиск лиловыми чернилами: "Доктор Майер. Улица Фридрих Клаузе 3". " Все на месте... Порядок".

Вскоре Динстлер оказался в Граце. "Здравствуйте, доктор Вернер! Не узнаете? Как успехи? Простите - я проездом. Мне собственно, нужна фрау Леденц..." А вот и она. Каблучки, серый трикотаж в обтяжку, голубые ресницы удивленно распахнуты. "Прости, милая. Наконец-то я могу тебя забрать. Я тот, кого ты ждала. Смотри - седеющие виски, опыт и сногшибательные планы!"

Затем последовали Леже, Браун, банк, строительный трест, земельный участок в горах, рабочий подряд, контакты с необходимыми фирмами - США, Япония, Португалия, Китай. Точка. Можно перевести дух - май только начался!

Динстлер нетерпеливо прохаживался по строительному участку. "Горы вокруг горы! Альпийские луга, лиловые, желтые, алые! Синева и зелень, свежесть и ароматы, зеркальца голубых озер, деревеньки на склонах, мельничные колеса над искрящимися водопадами..."

Оставим облака и водопады поэтам! Скорее, скорее, пора начинать!"

Динстлер не давал продыху рабочим, строившим дом с жилыми помещениями, лабораторией и маленькой клиникой, не знал покоя сам, нагрузил работой Ванду. Вместо ожидаемого медового месяца она сидела чуть ли не взаперти над старыми трухлявыми фолиантами, исписанными мелким почерком сумасшедшего - буквы то теснятся, набегают друг на друга, то растягиваются в целую строку, как фигуры в "комнате смеха". А формулы! Это же чушь какая-то. Разве такое возможно?

- Сиди, сиди, крошка, чем быстрее ты вникаешь в этот бред, тем скорее получишь вот это! - муж помахал под носом Ванды связкой блестящих новеньких ключей. - Здесь от дома, от клиники и от "мерседеса". Последняя модель.

...Осень. Золотые, багряные, лиловые леса, грустные, в чересполосице бегущих теней от тяжелых облаков, горы, убранные, sprysnutye дождиком поля. В возведенном доме завершаются последние отделочные работы, разравнивает площадку под цветники и лужайки минибульдозер, готова к пробному пуску автономная электростанция. Хозяин лично на новеньком "мерседесе" цвета "коррида" (наиболее безопасного в горных условиях) подкатывает сюда каждый день - следит за установкой клинического оборудования, устройством лаборатории, холодильных камер, операционной. Все должно быть на уровне авангарда мировой медицины и даже чуть-чуть выше.

А в жилой части дома наводят глянец дизайнеры интерьера. Здесь только новейшие, входящие в строительную практику материалы, лаконичная "космической" формы обстановка, ковры с абстрактным черно-белым рисунком и постер Фредерика Леже на каменной, грубой деревенской кладки, стене.

- Мне нравится однофамилец нашего профессора - такой же противный: сине-красная амeba на желтом фоне, - посмеивался Динстлер, выбрав из альбома дизайнера именно эту репродукцию. Одна стена просторной гостиной, сооруженная из цельного зеркального стекла, открывает вид на ущелье, в котором всегда плавают туманная мгла. В нескольких местах корезаются скульптуры - двухметровые конструкции из обожженной сварочным аппаратом рваной жести с незатейливыми, перекликающимися с Микельанджело названиями "День", "Ночь", "Утро", "Вечер".

- По-моему, у нас получилось очень стильно. И знаешь - зеркальная стена в солнечный день видна чуть ли не от Сен-Антуана

- гигантский "зайчик" в горах! Но отдать за эти железки такую кучу денег мог только Ротшильд или псих, - подытожила хозяйка, завершая обход нового дома. В нем, действительно, было все "на уровне" - несколько комнат для гостей, гостиная, столовая, холл, две спальни, кабинет Доктора, кабинет Хозяйки, детская, прекрасно оборудованная кухня, где, конечно, будет хлопотать прислуга.

Новоселье вылилось в знаменательный прием для узкого круга акционеров и близких друзей. Были приглашены Арман Леже, Остин Браун, Даниил Дюваль с супругой и пара сотрудников

из команды Леже, перешедших к новому шефу. Собравшимся прежде всего были показаны помещения клиники, лабораторий, виварии и операционная. Завершила осмотр прогулка по жилой части дома. Комфорт и продуманная функциональность всех помещений, оснащенных на широкую ногу, явно не соответствовали образу равнодушного к быту фанатика-ученого, каким представлялся присутствующим Динстлер. Дани, почувствовал в какой-то момент, что "носит" на протяжении всей экскурсии вытянутое от удивления лицо и

с усилием расслабил мышцы. Но эти "рабочие кабинеты", сочетающие деловитость и барство, этот зал со спортивными тренажерами, эта просторная, полностью обставленная детская, да и костюм хозяина от Кордена с широкими лацканами и "плечами", приталенный, ладно облегает высокую фигуру фантастика! Такое не могло и присниться.

- Ну, старик, ты меня убил! Я просто отпал. Сдаюсь! - Дани поднял руки, подводя итог увиденному. Когда все собрались в гостиной было налито шампанское. Хозяин дома взял бокал:

- Я знаю, что все вы - коллеги, друзья и пайщики, удивлены. Мой размах кажется вам излишним. Я выгляжу мотом - ведь это все сделано в долг! - Динстлер повел вокруг рукой. - Уверю вас - я вовсе не кандидат в долговую яму. И вот доказательство

- спонсоры, имена которых я до времени не хочу афишировать, положили крупную сумму на наш общий счет, практически удвоив его. И это только начало. Через пару недель примет первых пациентов наша маленькая клиника, а в конце года, я надеюсь, мы сможем представить реальные доказательства программы "Пигмалион". Признаюсь честно - для отдыха и наслаждения горным пейзажем у меня и моих сотрудников не будет ни минуты.

- Йохим, вы удивляете нас всех своей деловитостью, прежде как-то не дававшей о себе знать. Вас, конечно же, угнетает ответственность займа и риск эксперимента. Меня не надо убеждать и одурманивать обещаниями. Я не жду от вашего дела финансовой выгоды. Моя ставка больше - и мотивы корыстней. Я знаю ваш незаурядный дар, Йохим, и я рад, что могу помочь ему развернуться и облагодетельствовать страждущее человечество. Так что масштабы - человечество, цель - благодеяние. Играю по-крупному и с надежными партнерами, - Остин ободряюще улыбнулся присутствующим.

- А я, конечно же, в стороне - не миллионер и не профессор. Но с меня причитается - за мной реклама вашего "благодеяния". Мы с Сильвией, как вы заметили, вскоре ожидаем наследника - так что запишите в рекламную группу троих, - поддержал Дани обмен любезностями, а когда гости разошлись по углам, затащил друга в его кабинет и плотно затворил за собой дверь.

- Ну-ка, господин хороший, допрос с пристрастием. Как это понимать? Ты меня хоть бы предупредил. Я твоей милой Ванде чуть в лицо не рассмеялся, когда она женой представилась, думал - шутка. Где Алиса? Что все это значит?

Динстлер неторопливо опустил в кресло и небрежным жестом вытащил из резной коробки тонкую сигару. Щелкнула зажигалка.

- Закуришь? Ну тогда присаживайся, что будешь пить?

Дани опешил - от жеста с зажигалкой, от посадки нога на ногу, от барственного тона...

- Ехи, да ты ли это? Брось дурить, старик! Поиграл в профессора-миллионера, хватит. Разговор серьезный!

- Дани, я никогда не был так серьезен. Просто я очень долго был дебильным мальчонкой и повзрослел сразу, рывком, понял? Принимай меня таким, как есть. Честное слово - это далеко не худший вариант... У меня есть цель, Дани - достойная цель. Конечно же, я мечтаю "облагодетельствовать человечество", как сформулировал Остин, но я хочу и другого - власти. Власти над материей, которая никому пока не дана. Не пугайся - это не цитата из "Фауста" и я не Мефистофель. Я не потребую души взамен красоты, которую научусь давать людям. Я буду дарить ее! Всем! низкозадным вандам, длинноносым йохимам, коротышкам леже, - Динстлер загасил сигару и встал. - Я ничего не пожалею, Дани, ничего не побоюсь на своем пути...

- Да ты революционер, Ехи! Прямо какой-то "эстетический коммунист": всю красоту делить поровну! Все одинаково совершенно и одинаково прекраснодушны! Восхищают меня утопии, но я боюсь утопистов-фанатиков. Чуть что - за топоры, инакомыслящих рубить. То есть, по твоему, "длинноносых" и "вислозадых"!

- Дани, не стоит передергивать. Я знаю какая тонкая, порой едва различимая грань, разделяет добро и зло. Но зачастую ухватить это "доброе, светлое", этот прометеев огонь удается лишь тому, кто вплотную подобрался ко злу, вырвал добычу прямо из его алчущей пасти. Я готов рисковать и жертвовать. Готов стать изгоем, мучеником, готов испытать власть славы и обольщение богатством. Мне никуда не деться! Прости, Дани: я уже "зомби"!

- Кажется, я начинаю потихоньку понимать... - задумался Дани. Извини, что навалился с вопросами. И с этим... ну, про мадмуазель Грави... Прости, - Дани протянул руку и друг ответил крепким пожатием.

- Мы стали взрослыми, стали другими, но будем друзьями, ладно, Дюваль?.. А мадмуазель Грави от меня ушла. Мы жили вместе, но не как муж и жена - по-братски... Я не разу не поцеловал ее. И однажды утром я проснулся один.

- И не мудрено, - язвительно заметил Дани, не воспринимающий идею "братской любви", но тут же спохватился, поймав тяжелый взгляд Йохима.

- Никогда, понимаешь никогда больше не говори об этом, если не хочешь потерять меня. И еще одно, Дани... Попрошу тебя о мелочи - глупость, должно быть... Но - будь добр, не называй меня "Ехи". Это..., - он недоуменно пожал плечами, - как-то не по мне. В общем - мне никогда не нравилось имя, которым наградила меня Корнелия. Звучит расхлябанно... Про Ванду ты знаешь, - с облегчением продолжил Динстлер другим тоном. - Мы были помолвлены в год нашей с тобой поездки во Францию. Она мой соратник, единомышленник, мы идем к нашей цели в одной связке, как альпинисты по высокогорному леднику.. К тому же, Дани, это пока секрет, но, кажется, месяцев через пять-шесть мы станем мамой и папой.

- Здорово! Значит детская - не причуда дизайнера. Поздравляю! - Дани бросился другу на шею, но привычного объятия не получилось: вместо сутулого худого хребта под обнимающими ладонями Даниила обнаружили крепкие, не склонные расслабляться мускулы.

3

- По-моему, первый прием прошел отлично. Кажется, профессор пожалел о своей щедрости, осматривая наши апартамен

ты, - Ванда довольно болтала, снимая тампоном макияж перед трюмо в новой, темно-синей спальне. - Особенно его потряс твой кабинет. Ручаюсь, он подумал: это уж слишком! Ты действительно отгрохал себе грандиозную библиотеку и это техническое оборудование - оно здесь никому и не снилось! Не пойму только, почему ты выбрал для себя комнату с окнами на виварий?

- Именно для того, чтобы всегда смотреть на бегающих там собак. Я устал, милая, пора спать, - забрался под атласный стеганый пуховик Динстлер.

Ванда, превратившаяся из рыженькой девчушки в зрелую, цветущую блондинку, расчесала залаченные пышные крендельки, короной возвышавшиеся на макушке. Спать в бигуди необходимости теперь не было - в новом доме имелась прекрасная сушилка для волос. Синий гипюр ночной рубашки специально подобранной в тон обстановки спальни, запах дорогой парфюмерии, следовавший за Вандой соблазнительным шлейфом, поднимали настроение. Она чувствовала себя состоятельной дамой, вплотную приблизившуюся к тем

кругам, о которых когда-то вычитывала сплетни в светской хронике. Да и муж не обманул ожиданий - он несся вперед как курьерской экспресс, ее возмужавший, не перестававший удивлять Готл.

...После того как в Граце молодожены обменялись обручальными кольцами перед регистрирующим брак чиновником муниципалитета и выпили в маленьком ресторанчике по бокалу шампанского, Ванда, вкрадчиво заглядывая в глаза мужу, попросила:

- Обещай, дорогой, сделать мне маленький подарок... разреши называть тебя Готлом. Понимаешь - Йохим - не твое имя, какое-то нелепое, громоздко-провинциальное. А Готтлиб - имя гордое - для человека напористого и удачливо - "любимец Бога!" Ты зря смеешься - я кое-что понимаю в мужчинах. Но для меня ты будешь Готл - правда мило и аристократично?

- Мне все равно, киска. Пожалуй - ты права. Только при посторонних, пожалуйста, без излишней нежности. Сдается мне, что наш образ жизни не будет слишком уединенным, - пообещал Динстлер.

Ванде не хотелось выключать свет - так шикарно было все в этой новой спальне, так приятно ощущать себя хозяйкой большого комфортабельного дома, потрясшего сегодня гостей, и притом - законной женой! Женой и соратницей человека, которому все прочат блестящее будущее. А ведь кто бы мог подумать! Ванда вспомнила ночь на чердаке сарая, своего нелепого ухажера и ощущение жизненной неудачи, завершившее тот дурацкий пикник.

- Готл, здесь такая же синяя темень, как там, на чердаке - ты помнишь? - Ванда засмеялась. - Ты как мышонок прятался от всех в укромном уголке, а тут явилась я и лишила тебя невинности!

- Ты что-то путаешь, крошка, - муж протянул руку и спустил с ее плеча кружевную бретельку. - Ты заманивала меня весь день этими пухлыми плечиками, загорелыми коленками. Я поджидал тебя там, на сеновале, пока вы целый час болтали с этой... как ее там?

- Мартой... - нерешительно напомнила Ванда, уже сомневаясь в своей версии случившегося тем летом.

- Да, ты была очень, очень соблазнительна!

- Была? - кокетливо надула губки Ванда.

- Была и есть. Кажется, я не устаю тебе это доказывать... - властно притянул к себе жену Готл.

- Ну что, доктор Леденц, послушаем ваш отчет... Я жду с нетерпением, Ванда, и знаю, сколько сил потребовало от тебя изучение этих поэм. Пожалуйста, без эмоций, опуская литературоведческий анализ и нецензурные выражения, рвущиеся от души, коротко и четко - с начала до конца. Как бы мы не блефовали для публики, сами-то знаем: авантюра с этими бумагами довольно сомнительная, - Динстлер заперся с "главным фармацевтом" в своем кабинете. На столе лежали материалы, подготовленные Вандой - тетрадки из Майеровского ящика и какие-то научные журналы с закладками.

- Собственно, Готл, ты сам заешь, что все, чем располагаем мы - вот в этом ящичке, в трухлявых школьных тетрадках, да еще написано в форме гекзаметра, как ты определил эти длинные строчки с постоянными обращениями к мифологическим персонажам и совершенно непонятными намеками... Правда, милый, я чуть не плакала - этот идиот возомнил себя Гомером или еще не знаю кем, но здесь нет и двух нормальных понятных

фраз... - лицо Ванды покрылось от негодования красными пятнами.

- Успокойся, сосредоточься - ты же умница и суть ухватила верно, Динстлер откинулся в кресле, приготавливаясь к длинной лекции.

- В тридцатые годы секретные службы Третьего рейха начали серьезно заниматься новым биохимическим оружием, толком не зная, на что можно выйти, поскольку эта область была для мировой науки еще темным пятном.

Подобралась группа ученых и биолог Майер, тогда преподаватель Гетебургского университета, известный своими научными трудами, был приглашен лично министром промышленности для сотрудничества в самой передовой и технически оснащенной лаборатории Европы. По-моему, он плохо соображал, для чего его наняли, и с рвением взялся за дело, мечтая облагодетельствовать человечество. Здесь= в своей поэме= он призывает в помощь богов с Олимпа и обсуждает с ними свои научные полномочия. Вот... Ванда, порывшись в бумагах, взяла пожелтевший листок и начала декламировать: - "Радость, о Боги, мою разделите и силой, высшей своей одарите того, кто посмеет..."

- Хватит, хватит! Мы не на творческом вечере поэта Майера, нетерпеливо прервал Динстел. - Я же просил - короче!

- Ладно. Ну, ты знаешь, Готл, что учеными Рейха была отправлена группа на Тибет за тайными знаниями, в Китай - за секретами акупунктуры и даже - к эскимосам, которые научились что-то добывать из тюленей, какой-то гормон. Их шаманы не только вводили людей в транс, но и умели, как следует из ссылки на материалы экспедиций, продлевать жизнь. В результате Майер получил пробирки с препаратами, химические и биологические свойства которых должен был исследовать. Геронтология его мало интересовала. Ожидание отдаленных результатов на человеческом материале требовало долгой жизни, а Майер хотел схватить удачу прямо сейчас - на пороге своего пятидесятилетия. Вот он пишет: - "Века земного пройдя половину, намерен..."

- Ванда, по-моему, ты слишком увлекаешься поэзией. Все-таки Майеру удалось добиться своего - ты уже цитируешь его сочинения чуть ли не наизусть.

- Будь по твоему. Но я просто хочу, чтобы ты понял, что я не фантазирую. Майер кормил мушек-дроздофил своей микстурой и они мутировали, превращаясь в долгожителей, но этот результат, горячо интересовавший его Шефа, самого исследователя, по-моему, не очень волновал. Можно прочесть цитату? - но подчинившись категорическому жесту мужа, Ванда официальным тоном продолжала: - Майера привлекало другое. Он заметил, что некий препарат, названный им МЛ или "размягчитель" - формула, наивно зашифрованная в виде танцующих фигурок прилагается, - способен влиять на клеточный состав организма, изменяя, по-видимому, как мне кажется из дальнейшего, элементы генетического кода. Но тогда об этом еще не думали. Просто Майер заметил, что ткани организма, особенно костные под влиянием МЛ начинали регрессировать, теряя свои возрастные качества и возвращаясь к эмбриональному состоянию. По химическому составу и физическим характеристикам, разумеется. Представляешь, он описывает, как брал мышь, накаченную в течение недели этим МЛ и "лепил" ее, будто она была из глины. Он делал ей плоскую мордочку, вытягивал лапки - в общем, формировал всевозможных уродцев. А потом в ход вступал препарат М2 - названный Майером "закрепителем". Он пробовал разные дозировки и интервалы инъекций, что бы найти оптимальный режим "закрепления" результатов. Кости снова затвердевали (в этот период подопытные животные переводились на особый солевой режим) и коллекция мышей-уродцев вскоре бегала по столу Шефа секретной лаборатории.

Причем, в присутствии самого Гитлера! Думаю, именно фюрер выступает в поэме Майера в образе Зевса-громовержца. "Зевс" лично взял одну мышку на память, так как она сильно напоминала ему коллегу, тоже "божественного происхождения", естественно. Круглая и толстая - кто там у них был в правительстве "жабообразен", по определению Майера, конечно?... Не важно. Важно то, что наш гений возомнил себя Пигмалионом и поторопился сделать себе рекламу - слишком много болтал, привлекая внимание дам намеками на некие сверхчеловеческие возможности. Своей квартирной хозяйке он пообещал внешность Эвы Браун или Марики Рок.

В лаборатории быстро смекнули, какие перспективы формирования полноценных арийцев открывает "эффект Пигмалиона". Тему глубоко засекретили, автора упрятали в психушку, документы экспериментов, по-видимому, уничтожили. Но это уже мои личные домыслы на основании обрывков дневниковых записей Майера. Как уж он выжил и сумел заполнить свои тетрадки - не знаю. Тебе он, видимо, рассказывал больше.

- К несчастью, в приюте для престарелых, обхаживая этого старика, я пропускал мимо ушей его бредни. Можно лишь предположить, что эти тетрадки черновики поэмы, оставленные среди школьных бумаг его ученика - сына домохозяйки, которого Майер натаскивал по химии. Видишь - здесь и конспекты ученика из заданий по школьной программе. Кто же из секретных служб мог предположить, что этот выдающийся ученый считал себя великим поэтом и кропал по ночам пространные опусы, да еще с легкомыслием гения, вписывал в поэтические строфы химические формулы, явно наслаждаясь затеей "зашифровки". ...А потом, полагаю, Майера так активно "лечили", что он действительно свихнулся, стал считать себя другим человеком и исчез из поля зрения Служб. У него часто "путешествовала голова" - то есть он воображал себя совсем в другой жизни и нес невозможный бред. Я не вслушивался в бормотания умирающего. Хотя, нет - припоминаю забавный рассказик про Бони и Клайда - собак переделанных в обезьян! Я-то думал, что это очередная фантазия старика...

- Собаки, действительно, были! - подтвердила Ванда. - Он упоминает, что взял двух щенков добермана... Ты думаешь, Готл, это все действительно так? Что-то мне сейчас кажется... Понимаешь, пока я копалась в документах, выискивая по капельке какой-то смысл, решала шараду - у меня был энтузиазм искателя клада из детской книжки или домохозяйки, рассматривающей картинку в журнале под рубрикой "Найдите, где же прячется убийца?" А сейчас...

- Не трусь, коллега Леденц! У нас с тобой главное в руках. Надо только работать и работать. Что скажешь об препаратах М1 и М2? В какой области искать аналоги? - подбодрил жену Динстлер.

- Я покопалась в новой научной литературе и кое-что выудила, - Ванда развернула журналы. - Наш Майер опередил науку на полстолетия. С первого взгляда, в его формулах все как будто просто. Что-то вроде молекул ДНК, которые невозможно синтезировать, пока, во всяком случае, но можно выделять из живых организмов. Однако сама методика получения совершенно не отработана... В нашей лаборатории был один человек, полуиндеец по происхождению, который считался асом в этой проблеме. За него там держались обеими руками...

- Кто он, этот твой индеец, где его найти? Точные координаты. Если это то, что нам надо - мы купим его!

- Готл, мне иногда кажется, что ты теряешь ощущение реальности и становится страшновато. Ставка сделана на очень темную лошадку, настолько темную, что порой начинаешь сомневаться, есть ли она вообще= - нахмурилась Ванда.

- Фрау Леденц, вы свободны. Не стоит портить свое сенсационное сообщение бабским нытьем... Однако, хочу заметить, коллега, что мне приглянулись ваши ножки... Поэтому, вам, видимо, придется провести честно заработанный перерыв непосредственно в спальне, - строго заметил доктор...

4

...Ванда знала далеко не все. Ей просто не положено было знать тот рискованный поворота событий, который во многом предопределил судьбу их начинания, подстегивал неумного Динстлера.

Все началось с забавной встречи, состоявшейся в придорожном кемпинге на подступах к Сен-Антуану. Еще в апреле, когда начала закручиваться строительная компания новой клиники и фирмы медооборудования в разных концах света получили заказы от директора

некого клинического центра "Пигмалион", Динстлеру позвонили. Мужчина, представившийся как сотрудник крупной фармакологической корпорации Феликс Рул, предложил господину директору встречу на предмет обсуждения возможного сотрудничества. Динстлер несколько удивился, что свидание было назначено в отеле, но когда по указанному адресу он обнаружил третьесортный кемпинг, из тех, чьи дощатые бунгало разбросаны в зарослях придорожного кустарника, затея показалась ему слишком уж сомнительной.

Красный "мерседес" начал разворачиваться, намереваясь поскорее убраться восвояси, но человек, внезапно появившийся из боковой аллеи, чуть не кинулся под колеса автомобиля, отчаянно "голосуя". Динстлер затормозил и приоткрыл окно.

- Господин директор? Я - Феликс Рул. Жду Вас! - обратился к нему мужчина, вовсе не похожий на дешевого коммивояжера, навязывающего свою продукцию. Высокий, поджарый, лет сорока пяти, в добротном темном костюме и очках, поблескивающих металлической оправой - скорее учитель частной гимназии или колледжа. "Понятно, что за птица. Хотя сейчас на научный симпозиум. Спецслужбы или мафиози", - соображал Динстлер, следуя за незнакомцем в уединенное бунгало. Комната, казалось, давно не проветривалась - спертый воздух с привкусом прокисшей еды и сигаретного дыма застоялся за плотно закрытыми окнами. Пестрые нейлоновые занавески, плетеная, сильно пострадавшая за время долгой тяжелой службы, мебель, низкая софа под стеганым цветастым покрывалом - именно так, по мнению Динстлера, выглядят дешевые номера для свиданий.

- Извините за обстановку, в которой будет происходить наша встреча. Вы поймете, что мы вынуждены избегать людных мест, - улыбнулся Рул. - Нет, господин Динстлер, не бояться вам нечего - я здесь один и не совершенно безвреден. Говоря "мы" я имею ввиду организацию, которую представляю. Признаюсь сразу - это отнюдь не медицинская фирма, но и не спецслужбы, в причастности к которым, как я догадываюсь, вы меня подозреваете. Мое имя, скорее отсылает вашу память к литературному персонажу, чем означает реальное лицо. - Рул пододвинул гостю кресло, сел напротив, демонстративно положив руки на стол. - Прошу уделить мне полчаса: я полномочен сообщить вам нечто важное.

Однако Динстлер и не думал проявлять беспокойства, удобно расположившись в скрипучем жестком кресле.

- Я намерен выслушать вас, господин Рул, кого бы вы не представляли и как бы не звучало ваше подлинное имя. Прежде всего - мне нечего бояться: ни государственных, ни человеческих законов я не преступал и не намерен. И конечно же, меня гложет любопытство - чем вызван интерес вашей "организации" к моей скромной персоне? Насколько я знаю, мне нечем заинтересовать ни "покупателей", ни "продавцов" сенсаций, - он закурил, ища глазами пепельницу. Рул, как любезный хозяин, принес из кухни и поставил на низкий пластиковый столик зеленое стеклянное блюдо.

- Вы явно скромничаете, Динстлер, вам удалось провести пару серьезных профессионалов, потративших массу времени, чтобы обнаружить тот деревянный ящик, который преспокойно стоял на чердаке вашего дома. Вы явно хотели сбить со следа лиц, охотившихся за этими документами Вот видите - я сумел вас удивить, милый доктор! Но я не за этим пригласил вас и поэтому - все по порядку.

Предположим, существует некая организация, очень древняя и очень могущественная, в задачи которой входит, грубо говоря, регуляция мирового прогресса - научного, общественного, нравственного. В каком направлении спросите Вы? - В позитивном, отвечу я

с настоятельной категоричностью, если под конечной целью исторического развития подразумевать выживание человечества как вида и его нравственное совершенствование. Принято считать, что эту миссию выполняет Господь Бог, сохраняя позицию невмешательства в дела людские, то есть не регламентируя свободное волеизъявление человечества. Нравственные же законы, как предполагается, изначально заложены в душу каждого смертного его Отцом и Создателем. Но что же мы видим вокруг? - Свободные люди, забыв о своем предназначении, истребляют друг друга, растрачивая лучшие силы ума и тела, природные ресурсы, экономический и технический потенциал на совершенствование и тиражирование орудий уничтожения. И тогда мы - люди, не утратившие этих высших ориентиров, протягиваем руку помощи заблудшим, помогая им избежать катастрофических, а может быть непоправимых последствий того, что они называются прогрессом. Мы - "санитары цивилизации".

- Звучит не хуже воскресной лекции в клубе домохозяек. И как же выявляют эти "санитары" те ветви на древе цивилизации, которые необходимо ликвидировать или регламентировать в целях стимуляции, естественно, роста и плодоношения всего дерева? - поинтересовался Динстлер, не доверявший проповедническим декларациям. - Уж очень бескорыстная организация получается, исполненная святости. Вы, случаем, не из Ватикана?

- Напрасно иронизируете, мы не вдохновляемся утопиями и далеко не бескорыстны. Однако, наша задача сформулирована вами правильно, господин Динстлер. Более того, я убежден, что мы с вами заодно. Иначе не сидеть бы нам в столь дружеской обстановке, - Рул насмешливо кивнул на пыльные кусты за окном, скрывавшие домик.

- То есть, надо понимать, откажись я поддержать вашу благотворительную миссию, ко мне была бы применена сила? - сообразил Динстлер.

- Увы. Сентиментальность здесь мало уместна. Давайте вспомним газовые атаки первой мировой войны, Хиросима и Нагасаки, бактериологическое оружие и напалм во Вьетнаме и многое, многое другое. А с чего начиналось все это? С полета мысли и усилия воли какого-нибудь прекрасодушного ученого, гуманиста Оппенгеймера, колдующего над своими пробирками, обожающего детишек и животных, одержимого светлой идеей - дать Человечеству власть над природой! Восславить разум! Значит, дело не в авторе открытия, а в том, кто перехватит огонек знания, высеченный в трудах и муках прекрасодушным ученым. А кто же? Да тот, кто посильнее. А кто же самый сильный, у кого наибольшая власть? У художников или парфюмеров? У ботаников и врачей? У тех кто взращивает, совершенствует, украшает? Н-нет... У других. У тех, кто умеет и любит убивать, потому что именно это право на владение Смертью и дает высшую власть...

- Я просто заслушался, господин Рул. Вы весьма красноречивы и, допустим, до этого момента мне нечего вам возразить. Я понимаю, что мы здесь не за тем, чтобы пускаться в глубинные философские споры о полномочиях Добра и Зла и Божественном промысле. Принимаю, как аксиому, ваш основной тезис: ученый не всегда может нести ответственность за последствия своего изобретения. А следовательно, необходим контроль за ним и осторожность, как с ребенком, заполучившим бенгальские огни... Но я-то, не физик-ядерщик, не биолог, выращивающий сомнительные вирусы. Я всего лишь хирург-косметолог, в лучшем случае - художник, который, как вы сами сказали - силы в этом мире не представляет. К тому же мои теперешние идеи, скорее всего, относятся к области фантастики.

- Никак нет, должен вас обрадовать, - Рул выдержал интригующую паузу. - Профессор

Майер в конце 30-х годов нащупал нечто, способное перевернуть все представления о возможностях воздействия на человеческий организм. И как вы знаете, его изобретение могло попасть в плохие руки. Мы постарались сбить со следа тех, кто охотился за бумагами находившегося в то время в психиатрической лечебнице Майера. Какое-то время все были убеждены, что секрет утерян. Конечно же, научный прогресс нельзя остановить, его можно лишь корректировать. Мы можем до поры до времени "держат за руки" китайцев, тянущихся к атомному оружию и ожидать, когда их политический режим перестанет представлять угрозу для человечества, подчинившись общим законам гуманизма. Мы наблюдаем за наиболее перспективными научными направлениями, незримо оберегая их судьбу от вмешательства корыстных "заказчиков" и "покровителей". Недавно, в поле нашего зрения попали вы. В тот самый момент, когда затеяли свой розыск в Берлине по адресу, указанному в факсимиле Майера и стали интересоваться новыми медицинскими и фармацевтическими технологиями.

Динстлер понял, что имеет дело действительно с серьезной организацией.

- Таким образом, ваша компетентная организация, господин Рул, принимает всерьез и Майера и меня, и в то же время, если принять вашу версию, не доверяет мне, как держателю "взрывоопасного устройства". А если взглянуть на это дело с точки зрения циничного современного делового человека становится ясно, что гуманные "санитары" хотят включить меня с моими предполагаемыми барышами в свою "зону влияния".

- Я понимаю ваши сомнения, доктор. Вы выглядели бы наивными простаком, если бы бросились в наши объятия, не зару

чившись гарантиями "чистоты наших рук". Это характеризует вас как здравомыслящего человека, несмотря на прекрасодушие и ученость.

Сформулирую в общих чертах пункты нашего предполагаемого договора. Пункт первый - защита вас и вашего будущего изобретения. Как бы разумны и предусмотрительны вы не были, вам не удастся нести ответственность за все последствия своих открытий. Вы хотите получить власть над уродством, ущербностью и одарить ею человечество. Вы даже не кутюрье, работающий на элитарную верхушку. Вы хотите сделать красоту ширпотребом - общедоступным, расхожим товаром. Прекрасно. Но ведь с таким же успехом, пользуясь вашим методом, можно продуцировать уродов, можно создавать помимо фальшивых документов - фальшивые лица, производить двойников. Не страшно, если император Хирохито захочет выглядеть как Марлон Брандо, хуже, когда ставленник Коза Ностры окажется в кресле, допустим, американского президента. Следовательно - ваши иллюзии на счет общедоступности метода весьма опасны, ведь речь идет не об удалении бородавок или средстве от облысения.

Второе. Логично предположить, что защита вас и вашего "оружия" должна основываться на строжайшей секретности. Мы помогаем вам - вы же, соблюдая в строгой тайне весь научный процесс, отчитываетесь только нам об этапах его приближения к цели. И только то, что мы одобрим и тогда, когда мы сочтем нужным станет достоянием общественности.

- Стало быть, вы меня покупаете? - уточнил Динстлер.

- В известной степени - да. Мы покупаем право на регулирование последствий вашего изобретения, не входящих в вашу компетенцию. Но мы обеспечиваем вам финансовую поддержку и защиту от дурных влияний: стерильный "колпак", в котором вы можете

спокойно работать, не беспокоясь о проникновении "инфекции".

- Звучит заманчиво и очень сомнительно. Я так и не знаю, кто меня покупает. А от этого, как вы верно заметили, зависит многое. Во всяком случае то, должен ли я сейчас же вызвать полицию или покорнейше благодарить за предложение.

- Вот моя визитная карточка. Рул Феликс, коммерческий директор фирмы "Медсервис". Лондон-Париж-Нью-Йорк. Вы хорошо подумаете и пошлете до четырнадцатого июля свой бланк со словами: "Договор на поставку оборудования для фирмы "Fleche et Escreuil" подписан". А для того, чтобы ваши рассуждения протекали в продуктивном направлении, мы представим вам гарантии, не вызывающие сомнений. Надеюсь на дальнейшее сотрудничество, благодарю за терпение, - Рул проводил гостя. - "Руки не протягиваю до подтверждения ее "чистоты".

Динстлер усмехнулся: - Буду рад убедиться в несправедливости своих сомнений. Но можете не сомневаться, что я не задумываясь подложу ящик динамита под свое любимое детище и под себя лично, если пойму, что работаю не на того хозяина...

4

...Прошло два месяца. Тревога и беспокойство, вызванные встречей в придорожном кемпинге, стали рассеиваться. Динстлер продолжал строительство, убеждая себя, что человек, назвавшийся Рулом, наверняка, сильно блефовал. Во всяком случае факт "санитары цивилизации" больше не давали о себе знать, а дел было невпроворот.

Леже, все больше вдохновлявшийся созданием новой клиники, сильно нервничал и, наведываясь на стройплощадку, давал бесконечные советы по оборудованию медицинских помещений. В качестве персонального вклада он передал Динстлеру двух своих сотрудников, имевших самые лестные рекомендации. Доктор Мирей, двадцать лет проработавший в санатории и квалифицированная медсестра Жанна Асси, недавно овдовевшая, без колебаний перешли под начало Динстлера, получив высокие ставки.

В конце июня пришла телеграмма от Брауна. "Дорогой Йохим, хотел навестить лично, не получилось, дела. Привет от моих друзей Fleche et Escreuil*. Желаю успеха. Остин".

"Вот это да! Что бы это значило на самом деле? Кто этот Сан-Остин-Браун, милейший Данин "Граф Монте Кристо? - размышлял пораженный Динстлер. - Но поскольку на него, кем бы он ни был, я работаю уже давно, а закон чести гласит, что командира в бою не меняют - что же, позволим "санитарам" протянуть мне руку помощи.

На следующий день в "Медсервис" было отправлено письмо с условным текстом.

А через неделю в санаторных апартаментах Динстлера появился визитер коренастый жилистый парень лет двадцати семи с довольно заметной примесью азиатских черт в скуластом лице и шлемом блестящих иссиня-черных волос. Его легкое, бесшумнодвигающееся тело наводило на мысль о суровых тренингах какого-нибудь восточного единоборства. Визитер представился помощником Феликса Рула и передал письмо и счет на крупную сумму. В письме финансовый директор Медсервиса сообщал, что отправил г-ну Динстлеру обозначенное в его заявке оборудование, а также своего сотрудника - квалифицированного инженера Мио Луми для установки и дальнейшего обслуживания этой уникальной техники.

Было очевидно, что миссия Луми выходит за пределы технических обязанностей, но темы этой никто не коснулся - между шефом и новичком установилась негласная связь, взаимное настороженное внимание.

Динстлер рассказал жене о неких спонсорах, пожелавших остаться в тени, но

намеревающихся оказывать поддержку исследованиям и с полной серьезностью потребовал от нее соблюдения секретности.

- У нас работают люди, которых мы не имеем права посвящать в конечную цель эксперимента - ведь никто не может предсказать его последствий. Пойми, Ванда, это очень серьезно, - сказал он, внушительно глядя ей в глаза. - Не один Майер, я думаю, поплатился за "эффект Пигмалиона". Довольно того, что рискуем мы с тобой. Но каждый из наших сотрудников должен знать лишь тот участок, на котором ему придется копать. С завтрашнего дня я, как Синяя борода, объявляю эту комнату и все, что в ней будет происходить, моей личной собственностью, нарушать неприкосновенность которой не может никто. Это касается и тебя, мое сокровище. Только я несу ответственность за все, что бы здесь не случилось. Ты же ничего не знаешь об этом помещении и не вспомнишь о нем ни при каких обстоятельствах, пока я сам, только я сам тебя об этом не попрошу.

Ванда оглядела полуподвальную комнату целиком - от кафельного пола до потолка покрытую блеклой сероватой краской. В ней не было ничего, что могло бы насторожить или привлечь внимание: металлические, наглухо закрытые шкафы с препаратами и обычными медицинскими инструментами фельдшерского набора да несколько рядов клеток, в которых беспокойно сновали белые мыши. Обычная лаборатория, вроде учебной университетской, разве что идеально чистая и с мощными металлическими щитками на небольших окнах, находящихся у самого потолка.

Однако именно здесь, в формалиновой тишине морга, в двадцатипятиметровом бункере, пропахшем мышами, освещенном холодным мерцанием неоновых ламп, станет проводить ее муж многие ночи, забывая о синей, уютной, коврово-бархатной спальне.

В октябре в клинику по рекомендации Леже поступили пациенты, заняв три люкса и две двухместные палаты. Это были претенденты на коррективную возрастную измененную лица и фигуры, составившие "декоративный фасад" "Пигмалиона" и обеспечившие работу основной части ее немногочисленного персонала. Команда Динстлера, занятая исследовательской темой, направление которой оговаривалось весьма смутно, состояла из трех человек - отличных специалистов, полученных правдами и неправдами из разных научных подразделений. Ванда, исходя из заметок Майера, обеспечивала теоретическую базу, а полученные в лаборатории пробирки с кодовыми номерами поступали через нее Динстлеру, который лично пускал их в ход в своей секретной комнате.

После того, как первая партия мышей получила курс инфекций N 1, Динстлер буквально переселился в бункер. Он дремал в большом кожаном кресле - единственном отступлении от строгости лабораторного стиля - и чуть ли не каждый час отлавливал дрожащее тело мышки, пробуя осторожно надавливать пальцами на черепные кости. Но проходили дни, а ожидаемых результатов не было. Он менял режим инъекций, дозировку, наблюдая за поведением зверьков. Мыши среднего режима воздействия проявляли апатию и вялость, но оставались "твердыми", а те, которые подверглись усиленной атаке, едва держались на ногах, погибая на второй или третий день. Динстлер уже не спал несколько ночей, давая биологам все новые задания и чувствуя, как внутри, вопреки рассудку и воли, нарастает паника. Паника проигрыша.

Однажды, убирая мертвых зверьков, он почувствовал нечто странное: под тонкой белой шкуркой, будто в резиновой игрушке, наполненной жидкостью, свободно перетекало содержимое. Продолжая держать добычу, он нажал кнопку селектора и тихо сказал: "Ванда, зайти, пожалуйста, ко мне". По тому, как хрипло и значительно прозвучал голос мужа, она

поняла, куда именно позвал ее Готл.

Он старательно запер за ней дверь лаборатории, встал в центре комнаты, держа на вытянутой ладони белый комочек:

- Смотри - получилось! - и с силой метнул "снежок" на пол, к ногам жены. Она, отпрянула и замерла, увидев, как растекается по кафелю красная лужица. И тут же почувствовала рвотный спазм - теперь на пятом месяце беременности ее часто мутило, а тянущаяся из кровавой лепешки белая ниточка хвоста, мгновенно повергла в темную дурноту.

- Ну что ты, глупышка, - тряс за плечи жену радостный Динстлер, Мы - победили!

Увы, торжество было преждевременным. Кости мышей размягчались, но лишь после того как они погибали в результате неизбежного цирроза печени. Динстлер с удвоенной энергией продолжал поиск, меняя компоненты состава. Биологи пребывали в растерянности, они не знали, что, собственно, ищут, двигаясь вслепую.

Время шло и Ванда видела, как ее муж, еще недавно столь воодушевленный, теряет вкус к битве, погружаясь в глухую апатию. Он перестал бывать в лаборстории, но и клиником не интересовался, взвалив всю ответственность на плечи заместителя - доктора Мирея. Целые дни он проводил у себя в кабинете и отнюдь, как установила Ванда, не за научными изысканиями. Однажды, тихонько войдя в кабинет со стаканом свежего сока, она застала мужа на диване в облаке сигаретного дыма. Он просто лежал, уставясь в потолок слепым взглядом и курил, заполняя горой окурков стильный никелевый кубок.

- Ну что ты здесь куксишься Готл? Ведь у нас все не так уж плохо, Ванда положила ладонь мужа на свой шестимесячный живот. - Чувствуешь - нас уже трое... Я просто не понимаю, что тебя так подкосило - ведь мы заранее знали, на что шли. Было же сразу похоже, что этот "поэт" просто сбрендил... А может, забудем про него, а? Все идет отлично! Есть же работающая клиника, щедрые кредиторы...

Муж посмотрел на нее с такой ненавистью, что Ванда осеклась и поставила на стол стакан апельсинового сока, которым предполагала собственноручно поить захандрившего мужа.

- Да что тут отличного?! Дело ищет к тому, чтобы пустить все это с молотка и кинуться в ноги Леже или твоему Вернеру с просьбой взять меня очередным хирургом. И представь себе - я к этому не готов! Я заразился майеровским "бредом" и все время буквально ощущал, что держу в руках сокровище в ложно-скромной упаковке. Стоит сорвать бумажку - и ты владелец клада!.. Я уже две недели разглядываю потолок и, наверное, скоро высверлю дырку. Я пытаюсь понять - что мы упустили, что не поняли? И вижу только одно - тупик, точка...

Поздно вечером того же дня вернулся из поездки за дополнительными деталями к своему оборудованию Луми и попросил встречи с шефм. Динстлер еще не спал, мучимый бессонницей и головной болью. Продолжать сейчас игру в удачный эксперимент ему совсем не хотелось.

-Завтра, Ванда, передай ему, что все дела - завтра. Новый день новые надежды, - как любила повторять Корнелия... И новое безумие, добавил он зло. Но Луми настаивал и Динстлеру пришлось проследовать в кабинет, запахнув на ходу длинный шлафрок. "Как бы порадовался Дани, увидев меня в таком виде, - бросил он мимоходом ненавидящий взгляд в зеркало. Прямо-таки босс подпольного бизнеса из Лас-Вегаса направляется на экстренную "разборку" с деловым партнером. Дележ притонов..." Он тронул мешки под глазами, объявившееся с тех пор, как Динстлер швырнул в клетку последнюю дохлую мышку, не

пожелавшую выжить.

Луми ждал его в кабинете. В раскосых черных глазах при виде мрачного, театрально завернутого в халат Шефа, мелькнула смешинка.

- Я не стал бы Вас беспокоить, Док, по пустякам, - Луми опустился в предложенное кресло. - Ребята из моей "конторы" неплохо поработали, чтобы протянуть Вам соломинку. - Он достал темно-серую папку с металлическими уголками, застегивающуюся блестящей скобкой. - Видите это тиснение на коже - печать тайной канцелярии Третьего рейха. Не спрашивайте, где и как ее нашли - я не смогу ответить. Но за подлинность - ручаюсь. Смотрите как называется дело - "Крысолов". Это, чтобы вы знали, кличка профессора Майера...

Динстлер раскрыл папку и с этого момента до следующего полудня не замечал ничего - ни ухода Луми и появления озабоченной Ванды, ни рассвета, ни мартовского утра, залившего все окрест ярким, радостным светом, который бывает только в горах в самом начале долгожданной весны. Он сидел за письменным столом, перелистывая пожелтевшие бумаги и ощущая, как наполняется ликованием и жадной деятельной силой его обесточенное унынием тело.

Документы описывали эксперимент Майера с аккуратной дотошностью студента-отличника, исполнявшего, видимо, обязанности научного секретаря. Ошибка в расчетах, допущенная лабораторией Динстлера была простой и очевидной, обманчиво лежащей на самой поверхности. В то время, как лопатил самую глубь. Динстлер хлопнул себя ладонью по лбу: "Ну надо же быть таким идиотом. Да с этими бумагами мы экономим целые годы слепых поисков!"

Биологи, получив точные указания, на следующий же день выдали затребованный Шефом состав. Мышей перевели на необходимый режим инъекций и Динстлер по несколько раз на день уединялся в бункере, хотя результатов действия M1 надо было ожидать не ранее, чем через неделю.

"Если бы ты, Готл, так же дрожал надо мной, как над этими проклятыми мышами, то наш ребенок родился бы красавцем и гением", - думала Ванда, глядя в спину покидающему спальню мужу.

В начале апреля Динстлер, наконец, почувствовал на ладони теплый, мягкий живой комочек. Белая шерстка, казалось, покрывала пластилиновую мышку и его пальцы начали осторожно формировать черепные кости. "Вылепленный" круглоухий, плосколицый уродик типа мини-собачки пикинес не держался на ногах и вскоре подох - очевидно "скульптор" переусердствовал. В воздействии на размягченную ткань надо было соблюдать строгую постепенность и особую тактику, связанную с необходимостью сохранения жизнедеятельности тканей и органов. Очень скоро, экспериментируя с собаками, Динстлер научился быть виртуозно осторожным - его дар "чувства материала" живой ткани, безошибочно давал команду рукам: он всегда знал, когда и до какого предела может пойти. Пальцы чувствовали не только мышцы и держащий их каркас скелета, они "видели" топографическую карту кровеносной и лимфатической системы - со стратегически важными узлами и пересечениями, с ветвящейся сеткой нервных путей, понимали функциональную деятельность каждого органа.

Да, материал был неблагодарный, но мемориальная акция напрашивалась сама собой и через неделю размягченная мордочка оставленного Нелли пуделя Ватте стала обретать черты породистого лица ее случайной владелицы. Да, что-то в этом шарже несомненно,

напоминало Нелли - удлинившийся разрез глаз, горбинка носа и крупный рот, в котором так не хватало привычной сигареты. Впрочем, Динстлер был рад, когда густая шерсть скрыла следы его вмешательства сохранив жизнь собачке. Она безбоязненно могла быть оставлена в доме: дворняга неясных помесей с шерстью болонки, вот и все, что можно было разглядеть в маленьком преданном псе.

Другим собратьям Ватте, прошедшим эксперимент, повезло меньше. Они отправлялись на вскрытие для тщательного изучения возможных последствий произведенного вмешательства. Результаты патолого-анатомических исследований радовали - видимых изменений в тканях выявлено не было. Но что произойдет потом, каковы могут быть отдаленные последствия? Что станет с "переделанным" организмом через год или два? Освоится ли он в измененной оболочке, вернет ли постепенно изначальную форму или зачахнет, не сумев обжить новый "костюм"?

- Это уже задача последующего этапа, регулярной длительной отработки метода и прозорливого профессионализма, сумеющих найти оптимальное решение", - убеждал себя Динстлер, отгоняя мрачные мысли. Ведь он был уже не стартовой прямой, уже напрягся, приготовясь к главному рывку... И только тут понял, каких нечеловеческих усилий потребовали от него два последних месяца. Понял, когда пришел в себя после короткого обморока, случившегося без всяких видимых причин прямо за завтраком. Сидящая напротив над своей неизбежной утренней витаминизированной овсянкой Ванда вскрикнула, звякнула выпавшая из рук мужа чашка, а сам он обмяк в кресле, запрокинув побелевшее бессмысленное лицо.

Через пару минут все было в порядке. Готл вытирал салфеткой кофейное пятно на брюках и улыбался:

- Кажется, пора немного отдохнуть, дорогая. Звони родителям - завтра выезжаем с официальным визитом. И так уже сильно задержались, - покосился он на восьмимесячный живот Ванды.

5

Уж столько раз откладывалась эта поездка, что Ванда перестала верить в ее реальностью. И вот - день на сборы и в путь - надо поторопиться до появления малыша. "Наконец-то! - Ванда распахнула гардеробную выбирая необходимые вещи. - Сколько же здесь всего: модные костюмы, нарядные платья и шубы. Вот только этот живот помешает явиться перед родными в полном блеске. Не беда! Каракулевый расклешенный жакетик вполне сойдет для апреля и выглядит шикарно. Ноги отекли и туфли придется прихватить поудобнее, на небольшой платформе. Да все равно придется сидеть в машине!"

Ванда, несмотря на уговоры мужа воспользоваться железной дорогой, более удобной в ее положении, настояла на автомобильной поездке: она должна была подкатить к своему провинциальному дому в красном сияющем "мерседесе". К тому же маршрут путешествия предполагал визит к семейству Дювалей, живущих в доме Полины с пополнением - трехмесчным Жанн-Пьером. Вообще-то крепышка Ванда беременность переносила легко и предстоящих родов не боялась. Токсикоз, мучавший на первых месяцах, прошел и теперь ей приходилось прятать от мужа сладости, неумеренная страсть к которым стала мучить ее, особенно по ночам.

Утро отъезда выдалось великолепным. Готл был бодр и весел, персонал клиники с облегчением вздохнул, провожая на отдых неутомонного шефа. Ватте визжала и прыгала, пытаясь проникнуть в автомобиль, но была решительно отброшена лаковым носком

вандинового туфля.

Они отбыли вдвоем - счастливые и преуспевающие - в свое первое путешествие. Ванде доставляло удовольствие подмечать уважительные или завистливые (как ей казалось) взгляды, которым провожали их автомобиль в придорожных "быстро" и на бензоколонках владельцы подержанных развалин. Она чувствовала себя шикарной и очаровательной, кутаясь в тонкий мех и искоса бросая взгляд в зеркальце под лобовым стеклом, где в голубовато-зеленом мареве убегающего ландшафта отливали платиной отражения ее безупречно уложенные, залаченные завитки.

Готл долго щелкал ручкой радио, шаря в многоголосом эфире, пока не выудил мелодию "Strangers in the night..."

- О, это мой любимый "Путник в ночи!" Обожаю Френка Синатра! разомлев от удовольствия Ванда полулежала на откинута сидении мчавшегося к побережью автомобиля

...Поместье Дювалей, залитое полуденным солнцем, производило все то же идиллическое впечатление. Возможно, от акварельно зеленеющих холмов за спиной сказочного домика или безмятежной голубизны далекого моря, отчертившего полгоризонта. Огромные почки каштанов едва начали распускаться, а на газонах, казавшихся просторными из-за прозрачного едва опушенного листвой кустарника, щедро цвели кустики маргариток и примул. На лужайке у дома в стайке

желто-белых нарциссов стояла детская коляска, а ринувшаяся от нее к прибывшим юная женщина с подвязанным на затылке темно каштановым "хвостом", в белом грубошерстном жакете и узеньких джинсах, была, конечно, Сильвией. Женщины обнялись, расчмокались и защебетали, направляясь к пронзительно заверещающей коляске, и Динстлер на мгновение замер, увидев выросшую на пороге дома фигуру. Так же, как некогда Полина, на трехступенчатом пьедестале крыльца в темной раме дверного проема возвышался Дани - блистательная скульптура олимпийца, сжимающего в поднятой правой руке бутылочку с соской - символ неугасающего жизненного огня. Отсалютовав таким образом другу, Дани довольно рассмеялся.

- Вот, сам видишь, старик - передаю эстафету вновь прибывшим.

Малыш в коляске жадно ухватил ручонками бутылку и зачмокал, изучая окружившие его лица блестящими черными глазенками. Эти крохотные ручки были совсем настоящими, с ноготками и подробной выделкой малюсеньких пальчиков, а на высоком лобике под черными завитками, выбившимися из-под капора, удивленно поднимались темные= четко выписанные бровки.

- Смотри, смотри, Готл, прелесть какая - ресницы длинные, черные и загнуты, как у куклы, и эти кудряшки! - подталкивала мужа к ребенку Ванда. Готл удовлетворенно кивнул: приятно было сознавать, что через месяц у него будет такой же малыш, что они сейчас с Дани на равных.

- Хорошо! - он обнял Ванду за плечи и та нежно прижалась к нему огромным тяжелым животом.

Обедали впятером - к столу подкатила на своем кресле Полина, последнее время хворавшая, но все так же выдерживающая форму. В ее героическом старании сохранить привычный облик, в этих серебряных, хорошо подстриженных волосах, в стареньком, хранящем следы ухода лице, в кремовом кружеве высокого воротничка, сколотого крупной камеей, была своеобразная гордая красота - красота уважения к себе и ближним, сила характера, не поддающегося издевкам разрушения.

- Рада видеть вас, Йохим. Вы здесь всегда желанный, но редкий гость. А ведь живете теперь поблизости - по европейским меркам мы почти соседствуем. И рада приветствовать вашу жену... Знаете, детка, - обратилась Полина к Ванде. - Я знакома с вашим мужем давно. Он так возмужал за эти годы...

- Да что ты, бабушка, как уж там "давно"? - удивленно прикинул Дани. - Еще и трех лет не прошло с тех пор, как я изображал Делона и мы очертя голову гнали из Австрии на моем молоденьком тогда "рено"!

- Да, всего три года, а сколько воды утекло! - вздохнула Полина. - Я теперь богачка - у меня Сильвия и Жан-Пьер. А вот Мари в клинике уже с осени и пока... Магазин пришлось взвалить на Дани, теперь он "мадам Дюваль"... И что бы вы думали? - Он прекрасно справляется, я бы дала ему пальмовую ветвь за лучшее исполнение женской роли!... Да, приобретений много, но и потери большие. Вы, Йохим, наверное, слышали, Александра Сергеевна Грави умерла. Вы, кажется, были близки с ее семейством? Мы ведь почти ровесницы. Но уж очень ей тяжело пришлось в последние годы, все эти беды с внучкой...

- Ну что ты, бабушка, все о грустном. Смотри - мы жуем и процветаем, мужаем и размножаемся! - прервал Полину Дани, метнув испуганный взгляд на друга. Но тот лишь на миг оторвался от тарелки, пробормотав по поводу смерти бабушки Алисы что-то вроде формального: "жаль, очень жаль..." И все - проехали! Он не обратил внимания на упоминание об Алисе, не заметил, как пару раз запнулся на привычном "Ехи" Дани, поспешно заменив его шутливым "профессор". Он и не почувствовал, какими глазами смотрел вслед удаляющимся гостям его друг.

- Ты что, Дани, насупился как Жан-Пьер - плакать что ли собираешься? Давайте, ревите, парни, вместе! - сунула Сильвия мужу захныкавшего малыша. - Да счастливы они, счастливы! Смотри, как обнялись! Но губы Дани подозрительно дрожали.

- Больно как-то, а почему - не знаю. Не знаю я, Сильвия, теперь ничего не знаю! И человека этого, крепыша-победителя там в "мерседесе" - не знаю!

... Конечно, молодая чета провела день в Париже, остановившись в отеле "Бристоль" и постаравшись за это время ухватить самые яркие приманки, которые подсовывает туристам знаменитый город. Они поднимались на Эйфелеву башню и прошли по Монмартру, видели Нотр-Дам и посетили чуть ли не все магазины на Рю Лафайет и Буасси д'Англас. Ванда закупала подарки для всего своего многочисленного семейства. "Вещи должны быть совсем не нужные, а просто "шикозные" - милые дорогие парижские пустячки", - утверждала она, освоив роль богатой родственницы. Бархатный "клубник" с эмблемой Кордена для отца, шелковый шарфик ручной росписи и крохотная сумочка "от Нины Ричи" для матери, духи, перчатки и браслет с литыми медальонами парижских достопримечательностей - сестре, да куча маек, игрушек и значков для "малышей".

Ванда увлеклась посещением магазинов.

- Ничего, ничего, Готл, я ведь здесь впервые. Ты тоже, кажется, в Париже не был? Может задержимся еще на пару дней? -- робко предложила она откровенно скучавшему мужу.

- Ну уж - нет! - отрезал тот. - "Во-первых - я ненавижу магазины. Во-вторых - я бывал здесь. Как-то по случаю, на Рождество. И вообще, честно говоря, вредно тебе столько топтаться на сносках".

...Корнелию решили не навещать и прямо покатили к Леденцам, уже два дня томящимся в ожидании.

Что за удовольствие получала Ванда от этой поездки! Она въезжала в свой городок победительницей - она вырвалась, выстояла, утерла нос! Очень жаль только, что не удалось уговорить мужа проехать через Грац. Уж там-то, наверняка, знакомые лица, на каждом углу: удивление, всплеск ладоней: "Ванда! Ты ли это? - Потрясающе!" Сколько раз воображала она, как под руку с супругом-знаменитостью попадет-таки на коктейль к Мици, или Алексу... или Вернеру? Нет, лучше, чтобы все они собрались вместе в обстановке высшего светского протокола - вечерние платья и "бабочки", тихая музыка и лакеи с шампанским. А дворецкий объявляет: "Господин и госпожа Динстлер!..." Полная тишина и появляются они в центре почтительно-завистливых взглядов, потому что и пресса и телевидение все время только и говорят, что о сенсационном "эффекте "Пигмалиона"... А среди гостей - обязательно Вольфи Шерер, отправивший ее тогда из Швейцарии обратно в Грац, словно ящик с посылкой... Все это уже не мечта, а почти реальность - лишь руку протянуть!

"Мерседес" несся той же дорогой, которой не так уж давно в компании небрежного Алекса и блеклого Йохима ехала на студенческий пикник пробивная провинциалка. Вот она теперь - в дорогой шубе и ворохе подарков, прямиком из Парижа. С огромным животом и новым изумрудным колечком, только что купленном на знаменитой Буасси д'Англас заботливым мужем: законная жена, хозяйка большого дома, соратница и компаньонка выдающегося ученого - она вырвавшаяся-таки из нищеты Ванда!

...Дом Леденцев, заново оштукатуренный и подкрашенный, выглядел все же маленьким и неказистым. Скрывавшие его летом абрикосовые деревья еще не зацвели, открывая взгляду невзрачные постройки. Вдобавок слева, вместо любимого сада выросло какое-то строение, по-видимому, гараж.

У калитки приезжих встречало празднично принаряженное семейство. Женщины - мать и старшая сестра Берта с дочкой на руках - в ярких кримпленовыми платьями, отец и зять - муж Берты - одели ради такого случая новые шляпы, а шестнадцатилетний Питер выглядел полным "ковбоем" - от джинсового костюма до остроносых рыжих ботинок с каблуками и бляхами. Охали, ахали, целовались, осматривали "мерседес", перетаскивали коробки с подарками и чемоданы и вдруг засуетились, торопя молодых к столу.

Самая большая в доме комната, служившая гостиной и столовой в торжественных случаях, была приведена в полное праздничное великолепие. Новая, полированная мебель, заменившая деревенские буфеты и шкафы, свидетельствовал о росте благосостояния семьи, как и большой телевизор, отдыхающий под кружевной салфеткой.

Пока Ванда раздавала подарки, Берта, накинув ее меховой жакет с наслаждением крутилась перед зеркалом. "А мне-то шубка больше идет, правда, Ванда?" - кокетливо посмотрела она на молчаливого "своика", как говорят, известного профессора.

- Вещь дорогая, сними дочка, а тот тут гвозди вокруг, - деланно озабочилась мать, прикидывая парижский шарфик. - Лучше бы пару отрезков кримплена привезла с французским рисунком. Наша булочница Вальнер ходит павой - на всю грудь Эйфелева башня сфотографирована! Представляешь - все прямо шеи сворачивают! Ты же видишь, Ванда, на мою фигуру в магазине модной вещи не подобрать - а еще хочется пощеголять под старость. Ведь я еще ничего! - Она кокетливо выпятила массивную грудь, демонстрируя подвязанный бантом французский шарфик.

Фрау Леденц - приземистая женщина-работяга, нарожавшая и вырастившая четырех детей, несмотря на свою трудовую беспокойную жизнь весила больше, чем какая-нибудь бездельница-матрона, возлежащая на пуховиках в окружении соблазнительных деликатесов.

- Ничего не поделаешь - наследственность! Наша бабка была еще толще в дверь боком входила. А вот Берта и Ванда - в отца - стройненькие. Только Питер богатырем растет - уже выглядит как двадцатилетний". Краснощекий увалень-толстяк отдаленно напоминал гимназического Пердикля, чувствовал себя= однако= не слабоком-беделогой, а громилой-силачем и смотрел по-взрослому прямо и бойка. Самый младший брат Ванды, подававший интеллектуальные надежды, учился в городе, в частной школе - благо теперь родители могли позволить себе такую роскошь. А все спасибо Мартину - мужу Берты, выстроившему в кредит гараж на месте абрикосового сада и успешно перехватившего ремонтную инициативу у местных конкурентов.

Родители были довольны положением Ванды, отшучиваясь по поводу ее живота и явно хотели понравиться зятю.

- Ведь я еще, когда вы впервые сюда заявили с компанией студентов, углядела, что ты за моей Вандой ухлестываешь! Все ходил кругами вокруг да около= - подмигнула зятю фрау Леденц. - И как все складно вышло - работаете вместе и дело общее, и внучка мне скоро подарите. А этот-то, ваш, ну что приезжал тогда, сынок богатый - хребет сломал. Недавно в газетах фотографию видела. Перевернулся в машине, наркотики применял, что ли. Но его отец, видимо, всех купил - такую кашу заварил в защиту сынка. На картинке в газете он в кресле инвалидном и жена с двумя ребятишками за спинку держатся!

- Ты что, мам, у Алекса - жена? - удивилась Ванда, не забывшая о гомосексуальных наклонностях бывшего кавалера.

- Ну да, и мальчишки мал-мала. Вот как наша Клерхен, - фрау Ледец притянула к себе нарядную внучку. - Ну что, кукла, пойди, угости дядю Йохима конфеткой!

Трехлетняя девочка с капроновым бантом в жиденьких, коротко стриженных волосиках, в пышном нейлоновом платьице а ля принцесса, потопала к гостю, держа в кулаке тающую шоколадку. Она смотрела хмуро, насупив лоб и явно хотела поскорее скрыться в объятиях матери. Но Ванда подтолкнула племянницу к мужу, стараясь разжечь детолюбие будущего отца. - Иди, иди, посиди у дяди на коленях - он добрый, вон какого гусенка тебе привез!

Клара вдруг улыбнулась, ринулась к дивану и ухватив игрушку вместе с ней вскарабкалась на колени к гостю.

- Ну вот, Готл, ты прекрасно смотришься, просто прелесть! А ведь хочется уже такого? - заулыбалась идилической картине Ванда. Девочка протянула руку и сняла с дяди очки, пытаясь их приспособить себе на нос. Все умиленно захихикали. Он сидел сжавшись, замуравов глубоко внутри рвущиеся наружу брезгливость и негодование. И боялся пошевелиться казалось одно движение, слово - и темные чувства прорвутся, затопив горячей лавой простоватую доброжелательность этих людей. Его мутило от розовой кожи, просвечивающей на затылке девочки под жиденькими волосками, от ее липких, вымазанных шоколадом ладошек, от запаха каких-то каш или штанишек. А главное - от ужаса: блеклое, невыразительное лицо с размазанными чертами, с бледно-голубыми глазами, почти лишенными ресниц и бровей - было лицом Ванды, а значит и того младенца, что барахтался сейчас в ее необъятной утробе!

Только теперь Динстлер отчетливо понял, что никогда не будет отцом Даниного черноглазого малыша. Они с Вандой обречены плодить себе подобных этих блеклых, рыхлых, второсортных человечков!

попытался было напиться в компании тестя и свояка, попробовал исподволь понаблюдать за играющей Кларой, разжигая в себе симпатию и жалость - напрасно. То, что не давало ему покоя, что заставляло вновь и вновь беречь открывшуюся рану, было похоже на оскорбление: его, Динстлера загнали в угол, принудив воспроизводить бракованную, низкосортную продукцию. "Но ведь Ванда дорога мне, какой бы формы нос не имела. Она близкий человек и если даже наберет вес до своей наследственной нормы, именно с ней я буду делить жизнь - все мои проблемы и радости, - урезонивал он себя, гоня автомобиль восвояси. - И ведь сделал ее не я! Я бы отрубил себе руки, если бы "вылепил" этот отвислый подбородок, прямым переходящий в шею, этот ватный нос...", - зло косил он на маячащий справа профиль жены. - А следовательно, согласно твоей теории, Пигмалион, тебя следовало бы кастрировать, потому что именно ты сделал то, что скоро явится на свет из этого живота"

Прибыв домой, Динстлер, не переводя дух ринулся в свой виварий, потом долго с кем-то созванивался, запершись в кабинете с Луми, а через два дня в бункере, переоборудованном под спальную комнату, появился мальчик. Ночью его тайно доставил в клинику Луми и с величайшими предосторожностями препроводил в подвальную комнату. Это был четырехлетний урод, брошенный в приюте нищими родителями. Признаки хромосомного нарушения, именуемого "синдромом Дауна", были выражены в крайней степени тяжести. Мальчик не только имел характерную огромную голову с заплывшими щелочками глаз, ввалившейся переносицей и слюнявый, не закрывающийся рот идиота, его тяжелая умственная патология не оставляла никаких надежд на хоть какое-то улучшение. Мальчик не понимал простейших команд, испражнялся под себя и не мог принимать пищу без посторонней помощи.

"И что же в нем человеческого? Разве что неведомая душа, замурованная согласно какой-то кармической задумке в этой увечной оболочке?" - думал Динстлер, глядя на спящего с открытым ртом уродца.

- Вы надеетесь, шеф, что отсутствие внешней и внутренней человекообразности этого ребенка освобождает вас от нравственных сомнений? - угадал его мысли Луми. - Нет сомнений, что эта врожденная патология необратима. Но вы должны отдавать себе отчет: с этой минуты вы действуете вне закона. Вне юридических и гражданских прав, защищающих личность. Даже такую... Я знаю, что в избранном вами деле это неизбежно всякий, пробивающийся за границы возможного - нарушитель. И это не останавливает ни безумцев, не гениев. Благодаря которым, честно говоря, мы сегодня пользуемся многими цивилизации.

- Не утруждайтесь аргументацией, Луми. Законность моих действий меня мало волнует - в этом смысле я абсолютный циник. Если не я, то другой с неизбежностью пройдет этот путь. Возможно, менее удачно, потому что я, согласитесь - феномен. Кроме того - я имею "страховку" с вашей стороны, освобождающую меня от забот о последствиях. Вы даже не представляете какое блаженство - перевалить на ближнего груз собственной ответственности, усмехнулся Динстлер.

- Не стесняйтесь, шеф, наши плечи достаточно крепкие. Вперед - без страха и сомнений! ...А я буду рядом, - пожал протянутую Динстлером руку Луми.

И Динстлер с головой ушел в целиком захвативший его эксперимент. Ни есть, ни спать, ни обращать внимание на движущуюся к девятимесячному финишу жену ему было просто некогда. Он лепил Пэка.

- Да, это человек! Это все же - человек! - замирал от захватывающего дух восторга Динстлер, формируя мягкие податливые кости в то время, как мальчик, названный Пэком,

безмятежно лежал в его руках, усыпленный наркотиком. Лесной дух шекспировской сказки "Сон в летнюю ночь" мальчишка - Пан, задира и весельчак, выходил из-под чутких рук скульптора. Динстлер двигался осторожными шажками, опасаясь повредить мозговые ткани. День за днем он добавлял к "поттрету" по маленькому штриху, удерживая себя от опасности увлечься. Наконец он признал - готово! Можно переходить на М2.

Как раз в этот момент прозвучал звонок: "У мадам Динстлер схватки" сообщила ему счастливая медсестра. Из го

рода срочно прибыла по предварительной договоренности опытная акушерка и Ванда в комфортабельном люксе собственной клиники, оснащенной необходимым медоборудованием, благополучно разрешилась четырехкилограммовой девочкой. Ребенок яростно кричал на руках медсестры, протягивающей красное сморщенное тельце обескураженному отцу. Динстлер, часами просиживающий у кровати "закрепляющегося" Пэка, подоспел как раз вовремя. Ванда счастливо улыбалась, поправляя на лбу влажные от пота кудряшки.

- Вот нас и трое, Готл. Мы и наша Лионелла, Нелли! Чудесное имя, правда?

- Только не это, дорогая. Мы еще подумаем. Выберем что-нибудь красивое или знаменательное, можно - сказочное. И знаешь, милая, только не пугайся, но нас не трое, а, кажется, четверо! - не удержал счастливого признания Динстлер.

На следующий день он отвел еще слабую жену в бункер и легонько подтолкнул к кровати. Ванда приблизилась и Динстлер жестом одновременно торжественным и нежным сдернул одеяло со спящего ребенка.

- Кто это?! Боже! - растерянно вглядывалась Ванда в лицо младшего гнома из диснеевской "Белоснежки": высокий лоб, забавный курносый носик и большие приоткрытые, будто улыбающиеся губы.

- Славный, правда? Так трудно было работать с этими глазницами и височными костями! Я сейчас все тебе расскажу по порядку... Но, кажется, тебе надо прилечь... - поддержал пошатнувшуюся жену Динстлер.

Ванда, разделив, как могла, радость мужа, с увлечением ушла в свое материнство. Девочка, названная Антонией просто потому, что имя "Тони" было заготовлено для предполагаемого сына, выглядела здоровенькой и все время хотела есть, так что уже на четвертом месяце ее пришлось прикармливать. Ванда была довольна - муж, окрыленный удачей, творил чудеса - он вновь занялся клиникой, блестяще прооперировав двух пациентов-подростков с врожденными аномалиями лица, переоборудовал стационар, отделив два "люкса" от основной клиники так, чтобы они получили особые выходы в сад и в лечебное отделение.

Рабочие в саду разравнивали площадку под теннисный корт и несколько раз поутру Ванда заставляла мужа в тренажерном зале - он усиленно качал мускулатуру. Молоденькая санитарка, взятая специально для ухода за трудными больными, регулярно выводила в садик мальчика, страдавшего врожденной психической аномалией и якобы направленного в клинику для попытки терапевтического лечения. Малыш нелепо болтался на кожаных помочах, застегнутых под грудью, предпочитая двигаться на четвереньках, подбирая с земли и засовывая за щеку камешки и стекляшки. Он признавал только Динстлера и даже реагировал на имя Пэк, когда оно звучало из его уст. Вечерами, когда Динстлер позволял себе отдых, устраиваясь в шезлонге на полянке, развернутой прямо к Альпийскому пейзажу, санитарка приводила Пэка и мальчик возился в траве у ног доктора в компании белой

болонки, всячески старающейся привлечь внимание хозяина. У всех, кому доводилось наблюдать эту картину, наворачивались слезы: просто невозможно было равнодушно смотреть на очаровательного малыша, игрушечное личико которого так редко озарял слабый проблеск сознания. Вагге, оценив свое умственное превосходство, демонстрировала службу: подбирала игрушки мальчика, вспрыгивала на колени хозяина или послушно забивалась под кресло, повинясь команде. Она ревновала Динстлера к Пэку, но никогда не кусалась, даже когда неловкие руки идиота причиняли ей боль.

Профессор чувствовал себя все уверенней. За полгода, последовавших после удачи с дауном, через его руки прошло три человека, попавшие в клинику от Феликса Рула. Они вовсе не были уродами, но большие фотографии чужих лиц служили Профессору эталоном, по которому он вылепливал новый облик своих пациентов. После первой такой операции, занявшей более месяца, из клиники Динстлера уехал темный негр с измененными чертами лица - на взгляд европейца - измененными незначительно. Это был первый опыт работы с "особыми объектами", присылаемыми организацией Рула.

Пациенты Рула помещались в отдельных люксах, где с ними по ночам "работал" Динстлер, покрывая на день лицо бинтами - что выглядело как последствия обычной операции. Приходилось прибегать и к другим уловкам, но с помощью Луми и Жанны, посвященной в полуправду, все-таки удавалось скрывать от персонала клиники истину. После удачного завершения мистификации с первым пациентом, Динстлер понял, что принял участие не в простой подмене. Луми молча положил перед ним газету с портретом некоего африканского лидера, резко переменявшего свой политический курс. То, что бывший людоед и тиран вдруг пошел по пути гуманизма и демократии приписывали удачному влиянию американских политиков или воздействию религиозной секты. Произошли же чудесные метаморфозы в результате автокатастрофе, после которой, собственно, легко пострадавший премьер, стал другим человеком. Мало кто знал, что это образное определение имело вполне реальный смысл.

- Я удовлетворен, Луми - мои руки помогли делу мира и прогресса. Но... ведь мы же знаем, коллега, что последствия нашей деятельности пока непредсказуемы. Возможно, честнее просто "зарезать" своего пациента, чем обречь его на неизвестность, - размышлял Динстлер.

- Честнее, но малоэффективней. Для прогресса, естественно, улыбнулся Луми. - Не тревожьтесь, шеф, эти люди знают, на что идут. Они готовы пожертвовать значительно большим чем жизнь, если бы располагали, конечно. Это не наемные исполнители - это идейные камикадзе. Жертва во имя идеи манит и окрыляет их.

Слова Луми касались и двух следующих пациентов - мужчины и женщины, прибывших к Динстлеру с аналогичной задачей - приобрести сходство с неким анонимным фото. Женщина уже не молодая, но очень красивая с породистым лицом кинозвезды 30-х годов, привезла даже видеоролик, на котором любительской камерой был снят ее "донор" (как условно называли они прототип будущего двойника) - полная, некрасивая домохозяйка, окапывающая и поливающая розы возле своего дома. Они все оглядывалась и улыбалась в объектив, сверкая очками и обнажая безупречные зубные протезы.

- Неужели вы хотите жить в таком теле, мадам? Подумайте хорошо. Ведь она тяжелее вас килограмм на двадцать, а рябинки на коже, фальшивые зубы... А само лицо! Это же варварство. Я просто не могу портить ваши черты - они безупречны, - запротестовал Динстлер.

- Нет, док, я хочу жить не столько в этом теле, сколько в этом доме. Пленка черно-белая, и вы не обратили внимания на цвета - дом-то Белый", многозначительно улыбнулась мадам, показывая на застывший на экране стоп кадр. Впрочем, это шутка.

...Динстлеру было интересно работать, других способов заполучить пациентов для эксперимента у него не было. "Вот тебе, Пигмалион, и подпольный бизнес. Не зря мне Лас-Вегас за этим шлафроком мерещился", думал он, облачаясь в мягкий велюровый халат. В ванной плескалась вода и голос Ванды упоенное выводил леграновскую "Lave Story".

Девочка спала в отдельной комнате с няней, чтобы не тревожить покой и без того переутомленного Профессора. Ванда обрела прежнюю форму и даже из ванны появилась в домашних туфельках, состоящих из пухового помпона и высокой деревянной "шпильки". Ее несколько обижало отсутствие у мужа всякого интереса к дочери, но это бывает, пока малыши немного не подрастут. В остальном же ее Готл был вне всякой критики и она никогда не позволяла себе домашней расхлябанности, принятой в доме Леденцев - всех этих замызганных халатов, стоптанных шлепанцев и мелкой неряшливости. Муж заметил, что готовясь ко сну, Ванда причесалась и даже немного подвела тенями веки. Кружева пеньюара едва прикрывали отяжелевшую грудь и дурманящее облаком пряных духов окутывало соблазнительницу. - Я видела тебя сегодня в спортзале, дорогой, большие успехи. Пигмалион не может быть хлюпиком и аскетом. Ему дает силу сверхчеловеческое жизнелюбие, - Ванда села на кровать так, что пеньюар распахнулся до бедра, показывая загорелые крепкие ноги. - Смотри-ка, - она оттянула носок с белым помпоном и задрала ногу, - это наш новый кварц "Филлипс" - потрясающий экваториальный загар.

Но Готл выглядела отяжелевшим и абсолютно невоспламеняемым.

- Ты что, прошел противопожарную обработку? Можно на елку вывешивать? - удивилась Ванда, уже привыкшая к трудовым успехам мужа в работе и отдыхе.

- Ванда, ты видела мою Мадам? Она завтра выписывается...

- А что, есть претензии? По-моему, отличная получилась гримза, ничем не лучше "донора".

- Именно - гримза! Я ведь не этого хотел, вспомни. Совсем, совсем другого. Я представлял, что в моем парке, как в Эдемском саду будут прогуливаться безупречно прекрасные люди, готовясь к новой жизни, без унижения и комплексов. Я даже воображал себя лауреатом какой-нибудь необычайно престижной премии, основоположником сети "салонов счастливых преобразений" по всеми миру... Такая розовая голливудская мечта. Кажется, я и не заметил, как похоронил ее...

- Ну вот еще, рано панихиду заказывать. Ты работаешь - оттачиваешь метод, пробуешь - без этого все равно никуда не деться. И еще вместо тюрьмы за такие делишки получаешь деньги. А зачем тебе знать о дальнейшей судьбе этих людей? Ты же не заразил их раком и не сделал этими... как их роботами!

- Ты всегда говоришь немного не о том, но так убедительно, что я забываю, что, собственно, хотел услышать. Наверное, это у нас такая получилась игра - я подставляю больное место, зная, что получу удар по здоровому. Что, собственно, отвлекает

- оттягивает боль.

Ванда заметила, что муж несколько расслабился и воспользовалась моментом.

- Милый, - игриво промурлыкала она, протягивая руку. - Вот сейчас сам, чтобы я опять не ошиблась, покажи то самое "здоровое место", по которому я могу точно ударить...

А через несколько дней Динстлер пропал. До вечера никто его не хватился и лишь поздно ночью обеспокоенная Ванда рискнула воспользоваться селектором бункера. Но и там никто не ответил. Она обошла дом, допросила дежурного врача, но с того момента, как после завтра Динстлер, предупредив, что ненадолго вызван к Леже, отбыл из клиники, его никто не видел. Почуввав неладное, Ванда дозвонилась Арману. Профессор, разбуженный после тяжелого рабочего дня долго не мог понять с кем говорит и категорически заверил, что не только не видел уже три месяца Динстлера, но и не планировал такой встречи в ближайшем будущем.

Через три минуты в кабинете шефа появился вызванный Вандой Луми. Женщина дрожала, тщетно кутаясь в тонкий пеньюар, на перепуганном лице, блестел слой ночного крема. "Инженер" понял все с полу-слова и попросив Ванду сохранить пока инцидент в тайне, исчез.

Весь следующий день она оставалась в спальне, сказавшись больной и сообщив заместителю Динстлера о внезапном деловом отъезде шефа на симпозиум. Она не позвонила в полицию и боялась включить телевизор, представляя ужасающие сообщения в сводке дорожных происшествий. Она не хотела никого видеть, опасаясь выдать свою тревогу или проговориться. Ванда молилась святому Флориану, о котором не вспоминала последние двадцать лет: она просила вернуть ей Готла.

Мио Луми подкатил к дому на незнакомой машине и вместе с ним, уставший и слегка озабоченный, как и полагается участнику скучного научного собрания, появился Динстлер.

- Спокойной ночи, Док. Мне кажется, жена нуждается в вашем обществе больше меня. Отдыхайте, а завтра нам придется обо всем серьезно поразмыслить.

...После того, как Ванда, наконец успокоилась, выдав душераздирающий монолог из упреков и страстных признаний, Готл занял "трибуну". С видом матерого "босса" он расположился в кресле-качалке: небрежная поза нога на ногу, тонкая ароматная сигара, каменное лицо бывалого пройдохи.

- Дело в том, крошка, что все твои попытки уложить меня на лопатки, абсолютно беспомощны. Ни разу не было даже "тепло": ни тайных свиданий, ни секретного гешефта, ни "закидонов" капризного гения, как ты предполагаешь, у меня нет. - Он выдержал паузу, пуская дымовые кольца и наслаждаясь любопытством Ванды. - Меня элементарно похитили! И если бы ни Луми, возможно, я навсегда исчез бы из сюжета твоей жизни, а может, из этой страны вообще.

- Господи, Готл, не понимаю - чему ты радуешься? Ты сообщаешь такие страшные вещи с видом человека, получившего Нобелевскую премию! взвизгнула Ванда.

- Да, именно. У меня такое чувство, будто мне оказали высокую честь, признали мои заслуги и так далее. Вот эту голову - он постучал по лбу пальцем - оценили по-крупному. Тебе и не снилось, детка. И это не шутка!

Увы, это, действительно, было всерьез. Из рассказа мужа Ванда узнала, что вызов к Леже оказался ложным, "мерседес" Динстлера был остановлен в глухом месте дороги и Профессор, вежливо, но настойчиво извлеченный из машины. Затем его с завязанными глазами переправили в неизвестное место, где некой представитель весьма влиятельной организации заявил об осведомленности подпольной деятельности "Пигмалиона" и предложил сделку. Динстлера покупали вместе с клиникой, либо отдельно и обещал переправить в любую, указанную Динстлером на карте точку земного шара и предоставить все, необходимое ему для работы.

- Ванда, мне сулили золотые горы, не скрывая, что в случае моего отказа, применят силу. Признайся - это очень лестно чувствовать себя "зоолотым тельцом".

- Бараном, чудак, которого чуть-чуть не зажарили. Ты просто бравируешь своей храбростью, однако, если бы не этот кореец (так Ванда называла Луми) - быть бы мне уже веселой вдовой с ребенком на руках и кучей долговых обязательств. Неужели ты не понимаешь, что твое отношение ко мне оскорбительно... - Ванда сжала кулачки, глотая слезы.

- Не надо, перестань, милая, ведь я просто стараюсь тебя ободрить. Я знаю - ты волновалась, да я и сам, признаюсь, струхнул. Правда в этом было что-то такое... Ну, театральное, что ли, несерьезное. Наверное потому, что мне так ни разу не двинули по зубам - опять-таки благодаря "корейцу". Вот он - малый хоть куда! Спас меня! Тут-то я понял, что значит настоящий профессионал - я и глазом не успел моргнуть, а мои стражи лежали в параличе, предоставив своему боссу возможность самостоятельно выкручиваться. Я лишь слегка придержал его, а Луми сделал укол - сейчас этот дьявол-искуситель, наверное, еще дремлет...

- Готл, ты что-то привираешь. Накрутил целый криминальный роман и уж очень наивно. Я перестаю верить всей этой истории, - растерялась Ванда.

- Ну и зря. Простые вещи порой более невероятней, чем самая крутая фантастика. А невероятное оказывается совсем простым... Представляешь это невероятно - но я так и не раскололся. Валял дурака, отрицая всякую причастность к делу Майера, просто дурил, как в гимназическом капустнике...

- И ты хочешь сказать, что они поверили? Что-то у тебя не сходится. Либо это, действительно, как ты сказал "влиятельная организация", либо это...

- Разумеется они не поверили! Им известно даже о Пэке. И они обязательно достанут меня... - отбросив сигару, Динслер спрятал лицо в ладонях меня. - Отныне я буду просыпаться в холодном поту от малейшего шороха за окном, я буду видеть в каждом моем сотруднике шпиона и врага, я буду объезжать этот чертов участок на шоссе... Либо... Я сожгу эти проклятые бумаги и удеру с тобой куда-нибудь подальше...

...Разговор с Луми, происходивший на следующее утро на "альпийской лужайке", оказался более серьезным, чем кокетливая пикировка с женой. Произошло именно то, о чем смутно предупреждал Рул - к открытию Майера и его научному преемнику тянулись "грязные руки".

Вкратце они с Луми наметили план дезинформации, должный сбить с толка преследователей и для осуществления которого "корейцу" предстояло получить поддержку своей "фирмы". Прежде всего место Пэка должен занять его "дублер", прошедший обработку путем традиционного хирургического вмешательства, а все архивы, препараты, да и сам Динстлер, возможно, "раздвоиться", т.е. обрести дубликаты, предназначенные "на продажу". Все это, конечно, потребует времени, пока же, во избежание новых непредвиденных случайностей, "покупателям" надо подать знак, что Динстлер стал более сговорчив. Сделать это очень просто - стоит лишь вычислить канал утечки информации из клиники и умело воспользоваться им.

Начали, естественно, с Жанны и сразу попали в цель. Как-то в ее присутствии, подначиваемый Луми, шеф "разоткровенничался", признавшись, что не в силах больше работать без средств и могущественного прикрытия, намекнул на сделанные ему кем-то, но сорванные Луми заманчивые предложения. И то, что примерно через полгода завершив кой-

какие изыскания, намерен покинуть клинику и, возможно, страну, имея в рукаве козырную карту. Крючок с наживкой был заброшен.

Вечером возле отдыхающего в обществе Пэка и Ватте шефа появился Луми и протянул ему какую-то бумагу.

- Вы уже поняли, Док, я должен исчезнуть. После шумного скандала в присутствии Жанны, разумеется.

Динстлер опешил - очевидная необходимость этого шага после вчерашнего подвига Луми не приходила ему в голову.

- Здесь мое гневное письмо в ваш адрес, которое вы должны "забыть" где-нибудь на виду. И не отчаивайтесь - вам надо так много сделать... И еще, Док... - Луми замялся, - мне было интересно играть с вами в одной команде.

После отъезда шумно "уволненного" Луми, Динстлер начал бояться. Он сам придумал себе перечень страхов, рисуясь перед Вандой, и теперь играл по своему же сценарию. Ночью за окном спальни, находящейся в первом этаже слышались шаги, дверь за креслом кабинета холодила затылок неведомым дуновением, и речи, конечно, не было о том, чтобы в одиночку проехать по безлюдной темной дороге. И еще одно тревожило Пигмалиона - что станет с настоящим Пэком, когда появится двойник?

На следующий за отставкой Луми день у ворот дома был обнаружен "мерседес" Шефа, "оставленный" им, якобы, в ремонтной мастерской во время недавней "командировки". В автомобильном магнитофончике торчала кассета Ванды, но только вместо Френка Синатра, немецкая певичка исполнила веселый шлягер "Телефонная Сьюзен М", в котором умоляла своего кавалера не забывать ее телефонный номер, а потом во всю мощь динамиков, широко и раскатисто грянул маршевую песню бархатный баритон на непонятном, по-видимому, славянском языке.

Динстлер заглянул в свою телефонную книжку, всегда лежащую на письменном столе, и обнаружил телефон Сьюзен М., записанный его почерком, но, конечно же, чужой рукой. И рефлекторно оглянулся, почувствовав между лопатками холодок - в комнате никого не было.

Он рванулся было к Ванде, но остановился на полпути и сильно задумался - стоило ли посвящать жену во все хитросплетения этой истории? Он так и не решил ничего, притормозив, однако, признания.

Жизнь в клинике пошла своим чередом. Ванда успокоилась, сосредоточив внимание на другой, не менее тревожной проблеме: их дочери исполнилось уже полгода, а отец, казалось, и не замечал ее присутствия. Ванда всячески старалась попасться на глаза мужа с Антонией, затянуть его в детскую и даже стала прогуливаться с малышкой на "альпийской лужайке" именно в те вечерние часы, когда туда захаживал Готл. Но не обидно ли? Он охотно переносил общество Пэка, позволяя слюнвявому идиотику копошиться у его ног, облапывая колени грязными ручонками, а Тони просто не замечал, ограничиваясь фальшиво-вежливым чмоканием в щеку, да какой-нибудь фразой, типа: "чудная малышка, ку-ку!" И переводил разговор на другую тему. Но главное - эти глаза! Ванда обмерла, заметив в них не простое равнодушие занятого другими мыслями человека - нет. Она хорошо знала острый ледяной холодок, спрятанный в самой глубине его глаз - холодок озлобленного отвращения.

Динстлер и сам поймал себя на этом, когда впервые, в трехмесячном младенце разглядел то, чего так испугался, гостя у Леденцев - фатальное семейное сходство - и вместо умиления и теплоты почувствовал брезгливость. Он не знал, что делать с собой, стараясь не думать об этом и пореже встречаться с дочерью.

Слишком-то предаваться раздумьям не приходилось - Динстлера ждал еще один удар, который он должен был пережить в одиночку. Однажды вечером, отдыхая на поляне, он услышал какой-то шум и увидел санитарку, испуганно зажимающую укушенную руку. Рядом прыгал и визжал, пытаясь сорваться поводка необычайно агрессивный Пэк. Динстлер схватил его за помочи, привлек к себе, ласково называя по имени, но мальчик не успокоился, а изо всех сил "боднул" своего Хозяина тяжелой головой в подбородок и, дико визжа, вырвался из рук. Такого еще никогда не было.

Чуть позже, когда пойманный санитарками, успокоенный уколom, ребенок уснул, Динстлер склонился над кроваткой, ероша светлые волосы и сразу понял все - за ушами, у глаз и на переносице были заметны довольно свежие швы. Он пригляделся - сомнений не оставалось - это был не его Пэк. А значит "поезд тронулся" - план Луми начал осуществляться. И опять - холодок по спине и желание оглянуться на дверь...

Ночью, тщательно проверив двери и окна в кабинете, Динстлер открыл сейф - документация Майера была на месте. Он достал серую кожаную папку, пролистав пожелтевшие страницы - все так. Но что-то... Он торопливо нашел нужный раздел и пробежал текст - вот оно! Ошибка! Дезинформация была подготовлена так ловко, что прежде чем кто-либо сможет понять, что направлен по ложному следу - пройдут месяцы, а может - годы. Хорошо... Но что же дальше? Боже! Ведь теперь его очередь - он должен "раздвоиться"! Как это случится? Неужели однажды он застанет за своим письменным столом двойника? А сам? Страшно и зябко. Динстлер занял себя работой, боясь остановиться потому что каждая пауза, оставляющая его наедине с собой вызывала чувство падения в бездну. Пол проваливался под ногами, окружающее пространство растворялось, теряя очертания: кто он? что он? И зачем - зачем все это?

Звонок из другого, прочного мира вернул его к реальности: где-то в далеком, в маленьком городке, в доме за сиреневыми кустами, умирала Корнелия.

8

...Конец ноября, холодный дождик за прикрытыми ставнями, затхлый воздух, пропахший лекарствами и старым больным телом. В узкой кровати с высокой резной спинкой разбитая параличом женщина - сморщенная, высохшая чужая. Глаза ввалились в потемневшие глазницы и один из них, еще живой, испуганный обратился к вошедшему. Искривленный губы с трудом прошептал: "Ехи!"

Он тяжело опустился на стул возле кровати и взял безжизненную легкую руку. Сиделка молча вышла из комнаты. Он рассматривал эти скрюченные пальцы, вздутые под пергаментной кожей синие жилки, еще пульсирующие током крови, стараясь понять, почему так и не успел полюбить, по-настоящему полюбить этого единственного на земле родного ему человека. Все что-то мешало - ее требовательность, строгость или раздражение, и что-то заставляло отложить "на потом", спрятать до востребования горячий поток этой жалости и благодарности, который теперь заполнял душу.

- Я люблю тебя, бабушка, - чуть слышно сказал он, но она поняла и действующей левой рукой коснулась его щеки. - Колбочий какой..., красивый...

Корнелия говорила с трудом, усилием воли ворочая онемевший язык и лишь только потому, что не могла умереть, не сказав этого:

- Я прощаю Лизхен. Скажи это своей матери, когда увидишь. Я..., я виновата сама. Пусть она тоже простит... Там на столе... возьми...

И Ехи взял в руки то, что никогда не попадалось ему на глаза - альбом с фотографиями,

где на первом листе в резной рамке толстого картона красовалось большое парадное фото: сорокапятилетний мужчина с благообразным строгим лицом в наглухо застегнутом темном сюртуке сидел в кресле, держа на коленях пятилетнюю девочку. Рядом, улыбалась в объектив, положив руку на плечо мужа Корнелия - вернее, темноволосая девушка с пружинками локонов, оставшаяся навсегда беспечной и юной на хрупкой фотобумаге. Потом он увидел взрослеющую девочку с огромным букетом, в белом платье, отороченном кружевом, с подписью: "Лизхен. Первое причастие". Вот она гимназистка крахмальная стойка воротничка и легкие светлые завитки вокруг милого, широкоскулого лица.

Он торопливо с комом волнения в горле обшаривал взглядом твердый картон с золотым тиснением "Faber und Sohn Ruich str.3": залегшую в левом углу, бархатистую шоколадную тень, прямо у высоких шнурованных ботинок, плоский рисованный задник, туманно изображающий нечто решетчатое - парапет балкона или веранды и лепную, сильно расплывшуюся, осевшую под тяжестью бронзовой вазы бутафорскую колонну, на край которой легко оперся девичий локоток... Лизхен улыбается, и крохотные ямочки обозначались на гладких яблочных щеках. Пушистая легкая коса отягощена поникшим атласным бантом, к запястью левой руки, сжимающей длинный стебель георгина, упал металлический браслетик с часами. Вот оно! Боже, ты "видела" это, Алиса! Мурашки побежали по зябко вздрогнувшей спине, и что-то холодное дунуло в затылок, шевеля корни волос. Ривьера, катер, свитер, соскользнувший на палубу с полных бедер, золоченый браслетик на веснушчатой руке, кормящей чаек... Алиса! Мама! Глубокая, черная, необъятная пауза, прорыв в неведомое: уголок здешней реальности слегка загнулся, показав тайную подкладку. Еще чуть - и станет ясно абсолютно все! Он стоял на самом краешке, но не поднял глаз над запретной чертой - не успел. А если бы успел, если бы не свистящий шепот Корнелии, что увидел бы он там, по ту сторону?

- Пожалуйста, Ехи, дай мне ту фотокарточку, мою любимую, где ты моряк... - протянула она дрожащую от напряжения руку.

Йохим ощущал зыбкость пограничной территории, как наверно, чувствуют ее выходящие из транса лунатики. С ватной расторопностью сновидения он выбрал среди листов альбома один наугад. Штурвал, бескозырка "Победитель морей". Надутые детские губы, заплаканные глаза, вспухший нос, золотые пуговицы и пышные кисти на гольфах.

- Ты здесь такой славный, - Корнелия положила фотографию на хрипящую грудь и вопросительно посмотрела на внука. - Скажи, моя правнучка... я думаю - она похожа на Луизу... Такая... пухленькая? Малышка моя... Корнелия улыбалась, разглядывая в неведомом пространстве, сквозь Йохима и деревянные тяжелые ставни далекий летний день и свою девочку, играющую в песочнице под кустом сирени. Вдруг умирающая нахмурилась, подзывая взглядом внука и что-то пытаясь сказать. Он нагнулся к самым губам, окунувшись в запах гнили и тлена.

- Ехи, ты должен знать... ты что-то сделаешь... У нее выпирает передний зуб... Для девочки - это ужасно!.., - Корнелия устало закрыла глаза, переводя дух.

- Что ты, бабушка, она - совершенство, наша Антония. И я обязательно что-нибудь сделаю...

На кладбище собралось совсем мало народа. Из Граца приехала Изабелла, ставшая монахиней. Чета старичков-соседей, да несколько церковных чинов, почтивших память своего бывшего наставника, отца Франциска, к мирному праху которого опускали сейчас гроб жены. Мокро и холодно. Но никогда, никто из них, ушедших в землю не вернется в свой

опустевший, теперь уже навсегда, дом.

Йохим ушел один, натыкаясь на кусты и надгробья, убежал ото всех, хотя никогда еще не хотелось ему так мучительно-остро прижаться к родному плакать и жаловаться, скулить и причитать, чувствуя себя маленьким, любимым и нужным в сильных руках, утирающих нос.

"Юлия Шнайдер. 5.05.1945. Попала под грузовик..." Фарфоровый овальчик в слезных потеках дождя. Она смотрела в упор и знала все. Она сжала губы, с трудом удерживая подкативший смех... "Господи, что ты хочешь сказать мне этим? Умоляю тебя, что?" В тишине робко шелестел дождь. Йохим гладил мокрый холодный камень и тихо плакал, подставляя дождю светящее лицо.

9

Ванда бросилась к мужу, как только увидела из окна подъехавшее такси. Он не взял ее с собой, уговорив не оставлять дочь и клинику, и все эти дни она томилась неведением, тщетно пытаясь наладить часто барахлившую здесь телефонную связь. А уж как ей было страшно и одиноко! Просто как никогда наверное, погода способствовала унынию. Да и попробуй не испугаться неведомо куда пропал из своей комнаты Пэк. Никаких следов - ни няня, ни обслуга не заметили ничего необычного. Вечером разбушевавшемуся мальчику, вошедшему, видимо, в период обострения, сделали успокоительный укол, а утром его кровать была пуста. Кроме того, в клинике появился новый пациент с серьезными намерениями улучшить свою внешности. Он, видите ли, предполагает болотироваться на некий политический пост и хочет выглядеть привлекательно.

- Вообще, этот Штеллерман мне не понравился. С огромными претензиями, весь персонал загонял и все выпрашивал о тебе, - сообщила Ванда.

Динстлер в сопровождении медсестры направился в люкс к новому пациенту. Уже у двери они услышали, как властный мужской голос разносил кого-то по телефону. Сестра со вздохом посмотрела на шефа. Он постучал и услышав "войдите!", открыл дверь. Перед мелькающим телевизором, закинув ноги на стол, барски развалился грузный мужчина в шикарном спортивном костюме. Увидев вошедших, он даже не попытался встать, а лишь махнул рукой доктору, приглашая его занять место в кресле у журнального столика, на котором стояли фрукты, бокалы и бутылки "виски".

- Шеф, у вас непорядок в хозяйстве - в моем холодильнике нет льда, заявил он вместо приветствия. Рот Динстлера, уже приоткрывшийся для произнесения дерзкой ответной фразы, застыл в безмолвии: на него смотрел, насмешливо подмигивая, голубой глаз Натана.

Уж это-то лицо он узнал бы даже впотымах. Достаточно было бы нащупать узелок рубца за ухом - его тогдашнюю оплошность и слегка провалившийся хрящик у переносицы, который он долго не мог себе простить. Но что там Натан был его первой "лицевой" работой, первой стихийной удачей. Во всяком случае, сам, "переделанный" друг Остина был в восторге, обнаружив тогда под снятыми бинтами свое новое лицо:

- Ого, громила какой получился! Видно боксерское прошлое. Как вы сообразили, доктор, что к моим ужасным зубам нужен именно такой приплюснутый нос. Поразительное чувство стилия! Вы знаете - этот малый мне нравится. Наглец и простак - без единой извилины. Такого не отпустят в участковой жандармерии, зато ЦРУ вряд ли не заметит. Не высокого полета птица," - радовался Натан, ставший теперь Вальтером. Вальтером Штеллерманом - бизнесменом и политиком, сделавшим состояние на каких-то сделках в Бразилии и намеревавшимся благодаря старым связям и новым деньгам занять некое влиятельное правительственное кресло в Западной Германии. Попутно - следуя из Бразилии

в Европу, он задержался в Штатах, где и женился года два назад на некогда очень популярной, а ныне вышедшей в тираж голливудской звездочке, имеющей взрослую дочь прокоммунистических настроений.

Новый пациент - напористый, дотошный и по-американски беспардонный буквально завладел Динстлером, требуя то одно, то другое, придираясь к каждому пустяку и не давая ему покоя ни днем, ни ночью. Корректировка фигуры, лечебное голодание, физкультура и водные процедуры, целая серия мелкой лицевой пластики - похоже он обосновался здесь на целый год, вызвав секретаря и потребовав два дополнительных телефона.

- Успокойся, старина, все идет хорошо. "Они" ухватили наживку украли дублера Пэка и фальсифицированные нами документы Майера. Похоже надолго теперь успокоятся. Расслабься - я с тобой. Скоро подвезут обезьянок. Вольеры почти готовы. Два новых сотрудника, подобранные нами в помощь Жанне, уже в пути - прямо из "Медсервиса" - подбадривал Натан-Вальтер Динстлера в душевой после тенниса.

- А как же Жанна? Пора избавиться от этой шпионки!

- Бедную вдову просто купили. Вряд ли она вообще имеет представление на какую мельницу льет воду. Кроме того - именно и будет постоянно "прикрывать" тебя, сообщая о "неудачах Пигмалиона" своим хозяевам, терпеливо объяснял Вальтер. - А уж неудачи мы устроим. Они будут нас преследовать постоянно! - Он громко хохотал, растираясь полотенцем и вдруг выставил перед Динстлером волосатую жилистую ногу. - Вы видите, шеф, эти вены - с ними вам придется попыхтеть. Я много требую - зато хорошо плачу! Это и вас касается, милая, - обратился он к бесшумно подошедшей санитарке. - Во всем должен быть контроль и порядок!

И Динстлер расслабился под надежным прикрытием Натана. Близилось Рождество. Ванда настаивала на веселой вечеринке:

- Хватит нам этих забот. Живем, как в тюрьме! Ты просто заточил меня здесь, злодей, Синяя борода. А обещал, если помнишь, бурную светскую жизнь. Что-то не вижу щелканья блицев и толпы журналистов у порога. Да и знаменитости к нашему огоньку отнюдь не ломятся...

- Будут ломиться, дорогая, стоит только свистнуть, - успокоил жену Готл, сильно призадумавшись, кого же, в самом деле, может соблазнить перспектива вечера в его обществе? Дани, возглавлявший список претендентов, сразу отпал - они с Сильвией не могли бросить хворавшую Полину, да и Мэри обещали отпустить на праздники домой. Остин отсутствовал - Малло сообщил по телефону, что Хозяин будет дома лишь к февралю. Леже... Хочется ли видеть этого брюзжащего старикана? Подумаем... И это все?

- Не возражаете, если я с моим секретарем составлю вам компанию? Вы, кажется, не слишком перегружены в праздник, Доктор? - бесцеремонно обратился к Динстлеру Вальтер. - Я не собираюсь покидать клинику в разгаре процедур, да и в таком виде. А вот моя жена, кстати, актриса с дочерью, должна подъехать. Ведь второй люкс пустует? Неплохо было бы послать за ними в Канны вашего шофера.

Ванда, вспыхнувшая от этакой наглости, услышав про жену-актрису, притихла. Да и секретарь Вальтера - прямая противоположность своего шефа, вызывал ее любопытство. Отто было где-то под сорок, за его сдержанной любезностью чувствовалась хорошее воспитание, а в умении подавать короткие точные реплики - ум. Кроме того, интриговала какая-то мужская тайна - Отто не пытался заигрывать с молоденькими медсестрами, не бросал на Ванду выразительных взглядов, хотя признаки "голубизны" в его поведении и

внешности отсутствовали.

Накануне праздника к клинике подкатил роскошный лимузин (в машине Динстлера необходимости, как оказалось, не было) и из него появились две женщины, в которых уже издали наметанный глаз Ванды угадал светских львиц.

Портье таскал бесконечные чемоданы. "Боже! Это на три-то дня!" ахнула с восторгом Ванда и начала увлеченно готовиться к вечеру. Теперь она не могла ударить лицом в грязь - было перед кем продемонстрировать свое умение вести дом и знание светского этикета.

Продукты и цветы к столу привезли из Канн. Елка была принесена из соседнего леса - свежая и стройная, а платье мадам Динстлер снято с витрины самого дорого дамского салона в Сан-Антуане.

Готл радовался, наблюдая эти приготовления жены, его устраивала увлеченность Ванды, дающая ему свободу. Он заметил в себе знакомый зуд нарастающего куража - подспудное брожение деятельной энергии. Ему нужны были свободные руки и пылающее сердце. Он размял пальцы, сделав несколько легких, волнистых движений, и почувствовал слабое игольчатое покалывание. Отлично! Все идет отлично!

Вот и праздничный прием! Кто бы мог ожидать, что из Парижа специально приедет корреспондент светской хроники, чтобы сделать репортаж о работе и отдыхе восходящей знаменитости. Ванда, отдавшая подробные распоряжения относительно ужина прислуге, наносила последние штрихи в свой праздничный туалет. Ну что же, она просто Мерилин Монро! Это облегающее, будто из серебряной чешуи, длинное платье с разрезом до бедра, эти платиновые волосы, зачесанные набок, эти качающиеся в ушах почти алмазные подвески и глаза с искусно наклеенными нейлоновыми ресницами (в последнем журнале "Вог" точь-в-точь с такими снята знаменитая русская балерина Майя). Немного духов "Femme", чуточку пудры и - с богом, Ванда, - на выход!

В гостиной все благоухало, сияло и радовало глаз. У сверкающей елки, глядящейся на свое отражение в темном зеркале стеклянной стены стоит Готл в смокинге и "бабочке", с той беспечной сумасшедшинкой в глубине улыбающихся глаз, которую она так любила. Они готовы встречать гостей супруги Динстлер, союзники, хозяева...

Вечер превзошел все ожидания Ванды. Жена Вальтера - Франсуаз, действительно мелькавшая на телевизионном экране, оказалась в курсе всех новейших событий большого света. Имена принц Генри, Галла Дали, Корк Ротшильд, заставлявшие трепетать сердца обывателя, срывались с умело подкрашенных сладкозвучных уст так легко, что усомниться в ее дружеском знакомстве с этими обитателями земного Олимпа было просто невозможно. Франсуаз небрежно кутала голые плечи в снежно-белую песцовую горжетку, а в высоко поднятых валиком надо лбом темных волосах мерцала бриллиантовая россыпь. Она была хороша той искусной, умело выведенной из пустяка и расцветшей с помощью дорогих ухищрений красотой, которую считают "истинно французской". Определить возраст Франсуаз не представляло возможности, хотя она однозначно дала понять, что намеревается вскоре стать пациенткой Динстлера.

Отто оказался веселым и очень светским - он был дружен с Франсуаз и ее восемнадцатилетней дочерью Диной, поддерживая веселье шутивным подкалыванием своего Шефа. Да и сам Вальтер, отбросивший свое высокомерное брюзжание стал свойским рубаха-парнем из тех, несколько мужиковатых воротил, которые прячут свою властную безапелляционность под напускной добродушной простоватостью. Он подыгрывал семейству, изображая то простака, то галантного кавалера, танцевал по старомодному в

обнимку с вывертами фокстроты и танго с Вандой, аппетитно ел и всячески намекал, что теперь с Динстлером - закадычный друг.

Уже совсем поздно, чуть ли ни к десерту, сюрпризом, прибыл незванный гость - Леже. Милый, милый Арман - он притащил хризантемы, коробку конфет и огромную куклу для малышки! Как он, в сущности, одинок и, видно, что тянет старика к "коллеге Динстлеру".

- А это - мой учитель и друг - Арман Леже, - представил Готл нового гостя, ехидно наблюдая, как "знакомятся" Арман и Вальтер. Леже тут же попал в центр беседы - уж о нем-то в "свете" были давно наслышаны.

Журналиста пригласили "чувствовать себя как дома" и круглолицый коротышка итальянской макаронной плотности и масти с увлечением занялся столом, успевая пощелкивать фотоаппаратом направо и налево. В кадр попадали то Вальтер с Вандой, слившиеся в страстном аргентинском танго, то Франсуаза, протягивающая бокал Леже, то Дина и Отто, то... А где же, собственно, Готл? Казалось, только что Ванда, кокетничая с Отто, поглядывала на мужа, ловя его реакцию, а он бросал ей через комнату одобрителный взгляд, мол: давай, веселись, крошка, ты заслужила! Да и сам все вертелся возле этой Дины. Она хоть и дурнушка из интеллектуальных "синих чулок", но кто их знает, этих тихонь...

"Где же все-таки Готл?" - Ванда еще раз мельком обшарила взглядом гостиную. Не видать. И протянув руку Отто, пригласившему ее танцевать. Френк Синатра пел "Stangers in the night..." - уже это она пропустить не могла.

10

...А Пигмалион был совсем рядом, почти над танцующими. От пестрых игрушечных симпатяг, дремлющих на полках, от розового шелкового ночника, разливающего вокруг теплый малиновый сироп, от тихого детского посапывания и силуэта няни в белой кружевной наколке веяло покоем и миром. Динстлер склонился над кроватью спящей дочери, мягко проведя ладонью по ее безмятежному лбу. Няня, завидев пришедшего отца, растроганная визитом, удалилась. И они остались один на один - одержимый Мастера и безмятежная кроха, должная стать Творением.

Уже две недели, вернувшись с похорон, он тайно начал курс инъекций, несколько не сомневаясь и не колеблясь. Он сказал Корнелии "Тони красавица", и он не обманул. Его дочь не может быть другой. Ведь это просто - совсем просто! Не зря мудрили судьба вокруг "собирателя красоты" Ёхи, совсем не случайно встал на его пути кладбищенский камень с улыбающейся в овале Юлией Шнайдер...

Нежно и осторожно, воздушным касанием мудрых пальцев выравнивалась линия, идущая ото лба к кончику носа, чуть вздернутому, принимали отчетливую форму высокие скулы и подбородок, изящно закруглившийся, получил крошечную впадинку "ямочки".

Он творил, забыв обо всем, а вокруг и внутри - в голове и в груди, в полутемной комнате и за черным окном во весь размах, во всю ширь - от мокрых веток клена, дрожащих у стекла, до самых Альп, угадываемых в черноте, звучала музыка. Торжественная и веселая, любимая - живущая рядом и незамеченная, прошедшая мимо: Битлы и органные мессы, оперные арии и уличные серенады, напевы бродяжек и парадные концерты, фокстроты, симфонии, твисты - все это, собранное воедино, сейчас звучало в полную мощь, праздную победу.

- Ты здесь, Готл? Я так и знала, что ты придешь к ней.

Он отпрянул, отрезвленный голосом Ванды и замер, заслонив собой распластанную на кровати девочку. Жена посмотрела ему в глаза и молча отстранив мужа, склонилась над ребенком. Тони что-то лепетала во сне, уткнувшись в подушку и положив кулачок под

раскрасневшуюся щеку. Но даже сейчас, в темноте, мать увидела, как благородно округлился узкий скошенный лобик и по-новому гордо пролегла ниточка светлых волосиков на высоком надбровье.

- Что... что ты наделал..., Готл... - она стояла не двигаясь, обреченно опустив плечи, а в мочках ушей еще пьяно и празднично играли сверкающие подвески. Потому отвернулась и неуверенно ступая подкашивающимися ногами, ушла, притворив за собой дверь.

... Гости, обнаружив отсутствие хозяев, обменялись игривыми шутками. "

- Действительно, я давно не видела такой любящей пары, они же глаз друг от друга не отрывают! - заметила Франсуаза.

- Уж если хозяйева уходят "по-английски", то и нам пора! Где мои стариковские апартаменты?

Леже и репортер устроились в комнатах для гостей, семейство Штеллерманов заняло люксы и дом затих, сонно встречая рассвет.

Но "любящая пара" не спала. Отец в детской караулил сон малышки, а в синей спальне на темном бархате покрывала калачиком свернулась серебряная "змейка". Чешуйчатое платье, остроносые туфельки, немигающий спокойный взгляд из-под мохнатых ресниц. В свете бледного праздничного утра появился муж и молча сел рядом.

- Я не мог иначе, Ванда.

- Знаю.

- Я все время думал об этом.

- Знаю.

- Я боялся, что ты помешаешь мне.

Ванда приподнялась и с ненавистью посмотрела в лицо мужа:

- Конечно. Ведь ты не совсем любишь ее.

- Неправда, - твердо отрезал он. - Ее я люблю!

Они отпустили на время няню, потому что все последовавшие за Рождеством дни и ночи вместе с дочерью был отец. Он осторожно играл с девочкой, собственноручно кормил ее и сажал на горшок, аккуратно вытирая пухлую попку, а вечером вводил подкожно легкое снотворное: Тони должна была спокойно спать, пока его любящие руки творили чудо.

Глядя на лицо спящего ребенка, на это единственное, главное в его жизни лицо, он чувствовал, как мощно завладевает всем его существом, молчавший до сей поры голос крови. Его дочь, плоть от плоти. Самое дорогое и нужное существо в мире.

"Как странно, как невероятно страшно, как пугающе очевидно, что в ту ночь, когда я впервые занес над этой головкой свои преступные руки, нас меня и эту девочку, связывало многое, но не любовь. Я не боялся убить ее. Потому что ее тогда еще попросту не было".

Динстлер оставался с дочерью до тех пор, пока процесс "закрепления" полностью не завершился и необходимость в инъекциях отпала. Потом он позвал Ванду, от ребенка на время отстраненную, и представил ей свое творение. Что-то подобное испытывают матери, протягивая отцу новорожденного младенца, и скульпторы, сдергивающие завесу с завершенного шедевра.

Великое облегчение и покой были в его поникшем, расслабленном теле, отступившем вглубь комнаты, облегчение исполненного долга, главной жизненной миссии. Ванда навсегда запомнила эти минуты, эту радость узнавания, потому что именно такой была ее изначальная, от рождения данная мечта. В центре комнаты на ковре, расчерченном солнечными квадратами сидела полутороговала девочка, складывая из кубиков башню.

Башня рухнула, чудная мордашка эльфа расцвела улыбкой, малышка вскочила, бросилась к молчащему мужчине и, обняв его колени, искоса глянула на Ванду. "Папа!" представила она его матери. И Ванда услышала в этом коротком возгласе нечто абсолютно новое - любовь и восхищение.

"Великий Боже, разве не этого тайно желала и молила я всю свою жизнь? Разве не так выглядит счастье!" - думала она сквозь слезы умиления, подметив уже и бодрую резвость ребенка и светящиеся глаза мужа на осунувшемся посеревшем лице.

- Вот что, девочки, мне, пожалуй, надо поспать - ох, и завалюсь же я! А вы здесь пока поболтайте", - довольно подмигнул Готл жене, покидая детскую.

11

Теперь с Тони сидела Ванда, потому что они еще так и не успели решить, как представить окружающим этого "нового" ребенка. Невнятно сообщили, что девочка приболела, придумывая пути к спасению и, наконец, поняли - надо бежать!

Динстлер изложил ситуацию сильно помрачневшему Вальтеру.

- А я уж думал, куда ты пропал. Ванда убедила: работает над темой, беспокоить нельзя - гений! Да, задачу ты мне задал... Сколько в клинике персонала - пятнадцать человек? Ладно, подумаем, а пока можешь взять поработать няней моего Отто. Только не очень его гоняй. Между нами - это мой шеф!

Перевалив ответственность на плечи Натана, Динстлер облегченно вздохнул: у него было еще время, чтобы преподнести дочери последний "дар".

- Ванда, меня "понесло", я просто не могу остановиться. Ты должна меня поддержать. Клянусь - это последнее. Цени мое доверие - сегодня я взял тебя в соучастницы, - они въехали в Сан-Антуан, припарковавшись у отдаленного корпуса городской больницы. - Только без эмоций - это совсем не страшно. Я уже пробовал, - подтолкнул к входу жену Динстлер. Их повели по длинным полуподвальному коридорам и Ванда чутьем профессионала поняла, что где-то рядом - морг.

Сопровождавший их человек в прозекторском резиновом фартуке распахнул дверь. Повеяло прохладой и формалином.

- Вот. Больше ничего не могу, к сожалению, сейчас предложить. Вы же сами понимаете, коллега, - время в этом деле не ждет, - он откинул простыню с лежащего на оцинкованном столе тела. Темная мулатка лет четырнадцати умерла всего полчаса назад, раздавленная автобусом. Бродяжка, задремавшая на асфальте, вся грудь - в лепешку! Лицо девочки было запрокинуто и темные густые завитки, разметанные по плечам и простыне, каскадом падали со стола.

- Берем, подходит! - коротко скомандовал Динстлер. - Готовьте немедленно, как я вам сказал.

- Что берем? - ужаснулась Ванда, когда они вышли из комнаты.

- Разве я не предупредил? - волосы. Конечно, цвет не тот, но такая красота как раз для нашей девочки.

- Ты просто чудовище, Готл! Это же труп... - Ванда не верила своим ушам.

- И это говорит мне врач! А трансплантация органов? А чужие глаза, почки, сердца, спасающие обреченных? Неужели я должен тебе об этом напоминать? Ведь эту красоту они просто закопают в землю, или сожгут, а мы - дадим ей жизнь!... Уйди, лучше уйди, Ванда. Иногда ты меня страшно бесишь!

Когда все было закончено и они вдвоем в запертой операционной пересадили дочери

скальп, Ванда рухнула без сил на пол, признавшись, что перед операцией приняла большую дозу транквилизатора. Она боялась, что не сумеет дойти до конца.

- Ну, все хорошо же, глупышка. Кто не рискует - тот не пьет шампанское, - шептал муж, приводя ее в чувство нашатырем.

...Вальтер, поразмыслив над ситуацией, предложил простой ход. В клинике будет объявлено, что дочка Динстлеров в связи с затянувшейся пневмонией отправляется на обследование в специальную клинику, а вскоре сюда прибудет Франсуаз с маленькой племянницей, для небольших косметических вмешательств. Нужна была лишь точная согласованность действий и однажды февральским утром все видели, как Ванда вынесла из дома закутанного ребенка и, устроившись на заднем сидении красного "мерседеса", отбыла вместе с мужем в какой-то детский санаторий - то ли в Швейцарию, то ли в Австрию. Убиравшая помещение горничная нашла в кабинете шефа большое фото дочери, заснятой в годовалом возрасте и замызганного плюшевого Барбоса, брошенного второпях.

Супруги отсутствовали неделю, а за это время в клинике во всю развернулся господин Штеллерман. Встретив свою жену с племянницей, он активно занялся их устройством, гоня персонал так, будто уже занял место Динстлера. Всем было известно, что Штеллерман стал совладельцем "Пигмалиона", вложив в клинику средства, несмотря на весьма язвительную статью, появившуюся в "Фигаро". Толстенький репортер, поедавший за праздничным столом дорогие паштеты, оказался Иудой. Из его статьи выходило, что упорно распространяемые хирургом Динстлером слухи о каком-то феноменальном открытии, оказались блефом очень опытного, но, увы, весьма ординарного специалиста. Статью сопровождал большой портрет директора "Пигмалиона" и фото его жены в вечернем платье, танцующей с неким господином.

- Вот, шельмец, про меня - ни слова! И снял со спины, - сокрушался Штеллерман. - Но не бойтесь этой "антирекламы". Я на этом деле собаку съел. Вот увидите - клиентов у вас не убавится.

Динстлер заметил, что на фото он одет в белый халат, а Ванда танцует если возможно, и с Вальтером, то уж, наверняка, не в том платье, что была на рождественском празднестве.

- Что-то здесь вообще не сходиться, - пожал Динстлер плечами. Вальтер улыбнулся:

- Я знаю на личном опыте, что иногда лопаты стреляют, а пуговицы фотографируют, в то время как "Nikon" этого шельмы всего лишь работал мигалкой. Ну это потому, что в нем вообще не было пленки. - Он выразительно посмотрел на Доктора, объясняя тем самым трюк со статьей.

- Конечно, Йохим, ты бы хотел сенсационных сообщений - ведь ты же имеешь полное право гордиться своим открытием. - Натан-Вальтер пожал плечо задумчивого Динстлера. - Но знаешь, даже крупная игра не стоит свеч. Мы постараемся, не умоляя значения твоего дела, обойтись "малой кровью", то есть - совсем небольшим количеством "свеч".

Тогда Динстлера несколько обидел тон Натана, но теперь он твердо знал: "Стоит! Стоит! Эта игра стоит. Да всей моей жизни

- стоит!"

Он замер у входа в сад, сжав руку Ванды. Они только что вернулись, "оставив" в санатории дочь, а здесь уже резвилась и смеялась чужая девочка, привезенная Франсуаз. В ослепительно белом пространстве сада, припорошенного легким снежком, колокольчиком заливалась малышка в белой заячьей шубке и вязаной шапочке с большим помпоном, из-под которой падали на плечи и спину невероятно густые черные локоны. Девчушка

остановилась, увидев появившихся взрослых и вдруг ринулась к ним, косолапя высокими сапожками. "Папа! Папа, - снежок - на!" - протянула она мужчине зеленое жестяное ведро, наполненное снегом.

- Нина! Детка моя, не трогай дядю. Это наш доктор, - подросла Франсуаз, протягивая Динстлеру руку. - Ну вот вы и вернулись. Пришлось оставить Тони в лечебнице? Я очень, очень сочувствую. Но там, говорят, хорошие врачи. - Успокаивала она Ванду, направляясь к дому. И Ванда здесь, в своем пустынном саду, почувствовала себя как на киноплощадке, в ярком свете юпитеров, в прицеле следящих за каждым жестом камер.

Доктор взял "чужую" девочку на руки, сжав теплую ладошку, вылезшую из влажной, качающейся на резинке варежки, чтобы погладить ее щеку.

- Доктор, не поднимайте Нину, она тяжелая, - раздался властный голос Франсуазы, и он опустил на дорожку дочь, глухо чувствуя, что начинает ее терять.

Дома за обедом с семейством Штеллерманов, ставших компаньонами, Ванда молча копалась в тарелке, боясь поднять глаза. Ощущение слезки не проходило, хотя она уже знала, что Штеллерманы друзья. Тогда кто шпионит, коверкая их жизнь? Из-за чего вообще эта мучительная, заходящая все дальше игра?

- Дорогая, ты должна поесть немного, - обратился к жене Динстлер. Перестань грустить. Тони в руках хорошего специалиста.

- А ваша Нина - чудо! - Ванда с грустной улыбкой обратилась к Франсуазе. - Такая редкость - голубые глаза и эти черные, невероятно густые волосы. Откуда?

- Муж моей племянницы - испанец, она же сама - наполовину шведка голубоглазая блондинка, вроде вас, Ванда. Но только совсем плоская - все же это слишком - сорок два килограмма при росте сто семьдесят два! Кожа да кости. Манекенщица. Мордочка, правда, очень славная - Нина в нее... Но ребенком заниматься им совсем не когда - карьера.

- Ванда, ешь сейчас же. Я заметил - ты уже три дня постишься. Или тоже в манекенщицы метишь? Франсуаза, скажите моей жене - вам она поверит ей совершенно ни к чему худеть! - Готтл явно наигрывал оживление.

- Нет, милый, это не диета. Меня просто мутит. Дело в том... - у нас будет ребенок, - Ванда выбежала из-за стола и разрыдалась, отвернувшись к окну.

- Ну что вы, дорогая, эта такая радость! - поспешила к ней Франсуаза. - Мы поздравляем! Вот и Готтлиб явно ошеломлен новостью.

12

...И началось мучение. Дочь жила рядом, она бегала, играла, хныкала, требуя маму и недоуменно таращила глазки на Динстлера, вопросительно зовя его "дядя?" Они не знали как вести себя на людях и наедине; играть во все это было просто невыносимо.

Готтлиб облегченно вздохнул, получив приглашение на "ответственную консультацию" в "Медсервис". Возможно, там уже что-то придумали.

Он прибыл на машине по указанному адресу: небольшой городок, частный дом, пустой голый сад. Позвонил в запертую дверь - никто не откликнулся. Обошел дом, пытаясь заглянуть в наглухо закрытые ставнями окна - напрасно. Дом производил впечатление покинутого. "Т-а-а-к. Опять какие-то штучки... Но ведь вызов пришел через Натана..." - сомневался Динстлер, прикидывая возможность ловушки. На дороге скрипнули тормоза и в аллее мокрых деревьев появился мужчина: раскосые, монголоидные глаза, прямая блестящая челка, падающая до бровей.

- Привет, док, простите за "шутку". Я должен был убедиться, что за вами нет хвоста, -

улыбался Луми, протягивая руку. - Все чисто - поехали! Держитесь от меня как можно дальше, а когда я остановлюсь, притормозите на расстоянии.

Они с пол часа петляли по альпийским дорогам и наконец, остановились.

Вслед за Луми Динстлер поднялся на крыльцо небольшой виллы, уединенно стоящей на склоне холма и вошел в комнату. Открывший им дверь молодой высокий мужчина приветливо киннул:

- Нам придется с вами хорошенько познакомиться, Готтлиб. И подружить.

Динстлер во все глаза рассматривал собеседника, поминутно потирая лоб, будто пытаясь смахнуть наваждение - голова шла кругом, это было просто сумасшествие. Иван Йорданов, болгарин с немецкой примесью, 1944 года рождения, рост 185, вес 75, близорук, холост, сутул. Узкое, красивое, южного типа лицо, упрямый подбородок, темные глаза смотрят открыто и весело.

- Иван, пожалуйста объясните, зачем это все вам? Изощренная игра с опасностью? Психологическое извращение, требующее новых нервных допингов, риска...?

- Увы, все намного прозаичней и увлекательней. Не скрою, рискованность ситуации меня вдохновляет. Я игрок и достаточно тщеславен. Вплоть до сего момента я серьезно занимался наукой и не намерен ее бросать. Я биолог и, кажется, с фантастическим уклоном - мне хочется обогнать время...

- Вы что, изучили мое "личное дело" и аттестации психоаналитиков? ухмыльнулся Динстлер. - В основном, вы рассказываете про меня.

- Я действительно много знаю о вас. Поэтому добавлю - у меня довольно серьезные достижения в спорте - я бегаю, плаваю, отлично стреляю, могу подняться по отвесной скале и положить на лопатки почти любого, хотя никогда не был профессионалом. Я легко схожусь с людьми, умею хитрить, выслеживать и даже - быть безжалостным. Я - скорее человек действия.

- Спасибо, успокоили. Похоже, Иван, у вас значительно больше шансов на успех, чем у меня. Ну что же - дорогу идущему! - Готтлиб догадался, что ему нашли достойную замену. - Док, - вмешался Луми. -Мы должны теперь же расставить все точки над і. Поскольку письменный договор мы естественно составлять не будем, дотошно оговорив все пункты, ограничимся джентльменским соглашением. Главное положение которого: вы, Йохим-Готтлиб подлинник и главный держатель "пакета акций" - вы, и только лишь вы настоящий Пигмалион. Иван же - дублер, мираж, двойник. Он будет на скамейке запасников и, возможно, дай-то Бог, никогда не вступит в игру. Но в случае необходимости - именно он "попадет в сети" ловцов, что бы водить их за нос, а вы, со всеми своими потрохами уйдете в подполье, чтобы иметь возможность продолжать свое дело.

"Ну что же, во всяком случае, нормальному человеку такое не может и присниться. И надо признаться - это вдохновляет", - решил Динстлер, берясь за работу. Все необходимые медикаменты были доставлены Луми через Ванду. Готтлиб позвонил жене и, прибегнув к условному знаку, исключаяющему возможность ловушки, попросил прислать полный курс М1 и М2, предупредив, что вернется через три недели.

Иван не испытывал и тени сомнения, прощаясь со своим лицом, не доставлявшим ему, по-видимому, никаких хлопот. Он был сиротой, а о женщине, ради которой стоило бы сохранить себя говорить категорически не хотел.

- Я совсем один. И мне даже хочется исчезнуть - такое "минисамоубийство". Кроме того, я уверен, что внешнее и внутреннее Я неразрывны. А кое-что меня в себе не устраивает.

Надеюсь, Готтлиб, ваша вдумчивая физиономия серьезно займется перевоспитанием этого легковесного, победоносного типа, который уже почти тридцать лет нещадно эксплуатирует представительную визитную карточку - глазки, губки, гордый профиль - тьфу! Как вы думаете, приятно ли сознавать, что за этот камуфляж тебя могут любить?

- А как же с наследниками, Иван? Ваши перспективные отпрыски никогда не будут похожи на своего отца, поглядывая немного свысока на неказистого родителя, - вставил свой контраргумент Луми.

- Вот и отлично, будут всю жизнь удивляться, как это я так здорово изловчился - победил законы генетики силой своего необычайного чадолюбия, парировал Иван.

- Мне это, кажется, в самом деле удалось. Знаете, Иван, моей дочке скоро исполнится два года и она... Ну, в общем, таких детей я больше не встречал... - не мог не похвастаться Динстлер.

- Да, Мио говорил, что у вас прехорошенькая супруга. И девочка, видимо, в нее?

- Что там "хорошенькая". Моя Антония - чудо!

- Никогда бы не подумал, что вы, Готтлиб, окажитесь столь восторженным отцом. Видимо, я недостаточно изучил ваше "дело", предполагая большую дозу скепсиса и самокритики. Ну что же - ставлю себе минус.

Покончив с обязательной программой неофициального общения, они приступили к выполнению задания. Никто не коснулся главного - смысла и цели не только самого предприятия, но и деятельности Пигмалиона в целом. Никто не помянул Организацию, сочинившую и организовавшую весь этот зубодробительный, за гранью здравого понимания, сюжет.

..."Интересно, думал Готтлиб, "работая" над Иваном, - может ли человек собственноручно "вылепить" своего двойника со всеми мучительно знакомыми и ненавистными изъянами, старательно повторяя нелепый экспромт природы и - не сбрендить? Во всяком случае, я уже, наверняка - псих!"

Почти двадцать дней они прожили втроем, превратив свое вынужденное уединение в сплошной фарс. Может быть этот хохот, порою абсолютно идиотический, провоцируемый одним междометием, жестом или гримасой, помог тогда Динстлеру сохранить отстраненность от своих фантасмогорических манипуляций и довести дело до конца. Вся эта история легла в его сознании на одну полку с комедийными кинолентами, которые никогда не запоминались и не особенно смешили, оставляя привкус легкой хмельной неразберихи. И лишь иногда в особые часы пугливых сомнений, Готтлибу казалось, что над эпизодом "двойника" потрудился Хичкок.

"Гадко и глупо, - думал он с отвращением прильнув к своему отражению в зеркале. - Ничто не может быть противнее сознательного повторения гнусности". В конце концов он даже несколько перестарался, с мазохическим удовольствием изобразив на классическом "портрете" Ивана "авторский шарж".

- Жаль, что нам больше не придется встретиться. Возможность совмещения двух Динстлеров могла бы означать только одно - кто-то из нас должен будет исчезнуть, - перед расставанием с Пигмалионом Иван выглядел непривычно грустным. - Мне кажется, я действительно теряю часть себя, отпуская "подлинник". Становится даже понятна нерушимая привязанность близнецов.

- Если надоест - ты только свистни и я верну на место твое южное великолепие. Неужели у меня такая идиотская улыбка в торжественные моменты? - засмотрелся Готтлиб на свое "отражение".

В начале апреля они расстались: две машины, отбыли в разные стороны, покидая притихшую виллу. Красный "мерседес" торопился вернуться в свою горную обитель, "пежо" Луми, спускавшееся к морю, увозило незнакомца, которому предстояло начинать жизнь заново.

12

Увидев свой дом издали, Готтлиб почувствовал радостное удивление.

Уже с дальнего поворота дороги, с того самого места, где впервые открываются знакомые очертания дома и клиники, сверкнул зеркальный зайчик стеклянной стены. Крошечный маячок - слюдяной отблеск в переливах едва обозначившейся зелени, над округлившимися холмами и травяным ковром, расцвеченным желтыми россыпями мать-и-мачехи.

Он покидал это место с измученной душой и расстроенными чувствами, облегченно захлопнув за собой дверь. По существу, он бежал, оставляя в туманной мартовской слякоти

неразбериху и сумятицу, тупую боль, ставшую хронической. Оказывается, он так соскучился по дому!

Чем ближе подъезжал нетерпеливо жмуший на газ Динстлер, тем сильнее ощущал, что там, за изгибом шоссе, за уходящими в прошлое недавними страхами, его ждет тепло и покой.

Аккуратный сквер за оградой, стоянка с припаркованными машинами, деловито мелькающие в зеленеющих кустах белые халаты, сам дом - с бронзовой, достойно-лаконичной вывеской "Пигмалион", сияющими чистотой большими окнами и солидной вескостью очертаний, свидетельствовали о надежности и преуспевании.

Оказывается, его ждали. Не только Ванда, подготовившая праздничный обед, перебившая прическу и макияж, но и весь персонал, предупрежденный о возвращении шефа и основательно потрудившийся при наведении парадного порядка.

По отчету заместителя Мирея, перехватившего шефа сразу после короткой беседы с женой, Динстлер понял, что дела клиники идут хорошо, стационар загружен, пациенты находятся в надежных руках и два новых сотрудника мужчина и женщина, прибывшие по рекомендации Вальтера Штеллермана ждут распоряжений.

Готтлиб ерзал, стараясь не затягивать вопросами деловую беседу и поскорее встретиться с четой компаньонов: ему не терпелось увидеть дочь.

- Могу вас заверить, голубчик - мы здесь вполне справились. Ничего серьезного, конечно, не предпринимали. Вальтер подлечил свои ноги, сбросил 18 кг. и ждет вас для окончательного наведения глянца. А моя Нина здесь, в горном воздухе, просто расцвела. Вы ее не узнаете... Но погодите, она уже, верно, спит... - тараторила Франсуаз, напрасно пыталась Франсуаз удержать Динстлера. Он даже не постучал в номер и отстранив удивленную няню, нанятую недавно и ему еще не представленную, ринулся к кровати. Антония лежала лицом к стене, обхватив руками большую плюшевую собаку. Это был тот самый затертый Барбос, который остался от увезенной в санаторий дочери Динстлера.

- У Нины полно своих красивых игрушек, но она просто неразлучна с этим облезлым старичком, обнаруженном, кстати, в вашем кабинете", - шепотом объяснила Франсуаза.

Готтлиб плохо понимал, о чем идет речь. Ему хотелось потрогать девочку, заглянуть в ее лицо. И словно почувствовав это, она зашевелилась, что-то сонно пролепетала и повернулась на спину, отбросив на подушку сжатые кулачки. Динстлер замер, охваченный победным ликованием. По голубому батистовому полю разметались черные пряди, подвязанные атласной ленточкой. Маленькое лицо в их четком эбонитовом обрамлении казалось особенно нежным и тонким: живая розовая камешка, каждая линия которой гордилась чистотой и совершенством. Чудо - его собственное чудо!

За обедом радостно вдохновленный Готтлиб не заметил необычной веселости Ванды, граничащей с истерикой и не удивился осторожной деликатности Вальтера. Только потом, уединившись с компаньоном в саду, он понял, к чему осторожно вел его мудрый наставник, мгновенно ставший врагом. Вальтер хотел отнять у Готтлиба дочь! Намеками обрисовывая ситуацию и все туже сжимая кольцо аргументов, он неумолимо двигался к цели, приставив, наконец, "дуло" прямо к испуганному, затравленно колотящемуся сердцу Готтлиба:

- Я знаю, что большей жертвы от тебя не смог бы потребовать, и понимаю, что становлюсь в твоих глазах убийцей. Но иного выхода нет. Племянница Франсуаз не может здесь остаться навсегда да и как? Кто ты этой девочке - "дядя"? След твоей бывшей дочери в санатории исчезнет - она "умрет" от тяжелой болезни. Мы сделаем так, что Тони удочерят

хорошие люди. Позже, когда все утрясется, я уверен, мы найдем способ вернуть вам девочку. Но пока погоди. Потерпи, прошу тебя... Тем более, что есть и другие проблемы...

Но Динстлер не слышал больше ничего, отгородившись непроницаемой стеной оцепенения. Натан поспешил скрыться, заметив приближающуюся Ванду. Она нервно, ошибаясь пуговицами, застегивала на ходу плащ, талые ручейки слез, размывали по лицу фирменную косметику новой шоколадно-золотистой гаммы. Ванда была в истерике, проклиная мужа и ту минуту, когда он вздумал прикоснуться к дочери, она обвиняла его в сатанинской гордыне и намеренном желании избавиться от ребенка. Муж ничего не возражал - ни слова в утешение или оправдание. Он смотрел жалобно и боязливо, даже не пытаясь защититься. Он был разбит и повержен.

- Ты права во всем, Ванда, - я - чудовище. Но самого страшного ты не знаешь. Ужасно не то, что я сделал. - Я не мог не сделать этого. Преступна моя недогадливость - ведь делая это, я должен был знать, что Ее у меня отнимут. Ее всегда у меня забирают... Одно и то же - всегда одно и то же, как ни крутись. Мне даже не хочется больше жить - скучно. Навязчивый, бесконечный кошмар - находить и терять, находить - и снова терять. Не помню, кому за какие грехи уготовил в аду подобная казнь...

Ванда не совсем понимала о чем говорит ее муж, он был потрясен и сражен, разделял с ней боль - и на этом спасибо. Они вместе, они заодно, а значит - обязательно найдут выход.

Динстлер почувствовал себя героем, принявшим основной удар на себя с того момента, как в запале гордого противоборства

предложил выход - побег, идею, более заманчивую, чем осуществимую. Они должны исчезнуть, раствориться, обрубить все концы, а, всплыв на поверхность где-нибудь в Мексике или Америке, начать новую, совсем другую жизнь, возможно, выращивая кукурузу в каком-нибудь захолустном уголке южного штата.

О конкретном осуществлении сложной процедуры тайного переселения Динстлер и Ванда имели весьма расплывчатое представление, подчерпнутое из криминальных фильмов. Они явно нуждались в поддержке. К несчастью Остин единственный человек, на можно было положиться, находился в каком-то бесконечно затягивающемся туманно отъезде, а Натан категорически отверг саму идею побега.

- Забудь об этом, Готтлиб. Поверь - мне не раз приходилось сверкать пятками под носом судьбы - это было и не просто и не весело, - он поскреб затылок и скорчил кривую гримасу - явно окислившийся, неудавшийся вариант иронической усмешки. - Я-то вообще, несколько другой породы, да к тому же был один. Ты - не вытянешь. Шанс в лучшем случае, при самой тщательной проработке, 50 на 50. Представь, а это очень реально - ты теряешь жену или дочь. Тебя то, как золотого тельца, они скорей всего, поберегут, но с семейством, я думаю, церемониться не станут, используя как способ давления - приемы-то стары как мир. Ну и как - каков ты будешь тогда, доктор Динстлер?

- Но ведь половина-то все-таки за меня. Это щедрый шанс. Я чувствую, вернее, точно знаю, что не выберусь из той ямы уже никогда, если сейчас позволю себе сдаться, - Йохим говорил медленно, ощущая ответственность каждого слова. Они стояли на краю альпийской полянки, представлявшей уже заинтересованному взгляду апофеоз весеннего цветения такого размаха, изобретательности и щедрости, что мысль о некоем высшем художественном замысле приходила сама собой.

- Натан, я решил бесповоротно. Возможно, мне придется пожалеть, что пренебрег твоим советом. Прости. Боюсь, ты не сможешь понять меня до конца, до той темной

середины, в которой я и сам ни черта не смыслю. Потому что именно там скрывается несговорчивый, тупой, жадный и такой сентиментальный собственник под названием "отец"..."

- Ладно. Тебе решать. Переубеждать и мешать не буду. Но и поддержки не жди, - заключил он, твердо посмотрев в глаза Динстлеру. И занялся рассматриванием гор.

Йохим медленно пошел к дому, удерживая желание обернуться. Уже у поворота аллеи он нерешительно склонил голову, воровски скользнув взглядом к светлой площадке между темных кулис тщательно постриженного кустарника. Натан стоял все так же, спиной "к зрителям", подставив лицо опускающемуся за холм солнцу. Широкий торс с белым парусом спортивной куртки, коротковатые ноги в прогулочных толстокожих ботинках широко, прочно расставлены, тяжелые кисти опущены в карман клетчатых брюк. Готтлибу даже показалось, что Натан беспечно насвистывает, слегка раскачиваясь на мягких подошвах.

13

Все - теперь он один. Без помощи и совета, без контроля и надзора. Одиночество и свобода! Встряхнувшись и подкрепившись духом противоречия насущным хлебом гонимого, Динстлер начал действовать. Прежде всего материальная сторона. Очевидно, что имущество, клинику, да и свою репутацию придется бросить, как ненужную одежду, ограничившись банковским переводом имеющихся средств. Финансовый отчет, представленный секретарем, был до неожиданности печален: огромные затраты на поддержание и реконструкцию клиники почти полностью поглощали доходы. Учитывая долю компаньона Штеллермана, можно было рассчитывать лишь на сравнительно выносимую нищету там, в неведомой Америке. Странно, но вместо апатии и сомнений, Динстлер почувствовал знакомый прилив энергии, той дразнящей его тщеславие силы, которая подавала голос всякий раз, когда предприятие попахивало безнадежностью. Но прежде это бывало на его территории - у операционного стола, теперь же предстояло действовать во вражеском тылу - в мало известных и мало доступных сферах.

- А как наш Штеллерман, он что-то давно не попадался мне на глаза? спохватился Готтлиб через пару дней после их разговора.

- Франсуаз с девочкой только что обедали со мной, сожалея, что ты слишком много работаешь, совсем не заботясь о своем здоровье. А Вольфи в отъезде, - бодро сообщила Ванда и чуть позже, отведя мужа на веранду, добавила: - У меня постоянное ощущение в доме, что я под рентгеном - видна вся насквозь. Даже в университете со мной не бывало такого, когда на экзаменах этого зануды Бауэра в моем чулке припрятывалась чуть ли не вся "Топографическая анатомия", вписанная в тонюсенькие шпоргалки... Все-таки зря, мне кажется, ты рассказал о наших планах Натану... Кто его знает темная лошадка.

К вечеру Штеллерман вернулся. На втором этаже слышно было как он распекал шофера. Казалось даже, что это монолог: парень то ли вообще помалкивал, то ли мямлил что-то едва вразумительное. Позвякивали какие-то жестянки, вроде колесного диска и грузно ухнуло об асфальт что-то мягкое, поставив жирную точку. Через несколько секунд торопливые шаги Вольфи послышались в коридоре и едва постучав, он появился в динстлеровском кабинете, плюхнувшись на вдохнувший тяжко кожаный диван.

- При всем моем уважении, милейший доктор, я не могу не предъявить некоторых претензий. Боюсь они обойдутся "Пигмалиону" и лично мне, как совладельцу в кругленькую сумму! Ха-ха-ха! Никому не расскажешь - засмеют! Но выходит, что я разваливаю собственный бизнес своими же ногами! - Вольфи схватил со столика сифон и почти не глядя

пустил в стакан злобно шипящую струю. Удивленно посмотрел на результат и, резко отодвинув стакан, фыркнул: - Слишком много газа! Так знаете, где я был? - В Париже, представьте. Прошел всестороннее обследование у Дюрье. Вы слышите - Дюрье! Это вам не... не Леже какой-то. И я ему не понравился. Мои ноги и все то, что здесь, у вас с ними сделали, - это варварство! Вольфи для убедительности задрал брючину, выставив развернутую в первой позиции бледную, жилистую голень. - Нам нужна обстоятельная беседа и, думаю, не здесь. В Париже, дорогой мой! В Париже...! - он подмигнул, махнув рукой к окну и через полчаса собеседники вновь стояли на своей поляне во влажной тесноте бархатных сумерек.

- Мне хотелось сразу же порадовать тебя, старина. Я кое-что обдумал, кое-что предпринял. Во-первых... - Натан сунул в верхний карман белого халата Динстлера небольшой предмет. - Считай, это взятка, лично от меня. Кредитная карточка банка в Лозанне на предьявителя. Сумма не слишком значительная, но достаточная, надеюсь, чтобы на первых порах выкрутиться. А вот где и как, то есть "во-вторых" и "в-третьих" - потолкуем завтра, по пути "в Париж". Я здорово подсуетился, организовывая твоё будущее. И вот еще: думаю, с отъездом не стоит затягивать.

- Ситуация становится опасной? Ты разыграл целый спектакль. Номера прослушиваются?

Натан опустил глаза, подавляя вздох.

- Ехать надо завтра. Мы отбудем с тобой "в Париж". Ванда с Франсуаз и девочкой отправятся на другой машине за покупками в Сан-Антуан. Встреча - в самолете..., - Натан криво зевнул. - Ну а теперь - по постелям. Что-то я стал стареть - всего две ночи без подушки - и как выжатый лимон.

На следующий день, за обедом, разговор не клеился. Даже Франсуаз приумолкла, устав подавать повисающие в воздухе реплики: никто их не слышал, никто не заметил, что прожевал и проглотил, машинально ковыряя в тарелках. Все знали, что сидят здесь вместе в последний раз. Предупрежденная мужем Ванда никак не могла осмыслить, что через несколько часов, вероятно, в этом же синем костюмчике, с маленькой сумкой, вмещающей скромный набор косметики и походных пилюль, она будет сидеть в каком-то самолете, отправляющемся таким-то рейсом, туда-то... Ясно только - что уедет отсюда и навсегда! От этой мысли ее все сильнее колотил внутренний озноб и было невыносимо жаль прошлого - дома, сада, клиники, своей уютной спальни, гардеробной, полной любимых вещей, постельного белья, выписанного совсем недавно по шикарному каталогу, и даже этого бронзового салфетного кольца с кучерявой гравировкой "Wanda", которое она крутила дрожащими пальцами. Какое имя будет у нее теперь, кем станет муж?

Готтлиб опускал глаза, боясь выдать разрастающийся в панику страх. Он старался не думать о прошлом и о скором - отъезде с Натаном. Он знал, что когда в самолете, уже измучившись неведением, наконец, увидит пробирающуюся по проходу и случайно оказавшуюся рядом спутницу - блондинку с черноволосой дочкой, то плюнет на все - на конспирацию, осторожность и этот невыносимый уже страх. Он посадит девочку на колени и чувствуя ее легонькое теплое тельце, скажет: "- Это я - твой папа. Я люблю тебя, Тони!" А там - пропади оно все пропадом! Как-нибудь они выживут...

Позже много раз возвращаясь мысленно к этому дню, к решающему его часу, вернее, коротким двум минутам - пустячковому не учтенному интервалу времени,

проскользнувшему между строгими вехами плана - Готтлиб снова и снова спрашивал себя, препарировав каждую мелочь, могло ли все сложиться по-другому? А если да, то когда, где он споткнулся, попав в капкан враждебной воли или дурной, шаловливой случайности?

После обеда, чмокнув жену холодными, одервеневшими губами, он спустился к ожидавшему в автомобиле Натану и уже на крыльце, под латунной табличкой "Пигмалиона" вспомнил об оставленной на столе записной книжке.

- Минуту, господин Штеллерман, Я кое-что забыл, - обратился он к сидящему в "мерседес" Вольфи.

Отпирая кабинет, Готтлиб слышал нетерпеливый телефонный звонок, с грустью отметив, что и этот звонок, и его кабинет уже, в сущности, не имеют к нему никакого отношения, и никто из звонящих сюда уже никогда не услышит его голос. Подойдя к столу и засовывая в карман записную книжку, он почему-то снял на ходу трубку:

- Это Сьюзи. Вы совсем забыли про меня, доктор, хотя так охотно записали мой телефон... Ну не стройте из себя святошу, послушайте... голос удалился и где-то совсем рядом над ухом зазвучала веселая песенка, именно та, которая соседствовала на его загадочно попавшей в машину кассете с раскатистым славянским маршем. Певичка просила помнить о ней и

не заставляя молчать ее "противный злой" телефон.

- Теперь, конечно, припоминаете. И не думайте бросать трубку - вы не застенчивый гимназист и я - не дешевая шлюшка. Мне, собственно, лишь поручено передать послание друзей. Вот, зачитываю: "Помним, сочувствуем трудностям. Всегда готовы помочь, особенно в последних планах. А так же выражаем крайние опасения, что болезнь, от которой "скончалась" твоя дочь в швейцарском санатории, может оказаться заразной. Не разумнее ли отправить жену с девочкой хорошенько отдохнуть в иных местах, где друзья отлично позаботятся о них? Подумай. И главное - не делай разных движений, не суетись. Это не просто совет, а настоятельная просьба тех, кто всегда помнит о благе "Пигмалиона".

- Возможно это блеф, прощупывание ситуации, а туманные намеки - всего лишь случайное попадание в цель. Возможно - прямая дезинформация, вынуждающая тебя на какой-то необдуманый шаг. А может быть - мы не дооцениваем противника, - Натан размышлял, погрузив лицо в широкую ладонь. - Очевидно только, что с Парижем придется повременить. Не нравятся мне эти хищные заходы вокруг девочки. Стервятники! Выходи, парень, и скажи жене, чтобы подумала о хорошем ужине... Путешествие отменяется. Надеюсь, временно... В гараж! - скомандовал Натан подошедшему шоферу, после того как Готтлиб вернулся в дом.

В того момента, как в трубке прозвучало имя Сьюзи, из Динстлера будто выпустили пар.

Было что-то от смирения приговоренного в том равнодушии, с которым он выслушивал меры предосторожности, продиктованные Натаном: никаких экскурсий по окрестностям, никаких поездок и прогулок. Девочка должна находиться в доме или на газоне под окнами под присмотром няни и взрослых. Но что бы не делал Готтлиб, в какой части клиники не находился бы, самые чуткие антенны его внимания были настроены на волну звонкого детского голоска, заливающегося такой беззаботной веселостью, что все страхи казались надуманными, а тревоги - пустой игрой скучающих любителей приключений.

Он просматривал историю болезни нового пациента, когда услышал нечто невозможное: за окном раздался пронзительный, прерываемый страшными паузами

"захлеба" плач. Через секунду он был уже внизу, в цветнике, разбитом прямо под окнами приемной. К груди Ванды, стоящей на коленях среди розовых маргариток, захлебываясь плачем, содрогаясь всем телом, приникла Тони. Побелевшие от напряжения крошечные пальцы впились в ворот вандиного свитерка, лицо спрятано в тесную лунку между плечом и щекой. Крупные частые слезы, скатывающиеся из-под опущенных ресниц Ванды к дрожащему подбородку, падают в смоляные кудри ребенка, поблескивая в их густой, великолепной черноте алмазной россыпью.

Все это с ненормальной подробностью шока сразу отпечаталось в сознании Готтлиба, а уж потом он увидел тело няни, метрах в двух в стороне. Над ним уже склонился Натан, разрывая с треском окровавленную блузку.

Позже, когда девочку удалось уложить в постель, напоив теплым чаем с валерианой, из ее обрывочного, прорывающегося сквозь наваливающийся сон, лепета, кое-что удалось уточнить, хотя Натану и так все было ясно.

Тетя с сумкой передала коробочку для малышки и плюшевого медведя. Девочка взяла медведя, а няня - коробку. Они только сняла с коробки ленту...

Находящаяся сейчас в реанимации няня была ранена взрывом самодельного устройства, не слишком сильного, чтобы убить, но достаточного, чтобы искалечить и напугать.

Вряд ли теперь можно было затягивать решение: Франсуаза с девочкой должны покинуть клинику. Ах, зачем ты замешкал тогда, Готтлиб, вернувшись в свой кабинет? Может успели бы? Прорвались? Прощай, несбывшаяся кукурузная ферма. Прощая, Антония...

...Готтлиб не стал прощаться с отбывающими Штеллерманами. Он изо все сил старался не прислушиваться к голосам и беготне, хлопанью дверей и чьему-то смеху, боясь различить в суматошной оркестровке отъезда Ее смех, Ее голос. Запершись в кабинете он бессмысленно разглядывал стоящую на письменном столе фотографию чужой девочки - той, леденцевской, белесой крошки, которой никогда уже больше не будет.

Ванда тщетно пыталась вытащить мужа прощаться с уезжающими - он буквально прирос к креслу с усилием открыв ящик стола. - Отдай ей это, протянул он ей тяжелый томик с вытесненным на кожаном переплете православным крестом. - Пусть всегда будет с ней.

Ванда распахнула плотные, пожелтевшие страницы - похоже молитвенник с мелкой старомодной кириллицей, а на форзаце под чьей-то размашистой чернильной подписью, рукой мужа начертано: "апрель 1972. От Йохима-Готтлиба Динстлера - Тебе".

Похоже, он прощался с дочерью навсегда...

14

Ранним майским утром на прогулочной палубе океанского лайнера "Олимпия" царило необычайное для этого времени суток оживление. Как-то по особому щедро светило солнце, подчеркнута элегантно играл флажками на мачтах и шелковыми подолами в меру свежий ветерок, непривычно громко смеялись и говорили, узнавшие вкус возвращения к жизни, люди.

Нет, не больничные палаты и санаторные скверики дарят это пьянящее ощущение выхода из безнадежности в мечту, от тьмы и немощи - к свету и силе, а комфортабельные лайнеры, скользящие по загадочной чересполосице штормов и штилей. Уныние беспросветной качки между хлябью небесной и вспененной, рвущейся к горлу водой, неотступная маята, выворачивающая нутро, как-то сразу, щелчком Божественных перстов, сменяются здесь ослепительной благодатью, дающей все сразу, сполна: покой, волю,

радость. Остается растянуться в полосатом шезлонге, до блеска вымытом волной, пахнущем морем, хрустнуть замлевшими косточками, потягиваясь к потеющему в полотняной тени бокалу и растаять в блаженстве: "Хорошо!"

Еще ночью Ванда поняла, что качка утихла. Опустив ноги на мягкий ковер, она почувствовала устойчивую надежность пола и легко, не хватаясь за стены и прикрученную к полу мебель, подошла к иллюминатору. И чуть не ахнула: не бортовой фонарь заглядывал сквозь толстое стекло, заливая каюту голубоваты светом. Огромная луна во всю полноту бледного диска висела над усмирненной водой, играя бегущими серебром протянутой прямо к Ванде "дорожки".

А потом она проснулась уже от солнца: три дня штормовой качки казались ночным кошмаром, растаявшим с наступлением утра. Ванда посмотрела на часы привинченные к обитой гобеленом стене - 10! Не удивительно, что она осталась в одиночестве, кто же может так долго валяться в надоевшей постели, когда за бортом безбрежная синева с пальмовыми очерками проплывающих стороной островков.

Ванда быстро оделась, выбрав после секундного колебания все белое узкие брючки, свободный вязаный пуловер и белые босоножки на девятисантиметровых, сужающихся к низу "рюмочках". Баста, эпоха качающейся палубы, задраенных наглухо плащей и спортивных ботинок завершена! Открываем новый сезон - сияющая белизна с отблеском радостно-алого. Надевая новые коралловые серьги и браслет, купленные на Корсике. Ванда с удовлетворением отметила, что утомленную вялость осунувшегося лица надежно скрыл свежий, лоснящийся от кокосового масла загар, а шоколадные плечи выглядят аппетитно. Все-таки, отдых на островах пошел ей на пользу. Она задумалась с пудрой в руке, который раз припоминая приятный незабываемый эпизод!

Конечно же, они жили на Гавайях в одном из лучших отелей и пара бывших пациентов мужа, случайно встреченная там, сделала свое дело - за спиной четы Динстлеров шушукались, они стали местными знаменитостями, знакомства с которыми добивались многие.

Бомонд беззаботных пляжников, наслаждающихся в апреле теплой водой, солнцем, ленивым необременительным флиртом, состоял из людей, довольно заметных в обыденной деловой жизни и, конечно же, чрезвычайно занятых. Там за пределами беззаботного отдыха их ждала профессия, карьера, банковские операции и деловые обязательства, нужные связи и тягостные знакомства, изнурительный бег на перегонки, увлекательные интриги, стрессы, слава.

А пока - гулять и валяться на солнце, шлепать босиком по ракушечным плитам сада, нырять до посинения с аквалангом, жевать местную экзотику в подозрительных забегаловках и шикарных ресторанах, щеголять до самого обеда в затасканных шортах и позволять себе совершенно безответственные высказывания и поступки в стиле школьного дураковаления, даже если ты известный журналист, процветающий бизнесмен, задумчивый доктор или утонченная поэтесса.

В один из последних вечеров "гавайского рая" компания собралась в ресторане, расположенном на покрытой цветочными зарослями крыше двадцатиэтажного отеля. Здесь играл известный на все побережье бразильский оркестр, а кухня отличалась особым мастерством в приготовлении омаров и сеговиды - местного блюда, включающего чуть ли ни все, произрастающие здесь фрукты и идущей исключительно под специальный кокосовый ликер, рецепт которого держался в гордом секрете.

Благоухающий сад, прячущий столики между цветочными барьерами, принял вновь прибывших - девять человек, настроенных весело провести время в желанной прохладе между усыпанным огромными звездами небом и притихшим океаном, мирной шелест которого отчетливо доносился даже сюда, в высоту, конечно, когда умолкали темпераментные музыканты.

Ну и аппетит же здесь был у всех! Просто странно, откуда пошли эти байки о пресыщенных, страдающих гастритами и запорами поджарых европейцах? Они с нетерпением наблюдали, как ловко метал на вишневую скатерть неведомые закуски мулат-официант, принимаясь и примериваясь, с чего собственно начать? С морских гребешков в пряно-горчичном соусе, щедро оранжированных гарниром из перца и авакадо, с долек папайи, наполненных черной и красной икрой, наподобие ковчегов, вышедших в море под зелеными парусами какой-то местной гофрированной зелени или с молочного "сумбо", представленного кегельным шаром сбитого овечьего сыра, запеченного с миндалем и оливками.

Ванда уже настолько почернела, что могла позволить себе платье с открытой спиной, минимальный ярко-изумрудный шелковый лиф которого поддерживала на шее узенькая тесемка, а шелестящая "мексиканская" юбка с необъятным расклешенным подолом, живописно выглядела в танце. Черное "туземное" серебро в ушах и на запястьях, волосы, схваченные на темени зеленым шифоном - она чувствовала себя великолепно.

Ванда танцевала с журналистом что-то жгуче-темпераментное, бразильское - с перехватами, вращениями, игрой бедер и плеч, когда краем глаза подметила новую пару, подошедшую к их столику. Дама заняла предложенное ей место, а мужчина остался стоять, уставившись на зашедшую в танце Ванду. Каков же был восторг Ванды, когда она узнала в наблюдателе Вольфа Шерера, взирающего на нее с жадным восхищением. Да, он сразу узнал ее, а она, если честно, с трудом - таким постаревшим и вылинявшим показался Ванде ее бывший кумир. А его жена! Если бы тогда, брошенная Ванда знала, к какой каракатице умчался ее возлюбленный, она страдала бы меньше, торжествуя победу. Конечно же не любовь, а семейные обязательства, выманили из ее объятий пылкого Шерера.. А потом он и сам, пригласив мадам Динстлер на танго, шептал ей в щеку, как скучал и тосковал, переживая разлуку и как надеялся на продолжение связи. Ну уж нет! Дудки - нужен он ей теперь... А все-таки приятно! Это заигрывающая любезность со знаменитым Готлом, эта растерянность нежданного сюрприза, скрывающая запоздалые сожаления. "Есть-таки на этом свете справедливость" - торжествовала она, небрежно махнув на прощание бывшему поклоннику из поджидавшего чету Динстлеров у отеля наемного лимузина.

..."Есть-таки справедливость на этом свете! Благодарю тебя, святой Флориан", - перекрестилась Ванда, обнаружив на палубе расположившегося в шезлонге под зонтиком Готла. Он тоже оделся в белое и держа наготове алое махровое полотенце, глядел, как выкарабкивается из детского бассейна-лягушатника карапуз, опоясанный надувным резиновым кругом. Кристиану исполнилось пять. Это был смысленный и чрезвычайно подвижный мальчик, задира и командир, неизменно выходящий победителем из любых потасовок со сверстниками и даже более старшими по возрасту. Кристиан уже освоил маленький двухколесный велосипед, прекрасно плавал в садовом бассейне и выпросил у отца целую игрушечную палубу с колоколом и штурвалом, установленную на газоне возле садового бассейна. Там, с компасом на груди и в бескозырке он часто "рулил", отдавая команды грозным звонким голосом. О, если бы Корнелия видела! Вдавленный подбородок,

припухший нос, глубоко посаженные глаза - это был ее Ехи, только совсем, совсем другой...

Когда родился яйцеголовый мальчик, Готтлиб облегченно вздохнул: пронесло, искушение ему не грозит. Ванда прижала к груди орущего, сучащего красными ножками младенца:

- Готл, не трогай его, умоляю! Оставь его мне... - она плакала, глотая бегущие ручьем слезы, и муж обнял, прижал их обеих.

- Никогда, никогда больше я не трону нашего ребенка.

И не обманул. Странно: его не удерживали ни обещания, ни опыт, ни размышления - ему просто не хотелось ничего менять. Ему вовсе не хотелось ничего менять в этом лице, уничтожить и переделать которое он мечтал с детства. Какая, собственно, разница? Такой или другой - его ребенок, человек, личность! А нос? - ну и пусть его, этот нос. Не в нем, выходит, счастье.

Сейчас, наблюдая, как брызгается и визжит в бассейне его мальчик, Динстлер не без гордости подмечал, что дети постарше боятся его и никто не смеет отобрать у Криса игрушку, даже свою собственную, приглянувшуюся задире.

- Мама, мама! - увидел Кристиан подошедшую Ванду, - смотри, как я сейчас поднырну! - Он смахнул повисшую на носу сосульку, оттолкнул с бортика чужого мальчишку и громко сосчитав: раз, два, три! - плюхнулся в воду, окатив все вокруг фонтанами брызг.

Ванда засмеялась, беря у мужа полотенце:

- Ну, совсем как ты, Готл, - всегда лезет в самое пекло!...

... Они вернулись домой с новыми силами, нехотя приступая к делам, которых было невпроворот. Уже три года на территории клиники возвышался новый корпус - специальная лечебница для людей, страдающих врожденными уродствами, а в отдалении, за небольшим оврагом, в зарослях орешника скрывался виварий, где томились несколько особей человекообразных обезьян и пару десятков собак.

Жизнь клиники, возглавляемой Динстлером, определилась. Не так, как виделось ему в самом начале, но и не слишком плохо, как обещали последующие события. Выбранный компромисс все же оставлял ему некую свободу для фантазий и экспериментов, предохранял от нежелательных последствий.

Покидая клинику Вальтер Штеллерман убедил-таки Динстлера не предпринимать отчаянных шагов.

- Понимаю, что "санитары цивилизации" предопределили мне участь узкого сектантства: моя судьба подобна судьбе средневекового ученого, живущего между своей тайной лабораторией и дыбой. Я должен прятаться и постоянно балансировать на краю, - уныло пророчествовал Готтлиб.

- Да, Йохим, пока это неизбежно. Хотя, не хочу вас обманывать, "пока" может оказаться длиннее наших жизней, - не стал разубеждать Натан. - Если бы ты знал, сколько лучших умов человечества существует сегодня в подобном статусе! Могу заверить: всему истинному, создаваемому наукой, уготован удел секретности. Тебе повезло - пока ты будешь с нами, могу гарантировать одно - чистую совесть.

- Ну, не такую уж чистую, - криво усмехнулся Динстлер.

- Думаю, относительность этого понятия беспокоит даже обитателей монастыря. А ты все же - Пигмалион. Почти что Бог. Или атана. А лучше сказать - и то и другое. Речь идет о пропорциях. Наша задача - свести долю "сатанизма" к минимуму, вырубивая к "разумному, доброму, вечному"... Попутного ветра, приятель!

Вальтер уехал, увозя Антонию и только через несколько месяцев, когда детскую занял новорожденный Кристиан, Динстлеры получили письмо от Франсуаз: она сообщала, что "племянница" вновь обрела родителей и чувствует себя прекрасно. И больше об этом не говорили, ожидая известий.

Экспериментальные поиски Динстлера разделились на два направления. Одно из них - явное, следовавшее по заранее обреченному пути, не могло похвастаться результатами, чему постоянной свидетельницей была Жанна. Другое - тайное, при участии двух коллег из "Медсервиса" двигалось медленно и верно. Динстлер работал над выявлением отдаленных результатов своей методики, экспериментируя с обезьянами и собаками. Его очень насторожили пришедшие друг за другом сообщения. Африканский вождь, выведший свою страну из варварской дикости, скончался в расцвете лет от какой-то неизвестной формы рака. "Мадам", успевшая осуществить большую часть своей исторической авантюры, скончалась от инсульта, но вскрытие показало, что она была обречена - тяжелая опухоль, развивавшаяся исподволь, уже добивала ее организм.

Что это? Игра случая или знак, настораживающий и пугающий исследователя? Динстлер затребовал подробные данные о состоянии здоровья и причинах смерти своих бывших пациентов, сверяя и сопоставляя факты. Но ничего обнаружить не удалось, к тому же остальные, прошедшие через руки Пигмалиона, чувствовали себя нормально. Это касалось и некого Северена Кларка, работающего в университете одного из американских штатов. Динстлер получил письмо неизвестного адресата и никак не мог понять в чем дело: несколько фраз, написанные его почерком с припиской - "привет от Ивана" и фото: схватка под баскетбольным кольцом, в которой сам Готтлиб в майке вермонтского университета, вырывает мяч из рук здорового негра.

Кредиты, взятые у Леже и Брауна, удалось вернуть в срок, и Динстлер с помощью компаньона Штеллермана и Медсервиса мог теперь позволить себе некую благотворительность. В филиал его клиники, построенный специально для людей с врожденными аномалиями, мог попасть каждый. В тех случаях, особенно у детей, когда кредитоспособность пациента оставляла желать лучшего, врачи работали бесплатно.

Больше всего увлекало Динстлера то, что даже в самых безнадежных случаях, сочетая приемы лицевой хирургии с элементами своего метода, осуществляемые крайне осторожно и негласно, ему удавалось вернуть изуродованным людям человеческий облик, а иногда и вовсе - дать вместо ужасающей маски вполне приличную внешность. Рекламы он избегал, да и контингент больных, попадающих сюда, явно не претендовал попасть на страницы газет. Легкая шумиха научного толка устраивалась лишь тогда, когда больной был преобразен традиционным методом - а здесь, как утверждали коллеги, у Динстлера не было равных. Его имя получило широкую известность в научных кругах, благодаря описанию некоторых новых подходов в использовании натуральных и искусственных материалов для лицевой пластики. В "Пигмалион" приезжали на стажировку специалисты со всего мира, очереди к Динстлеру ждали весьма влиятельные пациенты.

В общем-то, Готтлиб Динстлер был вполне благополучен и достаточно утомлен, чтобы предаваться сомнениям, изводить себя мечтами или воспоминаниями.

В мае, вскоре после того, как семейство вернулось домой из гавайского рая, позвонил Остин. Последние годы они с Динстлером виделись редко, встречаясь на каких-то деловых посиделках. Браун сообщил, что недавно вернулся на остров из дальнего путешествия, в

котором пробыл около года и настоятельно просит чету Динстлеров вместе с сыном навестить его 16 июня в связи с неким юбилеем. Как не напрягался Готтлиб, высчитывая дату рождения Брауна - ничего не получалось - "юбилей" не подо что не подстраивался. И только, перебравшись с причала на борт поджидавшей их яхты и оглядевшись вокруг, он ударил себя по лбу:

- Ну, конечно же! Ванда, сегодня ровно десять лет с тех пор, как я познакомился с Брауном!

Яхта "Victoria", правда, как-то увеличилась в размерах и вроде помолодела, но в остальном все было точно так же: море, чайки и островок, плывущий навстречу подобно торту, разукрашенному взбитыми сливками цветущих деревьев, и даже мулат, встречающий на причале гостей.

Малло вовсе не изменился, даже наметанный глаз Динстлера не мог отыскать следов времени на его смуглом, словно высеченном из камня лице. "Или это вовсе не Малло?" - засомневался Готтлиб, уже слегка "сдвинутый" на подменах.

- Остин прибудет через час - у него, как всегда, каждая минута расписана. А пока располагайтесь, здесь все уже приготовлено для вас, мулат радушно распахнул двери.

Ванда была в восторге от их комнат, выходящих на южную сторону. Как ни преображала она свой дом в горах, привкус клиники, медицинского учреждения присутствовал во всем: в специфическом запахе, не перебиваемом никакими ароматизаторами, в белых халатах, всегда попадающихся на глаза, в тщательно охраняемой тишине и неукоснительности строгого режима. А здесь? Что же мерещилось здесь, за комфортабельным великолепием этих комнат, убранных свежими цветами и вазами с аппетитными, будто муляжными фруктами, в буйном цветении клумб и лужаек, тюльпановых полей и зарослях роз, спускающихся к синей воде?

"А этот Остин, не такой уж аскет, каким хочет казаться. Или здесь, в своем замке этот загадочно-непроницаемый, холодный деляга-рационалист изображает из себя сказочного принца?" - размышляла Ванда, распаковывая чемоданы. Готтлиб и Крис спустились осматривать дом и, видимо, были сейчас в холле, потому что именно оттуда раздались громкие голоса и детский визг. Спустившись вниз, Ванда застала умильную сцену прибытия семейства Дювалей, попавших прямо в объятия Динстлера.

Сильвия превратилась в утонченную молодую даму, предпочитающую спортивно-деловой стиль и простую прическу. Блестящие каштановые пряди свободно падали на плечи, а брючный костюм цвета вылинявшего хаки, был куплен, несомненно, в дорогом магазине. Но откуда эта барственная вальяжность, этот небрежный шарм в чуть поплотневшем Дани?! Аккуратная стрижка и неброский шик дорожной экипировки хозяина процветающей фирмы "Дюваль и К", не могли обмануть друга: Дани смеялся и в его мальчишеском заразительном смехе звенела неподдельная радость молодости, легкокрылое удивление гимназиста только-только ступившего в жизнь.

На плече Дюваля сидел Крис, примеряя подаренную ему ковбойскую шляпу. К широкому поясу малыша был прилажен массивный игрушечный пистолет. А чуть поодаль, наблюдая за боевым знакомством мужчин, стоял Готтлиб и высокий мальчик в круглых очках и с сачком у плеча. Тонкое лицо с крошечными черными родинками на белой, прозрачной коже выглядело умильно сосредоточенным, огромные темные глаза в опущении длинных ресниц, смотрели сквозь стекла снисходительно-внимательно.

- На кого же он все-таки похож? - кинулась Ванда к Жан-Пьеру, и присев на корточки,

развернула стусшевавшегo паренькa к себе лицом.

- Здесь и папа и мама. - Готтлиб смутился не меньше, потому что увидел в лице Жан-Пьера, в его ладной, вытянувшейся фигурке своего друга, не только своего друга, того самого гимназиста Дани, но и самого себя, каким он мечтал быть в те далекие годы.

- Жан-Пьер у нас уже опытный натуралист - переловил всех бабочек на Ривьере. У него большая коллекция с полным описанием видов. В гимназии он возглавляет кружок старшеклассников, хотя сам еще только перешел во второй класс, - представил сына Дани.

- И к тому же - пишет стихи, - заговорщически добавила Сильвия.

- А нашего Криса знакомить не надо, через пять минут вы это поймете сами. Да где же он? - хватилась Ванда, поймав сына уже на балконе при попытке перебраться через витой чугунный парапет.

- Вижу, мои гости в сборе! - раздался голос незаметно появившегося Брауна. - Если бы вы знали, как замечательно выглядите со стороны! Не хватает только звукового оформления. Ну, хотя бы этого... - Остин нажал кнопку магнитофона. - Специально подготовил к нашей встрече. Помните?

В полумраке просторного холла закружил, словно ища выход, старый венский вальс. Волна упруго-танцующих звуков, прокатив среди колонн, выплеснулась в распахнутые двери балкона, заливая вечерний сад. И вслед за ней к простору и синеве вышли люди.

От дома к затихшему внизу морю уступами спускался сказочный мир. Его щедрое цветение, не знающее ни бурь, ни серости дождевых облаков, благоухало, жужжало пчелиное суетой и нежилось под лазурными, без единого облачка, небосклоном. Воздух был плотным от ароматов, вселяющих уверенность в бескрылый полет. Казалось, стоит только распластаться на упругой воздушной струе - и плавно заскользишь, касаясь животом тюльпанного ковра, прямо в прохладную прозрачную воду...

А на дорожке, среди олеандровых кустов у зеркальной глади причудливо изогнутого бассейна виднелись две фигуры - женщины и девочки, направлявшихся к дому. Женщина подняла голову, помахав издали рукой. Браун ей ответил и, повернувшись к гостям сказал:

- Моя жена и дочь.

- Вот это да, Остин! И все втихаря! - возмутился Дани. - Мы считаем тебя угрюмым бобылем, сторонящемся женщин, а здесь - сразу целое семейство!

- У меня вообще, как вы уже заметили, есть слабость окружать себя тайной. Мне не следовало афишировать свое семейное положение - уж так сложились дела... К тому же, мы лишь недавно вернулись сюда и отнюдь не собирались прятаться, - объяснился Браун, тщетно пытаясь скрыть радость, звучащую в голосе. - Надеюсь, вам понравятся мои девочки.

- Издали они кажутся очаровательными, а дочка, кажется, похожа на тебя, - вглядывался, прищуриваясь Дани. - Хотя я и не мастер оценивать женщин на таком расстоянии.

Все с любопытством разглядывали приближающихся, отметив, что светлую голову женщины и темную девочки венчают большие растрепанные венки.

"Господи! Она выбрала именно эти цветы! Высмотрела невзрачный тысячелистник во всем изобилии садовых цветов!" - уди

вился Остин, с гордостью глядя на появившуюся в дверях жену.

Гости затихли, уступив сцену взметнувшемуся в финальном крещендо вальсу и прибывшим хозяйкам.

Музыка затихла, а Готтлиб все улыбался, широко распахнув глаза: он досматривал сон, который, наконец-то, пришел к нему, даруя блаженство.

В сквозящем закатном золотом квадрате открытых настежь дверей, в потоках солнечного света, бьющего из-за спины, стояли Алиса и Тони, взавшись за руки, с букетами белых цветов, принесших аромат меда и полыни. Они смеялись чему-то и были невероятно похожи, как могут быть схожи только мать и дочь.

Девочка запнулась на пороге, окидывая взглядом присутствующих. Ее лицо, раскрасневшееся от бега с сюрпризным сиянием в глубине прозрачно-родниковых глаз, было озарено тем особым светом резвящейся, распахнутой в предвкушении счастья души, который бывает только у детей за секунду до чуда. Нижняя губа, припухшая и влажная, прикушена двумя крупными зубами, смоляные упругие завитки падают на худенькие плечи из-под лохматого, съехавшего набок венка.

- Папа, мы поймали огромного жука! Такой красивый, блестящий!" радостно сообщила она, ринувшись через зал. - Это тебе, па! - Тони протянула жужжащую коробочку уже распахнувшему рукам для объятий Остину.

16

...Поздно ночью, отыграв положенный ритуал праздничного общения с разговорами ни о чем и безобидными шутками, с осторожным кружением вокруг главного, старательно обходящим коварные бездны загадок, участники представления собрались на террасе.

Дети, обшарив весь остров, неоднократно перессорившись и помирившись, крепко спали, почесывая свежие царапины. В кустах заливались цикады, то настороженно затихая, то пускаясь во всю мощь. Над притихшими людьми, над затаившейся гладью моря и мерцающими горизонтом берега распахнулся звездно-бархатный купол.

Ну что же, господа присяжные заседатели, вечер, вернее, ночь ошеломляющих признаний прошу считать открытой... - Остин опустил в любимую качалку и продолжил: - Странная вещь - юбилеи. Нет, не те придорожные столбики, которые отмечают жизненный "километраж". Есть в пространстве нашей жизни особые точки, когда без усилия и особого на то желанья пробиваешь броню повседневного смысла, попадая в самую глубину. И не сказать определенно - что там, а дух захватывает - вот оно - Главное! Вот эти-то точки пересечения силовых линий судьбы и есть истинные юбилеи, хотя мы часто даже не подозреваем об этом.

Ведь бывает же с каждым: просыпаешься утром с чувством особого отношения с окружающим - в окно смотришь по-иному, кофе пьешь не просто со смыслом, в знакомые лица вглядываешься, будто впервые увидел... Настроение приподнятое: нашло - думаешь. А ведь копни личные архивы, те, что заводятся в небесной канцелярии, и окажется, что ровно семь, десять или пятнадцать лет назад день в день, утро в утро, ты выудил самую замечательную в своей жизни рыбу, встретил после долгой разлуки друга, или постоял, задрвав голову в Сикстинской капелле, а может просто - впервые увидел Ее= единственную свою.

Я обнаружил у себя несколько таких моментов, а сколько упустил или упущу! Но только не эту ночь...

Ровно десять лет минуло с того часа, как мы сидели здесь в эпицентре такой же ночи и я мог бы поклясться, что точно так же, как сейчас, вон там, справа от созвездия Стрельца сорвался и прочертил свой короткий, блестящий путь стремительный метеорит...

Время не обмануло нас под маской пространства, как обещал Набоков тем, кто

предпринимает вояж в былое, а лишь ввело в заблуждение, отсылая к тем, былым, прежним, наталкивая на сопоставления и подведение итогов, Да, мы прежние, но совсем другие. Нас стало больше, а совсем рядом, в покое неведения спят наши дети. Пройдет еще десятилетие, а возможно, и больше, прежде чем они соберутся здесь, чтобы задавать вечности свои простые, безответные вопросы.

Сегодня мы будем сторожить их сон и много говорить: ночь коротка, а нам надо так много рассказать друг другу. - Остин испытующе посмотрел в посерьезневшие лица, никто не решался нарушить паузу, никто не двигался, сохраняя зыбкое равновесие спокойствия и незнания.

- Ну что, кто у нас самый смелый? - Остин оглядел притихших гостей.

- Может быть, начну я... - по-ученически поднял руку Дани. Он понял, что кто-то из главных персонажей должен начать ответственный монолог и даже догадывался, кто именно, но чувство актерского партнерства заставило его ринуться вперед на амбразуру затянувшейся паузы, прикрывая спасовавших солистов:

- Это очень поучительная история, особенно для дам. Дело в том, что Жан-Поль родился у нас несколько преждевременно,

- ну, недели на две раньше срока. А причина состояла в том, что Сильвия объелась слив. Она сидела в саду с огромным животом, а рядом корзина слив - они у нас отменные, величиной с персик. Я не досмотрел, известно, что за женщинами в таком положении нужен глаз да глаз...

- Ну что ты сочиняешь, Дани? Какие сливы? Сын родился в марте, да и огромного живота у меня вовсе не было - никто до последнего момента не верил, что мне скоро в клинику... Лучше я расскажу все как было на самом деле, - решила Сильвия поддержать мужа, и минуту подумав, замялась - А собственно, стоит ли вспоминать? В конце концов все закончилось нормально...

- Видимо на правах хозяина инициативу душеизлияний придется перехватить мне. Тем более, что моя история абсолютно чудесная, а я как-то до поры до времени не причислял себя к везунчикам. До сих пор не понимаю, почему меня просто засыпали сюрпризами - разве что по ошибке. Так вот посыльный с юбилейным тортом, торжественно вручив его ошеломленному жильцу и сверив еще раз адрес, вдруг смущенно лепечет извинения, отбирает подарок и исчезает, оставив бедолагу со смутным привкусом чужого, едва подмигнувшего ему счастья... - Остин откинулся на спинку кресла с удовольствием раскуривая трубку, - милое пижонство, которым никто ранее за ним не замечал.

- Лет пять назад я начал упорно приобщаться к табакокурению. Смекнул, что в беседе трубка дает возможность выдерживать глубокомысленные паузы, скрывая под якобы тайной рисовкой, еще более тайное замешательство. Впрочем, я редко прибегаю к этому средству, только в самые ответственные моменты.

В клубах ароматного голубоватого дыма смуглое лицо Остина приобрело плутоватую загадочность факира, работающего "под Восток". Трудно было понять, что сейчас произойдет - поднимется ли из плетеной корзинки плоская голова кобры или с треском, осыпая зрителей блестками, взорвется спрятанная в чалме шутиха, но сюрприз был явно запланирован.

- Так значит - о чудесах, доставшихся мне, думаю, по ошибке.

Был конец февраля 1970 года. Месяц короткий, но сильно поднадоевший, как и мощный циклон хозяйничавший здесь с небывалым упорством. Кажется, метеорологи называли его

Ари - хорошее прозвище для канарейки, но не для такого матерого зверюги-циклона.

Я прибыл сюда на неделю из ярких заморских стран, где, впрочем, буйствовали не только краски и плодовая флора, но и холера, москиты и прочая нечисть, неизбежно сопутствующая нищете и отсталости. Контраст был убийственный: там тщетно взывали к Аллаху, вымаливая спасительную влагу, здесь - стеной лил холодный серый дождь и беспощадно штормило. Временами даже казалось, что пол этого дома начинает уходить из-под ног и я опасливо поглядывал в окна - уже не поплыл ли, в самом деле, мой островок?

Признаюсь, я впервые с радостью думал о предстоящем отъезде, постарался побыстрее уладить все дела и попросил мадам Ланди упаковать мой багаж: где-то в глубине сидело ощущение, что я не скоро вернусь, а может быть... Да, знаете, в эти промозглые, тяжелые дни над всем витает призрак прощания.

Возможно, по этой причине в ночь перед отъездом я вовсе не спал, стараясь припомнить все свои долги и невыполненные обязательства и уже чуть свет отправился в путь, чтобы начать с самого приятного из них - визита к Алисе, находившейся как раз поблизости - в санатории Армана Леже.

Я почему-то очень торопился, уже часов в семь оставил "Викторию" на каннском причале и тут же, еще ощущая тошнотворную качку, пришпорил свой соскучившийся "пежо", рванув напрямик в горы. - Остин рассеянно смотрел сквозь дым, не без удовольствия погружаясь в прошлое. - "Дворники" металась по ветровому стеклу как бешенные. Рыжие потоки, несущие песок и камни, падали с грохотом вниз, переполняя вспененные осатаневшие горные речки... Кажется, я вздремнул; из приемника доносился божественный голос Каллас, дорога была почти пустой, и карусель серпантина со всей ее водяной круговертью, коварно убаюкивала. Скорее всего, я действительно был в полусне, потому что даже не вздрогнул, увидав фары мчащегося навстречу автомобиля.

Не стану утверждать, что успел что-нибудь сообразить или рассчитать, а тем более - осознать опасность. Сработал "автомат". Знаете, как будто вы идете по зимней улице, а рядом кто-то поскользнулся - рука сама тянется поддержать падающего, будь то хорошенькая дама или подвыпивший оборванец. Мой "пежо" ринулся наперерез летящему к обрыву "вольво", подставил свой бок, сам получил травмы, но выстоял и довольно засопел, предотвратив падение.

В припаркованном таким образом автомобиле, у которого по инерции продолжало вращаться в пустоте левое колесо, действительно сидела очаровательная женщина. С выражение тихого счастья она слушала сигналы точного времени. Дождь прекратился и было слышно только это попискивание радиоприемника и глухой рокот потока в ущелье, молотившего камни. в восемь, ровно в восемь часов утра...

... Так вот - о чудесах. Это случилось совсем на другой дороге - я и не заметил как проскочил поворот к санаторию Армана. А за рулем "вольво" за рулем этой чертовой, раздумчиво качавшейся над пропастью машины, была Алиса...

"Восемь! Восемь утра, последнее воскресенье февраля. Все сходится! Значит, это было на самом деле", - Иохима осенило спасительное понимание, как будто из-под надзора палящего солнца, он ступил в прохладную тень с летучим ароматом лаванды и ясностью очертаний. Колесики разладившегося бинокля сошлись, поймали фокус, выудив из сплошной мути невнятного, ненужного прошлого то последнее, затерявшееся, такое важное в его жизни утро.

Но не ледяной озноб ужаса и паническую злобную растерянность увидел он

возвращенной памятью, а вознагражденную самоотверженностью - победу торжествующей воли. "Значит, меня услышали - не зря заклинал и взывал я к высшим силам. Не зря молил, закладывая свою душу: живи, Алиса!"

ЧАСТЬ 9. АЛИСА

1

Только теперь, слушая Остапа, Алиса поняла, откуда появилось тогда на дороге ощущение особого, почти потустороннего покоя - смиренного покоя души, обретшей надежное пристанище.

"Я все еще жива", - сказала она в сантиметре от гибели, ощущая как настороженно ждет автомобиль малейшего колебания ее тела, уравновесив на мгновение жизнь и смерть. "Я все еще жива", - сказала Алиса, откинувшись назад, подальше от манящего края, точно так же, как некогда ее мать, впервые пришедшая в сознание после тяжелой внезапной гибели мужа. "Алекса нет. А я все еще жива" - прошептали губы Елизаветы Григорьевны, потемневшей, сразу состарившейся. Она произнесла эти слова по-русски, веско, словно приняв решение и сжала руку сидящей рядом дочери. Алиса поняла, что несмотря на прогнозы врачей, мать выживет...

..."Кто-то, наверное, за тебя сильно молился", - сказал ей Остин, осторожно открывая дверцу зависшего над обрывом автомобиля, сказал по-русски, погрузив сразу же в тепло родительских объятий, отогревающее перепуганных детей и спасающее затравленных взрослых в те редкие мгновения, когда в хаосе безумных случайностей, к ним протягивается крепкая рука благосклонной Судьбы.

Ничего не надо было уже обдумывать, решать, можно было просто плыть по течению: русская речь прозвучала паролем, обещающим главное покровительство Высших инстанций, взявших, наконец, ее под опеку.

"Значит, всезнающий Некто услышал и понял меня. Значит Там пожалели нас и Он - будет жить..." - пробивалось к Алисе сквозь сладкую усталость.

Она дремала в каком-то кемпинге, ожидая Остина, улаживавшего дела с автомобилем и вернувшегося в сопровождении доктора. Дремала в маленьком самолете, стартовавшем в дождевую морось, а потом в большой машине, легко несущейся по широкой автостраде среди темных окутанных ночной прохладой холмов. Алиса чувствовала, что это уже иная ночь, не та, оставленная на взлетной полосе, но не знала, откуда взялось это ощущение. Она слышала долгий разговор Остина с шофером, вполголоса, на итальянском, но не могла понять ни слова. Все это происходило помимо нее, где-то в стороне от главного единственно важного сейчас смысла: "самое страшное уже позади. Я смогла, я выстояла, я спасла Йохима..."

Алиса отчетливо, до мелочей помнила утро следующего дня, подступившего уже в другом мире, как будто на черно-белом экране вдруг проступили краски. Огромное, тающее в медовом сиропе теней бледно-золотистое пространство: высокий сводчатый потолок с овальными живописными медальонами - что-то пасторально-игривое с стиле Ватто или Буше, отливающий перламутром штоф на стенах, большое, оправленное бронзой венецианское зеркало в радужных брызгах на резных полях, широкая кровать с нежным объятьем атласной перины и букет роз, уже разворачивающих коралловые бутоны. Высокая ваза китайского фарфора стояла прямо на ковре у изголовья и свежие, влажные цветы источали слабый терпкий аромат - запах утреннего счастья, предвещающего бесконечный радостный день.

Кремовый шелк спущенных штор с трудом сдерживал напор яркого солнца. Алиса с удивлением обнаружила на себе белую батистовую сорочку, застегнутую до подбородка на мелкие пуговицы, а рядом в кресле, в позе непринужденного ожидания расположились ее брюки и свитер, вернувшие сразу сбивчивые, нетерпеливо накинувшиеся воспоминания.

Эти вещи сопровождали ее в другой жизни. Именно в этом свитере покинула она дом в Сан-Антуане, его стягивала с себя в кемпинге и держала в руках, пока доктор, приведенный Остином, выслушивал грудь холодным фонендоскопом. А потом, проглотив какую-то таблетку, медленно отчалила в другое измерение, перемешавшее сон и явь.

Был ли в самом деле аэропорт со светящимся коридором стартовой дорожки, шоссе, среди спящих холмов, ночной сад с запахом цветущей мимозы и встречающая их у подъезда дома в круге тонких колонн седая женщина, придерживающая на полной груди шерстяную вязаную шаль? Она потом поила Алису горячим отваром каких-то трав в огромной, тепло освещенной очагом кухне. Мраморные черно-белые плиты пола, диккенсовская посуда, отливающая медью на резных деревянных полках и тонкое золотое колечко, глубоко врезавшееся в пухлый безымянный палец, придерживающий дымящуюся чашку?...

...В дверь спальни постучали. Боком раздвигая двойные створки, в комнату вплыла та самая вчерашняя женщина, оказавшаяся шустрой черноглазой толстухой. В одной руке она держала вешалку с отглаженной Алисиной блузкой, в другой, протянутой к постели, телефон.

- Алиса, девочка, мы с бабушкой так рады, что ты решила погостить у Остина! - вырвался из трубки голос Елизаветы Григорьевны. - Прошу тебя, не торопись домой: я бодр и под внимательной опекой. Займись собой, позагорай, поиграй в теннис, побегай по окрестностям. Во Флоренции уже, наверное, весна в разгаре! - Голос матери звенел вдохновение, полностью соответствуя картине, открывшейся за распахнувшимися с торжественным шелестом театрального занавеса шторами. Окно оказалось широченным, представляя визитную карточку флорентийской весны: гибкие, зазеленевшие виноградные лозы, падающие откуда-то сверху, ветки кустов, будто вставших на цыпочки, чтобы протянуть к окну гроздь мелких ярко-желтых соцветий, чистейшую небесную лазурь в оттенке и высоте которой уже угадывалось торжество раннего потепления, особенно старательно окутывающего темные, игольчато-пушистые кроны старых пиний.

Рассеянно слушая голос матери, неспешно рассказывающей какую-то парижскую новость, Алиса вытащила маленькую карточку, притаившуюся среди колочих стеблей розового букета. "Поздравляю с началом новой весны. Остап. 1 марта 1970 г."

- Да, мам, тут уже всю весна. И я непременно буду греться и бегать по лесам, - Алиса положила трубку и решительно отбросив перину, кинулась к окну. Здесь, в солнечном прямоугольнике, наполненном золотистой метелью, она с наслаждением потянулась так, что хрустнули косточки и по спине рассыпались небрежно скелотые волосы. "А что если у Остина и в самом деле есть теннисный корт?" Мысль, залетевшая по ошибке, как мотылек к огню, показалась Алисе неуместной шуткой. Она плюхнулась в кресло, уткнувшись подбородком в колени. "Да кто же ты, какая ты, в самом деле, Алиса?.."

- Доброе утро, синьорита Алиса" - неслышно появилась рядом толстуха. - Меня зовут Изадора, я домоправительница сеньора Брауна. Вы давеча, должно быть, не запомнили имя, можно звать меня просто - Дора. Вашу блузку выстирали, а рубашка, вы извините... Сеньор Браун сказал, что ваши вещи придут позднее, пришлось взять мою сорочку - я старуха, ношу простое белье, да и все эти нейлоны пекут кожу, аж жуть. Вы не беспокойтесь - она

совсем новая, в шкафу лежала на всякий случай... - Дора по-видимому любила поболтать, но заметив, что гостя не переменяла позу и к разговору не расположена, решила удалиться. - Свет в ванную комнату зажигается здесь. Завтрак ждет вас на веранде. А хозяин будет не раньше чем через час. Просил показать вам сад. Если, конечно, пожелаете.

Алиса пожелала, но Дору беспокоить не стала, пошла осматривать владения Остина сама. Небольшая трехэтажная вилла в стиле Ренессанса располагалась на холме, так что с каменной террасы, по углам которой возвышались огромные мраморные вазоны, уже переполненные цветущей бегонией, открывалась великолепная панорама. Пологие холмы с рощицами кипарисов и пиний спускались к голубой изогнутой ленте Арно, за которой громоздился розовато-терракотовый город: красная черепица крыш, купола соборов, высокие башни, звонницы. Прямо под верандой толпилась группа старых эвкалиптов, будто стесняющихся своих голых стволов. Было тихо и вольно, как бывает всегда под весенним небом, освобождающим от всего, кроме малых грехов созерцать и дышать.

Алиса опустилась в плетеное кресло и с наслаждением приступила к исполнению своей жизненной миссии: она созерцала и дышала, получая удовольствие от каждой порции свежего, хвойно-эвкалиптового воздуха, пропущенного через легкие, от каждой новой детали обнаруженной скользким окрест взглядом.

Здесь ее и нашел Остин.

- Вот ты где, Лизавета! Извини, задержался. Сиди, сиди, будем строить планы, - Остин пододвинул второе кресло. - - Смотри, вон там краснеет островерхий купол, как шапка Мономаха. Узнаешь? Это Санта Мария дель Фьоре - святая Мария-цветочек. По-детски мило и странно для такой грациозной, но все же громадины. Этот дом, когда лет пятнадцать назад мне предложили его в агентстве недвижимости, назывался тоже Каса дель Фьоре. Цветы и святые - неперенные участники местной жизни, - Остин тронул плечо Алисы. - Послушай, не грусти, по-моему, все складывается отлично. Елизавете Григорьевне я сказал, что вытащил тебя сюда, рассчитывая заполучить крепкого партнера на корте. Да так оно, в сущности и было - приволок беднягу почти насильно. Тот доктор из Сан-Антуана, что приходил вчера в кемпинг, советовал немедля вывозить "супругу" к солнцу, подальше от этого сумасшедшего Ари. Это циклон так называли, ты разве не слышала? Так от него, как сообщало радио, уже только на Ривьере за неделю случилось пять самоубийств и множество еще какх-то аномальных явлений...

- Каких самоубийств? - Алиса подалась вперед, вцепившись в плетеные подлокотники.

- Дурацких, конечно. Наркоманы, престарелые неврастенички. Леже сказал - я только что звонил ему в клинику, - что у него пациентка пропала - сбежала ночью после удачной подтяжки лица. Они с доктором Динстлером до сих пор ее ищут.

- С доктором Динстлером? Ты точно слышал - с Динстлером?

- Ну да, конечно, ищут с утра и даже заявили в полицию, - поспешил исправить свою оплошность Остин. Он уже знал, что Йохим отсыпается у Армана, и подозревал о некой связи между ним и событиями на шоссе, но по выражению лица Алисы понял, что ситуация куда сложнее.

- Вот что, девочка. Я должен быть еще вчера на другом полушарии. Залетел сюда по случаю, поглядеть, как дела у Доры. Оставляю тебя пока хозяйничать - живи сколько хочешь. Только прошу, не убегай сразу - ну сделай усилие, угомонись. Здесь красота какая ранняя - рисовать и рисовать! Воздух можно резать кусками и есть - пахнет арбузом, а вкус клубники. Дора славная тетка, почти русская деревенская баба, хотя и подлинная каталонка, но такая

сердобольная, болтливая и поплакать любит - ты только расскажи ей что-нибудь жалостливое. Она бездетная вдова, ты ей сразу приглянулась.

- Конечно, несчастная калека - просто находка для сердобольной старушки, - буркнула Алиса.

- Эх, Лиза, при чем здесь это! Знаешь, что она сказала мне, уложив тебя в постель? - "Спит, говорит, красавица наша, золотистая вся - словно Ангел!"

- Ладно, поняла, беру Дору в Арины Родионовны.

- Но одной нянькой я не ограничусь. Приставлю к тебе еще парочку опекунов. Один, вернее - одна, сама напросилась. Лаура должна тебе понравиться - изящная, умница и немного злючка, знаешь, такая породистая борзая. Журналистка, да еще с политическим запалом - здесь ее многие "высокосядящие" сильно побаиваются. Всегда жутко занята, увлечена, но почему-то сама предложила: "Хочу твою кухню - я сказал, что мы в дальнем родстве - по Флоренции повозить". Через час она будет здесь, чтобы отправиться с тобой по магазинам - я подумал, не стоит тревожить маму пересылкой твоего гардероба.

- Мне вполне достаточно одного магазина. Я не слишком теперь привередлива, да и светские рауты в нашу программу, кажется, не входят, категорически заявила Алиса.

- Ошибаешься, ошибаешься, милая. Здесь как раз светская жизнь бьет ключом. Думаешь, только в прошлом веке знаменитости здешние места осаждали? Куда не посмотришь: "здесь жил Гоголь, а там вилла Чайковского, а вот - дом Рахманинова". Да не делай такие испуганные глаза - еще не сезон. Начнут съезжаться в конце апреля. А вот с господином Жулюносом я тебя непременно сведу. Он из семьи литовских эмигрантов, потомственный лекарь, увлекается всякими особыми, экзотическими методами.

- Так, опять врач, - Алиса с укоризной посмотрела на Остина. Значит меня вообще нельзя оставить без очередного психиатра? Чего вы все так испугалис, ходите кругами - ты и мама. Эта вчерашняя история на дороге - случайность! Не собиралась я кидаться с обрыва! И если бы ты не выскочил из-за поворота как сумасшедший, я сейчас сидела бы в Париже под родительским крылом - только и всего!

- Я рад, что выскочил как сумасшедший, иначе не грелись бы мы здесь сегодня с тобой, на солнышке. И скучать бы этому дому и пустовать аж до мая. А Жулюнос не психиатр, а стоматолог, я дружен с ним, хотя иногда и лечу у него зубы.

- С зубами у меня тоже не все в порядке. Прости, Остап, я сегодня такая "гадкая девчонка", хотя и взрослая тетя, просто от того, что ты меня балуешь.

- Что делать - привык! Первый раз я увидел тебя вообще - с куклой. Помнишь, Александра Сергеевна показывала мне в своем кабинете редкое издание Толстого, а тут врывается ты - растрепанная, щеки горят, колени в ссадинах, и в руке Арлекин такой тряпачный с бубенцами на шапке. Оказывается из-за этой куклы у вас там целая потасовка вышла. Я еще подумал - а вот и Наташа Ростова!

- То есть - ни девочка, но и не девушка? Мне, действительно, лет тринадцать было. Хотя этого случая не помню начисто. А впервые увидела тебя, вернее - запомнила, много позже. К маме приятельница ее стала часто захаживать. Только ты к нам - и она тут же. И я как-то подслушала, что Веруся на кухне кому-то сказала: "Мсье Браун - жених хоть куда!" И значит= мама эту Лару специально для тебя приглашала, сватала то есть. Тут я уставилась во всех глаза - жених! Слово-то какое - русское-русское и смешное! Это, наверное, потому что вокруг сразу колокольчики заливаются деревенские, гармони по околицам поют.

- И веточка черемухи за кокарду картуза засунута, - подхватил Остин. Это все

литература, Лизанька, литература.

- А у тебя, что - жизнь? Я ведь так толком и не знаю, с какой стороны ты русский? Бабушка все темнила, мол, второе поколение эмиграции, дальняя ветвь...

- Ветвь-то дальняя. Только, как половицы гудят на свадьбах от пляса в многолюдных квартирах советских, как рекой разливается самогон под малосольный огурчик, как женихаются молодые на волжском берегу - это я близко знаю.

- Ну вот, наконец признался. Теперь угадаешь, что я попрошу тебя? Говори со мной, пожалуйста, всегда так, по-русски, когда мы одни. Это будет наш заговор и наш тайный язык... А литовца твоего, дантиста, так и быть, осчастливорю знакомством, а может даже - пломбой. Жевать-то тут, как видно, с твоей хозяйственной Изадорой, придется не переставая.

2

Лаура оказалась совсем не такой как по описанию Остина представила себе Алиса. Голубая маленькая спортивная машина подкатила прямо к крыльцу, из нее выскочила высокая девушка в вылинявшей джинсах. По тому, как подцепила она на плечо большую плетеную сумку, как закинула голову, помахав загорелой рукой сидящим на террасе Остину и Алисе - "конский хвост" прямых черных волос задорно обмахнул плечи - было понятно, что если она и "злючка", то от переизбытка энергии, а не от худосочной желчности.

Вблизи выяснилось, что Лауре уже под тридцать и что у нее именно тот тип лица, который может преображаться в различных перснражей от Феи до ведьмы в зависимости от намерения владелицы. Крупная, мастерская лепка, немного гиперболизирующая основные детали за счет пренебрежения мелочами, смуглая матовая кожа, белозубый оскал охотно улыбающегося рта.

- Лаура, - по-мужски протянула она Алисе руку и тут же уселась за стол. - А кофе мне лучше бы черный и погорячее. Куда это Дора запропастилась? - Чувствовалось, что она здесь человек свой и скрывать этого не собирается.

Остин и Лаура принялись обсуждать какого-то неизвестного Алисе человека, по-видимому, журналиста, живо и весело, понимая друг друга с полуслова. Тон доверительной близости сразу расставил все на свои места. Алиса с легкой обидой уступила Лауре ведущую партию, отрешенно разглядывая лужайку.

Остин заметил это и решительно изменил тему.

- Я улетаю завтра, Лаура, и у нас еще будет время все обсудить. Сейчас главная моя забота - Алиса. Я уже говорил тебе, что Алиса художница, натура артистичная. Я подхватил ее на горной тропе по пути в Париж и выкрал, в сущности, спасая от тамошнего дикаря Ари. Без всякого багажа. Я думаю, тебе, Лаура, не надо особенно уж усердствовать. Твои возможности в мире моды могли бы потрясти и мадам Рокфеллер, но в данном случае задача иная: экипировать туристку, желающую сохранить в толпе свое инкогнито.

Лаура окинула изучающим взглядом Алису.

- Это не просто. Алису в толпе не спрячешь, даже если это толпа из голливудских звезд, а она одета в маодзедуновскую униформу.

- Странно, мне недавно говорили нечто подобное и я начинаю подозревать, что это просто-напросто гуманная лесть. Моя внешность теперь могла бы порадовать только полицейского чинушу, составляющего опись "особых примет": слева над бровью шрам, лицо ассиметричное...

- Хватит, хватит, Алиса! - перебил Остин. - Ты увлекаешься. Это слишком похоже на

кокетство. Кто заметит малюсенькие недостатки на фоне роскоши! Ну не будешь же ты выискивать где-нибудь в галерее Уфицци работу никому неизвестного художника с подписью "Школы Рафаэля", когда рядом и сам маэстро и Тициан и Боттичелли...

- Я сразу заметила твои шрамы, - сказала Лаура закуривая. - Мы, женщины, безжалостно внимательны друг к другу. И если приятеля еще можно провести - подсунуть за "натурель" парик, накладные ресницы, закамуфлированный пудрой прыщик на носу, будь уверена, что лучшая подруга ничего не упустит - ни морщинки, ни стрелки на чулке, ни унции лишнего веса! - она мастерски выпустила дым через ноздри. - Знаешь, Алиса, я, как говорят, с порога заметила на твоём лице следы бедствия, но у меня дрогнуло сердце от ревности, хотя в самоуверенности мне отказать нельзя.

Вот уже четверть часа я внимательно наблюдаю за Остином, неужели устоял? И знаете, каков результат моих наблюдений - вы с ним не пара. Друзья, близкие, давнишние, быть может, но - не пара! Нет этой ниточки тонюсенькой, насмерть привязывающей... А посему - я спокойна и весьма расположена к благодеяниям. - Лаура загасила сигарету и поднялась. - Едем, Алиса, одеваться и сделаем все возможное, чтобы каждый, кому сия картина будет явлена в обрамлении, был бы нокаутирован на первой секунде.

И они отправились в маленькое путешествие, сократив благодаря общительности Лауры период приятельского сближения до минимума. Выруливая из узеньких дорожек среди садов и рощиц на автостраду, она уже общалась с Алисой так, будто совершила с ней кругосветное путешествие в одной каюте. Причем, отсутствием ответного энтузиазма, ничуть не смущало общительную итальянку.

- Ладно, ладно, я пока не вытягиваю из тебя признаний, даже в обмен на собственные, - Лаура до отказа опустила стекло и раскурила новую сигарету. - Ничего, что дымлю? Вообще-то я обещала Остину бросить. Мы с ним почти обручены. "Почти" - потому, что у него какой-то особый "бизнес", как он говорит, и жизнь абсолютно сумасшедшая: мотается по всему свету, черт знает где, возвращается усталый, помятый, как беспризорная собака и его приходится долго "одомашнивать" - отмывать, одевать, откармливать любимым супом из красной свеклы и капусты... Мы вместе уже почти пять лет, правда, с большими интервалами. Самым долгим совместным житьем был нам медовый месяц - целых две недели неразлучно у горного озера в какой-то охотничьей хижине. Это было что-то отдельное, особенное, не из сих мирских радостей купание в ледяных водопадах, лошади с длиннющими белоснежными гривами, костры в ночном лесу, бабочки лохматые, чуть не с воробья, закаты, рассветы, радуги в полнеба - и все только для нас. Знаешь, когда вдвоем на краю света и от счастья хочется умереть!

- Знаю. Бывала, правда, не так далеко. Мой "край" был в Шемони и без костров, но в сущности, думаю, такой же: умереть хотелось от счастья. А пришлось - с горя... Но это - другой разговор.

Лаура мельком взглянула в зеркальце на притихшую Алису.

- Извини, что я так с откровениями накинулась. Ужасно рада, что могу поговорить с тобой об Остине. Такой редкий случай - ты любишь его, но не любовница, ценишь, уважаешь, но не собираешься заполучить. А может, ты его еще просто не разглядела? Хотя это невозможно. Мои подружки кладут на него глаз сразу - не мудрено, он - как золотая десятка - я видела у него такую русскую старинную монету с профилем царя - в куче дерьма.

Ох уж эти наши богемные красавчики! Остин совсем другой, в нем сразу чувствуется редкое, наидрагоценнейшее мужское качество - надежность. Надежность - это все: сила,

смелость, благородство, ум. Когда знаешь, что всегда, в любой ситуации ты сможешь им гордиться, что никогда тебе не станет неловко за свой выбор. А у меня критерии не занижены - было из чего выбирать... И к тому же он нежный. Надежный и нежный - просто невероятно! Лаура радостно засмеялась. - Представляешь, например. этот рыжий культурист с чувственной рожей, рекламирующий "Кемел" вдруг начнет предлагать взбитые сливки или новую марку стиральной машины, призывая собратьев разделить с женами тяготы домашней работы! Он так любит детей! Я имею в виду Брауна, конечно. Это секрет, но здесь целый приют существует на его деньги, а двойняшки садовника - абсолютные бандиты - ошиваются в доме целый день. Гоняя мяч на персидских коврах! Думаю, что это далеко не все благодеяния Остина... У нас будет трое - мы уже решили. Мне тянуть больше некуда, скоро тридцать два, да и хочется уже посидеть дома, обрыдли эти тусовки и постоянная битва за профессиональное имя.

Алиса с удивлением обнаружила, что никогда всерьез не задумывалась о личной жизни Остина. Он всегда был сам по себе и давняя попытка сватовства, предпринятая Елизаветой Григорьевной, казалась неуместной шуткой. Очевидно же, что Остин уникален и ему просто невозможно подобрать пару как к антикварной вазе из гробницы фараона, если, конечно, не пригласить опытного бутафора. Лаура, вроде, настоящая, но... Просто Остина невозможно вообразить мужем - решила Алиса и почему-то слегка на него обиделась. За скрытую жизнь, за обыкновенность, за счастье на стороне где-то у горных водопадов. И еще за то, что если бы давным-давно, какие-то тропы судьбы повернули бы по-другому, была бы она сейчас . мадам Браун - сильная, счастливая, гордая.

Алиса вспомнила крошечный эпизод, показавшийся ей теперь значительным. Ей было лет пятнадцать, когда Веруся шепнула про Остина "жених" и в дом зачастила голубоглазая кукла. Самолюбие Алисы-подростка, ловившей восторженные взгляды окружающих и не воображавшей, даже теоретически, возможность конкуренции, не могло допустить, что прямо из под носа уведут человека, которого она считала полностью завоеванным и дружбой с которым очень гордилась.

Алиса фыркнула, надулась и однажды на каком-то семейном торжестве, когда гости маялись после сытного обеда между желанием вздремнуть и необходимостью веселиться, поставила заранее припасенную пластинку. Иголочка патефона попала в точку. Слегка пошуршав, черный ящик выпустил нежный завиток мелодии, тут же окрепший, налившийся торжественной силой и превратившийся в те самые "Сказки Венского леса", которые, как было известно, старомодно любил Остин. Алиса направилась через зал прямо к нему, чувствуя себя, действительно, Наташей Ростовской и, сделав гимназический книксен, пригласила на танец. Вокруг благожелательно зашушукались, заулыбались и она закружилась, наслаждаясь всеобщим вниманием и глупым видом оставленной у рояля "куклы". Почему она не помнила лицо Остина, его руку на талии? Она торжествовала другую победу. А он - какой он был? Остину было тогда за тридцать. Смешно - "тридцать"! Тогда он был в два раза старше Алисы, но запретил называть себя "дядя", а для нее выбрал русское имя, данное при крещении - Лизанька. Так называли ее он, да Веруся, да бабушка, когда была в особом расположении духа. Для остальных она была Алисой.

Между ними всегда существовал некий заговор - противостояние миру взрослых, в котором Остап неизменно принимал сторону Алисы. В течение нескольких лет Браун подолгу жил в Париже, чуть ли не ежедневно бывая у Грави по каким-то делам с Александрой Сергеевной. Он принимал горячее участие в ребяческих затеях Алисы: то

привел откуда-то ослика, чтобы она могла устроить рождественский сюрприз - вифлеемские ясли с крошечным игрушечным младенцем в настоящей соломе, то выискал где-то кинокамеру, засняв волейбольный турнир на лужайке. Остап чудом спас камеру от летящего прямо в нее мяча. Потом с этой пленки были напечатаны фотографии А еще как-то под Новый год именно он, единственный из взрослых, был допущен к устройству детского маскарада. Не такого уж детского - Сержу - кузену Алисы - было семнадцать, а ей? Да, конечно - четырнадцать! И никто не узнал ее в бороде и усах из белой пакли, свешивающейся из-под лиловой чалмы.

- Великий Маг, ученик Заратустры и Гегеля, повелитель стихий Ходжа-ибн-Хуссейн - проездом через Париж. Последние сеансы! - объявил Остап, распахнув портьеры затемненного зала, и все затихли, теряясь в догадках. Костюм Алисе придумал он и

долго обучал фокусам, подарив специальную толстую книгу с описанием различных трюков. Только тогда на представлении из-под плаща мага не вовремя вылетела курица, ошалело метнувшись "в партер". Ее ловили все гости, кудахтавшую, ронявшую перья, а папа, схватив шаль с плеча жены, накрыл-таки несчастную птицу и торжественно передал испуганной Верусе. Та опрометью кинулась на кухню с трепещущим свертком, чтобы поскорей спасти хозяйскую шаль - такого шелковистого, немыслимо нежного гипюра. Белую шаль, белую с длинной игривой бахромой... А Остап? Каким был он? Алиса помнила его неизменную естественную элегантность - Браун всегда казался уместно нарядным - в черном смокинге на приемах или в вылинявшей гимнастерке Захара, косящим по утрам со свистом траву в саду. Он был значителен, даже когда молчал, отсидживаясь в углу, на периферии спора и очень не любил, когда черный завиток выбивался на лоб из общей зализанности, чтобы предательски показать тщательно скрываемое мальчишество. Его внимательный взгляд - смешливый и грустный одновременно: смешливый на поверхности, как солнечные блики на водяной глади, скрывающей омут. И эта легкая тень загадочности - в нелепой седой пряди у левого виска, в какой-то нездешности, в необъяснимой значительности. Впрочем, возможно, девчонка-Алиса придумала все это, а взрослая Алиса обозлилась на Жана Маре, представившего на экране Эдмона Дантеса, - так сильна была уверенность, что граф Монте-Кристо должен быть точной копией Остина...

Как давно это было. Значит, таинственному господину Брауну - что за нарочито безликая фамилия? - уже где-то за 45. Странно, почему она никогда не задумывалась о его возрасте. Остин вышел из мира взрослых, покровителей, наставников, незаметно перейдя на ее территорию, в позицию равноправного товарищества. В санаторий Леже к израненной Алисе приезжал близкий друг с такими вескими полномочиями давнего, а может, изначального душевного родства, что никому - ни матери, ни Луке, ни близким подругам, не перепала подобная мера Алисиного доверия и откровенности.

И вот теперь эта Лаура. Гордится и радуется. Славно, конечно, что Остин не будет одинок, что заживет, наконец, по-человечески и однажды навестит их с кучей ребятишек. А Лаура будет кокетливо жаловаться, какой он безумный отец - ни в чем не может отказать малышам. "Дай им Бог!" подумала Алиса, скрывая перед каким-то всевидящим оком свою зависть к чужим детям и к чему-то еще, о чем не хотелось признаваться даже себе самой.

- А сейчас я тебя познакомлю с потрясающей женщиной, - вернул Алису к реальности голос Лауры, - У нас она самый главный кутюрье.

- Пожалуйста, Лаура, ограничимся пока обычным магазином. Я не собираюсь кружить головы. Тольконемного отдохнуть. - Алиса подавила вздох и с преувеличенной веселостью

показала направо: - Какая милая церквушка на том холме...

3

Вечером в доме Остина состоялась маленькая вечеринка. Хозяин хотел представить "племянницу" своему другу - Альбертасу Жулюнасу. Доктор оказался представительным мужчиной, напоминая портреты Чайковского благообразием седоватой бороды и вдохновенностью взгляда. Поцеловав руку Алисе, он взглянул на нее из-под очков, как показалось ей, с излишней пронизательностью. Алиса устроилась в углу дивана и решила стойко перенести совсем не радовавший ее вечер.

Лаура выглядела чрезвычайно эффектно. Ярко-синий узкий костюм из лоснящегося трикотажа, остроносые туфли на высоком тонком каблуке, поднятые и скрученные на макушке затейливым узлом тяжелые волосы. Узкое, дерзкое лицо с высокими скулами, бледные, полные губы и огненные глаза Кармен, привораживающие жертву. Гибкая, хищная, притягательная.

- Сегодня был замечательный день. Я даже успела закинуть в редакцию эту свою взрывную статью - вернее, подложила им часовой механизм. Надеюсь, главный не испугается и завтра утром разразится настоящий скандал, сообщила она весело.

- А я думаю, что сеньору Валенсо из департамента борьбы с преступностью надо бы уже с сегодняшнего вечера приставить к тебе пару хорошо вооруженных ребят, - заметно помрачнел Браун. - Алиса, наверное, не знает, какую героиню мы имеем честь видеть в своей компании. Журналист Лаура Серджио бульдожьей хваткой вцепилась в горло здешнего "спрута". Право, Лаура, мы уже говорили с тобой об этом. Твоя смелость захватывает дух, ты как гимнаст под куполом цирка. Но зачем отстегивать лонжию, пренебрегая правилами безопасности?

- Я воробей стрелянный, - Лаура с сознанием превосходства устроилась на диване возле Алисы. - Дорогая, поясню лично для тебя - тут-то уже все на этот счет люди образованные. В данном случае мы имеем дело с мафией. Это слово уже вошло в большинство языков мира и объяснения не требует. Увы, именно мы - итальянцы - основные вирусоносители, распространившие эту заразу по всему миру - есть чем гордиться! Мой "спрут" - глава неаполитанской "семьи", сражается с сицилийской группировкой за влияние на промышленном севере Италии. Они уже здорово пощипали друг друга, доставив немало хлопот полиции и подкормив сенсациями прессу. Зверские убийства, взрывы, поджоги радуют обывателя с прошлой осени. Но закону подцепить их никак не удастся, работа чистая - все концы в воду. А мой подопечный - о нем-то и идет речь в моей статье - имеет убойную информацию против "семьи" и к тому же - абсолютно бескорыстен. Долг чести, так сказать, оплаченный ценою жизни. Он знает на что идет, но хочет уничтожить вместе с собой всю нечисть.

- Похоже, я попала прямо к развязке криминального романа. И не скажу, чтобы меня это особенно радовало. Испытываю склонность к тихому, благоустроенному обывательству, - Алису почему-то раздражало, с какой тревогой смотрит Остин на отчаянную журналистку. Она решила при первой же возможности сослаться на головную боль и уйти спать.

- Вот и славно! Выходит, нас уже двое, - доктор улыбнулся Алисе. - Я ведь тоже из обывателей, обожающих тихие заводы и прячущих голову под одеяло даже при мысли о непрочно запертых воротах. Хотя мне-то бояться вовсе нечего. Мои нововведения не настолько прибыльны, чтобы породить завистников и врагов.

- Ты явно скромничаешь, Альбертас, явно приbedняешься. Я-то знаю, что в твою

клинику стремятся попасть больные из всей Европы, оказавшиеся не по зубам своим медикам, - вмешалась Лаура.

Оказалось, что доктор Жулюнас, пожив в Индии и Китае, уже пару лет внедряет в медицинскую практику новые для европейской науки восточные методы - рефлексотерапию, иглоукалывание, медитацию, успешно использует необычную диагностику в особо трудных случаях.

- Рискните, мадмуазель Грави, я же вас вовсе не знаю. Позвольте мне рассмотреть радужку ваших глаз - и я "угадаю" хвори, нынешние и потенциальные, - Альбертас направил в лицо Алисы свет настольной лампы и долго всматривался, шевеля губами и сосредоточенно нахмутив брови.

- Выявлена картина ужасающих бедствий? - усмехнулась Алиса.

- Напротив, мадмуазель, у вас хороший, крепкий организм, хотя чем-то вы по мену здорово ударили. Но он справляется, бедолага. Вот бы только чуточку помочь...

- Вы намекаете, доктор, что я - ваша пациентка? Мне еще не встречался врач, не находящий во мне желанную добычу. Видимо, в этом крепком организме есть чем поживиться представителям вашей профессии. Но мне уже, если честно, надоело лечиться. Хочется пожить без пилюль в кармане, капель на туалетном столике и фальшиво-обнадеживающих голосов хорошо оплачиваемых специалистов.

- Хватит, хватит! - Остин решительно хлопнула в ладоши.

- Мы не на медицинском консилиуме. Пора переходить к обывательским развлечениям. Тем более, что завтра я уезжаю и явно не на отдых.

О делах больше не вспоминали - маленькая компания абсолютно беззаботных людей, наслаждающихся ужином, хорошим вином, классическими анекдотами, спроецированными на современность и выдаваемые за реальные жизненные истории. Все делали вид, что отлично отдыхают, заполняя избыточный досуг необременительным касанием популярных тем - политики, спорта, искусства.

Альбертас даже сел за фортепиано и наиграл старинную литовскую колыбельную, якобы повторяющую основные построения индусских песнопений. Тут же выяснилось, что популярные народные мелодии разных итальянских провинций, напетые весьма приблизительно Лаурой, а так же какие-то славянские и цыганские романсы, процитированные Остином, имеют много общего, что и подтверждало мысль доктора о некоем едином вселенском первоисточнике творчества.

...Было уже поздно, когда Алиса выскользнула в сад и зябко поежилась - ночи были еще совсем холодные и тихие - где-то теплых гнездах отсиживались соловьи, концертирующие здесь с большой охотой с начала апреля. Ей хотелось взглянуть с террасы на спящий город, светящийся внизу морем мигающих огоньков. Приглядевшись, она обнаружила подсвеченные прожекторами громады соборов и движущийся по изгибам набережной яркий поток автомобильных фар.

-Ай да Лаура - молодец! Этак невзначай, ловким маневром, задержала-таки Остина при себе. Нельзя было не заметить его тревогу, ненадежно скрытую юмором и брошенное словно мимоходом: "мой отъезд, кажется, придется перенести". Конечно, теперь он должен оградить от опасности журналистку Серджио, сделавшую столь рискованный ход. Завтра все эти люди, там внизу, будут читать взрывную статью Лауры - восхищаться, ненавидеть, бояться.

А кто вспомнил бы о тебе, Алиса, если бы вчера брауновский "пежо" не подоспел

вовремя? Немногие - ой, немногие...

Она вздрогнула от прошедшего вдруг о спине озноба и тут же почувствовала на плечах шелковистое тепло.

- Уж и не припомню, который раз за свою жизнь я накрываю женские плечи пиджаком - вот, оказывается, истинно мужское занятие - не стрельба, не скачки, не драки, - рядом с Алисой в угольной тени от мохнатой пихты стоял Остин.

- Ничего себе - пиджак! Даже в полной темноте и сильном опьянении я назвала бы эту вещь меховым манто, - погладила Алиса пушистый ворс. - Не стану спорить - одаривать несчетное множество женщин дорогими шубами истинно мужское дело. Это, если я не ошибаюсь - норка?

- Соболь, Лиза, серебристый соболь, - мех северных королей. Но это не манто - а палантин. Мне подарили его охотники-эвенки, как "необходимую вещь для дома". Может быть, они предполагали, что я буду использовать его как одеяло или укрывать в старости подагрические колени. Считается, что эти шкурки имеют целебную силу. А может - предназначали подарок моей "хозяйке". Я им немного помог - а этот мех - самое дорогое, что они там в своих сибирских лесах имеют. Так что - носи на здоровье!

- Но у меня такое ощущение, что дар попал не по адресу. Или у тебя их много? - Алиса облокотилась на каменный парапет, напрасно всматриваясь в скрытое тенью лицо Остина.

- Нет, и этот мех и ты - у меня в одном экземпляре и вы очень подходите друг другу, - он рассматривал Алису, мягко освещенную падающим из окон дома светом.

За ней и вокруг нее - лунный ореол святящегося вдалеке города. Тонкие кисти, сжимающие у подбородка накидку

и лицо, погруженное в мех, кажутся мраморными. Лишь глаза огромные и темные - живые, насмешливые, чудные...

- Мне понравилась твоя Лаура. Она, действительно, интересная женщина. С такой не соскучишься. Да к тому же - в зените славы и очень хороша... Хотя, по-моему ты не очень утруждал себя комплиментами в ее адрес.

- Она игрок. Игрок рискованный и немного играющий на публику. Лаура не всегда понимает, что рискуя собственной жизнью, мы не вправе подставлять под удар других - в этом и состоит личная ответственность каждого, кто имеет хоть какую-то власть. В ее статье прозвучит имя, которое лучше было бы до поры до времени держать в тени. Назвав человека, решившего выдать членов мафиозной семьи, она, естественно, ставит его под угрозу. Наивно рассчитывать на обещанное прокуратурой прикрытие. По закону мафии предатели приговариваются к смерти и, надо сказать, они почти никогда не нарушают подобных обещаний, не взирая на самые строгие меры предосторожности. Лауру захлестывает азарт преследования и она теряет контроль. Наверное, просто боится, что у нее перехватят инициативу, - Остин немного горячился, чувствовалось, что это для него большая тема.

- Не очень-то лестная характеристика сеньориты Серджио, впрочем, на правах близкого друга, ты имеешь на это право, - Алиса решительно направилась к дому.

- Не пора ли к гостям, Остин?

- Я уже давно всех выпроводил. Завтра у меня совсем не простой день. И тебе пора спать, детка. Ты же у нас - отдыхающая, а поэтому плюнь на всю нашу возню, возьми у Доры ключи от малышки "фиата" и гоняй себе по окрестностям в поисках творческой радости.

- Отлично, я прямо с утра начну бегать за бабочками или кайфовать у мольберта на каком-нибудь высоченном холме, пока здесь, внизу, сильные и смелые будут бороться за

справедливость. Приятных снов, Остин! - Алиса решительно пошла к дому.

4

В начале апреля сады вокруг уже цвели в полную весеннюю силу и отпала нужда не только в соболиной накидке но и в твидовом жакете, приобретенном в каком-то универсаме. Все это время, оставлявшее на бегу бесконечные многоточия, как разрозненные части криминального телесериала, Алисе не приходилось скучать. Напротив, она стала замечать в себе жадно рвущиеся к свету ростки новых жизненных интересов.

Во-первых, в постоянном волнении ее держал сюжет, разворачивающийся вокруг ситуации спровоцированный статьей Лауры. Во-вторых, Алиса и сама стала центром довольно-таки странной истории, дающей ей повод если и не для самолюбования, то по крайней мере - для довольства собой.

Статья Лауры произвела шум, запустив опасный механизм реакции "семья" всполошилась, отчетливо дав понять, что церемониться с отступниками не станет. Браун, пропадавший больше суток после выхода статьи, вернулся довольный, заявив, что будет отсыпаться. Лаура радостно шепнула Алисе: "Порядок, птичка упорхнула!" Что означало - героя ее статьи удалось надежно спрятать.

Остин отправился в Тунис на ответственные переговоры с партнерами его основной фирмы, что, по его словам, можно приравнять к отдыху. Алиса же решила совершить визит к доктору Жулюнасу, продиктованный прямой необходимостью.

Сломанная в катастрофе и починенная в клинике Леже челюсть время от времени доставляла ей серьезные неприятности - зубы с левой стороны ныли и нуждались во вмешательстве хорошего стоматолога. Поскольку Альбертас изначально имел именно эту специальность, Алиса рассчитывала на его помощь или рекомендации к достойным коллегам.

В приемной кабинета Жулюнаса ожидали своей очереди еще две женщины одна из них, в миниатюрной бархатной шляпке на седых волосах рассеянно листала журнал, другая, совсем еще молодая, сидела неподвижно, сомкнув опущенные на колени ладони. Ее напряженная спина не касалась кресла, полузакрытые веки нервно подергивались, за бледными губами угадывались тесно сжатые челюсти. Так, в сосредоточенном полузабытьи ожидают на скамье подсудимых оглашения приговора, чтобы через секунду завывть или разразиться бранью.

Лицо женщины притягивало взгляд. Алиса вновь и вновь жадно возвращалась к нему, пока не поняла, что рассматривает соседку в упор, незаметно выпрямляя спину и копируя ее позу. А затем глаза Алисы закрылись и она увидела голубой бланк с круглой печатью онкологической клиники и бледной машинописный шрифт, выделивший короткое слово "canzer". Шрифт уплотнялся, наливаясь багровой сочной мякотью и Алиса подробно рассмотрела то, что прежде никогда ранее не видела и даже не пыталась вообразить, а теперь знала с безоговорочной уверенностью: сморщенный лиловатый кисет желудка с внедрившейся в его стенку медузообразной, выпустившей хищные щупальца опухолью.

- Мадмуазель Грави, что с вами? - тряс ее за плечи Альбертас. Они были в приемной одни, не считая подоспевшей секунду спустя медсестры с флаконом нашатыря.

- Все в порядке, доктор, я немного вздремнула, - медленно освобождалась от страшного видения Алиса.

Потом в кабинете Альбертаса она спросила о молодой пациентке, пришедшей, как оказалось, на сеанс иглотерапии по поводу онкологического заболевания желудка, и

рассказала доктору все: о посетившем ее только что видении и прежних странных прозрениях, начавшихся после катастрофы.

Жулюнас слушал внимательно и терпеливо, так что по выражению его лица Алиса поняла - сейчас он будет предлагать ей курс психотерапии, намекая на некий нервный сдвиг и скрывая под латинскими терминами диагноз умопомешательства.

- Наука сегодня не знает объяснения этому явлению, называемому попросту "ясновидение". Судя по всему люди, обладающие подобным даром, существовали всегда, называясь ведьмами, колдунами, прорицателями, жрецами. В Болгарской деревне живет слепая женщина - Ванга, к которой приезжают за советом и пророчеством не только члены местного правительства, но и разные люди со всего мира. Ванга перенесла травму и после нее получила возможность заглядывать в будущее тех людей, которые приходят к ней и даже тех, о ком ей просто рассказывают. Известны и другие случаи ясновидения - это явление вполне реально и имеет десятки версий научного или антинаучного толкования. Есть среди ясновидцев люди малограмотные и интеллектуалы, есть бескорыстные миссионеры, а есть и отъявленные шарлатаны, наживающиеся на чужой беде. Могу сказать наверняка одно: это тяжелый крест, Алиса, но и могучий дар, способный делать чудеса, если им правильно распорядиться. У вас есть два пути, выбрать из которых вы должны сами, серьезно подумав. Первый - мы совместными усилиями и особенно вашими личными стараниями блокируем эту часть вашей психики. Гарантировать успеха я не могу, но обретя душевное равновесие, вы сможете добиться того, что приступы ясновидения будут происходить с вами редко, как зубная боль, не деформируя личность.

И другой путь, рискованный, возможно, тяжелый и ведущий совсем в другой мир, за пределы нормальной человеческой психики. Я бы назвал его "тренировкой ясновидения". Опять-таки, гарантировать не могу - станете ли вы профессионалом, сумев использовать свой дар как редкий инструмент, или разрушите себя, подчинившись неуправляемой стихии. Думаю, никто не смог бы предсказать .

- Кроме, разумеется, ясновидца, - усмехнулась Алиса. - По этому поводу я никогда не имела видений, зато некие обнадеживающие оптимистические "обещания", нисходили на меня в самые трудные минуты. В них было теплое море, маленькая девочка - абсолютная моя копия, и смех. Радостный смех, в этом нельзя ошибиться. А вот что это - мое детство или моя старость - не знаю...

Алиса и Альбертас встречались еще несколько раз в доме Брауна, обговаривая варианты использования Алисиного дара и решили подождать ситуация сама подскажет верный путь. А пока Алиса обещала рассказывать о свои необычные ощущения Жулюнасу. И только пообещав это и начав внимательно прислушиваться к себе, поняла, что все "видения", испугавшись засады, попрятались: ничто не давало ей повода говорить о каких-то сверхъестественных возможностях. Даже усилием воли Алиса не могла, например, представить себе Йохима - он будто исчез за краем объектива, а на вызов этого имени являлся некий спортивного типа молодой человек в красном "мерседесе" или в обнимку с пухленькой блондинкой. Алиса сообразила, что ее воображение сильно присочиняет, не в силах найти выход за пограничную черту дозволенного людям знания.

Когда Жулюнас попросил ее о попытке диагностики чрезвычайно сложного больного, она долго отказывалась, ссылаясь на утрату дара. А когда все же попробовала, то "увидела" лишь небольшой, с голубиное яйцо мешочек сала, расположенный прямо за грудинным хрящом пациента. Мешочек слабо пульсировал мертвым холодным светом.

- Как умирающий светлячок, - уточнила Алиса, но я почти уверена, что все это придумала, так как вчера вечером наблюдала за этим удивительным насекомым в саду.

- Вряд ли, - нахмурился Жулюнас. - То что вы описали очень похоже на некий загадочный орган, о функциях которого ученые до сих пор имеют смутное представление. Наиболее заманчивые версии склонны считать вилочковую железу центральным пультом управления всего организма, осуществляющего руководство при помощи особых гормонов, передающих кодовую команду каждому органу. Интересно, что у людей где-то старше семидесяти при вскрытии всегда вместо железы обнаруживается жировой мешочек. Она как бы перерождается со временем, оставляя организм без руководящей опеки, так сказать - на умирание. Но наш больной молод - ему нет и сорока... И беспричинное, вроде бы, разрушение организма, объясняется в этом случае просто - патологией "командного пульта".

Постепенно втягиваясь в сотрудничество с Жулюнасом, Алиса чувствовала странное торжество, смешанное со страхом. В ней самой и помимо нее развивалась какая-то особая жизнь, не подвластная контролю. Она начинала любить свой дар, когда он слушался ее, творя чудеса, и боялась его, вторгающегося в мозг без зова смутными намеками, требующими осмысления. Иногда Алису потрясала не только слепота ее "ясновидящего ока", но и полное отсутствие обычной интуиции.

Они с Альбертасом встречались довольно часто, подолгу гуляя то в саду виллы Брауна, то по улочкам Флоренции. Доктор был прекрасным знатоком истории оккультных наук, ценителем искусства и чутким гидом, всегда угадывающим что больше придется по нраву его подопечной. В галереях, на улицах или в храмах Алиса ловила на себе его внимательный взгляд, будто ожидающий, что она впадет в транс перед статуей Микельанджело или полотном Тициана, начав вещать занимательные подробности биографий давно ушедших титанов.

- Альбертас, увы, я не оправдываю ваши ожидания - ни прошлое, ни будущее этих великих мест не дает мне сигнала. Я чувствую и вижу тоже самое, что и все эти посетители, разве что мне не всегда требуется разглядывать табличку, чтобы угадать автора скульптуры или живописного полотна. Прекратите свою охотничью слежку и перестаньте глазеть на меня так, будто из моего рта должна вылететь птичка.

- Да, бесценная моя ясновидка, в каких-то вопросах ваше чутье даже слабее, чем у любой гимназистки, - вздохнул Альбертас. Они стояли на лестнице в парке Боргезе. - Доктор с перекинутым через руку светлым плащом и клетчатым кашемировым шарфом, нырнувшим одним концом за спину, а другим распластавшимся на груди, так что рука, слепо шарившая по борту пиджака в поисках очков, потеряла верхний кармашек и замерла в недоумении. Жалобную растерянность выражало его замершее в полужесте крупное тело и лицо в серебристой окантовке седеющих волос.

- Неужели вы и правда не понимаете, что я просто люблю вас, Алиса. Конечно, не просто, а мучительно и прекрасно с первого взгляда там, в гостиной Брауна и с первой же минуты - несчастливо, т.к. знал, видел, понимал, что связывает вас с Остином.

- Не понимаю - что связывает? С Остином? - лицо Алисы вытянулось от удивления. - Ну, знаете, Альбертас, у вас какие-то особые методы воздействия - шоковая терапия... Каково же мне сразу узнать и о ваших чувствах и о каких-то особых отношениях с Брауном... Господи, он же обручен с Лалурой. Или это секрет?

- Возможно, секрет. Во всяком случае, я и не подозревал об этом, доктор, наконец, нашел и одел очки, чтобы рассмотреть подобранный на мраморной ступени красноватый

лист бука. - Удивительно, взгляните, Алиса, здесь жилки раздваиваются у основания, дублируя рисунок - какая-то сложная генетическая мутация.

Алиса подошла, виновато поглядывая вовсе не на листок, а на доктора. Он виновато улыбнулся:

- Да, не волнуйтесь вы так, Алиса! Меня не мучают иллюзии на взаимность. Притом, вы знаете, странный - буду любоваться вами издали и наслаждаться мучительной безответностью - изысканнейшая разновидность мазохизма. Причем долго, очень долго - возможно, всю жизнь, как бы невероятно она не затянулась...

После этого разговора в саду Боргезе Алисе стало легче и проще с Альбертасом. Она перестала связывать его интерес к себе с возможностями ясновидения и от этого сами эти возможности - существующие или выдуманные потеряли значение неотложной задачи, которую надо было решать. А предоставленные сами себе, они начали проявлять небывалую активность.

"В конце концов, отчего не попробовать?" - решила Алиса, давая согласие на консультации в клинике Жульонаса.

Уже через неделю, диагнозы, поставленные доктором на основании "видений" Алисы оправдались у двух пациентов. Мало того, благодаря ее вмешательству, эти люди получили возможность спасения.

Однажды Алиса осмотрела семилетнюю девочку со всей очевидностью, не имеющую шансов выжить. Тайный недуг подтачивал хрупкий организм, а усилия врачей, перепробовавших весь доступный арсенал медикаментозных средств, окончательно добивали ребенка. Она уже не могла подняться, и только тоненькая, прозрачная рука, лежащая на одеяле, цепко сжимала игрушечную канарейку.

- У меня дома живет в клетке такая же птичка, - попыталась девочка протянуть Алисе игрушку. - Она очень хорошо поет. Мама обещала выпустить ее в лесу, когда я умру.

Как-то сразу, без особых усилий Алиса "увидела" студенистую жидкость, перетекающую по тонким трубочкам внутри позвоночного столба ребенка и как бы разъедающую цвет - вокруг трубочек сложная конструкция костей и хрящей имела сероватый окрас, как на экране плохого телевизора.

По мнению специалистов, "картинка" Алисы означала особое перерождение тканей спинного мозга, не фиксируемое обычными анализами. Девочка была отправлена в Хьюстон, где в клинике, специализирующейся на подобных случаях, связанных, как правило, с сильным радиоактивным облучением, была произведена срочная операция.

В середине апреля Альбертас показал письмо, в котором сообщалось, что больная пошла на поправку.

- Если бы ты знала, Алиса, как я горжусь тобой. И собой. Ведь ты мое открытие! И знаешь, уже не мало людей буквально молятся на тебя. Скажу по секрету - я выслал по просьбе этой малышки твою фотографию в Хьюстон. Она думает, что ты - Ангел...

5

Алиса действительно, почувствовала прилив сил, ей не хотелось задумываться над смыслом такого поворота судьбы, возможно из страха спугнуть норовистый дар. Она не строила планы на будущее - знала только, что возвращаться во Францию ей явно не хотелось. К тому же, ожидалось скорое прибытие Остина и это уже был праздник. Лаура, не досаждавшая Алисе своей дружбой по причине чрезвычайной занятости, вдруг зачастила с визитами, давая распоряжения Доре и садовнику. Тот с утра до вечера копался в саду, а его

близнецы, сосредоточенно подстригали кусты большими ножницами.

Пряно и остро пахли свежесрезанные ветки туи, в сводчатые окна Casa del Fiore смотрелось закатное солнце, на газоне стрекотала, разбрасывая сверкающие брызги, вертлявая поливалка. Алиса рассматривала Флоренцию, так сильно изменившуюся за эти полтора месяца. Вон там, за длинным желтым зданием дворца Юстиции, скрывается трехэтажный особняк с изумрудным изразцовым фризом, в котором находится редакция Лауры, левее, на границе с парком, вклинивающимся в городские постройки, под охраной высоких темных кипарисов прячется клиника Альбертаса, и эти улочки и соборы - все уже добрые знакомые. А главное - люди, которые остались жить благодаря тому, что живет и здравствует она - Алиса.

Браун прибыл раньше на два дня, никого не предупредив. Просто появился утром в дверях огромной кухни, где на скорую руку Дора сообразила Алисе завтрак - кофе с куском горячей пиццы. Добродушная толстуха болезненно воспринимала худобу сеньориты Грави и всеми правдами и неправдами старалась подсунуть ей лишнюю порцию мучного. Спагетти, плаченту, нудли, пудинги, пироги и пироженные не покидали стол.

Остин, в светлой спортивной куртке нараспашку и перекинутой через плечо яркой сумкой, казался студентом, вернувшимся домой на каникулы. Только глянув на него в упор, Алиса поняла, что тунисский "отдых" был не слишком щадящим.

- Рад видеть вашу мирную трапезу, дорогие дамы. А это - подарки, Остин чмокнул в щеку Алису, обнял на ходу Дору и выложил на стол содержимое сумки. - Здесь все для совершенствования кулинарного мастерства. Такие специи, что можно съесть деревяшку, принимая ее за печень соловья. Или наоборот. В общем, уже сегодня вечером мы обязательно должны все это попробовать.

- Ну что, бизнесмен, как твои восточные партнеры - все завоеваны? И не слишком ли ты переусердствовал в отдыхе - вон как глаза ввалились. Теперь-то уже, наверное, можешь ненадолго остановиться? - допрашивала Алиса Остапа уже в саду, показывая наведенный порядок.

-Инш Алла, Алиса, инш Алла. Если позволит Аллах, Истинный мусульманин говорит о будущем только в сослагательном наклонении и с дозволения Аллаха. Боится сглазить удачу или взять ответственность на себя...

- Но ты-то уж точно, не мусульманин - хотя и черен, как настоящий араб. И вообще, мне кажется, мало чего боишься. На этом свете, - Алиса заглянула в лицо Остапа, - Или...? Что-то не так?

- Похоже, ты не читала вчерашних газет.

- Я их вообще не читаю, все сенсации приносит мне Дора, притом в абсолютно доступном моему пониманию изложении. - Алиса стрельнула в куст олеандра вишневой косточкой.

- Пожалуй, это тебя заинтересует, - Остин протянул ей развернутую газету с крупной фотографией какого-то паренька за рулем мощного спортивного мотоцикла. И набранный крупным шрифтом заголовок: "Спрут" наносит ответный удар".

- Это сын того самого человека, о котором неосторожно упомянула в своей разоблачительной статье Лаура. Самого героя моим друзьям удалось спрятать. Но мафия выкрала его сына, сделав официальное заявление - жизнь за жизнь. Если отец не явится сам с повинной на показательную казнь, парень будет уничтожен. Срок - три дня.

- То-то ты явился пораньше. Прилетел защищать справедливость? "Спасательная служба" благотворительного ведомства "Икс", - усмехнулась Алиса.

- Не знаю, Лиза, что ты там про меня придумываешь, - это все от твоих подростковых фантазий. У меня большие связи и много влиятельных друзей. Но сил явно не хватает для борьбы со всеми изъятиями этого далеко несовершенного, несмотря на обилие цветов и святых, мира.

Эта история меня беспокоит в первую очередь из-за Лауры. Ее имя уже не сходит со страниц затеянной ее собратями по профессии дискуссии - о моральной ответственности и профессиональной этике журналиста. Да и парня жаль. Смотри, экий симпатяга!

- Гонщик, что ли? Вон бицепсы накачены - такой и сам за себя постоять может. Эх, господин Монте-Кристо, тянет тебя в самое пекло! И ведь не без уверенности в победу - ты же не комикадзе. Неужели никогда не приходилось чувствовать себя бессильным?

- Приходилось, увы... Я был совсем еще зеленый, когда на моих глазах погиб человек - мой сверстник, тоже мальчишка, ушел под лед, а я не сделал и шага, чтобы протянуть ему руку. Он кричал, молил о спасении... Я тогда ничего не понял, но вскоре после этого спас своего врага, вернее, помог ему выжить. А враг оказался другом, да нет - Учителем.

- Учитель?! Он был иранец, старик? - вспыхнула Алиса.

- Старик, но не иранец. Русский. И многое тогда, почти три десятилетия назад, точно напророчил и мне и миру.. Ты тоже, Лизонька, я слышал от Альбертаса - волшебница оказалась? Да я всегда знал: с тобой ничего не может происходить просто так, все со значением, с особым смыслом. Не того полета птица.

- Неужели ты не видишь, что я уже целые десять лет сражаюсь за право на обыкновенность! И мечтаю, в сущности, о том же, что и любая нормальная женщина - о любви, доме, детях. Детях, которых у меня никогда не будет...И знаешь, что еще страшно - кажется, я приношу несчастье тем, кто заботится обо мне...

Остин зашагал по аллее, рассматривая кустики роз.

- Садоводческие успехи у вас здесь огромные. На цветы мадемуазель Грави влияет чрезвычайно положительно. И Альбертас мне про твои успехи рассказывал. Это ведь не всем дается - целительная энергетика. Особенным. Кстати, недавно у меня была продолжительная беседа с Арманом. Оказывается мой протеже и твой доктор-чудодей Динстлер, развил бурную деятельность, которую я по-дружески, немного финансировал. Строительство новой клиники, самостоятельная отработка новой методики - он оказался не таким уж растяпой - круто взялся за дело. - Остин умолчал о внезапной женитьбе Динстлера и какой-то странной подоплеки всей истории с преобразованием робкого молодого человека в хваткого организатора и хозяина. - Ну ладно, здесь у вас просто версальский парк. Мы еще осмотрим каждый кустик, а сейчас, уж прости - мне пора на вызов - сама же сказала - "служба спасения".

На кухне, где Алиса привыкла ужинать с Дорой, пахло запеканкой с пармезаном. Ждали Остина, но было уже поздно, а он так и не появился.

- Хорошо, если еще сподобился поесть где-нибудь, а то, бывало, признается невзначай: а у меня, старушка, два дня крошки во рту не было. Не дело это. Сказала бы ему, Алиса, не мальчик уже. И доктор Жулюнас за его сердце сильно опасается. Но и слышать не хочет - я, говорит, заговоренный, двужильный - и за себя и за других кому должником остался, поработать должен... А что за работа такая? Не бедный. Может отдохнуть, посидеть дома и чтобы ребятишки вокруг бегали... - Дора раскатывала на металлическом листе тонкое тесто для медового печенья. Алиса, чувствуя, что начинает дремать, неотрывно смотрела в пасть очага, где танцевал, смачно похрустывая осиновыми поленьями, веселый огонь. Сбоку бубнил никогда не отключаемый Дорой маленький телевизор. "Он у меня вместо часов, надо же как-то время знать, да и что в мире-то происходит. А то сижу здесь, среди кастрюль, как крыса в норе" - объясняла она хозяйину.

"...Истекает срок предъявленного ультиматума. Всего 24 часа остается жить шестнадцатилетнему узнику, захваченному в заложники мафией. Сейчас мы покажем вам уникальный документ - киноролик, подобранный неизвестным в нашу студию. Это обращение преступников к отцу юноши, является, по нашему мнению, прямым упреком органам правопорядка, проявляющим до сих вопиющую беспомощность. К вам, стражи порядка и справедливости, обращает этот голос". На экране замелькали черно-белые полосы и камера крупным планом выхватила плечо в кожаной куртке, потом щеку и часть лица, стремящегося отвернуться. "Только теперь я понял, как любил жизнь", - глухой голос и ладони, охватившие голову. "Он плачет, твой сын, он сказал, что любил жизнь, потому что уже не верит, что подонок-отец спасет его. Ты слышишь нас, предатель, ты знаешь, чего мы ждем. Осталось 24 часа. Нам нужен твой труп на Пьяцца дель Пополо. В обмен на этого парня..., - хрипел в плохой микрофон мужской голос. - Мы хотим проучить всех, кому захочется открыть рот".

Алиса не слышала комментариев Доры. Мысленно она была уже далеко - в кирпичном подвале с деревянным столом и охапкой сена, на которой, свернувшись клубком, лежал незнакомый парень. Она видела как дрожат его плечи, как за ним с лязгом захлопнулась дверь. На улице было ослепительно ярко - свет словно исходил от разогретого солнцем камня. Глухие низкие стены, узкая пустынная улочка, разморенная жарой - ни кустика, ни деревца. Небольшое окно, закрытое бурными жалюзи и облезлая надпись: "Caffa comikus". Шелест резины по булыжнику, приторможенный велосипед, босая нога на педали. Под сетчатой багажной сумкой, набитой подгнившими плодами манго, темнозеленый номерной знак: Siz 037 ОК. Все. Алиса очнулась от настойчивого сигнала, сверлящего ее мозг.

- Быстрее, быстрее! Надо сообщить Остину... - она не сомневалась, что видела именно то место, которое безуспешно разыскивает полиция. - Да где же он, Дора, где искать?

Она позвонила Лауре - телефон молчал. Альбертасу - он сказал, что давно не видел Брауна. "Где же, где?" - Алиса чувствовала, как включился внутри часовой механизм, отсчитывая убегающие минуты. Ничего не решив, она увидела себя в зеркале, застегивающей жакет.

- Куда ты, Алиса? - Ночь на дворе, - засуетилась Дора.

- В полицию. Скажи Остину если вдруг вернется.

Она уже выводила из гаража "фиат", когда увидела в свете фар запыхавшуюся, машущую ей руками Дору.

- Беги скорее - он сам звонит!

Алиса сбивалась, торопилась, рассказывая Остину о "картинке". Молча выслушав, он коротко скомандовал:

- Никуда из дома не выходить! Заприте двери. Никому, слышишь, никому не открывать. Ждите меня - скоро буду.

Прошло не менее двух часов. Все это время Алиса просидела на краешке стула у двери так и не расстегнув жакет. Она снова и снова "прокручивала" свое видение, стараясь рассмотреть новые детали, но увы - канал информации где-то заклинило, связь оборвалась. И она даже стала сомневаться в точности запомнившихся деталей и цифр.

- Живо - в машину, - распорядился Остин, ворвавшись в дом. Она вздрогнула, не узнав его в первую минуту. Доры так и стояла с открытым ртом в столбняковом изумлении у захлопнувшейся двери. Алиса и тот, кто несомненно был Остином, но и все же - чужаком, - исчезли.

Незнакомая машина на полной скорости несла их к аэропорту. Сидящий за рулем мужчина прекрасно соответствовал итальянскому слову "жиголо" или французскому "сутенер": мелкий аферист из тех, что вечно крутится возле ночных притонов, предлагая девочек, наркотики или запрещенную игру в рулетку. Оранжевые брюки-клеш, яркая рубашка с какими-то пальмами, золотые перстни и сверкающая фикса под ниточкой усов. На запястье правой руки, сжимающей руль, массивные "золотые" часы, а сверху, до самого локтя роспись татуировок, изобилующая именами и фразами в духе придорожных туалетов, из которых Алиса отчетливо различила одну: "мама, я люблю тебя".

- Ох, ну и напугал ты нас, Остин. Вот это карнавал! Ты что, подрабатываешь в театре и сегодня дают "Вейтсадскую историю"?

- Мне не до шуток, девочка. Мой телефон прослушивается и, возможно, вся изложенная тобой информация уже получена совсем ненужными нам людьми, а она дорого стоит. Я боюсь за тебя. Если хочешь избежать взбучки беспрекословно слушайся. И никакой инициативы - делай только то, что я скажу. - Остин бросил на колени Алисы пластиковую сумку. - Быстренько перевоплощайся. Нам нужна шлюшка из современных. Там минимум деталей действуй по собственному усмотрению.

Алиса обнаружила черный взлохмаченный парик, узкий лиловый джемпер и что-то крошечное, оказавшееся мини-юбкой. - Если бы ты знала, откуда у меня эти шмотки! Ну ничего - потом хорошенько помоешься. И вот еще. - Остин достал из кармана брюк сверкающие стразами огромные клипсы и пластмассовые очки формы "бабочка" с зеркальными стеклами и россыпью блесков на оправе.

Алиса молча принялась за свой туалет, что было вовсе не просто машину круто заносило на поворотах. Самым сложным оказалась поменять юбку.

- Ну знаешь, это цирковой трюк - я уже вся в синяках. лучше было бы просто подрезать мою мою, - ворчала Алиса, пытаясь натянуть тянучую ткань. - Слава Богу, хоть не мала. Где ты отыскал такую толстуху? Придется подколоть пояс.

Парик сильно пах дешевой парфюмерией и чужим телом и она с содроганием натянула его на самый затылок.

- Разверни к себе зеркало. Это же не шапка. И не игра, Алиса. Все очень серьезно, - Остин и не думал улыбаться. - Черт побери, кажется, за нами кто-то увязался. Обернувшись, Алиса увидела в заднее стекло яркий свет фар идущего следом автомобиля и только тут испугалась. Через пару минут она была уже отменной "шлюшкой" - с начесом стриженных

волос, ярким ртом и сверкающей бижутерией.

- Отбой. Я пошутил. А ты - молодец. Классная девчонка, пожалуй, такую мне удастся толкнуть за приличные бабки - я же опытный сутенер! наконец улыбнулся Остап. - Только не надо натягивать подол на колени. Нам просто повезло, что ты не кривоногая.

- Вот еще! - обиделась Алиса. - Я довольно долго увлекалась "мини" и даже имела успех. А то, что погоню ты выдумал, я и сама уже заметила автомобиль давно свернул вправо.

За поворотом шоссе открывалось яркое свечение: в ночном небе, выбеленном прожекторами, проносились красные мигающие огоньки идущих на посадку самолетов. Отсветы разноцветной рекламы, плясавшей на крышах аэропорта, окрашивали предутренний туман ярмарочным сиянием.

Остин остановил машину под глухой стеной темной служебной постройки.

- Теперь слушай меня внимательно. Твой рейс в восемь утра, на Рио де Жанейро. В начале ты посетишь дамскую комнату и внимательно изучишь себя и эти документы - тебе надо хорошенько запомнить свое новое имя. Не бойся паспортного контроля - бумаги хорошие. В Рио ты возьмешь такси, только не то, что само подъедет к тебе, а второе или третье, как наставлял еще Шерлок Холмс насчет кеба. Покажешь этот адрес. Там тебя встретят, достаточно будет назвать твое новое имя. И еще: где-то на пути к тебе присоединится мужчина. Я не знаю, как он будет выглядеть и где именно подойдет к тебе с вопросом: "Мадмуазель, вы бы не могли порекомендовать мне уютный отель?" Ответишь: "Могу предложить что-нибудь поинтересней". Сидите и ждите по этому адресу и ни одного шага без моей команды! - Остин посмотрел на Алису вдруг очень печально, ей даже показалось - растерянно и быстро поцеловал в лоб. - Все. Я должен ехать. С Богом, детка!

Услышав, как за ее спиной хлопнула дверца, она почувствовала себя невыносимо одинокой и заколебалась - желание нырнуть в автомобиль под защиту Остина было слишком сильным. И как бы почувствовав это, лимузин включил фары и круто развернувшись прямо у нее под носом, рванул к шоссе.

Она осталась совсем одна и ощущая всей кожей неуместность своего костюма, направилась к сияющему входу в аэропорт, возле которого царило необычное для этого времени суток оживление - толпились туристы, выгрузившиеся из большого автобуса, сновали с тележками носильщики, какие-то счастливчики, прибывшие, видимо, на отдых, грузили в открытый автомобиль многоместный багаж, а двое - мужчина и женщина, только что встретившихся здесь, среди суеты и гама, прильнули друг к другу в нескончаемом поцелуе.

Алиса остановилась, не решаясь вступить в эту жизнь самоуверенной шлюшкой. Оставленная на зеленом холме Каса дель Фьоре казалась потерянным раем. Вот и все. Прощай, Флоренция! Альбертас, Дора, горячие пирожки, чудесные видения. Куда несет тебя, Алиса?

Чуть не зацепив бампером, с визгом притормозил автомобиль. Передняя дверца распахнулась: "Живо садись!" - скомандовал Остин, и, круто развернув, устремился к темнеющему парку. Здесь, в прохладном мраке он остановился и нажал кнопку - с легким шелестом поднялась и сложилась в гармошку крыша. Из зарослей потянуло сладким, нежным, цветущим и предрассветные соловьи, успешно соперничали с ревом взлетающих самолетов. Остин молчал, глядя в сторону и тяжело бросив на руль расслабленные руки.

- Обернулся-таки, не удержался! Увидел тебя, такую одинокую, брошенную... Ведь никогда, никогда не разрешал себя оглядываться... - он распахнул дверцу, намереваясь

выйти, но тут же захлопнул и, резко повернувшись, грустно и странно посмотрел на Алису.

- Прости, Лиза, наверное, устал. Не тот уже... Ах, девочка ты моя, прости за всю эту игру, что втянул тебя, рискую тобой... В общем, не держи на меня зла, может уже не придется встретиться... И запомни: ты обязательно должна быть счастливой.

- Не смей так говорить! Не смей сдаваться! А меня - не жалея. В сущности, я, наверное, и не очень живая. Так - хорошая вещь, которой дорожат, но не привязываются. Держат в шкафу, как старинный фарфор, а пьют из стеклянных чашек... - Алиса насупилась, сдерживая нахлынувшую вдруг жажду сострадания и жалости.

- Нет, Алиса, неправда. Жалко. И тебя и меня - жалко... Нелепо все как-то, глупо, нескладно... - Остап взял Алислину руку и, рассмотрев ладонь, поднес ее к губам. - Ты должна знать, ведь жизнь у тебя, как здесь сказано еще долгая-долгая... Я всегда завидовал тем, кто был с тобой рядом. Когда танцевал с тобой, пятнадцатилетней, вальс, смотрел на летящее передо мной лицо и думал: ведь кто-то будет рядом с этим чудом целую жизнь, кто-то будет ее любимым, мужем, отцом ее детей... Это казалось невозможным, невероятным, несбыточным счастьем... Кажется и сейчас, Лиза. Правда и то, что у меня нет ничего на этом свете дороже тебя. Запомни и никогда не думай обо мне плохо...

- Остин, я не узнаю тебя, - с напускной веселостью проговорила Алиса. - Ну нельзя же, право, изъясняться так возвышенно с потаскушкой! Она улыбнулась сквозь подкатившие слезы. - Всю роль мне сбиваешь... Дай руку, нет, правую... - Алиса достала из сумочки косметический карандаш и написала на тыльной стороне предплечья вдоль вздувшейся пульсирующей жилки: "Я люблю тебя". Быстро поцеловав опешившего "жиголо" в уже колючую щеку, Алиса выскочила из машины и решительно пошла к светящемуся зданию аэропорта...

7

...Итак, Люсита Ромуальдес, испанка. Боже, я по-испански могу лишь поздороваться и попросить денег - маловато для общения... К тому же полное отсутствие багажа, а еще огромный перелет с посадкой в Дакаре, да с этим декольте и голыми ногами - среди вполне уважаемых людей - пытка! думала Алиса. И тут же усиленно внушала контролеры: интереснейшее приключение, идиотка! Встряхнись - у тебя достойный партнер. И уж ты-ты его не подведешь!

Впрочем, она сильно преувеличивала уважительность пассажиров туристического класса. В освещенном салоне шумно располагалась целая ватага подростков в спортивных костюмах, по-видимому, какая-то команда, а толстая смуглая матрона, одетая еще более экстравагантно, чем Алиса, рассаживала по местам двух чернявых малышей, причем третий, совсем маленький, вцепившись матери в блузку, уже почти стянул ее с пухлого плеча. Протискивающийся в узком проходе мимо Алисы, мужчина выразительно заглянул в ее декольте и подмигнул. Она и сама не поняла, как поднялась ко лбу рука, поправить лохматую челку - кокетливо, очень кокетливо. Алиса входила в роль. Ей даже показалось забавным, что ее спутником оказался пожилой еврей, демонстрирующий всем своим видом брезгливую отстраненность. Мельком взглянув на Алису, он выразительно вздохнул и отвернулся к иллюминатору с видом человека, преисполненного терпимости.

Алиса уселась, с удовлетворением заметив, что юбка вздернулась и демонстративно, достав из сумочки духи, щедро опрыскала шею и даже грудь. Затем нарочно пододвинула колени поближе к еврею и тот моментально отпрянул, как от прикосновения змеи.

"Подумаешь, какой серьезный", - фыркнула про себя Алиса. Она пролистала

принесенные стюардессой журналы, сосредоточившись на ребусах и светской хронике и - неожиданно уснула.

В аэропорту Дакара, где "Боинг" заправлялся горючим для перелета через океан, Алиса скромно просидела в углу, стараясь не привлекать внимания. Вот уж эти "знаки" доступности - все кому не лень заигрывали с хорошенькой дамочкой, явно игнорирующей строгие правила. Уже направляясь на посадку, она с удивлением обнаружила, что строгий еврей тоже, по-видимому, провел время не двинувшись с места. Вид у него был угрюмый и помятый.

...Прошла, казалось, целая вечность, а в Рио все еще был день, сухой и жаркий, с серой дымкой, затянувшей вылинявший небосвод и с совершенно очевидным обещанием невыносимой ночной духоты. Алиса порадовалась, что обманула время, улетая от восходящего солнца и сэкономила целых пять часов жизни.

Алиса потопталась у центрального входа, тщетно ожидая незнакомца с нужным паролем, подошла к остановке такси и уже направилась было к подрулившему "мерседесу" с синей надписью "Taxi", но вспомнила наставления Остапа, развернулась и быстро направилась к шоферу, выгружавшему из багажника вещи только что доставленных в аэропорт клиентов.

Взглянув на адрес, показанный Алисой, водитель как-то странно глянул на нее и показал растопыренную пятерню.

- Пять тысяч. У сеньоры есть деньги?

- Si, si" - успокоила она его.

- Perfecto, - кивнул таксист и лихо рванул с места. Пошарив в эфире, он отловил музыкальную волну и погрузился в свои мысли - поездка предстояла долгая, а пассажирка - иностранка, разговора с ней не получится.

Это был район трущоб, о существовании которого путешественники, посещавшие бразильскую столицу и не подозревали. О возможности такого массового нищенского существования не задумывалась и Алиса. Она разглядывала узкие улочки разномастных хибар, изобретательно сооруженных из ассортимента свалок - ящиков, бочек, автомобильных покрышек, кусков бетонных панелей, остатков каких-то заборов, еще сохранивших обрывки рекламных плакатов. В крошечных палисадниках, самым популярным элементом ограды которых были спинки и металлические матрасы старых кроватей, цвели во всю мощь высокие мальвы. Пышные кусты роз украшали трущобы с такой же щедрой и избыточной здесь роскошью, как и беседки версальского парка.

Таксист останавливался, спрашивая прохожих, разворачивался и снова останавливался, начиная нервничать. Наконец, он притормозил у облупленной развалюхи, покрытой кусками ветхого толя, не имевшей даже цветника и, по всей видимости, вообще пустовавшей - окно и фанерная дверь были наглухо закрыты.

- Все, синьорита, приехали, - добавил он для убедительности и сделал пальцами жест, обозначающий шелест денежных купюр. Вытащив из сумочки стопку банкнотов, полученных от Остина, Алиса развернула их веером перед носом шофера. Тот, сразу повеселев, галантно выдернул большую зеленую и, чуть замаявшись, почти смущенно - еще одну, поменьше. - "Чао, бамбина! Грация". Подняв клубы цементной пыли, машина скрылась.

Алиса осталась одна, обнаружив, что домик стоит на отшибе, отделенный от жилого квартала кладбищем полуразвалившихся сараев. Было абсолютно безлюдно и уже так жарко, что она первым делом собралась сдернуть измучивший ее за восемь часов перелета парик, но

остереглась и решила вначале прояснить ситуацию. Обойдя лачугу, Алиса прокричала приветствие на всех известных ей языках и, не получив ответа, в сердцах дернула дверь. Та легко открылась, а на пороге, сгорбившись в низком проеме, как-то боком стоял тот самый еврей, брезгливо отдергивавший в самолете от ее колен полы своего сюртука. С минуту они недоуменно смотрели друг на друга.

- Вы не могли бы мне подсказать какой-нибудь уютный отель? вымолвил незнакомец по-итальянски.

- Я могу вам предложить кое-что поинтересней, - Алиса отстранила мужчину и решительно вошла в комнату. Здесь было ненамного прохладней, чем на улице, сквозь щели в окнах и стенах пробивались тонкие лучи света. Она огляделась и, не обнаружив ничего более подходящего, опустила на дощатый ящик:

- Мы что здесь, одни? Стоило пересекать океан.

- Хозяин обещал скоро вернуться, он предупрежден о нашем визите и просил никуда не выходить. Вы разрешите? - не дождавшись ответа мужчина присел на какой-то табурет возле картонной коробки, видимо, из-под холодильника, заменявшей стол.

- Ну, тогда уж и меня простите - невыносимая жара, - Алиса стащила парик, бросила в сумочку клипсы, очки и, скинув туфли, вытянула ноги. Еврей окаменел, тараща на нее глаза и медленно, выразительно, как в театре марионеток, протянул через стол руки: "Алиса!" Ему уже не надо было торопиться, сдирая трясущимися руками накладные пейсы, очки и седые патлы, она узнала этот голос - перед ней, почти подпирая плечами дощатый потолок, в затхлом сумраке лачуги стоял Лукка.

Немую сцену застал темнокожий подросток, оказавшийся хозяином. Он выложил на стол содержание сумки, должное, на его взгляд, потрясти гостей: кусок сыра, пирожки, ломоть ветчины и несколько банок пива.

- Я потратил почти все деньги, сеньор, - обратился он к Луке на плохом итальянском. - А сеньора...?

- Меня зовут Люсита Ромуальдес и я, пожалуй, с удовольствием пообедаю.

- Это ужин, сеньора, но я думаю здесь останется еще на завтрак. А это - радио. Оно совсем еще хорошее, - паренек вытащил антенну небольшого транзистора и покрутил настройку. - Нам нужна римская служба новостей, нетерпеливо схватил приемник Лукка. - Вот, вот, тише!

Веселый голос дикторши, словно предполагавший звучать исключительно на курортах Средиземноморского побережья, завершил обзор погоды. "Об основных новостях этого часа вы услышите через пятнадцать минут. А сейчас на нашей волне немного музыки".

Лукка уменьшил звук и спрятал лицо в ладонях.

- Извини, Алиса, я что-то плохо соображаю - очень уж бурно разворачиваются события. Моя голова не успевает осмыслить то, что уже сделало мое тело. В последнее время меня перемещают в пространстве, как пешку.

- Со мной происходит нечто похожее. Голова еще собирается что-то обдумать, а руки уже торопятся накормить тело, - Алиса откусила кусок пирога. - Когда я нервничаю, как ты когда-то заметил, аппетит разгуливается с невероятной силой - чувствует полную бесконтрольность.

- А я уже не помню, когда ел. Не представляю, как это приговоренные в качестве последнего желания заказывают перед эшафотом ужин. Меня все еще продолжает мутить, хотя по всем расчетам, я должен быть уже на подступах к чистилищу. Боже мой! Если бы ты

знала, какое ужасное преступление я совершаю, отсиживаясь здесь сейчас... Тише! - Лукка настороженно прильнул к приемнику, поставив громкость на максимум. - Это о них!

..."Мы видели прямой репортаж с Пьяцца дель Пополо, где через три часа должно состояться грандиозное представление, если так можно назвать чудовищную акцию, запланированную преступниками. Вы уже знаете, что согласно ультиматуму, захваченный заложник будет убит, если сегодня ровно в двадцать четыре часа по европейскому времени здесь не окажется его отец, приговоренный мафией к публичной казни... - репортер включил уличный шум. Вы слышите - сюда уже собираются зрители, привлеченные варварским спектаклем. Не дремлет и полиция - я вижу три автобуса спецподразделений и мощный кордон карабинеров, оцепляющий площадь. Я обращаюсь с вопросом к руководителю группы захвата спецподразделения капитану Альфьери: "Наши слушатели хотели бы знать, капитан, насколько надежна ваша защита? Сумеют ли ребята предотвратить кровопролитие?" Послышалось шуршание, щелчок микрофона. "Я хотел бы дать вам утвердительный ответ, но к сожалению, не могу... Мы сделаем все возможное... Однако современная техника стрелкового оружия и архитектура площади не позволяют гарантировать безопасность. Практически - стрелок может оказаться где угодно, а может их будет несколько. Все помнят даласскую трагедию и убийство президента Кеннеди..."

Алиса не решалась произнести ни слова - таким мучительно-напряженным было ожидание Луки. Они слушали концерт детского хора, исполнившего церковные песнопения, рекламу нового мороженого "Tutti Frutti", произносимую тягучим полусшепотом, с порочным наслаждением извращенца, узнали мнение супрефекта Рима по поводу собрания на Пьяцца дель Пополо.

"Лично мне вся эта история кажется сильно преувеличенной. Дело движется к выборам городских властей и вы успели заметить, что этот сезон особенно богат сенсациями... Не проще было бы организовать операцию по спасению заложника, чем готовить пышные декорации к спектаклю".

- Мы знаем, сеньор, супрефект, что вы заботливый отец. Как поступили бы вы в подобной ситуации? - поинтересовался репортер.

- Прежде всего, я не могу представляю себя в подобной ситуации, посольку даже гипотетически не допускаю мысли о связи с мафиозными структурами... А если бы опасность угрожала по моей вине моему сыну, я прежде всего внимательно посмотрел бы на себя - достаточно ли я чист, что бы быть достойным отцом".

- Он прав, прав! Я был плохим отцом, слишком плохим, чтобы рассчитывать на помилование, - Лукка говорил тихо, не глядя на Алису, терзая нервными пальцами хлебный мякиш. - Если уж они не пристрелили меня я должен буду взять на себя эту заботу сам... Виченце никогда не хотел учиться. Он гонял на этом проклятом мотоцикле лет с двенадцати и однажды я ударил его. По лицу, на глазах Арманды и младшего брата. Он взял без спроса какие-то деньги, чтобы починить свою вечно битую "Хонду"... Он тогда так посмотрел мне в глаза, с такой болью за меня, за мое непонимание, за то, что я не стал другом..., за то, что вынудил его лгать и хитрить... И знаешь, он стал лучшим - лучшим из всех этих сорвиголов, которые гоняют по скоростным трассам. Призы и кубки Виченце прятал в своей комнате, не показывая мне, он уже разделил себя и меня. И начал сам зарабатывать деньги...

- Ты собирался пойти на площадь?

- Я был бы сейчас уже там. Вчера меня буквально выкрали из полицейского карантина, где меня стерегли от возможных покушений и откуда я должен был прибыть на место казни.

Помощник прокурора, которому я должен дать показания против "семьи" убедил меня в важности моего предполагаемого свидетельства. Я мог дать в руки закона необходимые факты, смертельные для мафии. И обещали спасти Виченце. Осталось сорок минут. Я должен немедленно сделать заявление... Быстрее, в полицию! И что будет, то будет! - Лукка решительно рванулся к двери.

- Постой! - Алиса замерла, прислушиваясь.

"Главной новостью последнего часа стало известие о перестрелке в сицилийском городке, - сообщил диктор. - Нам только что стало известно, что акция по освобождению заложника прошла благополучно. Шестнадцатилетний Виченце Бенцоне находится под защитой полиции, проявившей подлинный героизм. Захвачена группа бандитов, состоявшая из трех человек, один террорист застрелен полицейским. В перестрелке пострадал неизвестный, доставленный в муниципальную больницу Палермо. Это событие еще раз призывает итальянскую общественность к..." - Лукка щелкнул выключателем и закрыл глаза, бессильно припав к стене. По его неподвижному лицу медленно потекли слезы. В комнате повисла тишина, которую сразу же заполнило жужжание большой мухи, упрямо бившейся о стекло. Жужжание, шлепок о стекло, пауза слепого ползанья и новый разгон, новый шлепок...

Алиса бесшумно поднялась и вышла на улицу. Сгущались быстрые южные сумерки, превращая окружающие лачугу развалины в фантастический ландшафт. Мальчик-хозяин все не появлялся и ей пришлось самой решить вопрос с туалетом - благо вокруг не было ни души, а остатки стен каких-то ангаров, превращенные в свалку, имели достаточно укромных уголков. - "Вот тебе и "испанка молодая оперлася на балкон", - поправив юбку Алиса осторожно уселась на обломки досок с клыками ржавых гвоздей. Небо быстро чернело и тут же загорались яркие, совсем иные, непривычно расположенные звезды. Алиса услышала за спиной скрип двери и чьи-то шаги.

- Эй, сеньорита Ромуальдес, ради бога простите, вы не подскажете, где здесь находится туалет? - обратился к ней Лукка. - Могу предложить вам, реббе, нечто получше, вон за тем углом, - отозвалась Алиса.

Спотыкаясь о доски, Лукка скрылся в указанном направлении и оттуда донеслось тихое журчание.

- Это тебе не туалет Клеопатры, знаменитый герой, - крикнула ему Алиса.

- Черт! Прямо на гвоздь! - Лукка собирался присесть рядом, но тут же вскочил он, потирая зад. - Как все-таки прекрасна и непостижимо остроумна жизнь! Гвоздь в задницу вместо пули в сердце - я сегодня, считай, заново родился!

7

Случилось так, как бывает только в сказке: она "увидела" и спасла Виченце - старшего сына Луки, подсказав сицилийский номер велосипеда и, главное, улицу! Успел-таки Остин, вот чудеса-то!

Голова кружилась от пьяной усталости. Алиса смотрела в небо, выискивая среди звезд свою - путеводную.

- Ничего не соображаю. Вот уже и щипал себя и на гвоздь сел, а все не верится - сон! Нет, нет, нет - исчезни, Алиса, - это невероятно... Вот значит, как сходят с ума... Что сейчас - утро, день?

- Сейчас поздние осенние сумерки. И ты даже не забыл пароль. Только почему все же ты не вспомнил о нем раньше, в самолете?

- Мне сказали, что я должен обратиться к светловолосой медсестре, ну из этих, благотворительных служб. Так просто - белое платье и значок на груди... Вот почему ты выбрала такой

экстравагантный костюм?

- Насчет гардероба у меня выбора не было, хотя если бы и был, медсестра меня явно не соблазнила бы. По-моему, Лусита, Лусинда - фу, черт, забыла! В общем - она милашка...

Лукка рассматривал ее, словно только что увидел и медленно протянув руку, притронулся к волосам, погладил и вдруг, схватив за плечи, сильно тряхнул:

- Живая, живая! Кажется, я начинаю приходить в себя... Постой-ка! Лукка сбегал в дом и вернулся с пирогом и банками пива, разложив еду прямо на досках. - Угощайся! Я - ем и, следовательно, существую! - Ты-то почему здесь? Какими судьбами занесло Мадонну на бразильскую свалку?" - Лукка притянул Алису, но, почувствовав легкое отстранение, отпустил.

- Долго объяснять, да и не важно. Наверное, все-таки потому, что мы должны были увидеться.

- Думаешь, я не помню, что на май была назначена наша свадьба? Думаешь я не мечтал об этом дне все месяцы разлуки - страшные и глупые месяцы... Знаешь, еще вчера, собираясь на Пьяцца дель Пополо, где меня должен был на глазах честного народа, бессильного полицейского кордона и телекамер расстрелять невидимый снайпер, я думал, как будет жить сыну с такой-то ношей - гибелью отца. И еще представлял тебя у экрана, а на брусчатке - свое скорчившееся, холодное тело. "Ни черта себе - свадебный подарок!", - проклинал я всех, предавших меня... И ужасно хотел к тебе, Лиса... - Лукка сгорбился, спрятав в ладони лицо. - Я остался жить, но свадьбы не будет. Никогда. Теперь уже ясно - никогда! Жуткое слово - если бы знать раньше... Ах, кабы знать!.. Я теперь - живая мишень, приманка для охотников. И что бы не придумали во спасение мои друзья - я должен быть один. Совсем один, Лиса...

- Ты сильный, - она гладила его кудрявый затылок. - Я горжусь тобой и, знаешь, я бы предпочла тебя, а не Давида. Ну того, микельанджеловского, которого ваяли с твоего предка... Я так рада, но... Мне страшно за тебя...

- Теперь-то я выживу - наперекор всему, чтобы выступить на суде. Я ненавижу их. Страшно, люто, по-зверски... Я мечтаю о крови... Я совсем другой теперь, девочка... Лукка-цветочник! Увы, мститель, Лиса, мститель.

- А фиалки? Что будет с твоими теплицами? Ты позволишь сравнять их под стадион?

- Я продал теплицы. Хорошему человеку. Это цветочный фанат, написавший толстую книгу о флоре Италии. У него голубые близорукие глаза и улыбка ребенка, когда он рассматривает какой-нибудь клубень или росток. В моих теплицах он просто чуть не умер от счастья - все трогал, нюхал, ковыряя землю, подбирая листочки. Он будет беречь их. Пока, конечно, не разорится. Славный юродивый - ему не выжить в этом зверинце...

- Нет, нет же, Лукка! Твоя история должна завершиться иначе. Не так, как у русских. У тех, чеховских, что позволили вырубить вишневый сад... Твоему ученому помогут, а Виченце обязательно будет дарить своей невесте фиалки. Не смейся, после сегодняшнего сицилийского чуда я верю в бессилие зла... И хочу, наконец, видеть розовые сны, ведь в самолете этот мрачный еврей так и не дал мне вытянуть ноги. Я заметила в нашем особняке комфортабельный ящик. Попробую превратить его в кровать. А ты, счастливец, - благодари здесь своих святых и охраняй меня...

На рассвете за беглецом приехали. Сквозь дрему, свернувшаяся на ящике Алиса, слышала, как подъехал автомобиль и совсем рядом заговорили по-испански или по-португальски. В комнату вошел Лукка и, присев возле нее на корточки, осторожно убрал упавшие на лицо пряди.

- Я уезжаю, Лиса.

- Куда? - она села, сразу вернувшись в реальность.

- Не знаю. Я должен оставить тебя. Прости...

Алиса удержала его руку:

- Я так рада... Нет. Просто - это лучшее, что подарила мне жизнь спасение твое и Виченце.

- Я боюсь за тебя, Лиса.

- Не надо. Я другая теперь, сильная.

- Оттого, что счастлива?

- Не знаю, наверное.

В дверях появился хозяин и Лукка поднялся.

- У тебя есть другой мужчина? - спросил он уже от порога.

- Да. Я не одна... Постой! - Алиса вскочила и прижалась к его спине. Они обнялись - горячо, слезно, торопясь руками, губами, кожей удерживать друг друга и убедить, что расставаться нельзя, что не может быть уже ничего лучше этого тесного, жадного единения.

Лукка отстранил ее, вынул из кармана и протянул ей носовой платок:

- Это, кажется, иудейский. Со звездой Соломона... Я так сильно люблю тебя, Лиса... - с трудом оторвав взгляд от ее лица, Лукка стремительно вышел.

Давясь рвущимся из горла криком, Алиса видела сквозь мутное стекло с угмонившейся в паутиной сети зеленой мухой, как скрылся в сизом пыльном облачке облезлый фургончик, мелькнув размашистой надписью на мятом оранжевом боку "Don t worry be happy".

8

Хозяин вернулся к вечеру. Поставил в угол бидон, поддев гвоздь, вытащил из окна раму.

- Сегодня очень тепло. Сеньора должна еще подождать. Здесь вода, немного хлеба. У меня есть постель - сеньора не нашла? - Присев на корточки, он вытащил мешок, из которого извлек цветастый грязный тюфяк, рваное покрывало и бумажный пакет. - Здесь еще платье для сеньоры... У меня нет больше денег. Дон Гомс с бензоколонки куда-то уехал...

Алиса, неподвижно вытянувшаяся на ящиках, видела, как из пакета появилось белая форма медсестры.

- Возьми сам, сколько надо, - она протянула мальчику свою сумку. Купи мыла, воды, что-нибудь еще. Пива не пью... А сколько надо ждать?

- Дона Гомеса с бензоколонки нет. Больше никто не знает... Сеньора не должна бояться, сюда никто не приходит.

Он ушел, оставив гостью все с теми же смутными, не желающими проясниться вопросами. Если Луку спрятали, значит Остин где-то рядом. А если рядом, то почему оставил ее?

Алиса получила еду, пару бутылок воды, мыло и с облегчением переделась в чистое платье.

Через пару дней оно было уже невыносимо грязным, а мысль о горячем душе - самой навязчивой. Первую ночь, оставшись одна, Алиса никак не могла уснуть - вдруг стало

страшно, одиноко, до дрожи тревожно. За стенами мерещились чьи-то шаги, что-то живое шуршало под ящиками. Она сжалась в комок и крепко обхватив трясущиеся плечи, думала о смерти, как избавлении. Знакомая нервная лихорадка, уже давно не посещавшая ее, умирямая обычно таблеткой снотворного, стала кошмаром, целиком завладевшим безоружной жертвой.

На какое-то время Алиса провалилась в забытие, и резко проснувшись от странного звука, сразу нащупала под боком что-то теплое и мягкое. Черная худая кошка, с белым клинышком

на носу, счастливо урча, вылизывала котят, совсем еще крошечных. Алиса взяла малыша - мутные, недавно открывшиеся и еще не совсем прозревшие глаза, шелковинки усов на розовой мордашке, круглое, плотно набитое брюшко. Она прижала к груди теплый комочек и он тут же вцепился в ткань крохотными цепкими коготками, вырываясь и жалобно пищал. Мать перестала вылизывать второго и тревожно обратила к Алисе внимательный взгляд.

- Не бойся, не бойся, глупая, не отберу, - вернула ей детеныша Алиса и, пошарив под алюминиевой миской, скрывавшей от насекомых остатки еды, поделилась с кошкой сыром.

Робко приоткрыв дверь, в комнате появился хозяин. Он всегда появлялся неожиданно, умудряясь проскользнуть по гулким доскам абсолютно бесшумно.

- Сеньора не должна бояться. Это моя кошка, у нее было пять котят, осталось только два, самые маленькие. Остальных, наверное, кто-то съел. Ее зовут Алиска. Она теперь всегда носит их с собой, - сбрасывая семейство на пол, сообщил паренек.

- Как, как зовут твою кошку?

- Алиска. Сеньора никогда не слышала? Это имя такое из книжки. Еще было кукольное кино про такую девочку в Стране чудес. Очень подходит для животных. Здесь всех кошек и коз так зовут. У моего друга кобель большой, лохматый, злючий - всех перекусал. Алиса зовут...

- А тебя то как?

- Том. Томазо Гуреро. Я родился в Италии. Мой брат работает на бензоколонке...

- А, дон Гомес?

- Что вы, сеньора! Дон Гомес - хозяин. Это он велел спрятать вас здесь, сказал, что придет за вами. Давно - тогда еще. А теперь уехал. Брат говорит - пропал.

Прошел еще один день и еще. Жизнь на свалке оказалась вполне сносной. В сумочке все еще оставалось много денег, Алиса и кошка регулярно пили приносимое Томом молоко. Иногда Алиса слушала радио, но благополучие голосов, которым не было никакого дела до нее, раздражало, как и песни, доносившиеся из другой жизни.

"Все они, по крайней мере, в любую минуту могут принять душ и позвонить, куда хотят. Господи, неужели где-то вообще существует такая роскошь, как ванна и телефон! - от жары и неизвестности Алиса погрузилась в тупую апатию, часами разглядывая фантастически грязный, обвисший лоскутами и ключьями потолок.

"...Сегодня пятница. И снова с вами Сара Карми. Вы слушаете программу "Слухи". Надеюсь вы расположились в удобном кресле и не упадете в обморок. Лично меня эта новость буквально сбила с ног. На последнем конкурсе топ-моделей, проведенном в Венеции агентством..."

Алиса, с интересом наблюдавшая, как один из котят пытается взобраться на постель, цепляясь коготками за подол ее платья, собиралась уже перевести волну, но услышала нечто, заставившее ее прильнуть к транзистору: "...источники которых я не могу вам раскрыть -

речь идет о весьма представительных кругах. Мы не раз говорили в эти дни о блестящей операции, проведенной полицией - был вырван из рук мафии шестнадцатилетний парень, сын человека, нарушившего "омерту". Не все, оказывается, склонны считать это заслугой правоохранительных органов. Осведомленные персоны считают, что к акции освобождения причастна таинственная и могущественная организация, предпочитающая оставаться в тени, но имеющая мощное влияние на все сферы общественной жизни. И.О. - за этой аббревиатурой, как под черной маской, скрывается некий всесильный орден, деятельность которого направлена, в основном, на восстановление попорченной справедливости в тех случаях, когда ни государству, ни отдельному человеку или сообществу это не по зубам. Массоны XX века - так назвал И.О. наш международный обозреватель. Впрочем, возможно, это только домыслы, повод помечтать для тех, кто любит сказки. Неизвестный же, попавший после перестрелки в палермскую больницу, оказался обычным бродягой, не имеющий документов. Занятно, однако, что тяжело раненный, он таинственно исчез прямо из хирургической палаты, а татуировки на его руке, как сообщил нам санитар приемного отделения, оказались фальшивыми. Но разве мало сейчас любителей украсить себя подобным образом на вечер или два? И разве кто-нибудь уследит за перемещением в пространстве тех, кого презрительно называют "антисоциальными элементами"? Но заметьте в бреду загадочный больной изъяснялся на незнакомом языке! Задумались? Напрасно, ведь с вами программа "Слухи"! Сара Карми желает вам доброй ночи!"

Алиса приняла решение на следующее же утро отыскать с помощью Тома телефон и позвонить во Флоренцию - ждать и прятаться больше не имело смысла.

Том явился не один, в комнату с трудом втиснулся огромный мужчина, под пестрой рубахой, выпущенной поверх брюк колыхался огромный живот, который наверняка не могли обхватить короткие, беспомощно болтающиеся, руки.

Том забежал вперед и представил Алисе гостя:

- Это дон Гомес... с бензоколонки.

Гомес что-то быстро заговорил, радушно улыбаясь смуглым, мягким, масляно блестящим лицом.

- Дон Гомес... ("С бензоколонки" - нетерпеливо вставила про себя Алиса) говорит, что он получил сообщение от известного сеньора человека и должен передать ей это.

Толстяк протянул Алисе авиабилет, добавив:

- Очень жаль, что такая милашка должна лететь одна и так далеко.

Алиса подошла к окну, нетерпеливо рассматривая билет и отыскивая пункт назначения "Рио-Даккар-Флоренция".

- Кто дал вам этот билет? Кто прислал вас ко мне? - Алиса нетерпеливо, не дожидаясь перевода, вцепилась в руку мужчины.

- Сеньора знает, ее дружок, - дон Гомес подмигнул. - Может сеньора передумала? Я готов позаботиться о ней. Она получит все самое лучшее.

- Какой дружок? Как он назвал себя?

На лице толстяка отразилось изумление.

- Санчо Виларес, разумеется... Непонятно только, зачем отсылать свою милашку на другой континент. Сам-то он из Рио уже лет пять не высовывается - будто прирос к своей фазенде. Заправляется у меня всякий раз перед ярмаркой и, честно говоря, всегда экономит на пустяках...

Ничего таки не прояснилось. Быстро переодевшись в свой единственный костюм - в

белом платье медсестры теперь можно было изображать лишь посудомойку из низкоразрядной забегаловки, - Алиса заторопилась к ярко желтому автомобилю Гомеса, громоздкому и нелепо сияющему среди пыльного хлама.

Том остался в дверях, у его ног нежно урча вертелась кошка. Алиса вернулась и, достав из сумочки все деньги, протянула мальчику:

- Это тебе на хозяйство. У меня больше нет. Спасибо за все. - Она потрепала подростка по щеке и, усаживаясь в машину, подумала: "Буду жива, заведу большую черную собаку и назову Том".

9

Дора, оказывается, ждала Алису.

- Кто-то позвонил и сказал, что мадмуазель Грави скоро прибудет, а голоса и имени я не разобрала. Вроде иностранец и вдобавок сильно простуженный. А когда ждать не сказал - со вчерашнего утра стою у плиты все самое вкусное приготовила, - скороговоркой объяснила она.

Женщины обнялись и одновременно воскликнули: "Где Остин?"

Никаких сведений о нем с момента их ночного бегства Дора не получала.

Горячая вода и ванна не доставили Алисе удовольствия - напротив, ею овладело тревожное волнение. Здесь, в его доме, без него все казалось тоскливым и ненужным. Она позвонила Лауре без надежды застать журналистку дома, но после первого же гудка трубку сняли и голос, в котором трудно было распознать сеньориту Серджио, хрипло сказал"

- Ты, Алиса? Приезжай сейчас же, жду...

Консьержка многоквартирного дома в элитарном пригороде тут же сообщила:

- Сеньора Серджио ожидает вас.

Лаура уже стояла в дверях - в длинном ярком пончо, босая, приткнувшись к косяку плечом с пустым стаканом в руке.

- Не смогла сама сесть за руль. Да не смотри так, я не алкоголичка, - она пошатываясь проследовала на кухню к почти пустой бутылке виски.

- Где Остин? - спросила Алиса. Лаура медленно повернулась и с ожесточением шваркнула пустой на пол.

- Не знаю! - взвизгнула она под аккомпанемент зазвеневших осколков.

Алиса села на диван.

- Можно и мне что-нибудь разбить?

- Возьми вон тот высокий фужер, их все равно уже три осталось... Где же, где же его теперь искать? Я была уверена, что вы вместе, - в голосе Лауры прозвучала с трудом сдерживаемая злость. Алиса покрутила высокий фужер и поставила обратно на стол:

- Пожалуй, мне лучше тоже выпить. - Она налила себе немного виски и не разбавляя, сделала большой глоток. - Я не видела Остина с того самого дня, как освободили Виченце Бенцоне... Понимаю, Лаура, как тебе трудно, но я тоже... Я тоже... сильно волнуюсь...

- Тоже! Ничего себе тоже. Хватит играть, подружка. Меня то уж не стоит дурачить... Еще тогда, в тот же день как ты появилась, с первой же минуты, я поняла все. Он никогда ни на кого так не смотрел! Никогда, ни разу... - Лаура вдруг зашмыгала носом и краем пончо утерла хлынувшие ручьем слезы.

- А как же водопады и бабочки с воробья? Ваша помолвка?.. распахнула глаза удивленная Алиса.

- Господи! Я же литературная дама - насочиняла, придумала себе рай хоть так хотела

"завладела тенью", как япощка, ловящий ускользающий мир в дырявой савок своих танок... Все эти пять лет я не замечаю никого, я разогнала всех - поклонников, ухажеров, друзей. Я гонялась, как ищейка, за сенсациями, вынюхивала, выпрашивала, подкупала, унижалась - делала ИМЯ! Для себя? Нет, для него! Я украшала себя славой, как продажная девка, побрякушками... Знала - его женщина должна быть ему по плечу... Откуда ты взялась, зачем? Оранжевая фиалка, игрушка!.. Уходи - ненавижу!... Уйди, от греха... - Лаура угрожающе сжала в руке горлышко пустой бутылки. Алиса поднялась.

- Я уверена, что ты ошибаешься, - бросила она уходя.

Однако, уже подъезжая к дому, она знала, что солгала. Теперь, когда вся история с помолвкой, оказавшаяся блефом, рухнула как бутафорская ширма, когда все, заново собранные и пересмотренные Алисой обрывки прошлого сложились в единое целое, в ее отношениях с Остином появился новый, скрытый прежде смысл. Что-то, действительно, было не так. Волшебное появление Остина в те мгновения, когда она нуждалась в помощи - случайность, интуиция друга? Или же он просто никогда не выпускал ее из вида, тайлся, выступая из тени лишь за тем, чтобы протянуть руку помощи? Санаторий Леже, происшествие на горной дороге, Флоренция? Эти его меха, этот страх, спрятавший ее на другое полушарие, от беды подальше?

Нет, глупости. Остин был таким всегда - внимательным, заботливым, знал о Филиппе и Лукке, и никогда, ни единым словом, ни намеком не давал повода подумать о каких то его иных чувствах, кроме дружеского участия.

Алиса спорила сама с собой, в глубине души чувствуя, что неспроста ожил вдруг в их отношениях русский язык и не случайно притормаживал Остин машину у аэропорта, разоткровенничавшись вдруг, перед прощанием. И чем больше доказательств версий Лауры находила она, тем теснее сходились в ней радость и страх.

- Сеньор Жулюнос просил позвонить, - сообщила Дора, едва Алиса вернулась. - Все эти дни тебя ищет, волнуется.

Алиса неохотно набрала номер клиники. Альбертас ждал ее звонка и очень просил приехать тут же для сложной консультации. Но она была не в силах даже помыслить о чем-либо, не касающемся Остина.

- Не могу, Альбертас, ну пойми же - не-мо-гу! Не получится у меня все равно ничего. Подожди, пожалуйста... У меня серьезные дела.

Алиса понимала, что должна как-то действовать, попытаться разыскать Остина. "Вдруг сейчас именно ему нужна помощь? Эти радио-слухи: "тяжелое ранение", "в бреду"... Конечно же речь шла о нем. А если..? - от этой мысли Алиса похолодела. Как это раньше не приходило в голову самое простое... Милый, милый Остин,

зачем ты с детства вбил в голову девчонке иллюзию своей неувязимости, сказочного, невозможного бессмертия...

Вот оно, самое страшное. Оно идет за мной по пятам, дышит в затылок. Оно не позволяет мне любить и быть любимой. Алиса задохнулась от неожиданного удара: именно в тот момент, когда она, наконец, догадалась, что Остина нет в живых, ей разрешено было понять, что она всегда по-разному, в разных обликах, зная и не зная этого - любила его.

- Алиса, Алиса, ты заглядываешь вниз с таким сладострастием, как самоубийцы на Бруклинском мосту, - тряс ее за плечо Альбертас, отводя от края веранды. Алиса смотрела на него круглыми невидящими глазами. - Да очнись же ты, слышишь? Что там увидела - какую-нибудь опухоль у меня в животе? Приехал за тобой сам - почувствовал, что хандрить

- а это, знаешь, - хорошее состояние для ясновидца. Надеюсь, сегодня мы с тобой будем в ударе...

Она не заметила, как оказалась в машине Жулюнаса, направляющейся в клинику. В лунатическом трансе поднялась с доктором в больничную палату и оказалась у забинтованного человека, распростертого на хирургической кровати: поверх одеяла гипсовая лангетка левой руки, бинты скрывают лицо. Бинты, бинты, белая глыба, изувеченное лицо...

Алиса бросилась к Альбертасу:

- Это я, я виновата! Это мое ранение!

- Тише, тише, - успокаивал ее Альбертас. - Присмотрись спокойно, не бойся - все плохое уже позади...

- Все хорошо, Лизонька, - прозвучал тихий голос. И она долго, очень долго смотрела, как правая рука больного размачивала бинт, освобождая лицо Остина.

Алиса не отходила от него несколько дней, забыв о времени, а он выздоравливал, усилием воли вытягивая себя к жизни.

- Лиза, я все знаю про Луку, - одним прекрасным утром сказал Остин. Знаю о вашей встрече в Рио. И уже придумал, как помочь ему. Я понимаю, тебе очень тяжело, и сделаю все возможное, чтобы вы были вместе. Вы оба заслужили это. И... у тебя должна быть семья, - Остин отвернулся к распахнутому окну, рассматривая мокнувший под летним дождем кипарис. Капли еще продолжали густо падать, а солнце уже всю завладело воздухом и водяными брызгами, разбрасывая вокруг алмазные россыпи.

Алиса смотрела на усталое лицо, казавшееся маленьким и темным, на остро обрисованную худую скулу с сизой колючей щетиной, на синюю тень под ввалившимся грустным глазом и мальчишеский завиток, завладевший лбом.

"Вот он - всемогущий Остин Браун - таинственный мститель. Славный хлопчик Остин, граф Монте Кристо!" - пронеслось в голове и жалость стиснула сердце.

- Господи, что такое ты говоришь? А я с детства считала тебя самым умным... - Алиса развернула к себе тяжелую, не желающую повиноваться голову и продолжая удерживать, спросила: - Как по-твоему, похожа я на несчастную? Ну, посмотри же внимательно.

И не дожидаясь, пока в глазах Остина исчезнет удивление, прильнула к его губам.

Они долго молча смотрели друг на друга, пугаясь неточных слов.

- А это, Лиза, что значит это? - он вытащил из-под одеяла правую, здоровую руку и показал на полоску пластыря, идущую по тыльной стороне предплечья. Она ухватила за кончик и потянула клейкую ленту. В грязных разводах на белой коже едва различалось: "Я люблю тебя".

- А это - это значит только одно: я теперь твоя семья, Остин" сказала Алиса по-русски раздельно и веско, как учат детей грамоте.

10

Позвонив домой в Париж после того, как Остапа, наконец, выпустили из больницы, Алиса сказала матери:

- У меня для вас с бабушкой две новости: во-первых, в Бразилии всех собак и кошек зовут Алисами. Во-вторых, я выхожу замуж и хочу видеть здесь вас послезавтра.

В трубке долго молчали и, наконец, Елизавета Григорьевна робко откликнулась:

- Я не всегда понимаю твой юмор, девочка. Повтори еще раз поспокойнее и помни, что ты говоришь с больной старой женщиной!

- Мамуля, мы с Остином решили пожениться, понимаешь? С Остином Брауном! - Алиса

подула в трубку. - Ты слышишь, мама?

Телефон снова замолчал и были слышны отдаленные голоса, восклицания и даже всхлипы. Когда Елизавета Григорьевна заговорила, голос ее дрожал:

- Прости нас, старых дур, детка. Мы просто обалдели от радости. Ведь лучше и придумать невозможно - уже и не мечтали, не загадывали!

Бракосочетание во Флоренции было скромным, никто, кроме родных, Альбертаса, Лауры и Доры не был осчастливлен приглашением.

Доктор, извинившись, что выйдет за подарком, вернулся минут через пятнадцать, заинтриговав присутствующих. Большая коробка с пышным бантом подозрительно дергалась в его руках. Алиса нетерпеливо распутала ленту, обнаружив абсолютно черного, тупомордого щенка, с большой наклейкой пластыря на боку.

- Похоже, это - дружеский шарж? - усмехнулся жених, показав на свою руку, где была знаменитая подпись.

- Ах, Остин, вовсе нет! Вышло случайно. Я узнал, что Алиса хочет черного пса. У нас есть виварий, куда собирают бездомных бродяжек, но там не было ничего подходящего. И вдруг привозят этого, еле живого, прямо из сгоревшего дома. Бедняге сильно досталось, придется еще подлечить ожог на боку. Но он уже весел и по-моему - страшно везуч.

Щенок нещадно мял толстыми лапами белую блузку невесты, стараясь лизнуть ее в нос. Алиса жмурилась и счастливо улыбалась.

- Мне сказали, что это будет овчарка, наверняка огромная, - радовался произведенному эффекту подарка Жулюнас.

- Кто бы не вырос - это будет добрая и ласковая собака по имени Том. Если в Рио гуляет свирепый кобель - Алиса, то у нас будет добряк Том!

В августе Алиса и Остин обвенчались в Париже в Русской церкви - в той самой, где четыре десятилетия назад венчалась чета Грави. А в сентябре навестили Остров, где и было получено приглашение для господина Брауна на открытие новой клиники Динстлера. Известие о бракосочетании, по негласной договоренности супругов, не разглашали среди французских друзей, но Арман Леже был в курсе дела - его источники информации работали отменно. Он придерживал новость, ожидая встретить у Йохима чету Браунов и потрясти всех известием. Но увидав одинокого Остина и переглянувшись с ним очень значительно, смолчал.

Алиса категорически отказалась составить мужу компанию. Мысль о том, чтобы произвести сенсацию на новоселье Йохима, казалась ей мало привлекательной. Остин вернулся довольный, рассказывал о новом доме и клинике Динстлера, о его жене и неожиданном деловом энтузиазме.

- Ты бы его просто не узнала! Элегантен, уверен в себе, энергия так и брызжет. И эта Ванда - плотненькая такая блондинка, глаза блестят и слушает мужа с открытым ртом.

- А красный "мерседес"? Ты не заметил у них есть красный "мерседес"?

- Да, вроде... - удивился Остап. - Арман говорил нечто вроде: "Гоняет доктор по горам на своем огненном авто, как ведьма на метле!" А что?

Алиса подошла к чернеющему окну, вглядываясь в темноту, в ту сторону, где за морем, за горами, в доме на альпийской лужайке, в синей бархатной спальне, спал, обнимая жену Йохим.

"Благодарю тебя, Господи, что все так, как есть... Что сберег, сохранил его. Что дал силу и радость - не отступил, не оставил, услышал..."

Незаметно подошел Остин, сгреб жену в охапку, тесно сомкнув за ее спиной руки:

- Не выпущу - никогда теперь не выпущу... Я становлюсь суеверным, трусливым и глупым. Не могу привыкнуть к своему счастью. Видеть тебя каждый день, каждый час быть рядом - незаслуженный, грандиозный подарок! А чем расплачиваться и с кем?

- Ты хитрющий, у тебя с Высшими силами особые счеты. За тобой числится несметное множество благородных поступков, у тебя бездна великодушия и целое море изящества! - Алиса сопровождая каждую характеристику штампом поцелуя.

- Изящества? Что-то не очень мужественный портрет получился.

- Особого такого чувства гармонии, - настаивала Алиса. - Ты не можешь поступить некрасиво не только по законам нравственности, но и от наличия какого-то глобального эстетизма. Ты будто танцуешь балетную партию где-нибудь в Ковент-Гардене или московском Большом, а действительность эта, разная-преразная, порой многопудовая, витает в твоих руках, словно кисейная Виллиса... А многомиллионный "зал" замер в восхищении!

- Эх, милая! Достаточно одного Высшего наблюдателя и судьи, что бы стараться изо всех сил. Теперь на меня будешь смотреть ты. Постараюсь не разочаровать тебя, девочка.

С первых дней их совместной жизни Алиса узнала о муже все. Не нарушалась лишь границу его "дела" и то лишь там, где Остап расставил красные флажки опасности. Алиса поняла, что любит и гарного хлопчика, уходящего на войну, и девятнадцатилетнего вдовца, потерявшего Вику, и ожесточившегося зувевского ученика, предавшего родину, чтобы помочь этой родине выжить, и того романтического Монте Кристо, который всегда восхищал ее сказочным благородством.

Алиса узнала, что остановив самоубийство Лукки и упрятав ее в Рио, Остап ринулся спасать Виченце сам, не успев организовать поддержку. Он, в сущности, уже больше чем генерал, вновь стал солдатом, отбивая у банды чужого парня. Ведь Остап знал то, чего еще не поняла Алиса: заложник был сыном ее жениха Лукки Бенцони. Это уже подросшая позже полиция обнаружила труп преступника и двух запертых в подвале громил, державших в заточении парня. А поблизости от места происшествия был найден безымянный бродяжка с простреленной грудью, все пытавшегося куда-то ползти.

- Эй, мужик, - сказал мне лейтенант, - ты так от страха сам до кладбища доползешь. Понимаешь, мне нельзя было засвечиваться, а я уже совсем плохо соображал... Исчезновение из палермской больницы - целиком заслуга друзей, перетащивших меня, как багаж, через океан. Я ничего и не почувствовал - только радость, увидев растерянную физиономию Альбертаса... - Остап сделал грустное лицо: - А самое страшное, знаешь, что было? Вода. Высадив тебя ночью в этом невысказанно привлекательном лиловом джемпере (кстати, я действительно тогда ограбил проститутку: подцепил девочку, заставил раздеться... выложил деньги и скрылся с барахлом), и проводив твое волнующее "мини" тоскливым взором аж до самого светящегося подъезда аэровокзала, я залез в машинную аптечку и заклеил пластырем твой автограф. Ты так потрясла меня, девочка, этим признанием, что я намеревался хранить его до гроба. Но не тут-то было - стрельба, кровища, больница, душ! Представляешь, как крутился я, сохраняя сокровище? Это был, пожалуй, самый героический поступок в моей жизни.

- Но зато, какой эффект! Сразил меня наповал, как залп "Авроры" темное прошлое. Впрочем, залпа, кажется, не было... А ты, постой... Уж не сам ли написал этот лозунг в больнице? - заметила Алиса хитрую улыбку Остапа.

...Они много путешествовали. По всему миру у Брауна находились неотложные дела, везде его ждали, а потом стали ждать и Алису, подготавливая к ее приезду трудных больных. Весть о ее даре распространялась несмотря на то, что госпожа Браун всегда сохраняла инкогнито. Кроме того, "госпожа Елизавета" работала бесплатно.

К дню рождения Остапа Алиса сделала подарок: вместо старой, одряхлевшей яхты в бухте Острова стояла новенькая, сияющая Victoria. Но и муж не остался в долгу, положив однажды утром на постель перед носом жены газету. Он, насвистывая, брился в ванной, пока Алиса, трудно соображая, изучала статью о вражде двух мафиозных кланов, завершившейся страшным кровопролитием. Снимки запечатлели разрушенные взрывом стены неапольского ресторана и портреты тех, кто был погребен под ними.

- Ого, вот это бойня! Только из высшей команды семеро. - ужаснулась Алиса, ознакомившись с отчетом о происшествии.

- А среди них - все враги Бенцони, - отозвался Остап, включив душ и запев: только под шум струй он позволял себе это удовольствие.

- Вижу, ты сильно грустишь, - заметила Алиса оживление мужа.

- Разумеется! Мы сегодня закажем Доре роскошный ужин - помянем врагов. Твой Лукка теперь абсолютно чист, а вот мне - пора грехи замаливать.

- Ты причастен к этому взрыву, Остап? А ну сейчас же иди сюда! - не на шутку испугалась Алиса.

- Угу, - промычал он, застегивая под подбородком рубашку. - То есть взрывчатка и идея - их. Я только разослал приглашения.

11

..Зимой во Флоренции идет дождь и часто бывает ветер, особенно на холме, завывая в трубах продрогшего Каса дель Фьоре и мотая за окнами лозы растрепанного плюща. А когда в декабре появляется солнце, так сильно надоедающее летом, то это почти праздник. Просыпаться от теплого луча на подушке, если уснул под жестяной грохот ливня, особенно радостно. И вдвое если ты не один.

Остап и Алиса сильно задерживались к завтраку, поэтому Дора, старательно готовившая стол каждое воскресенье, встретила их сурово:

- Целый час уже под дверью хожу, терпенья совсем нету - тут без вас такое творится! - И с грохотом распахнула дверь на террасу, где на скамьях, на столе и на каменных плитах пола стояли ящики с чудесными лиловыми цветами, обласканными ярким солнцем. - Вот, полюбуйте! Чуть свет доставили целый автомобиль и это в придачу. - Дора передала Остину толстый конверт.

В конверте оказалась "Инструкция по устройству обогреваемых теплиц", объемный научный труд "История пармских фиалок" и карточка: "Профессор Джулио Карр и граф Бенцони. От фирмы "Бенцони и сын - с благодарностью".

- У меня такое ощущение, что пора умирать - уж больно все хорошо складывается. Даже страшно, - прижалась к мужу Алиса. - Да нет, Лиза, теперь умирать некогда - полно забот: надо срочно строить теплицу и... и жить! - голос Остапа дрогнул. Он умолк, чувствуя как захватило дух от восторга: зимнее, ярко синее небо, восторженная под яркими лучами Флоренция и Алиса, сидящая среди цветов в золотом ореоле рассыпанных по-утреннему роскошных волос...

В конце зимы умерла Александра Сергеевна. Быстро и страшно, не успев причаститься и проститься с близкими. Инсульт - левая щека быстро почернела. Прибывшая по срочному

вызову матери Алиса не узнавала бабушку. Смотрела на чуждое сухонькое тело в гробу и невзначай оглядывалась, ища ее взглядом среди живых - легкую, светлую, радостную. Старинная подруга бабушки Полина Дюваль промелькнула в кладбищенских аллеях на сверкающем инвалидном кресле. Семейное захоронение Грави, имеющее уже с дюжину солидных могильных плит, приняло новую гостью.

- Уже, наверное, встретила там с Алексом и Сашенькой Зуевым, да и мой отец, неведомо где почивший, заждался, - прошептала дочери Елизавета Григорьевна.

- Когда у меня спрашивали про родных, я всегда думал об Александре Сергеевне. Больше у меня родни на этом свете не было. Давно, уже очень давно, - Остап тяжело пережил эту потерю, утратив какой-то огонек, неизменно освещавший его, будто сразу повзрослел и отяжелел. Присматриваясь к мужу, одержимому не свойственной ему, непробиваемой серьезностью, Алиса поняла - здесь не только печаль, а глубокая, хорошо скрытая тревога.

Он стал часто отлучаться, пропадал по несколько дней и на вопросы Алисы отмалчивался. Она не могла уснуть, проводив мужа, просиживала ночи у очага на кухне, в котором было что-то уютное, сказочное, деревенское в отличие от парадных каминов, скачущих в комнатах. Алиса неотрывно смотрела в огонь, выискивая в его танце загадочные иероглифы. Время останавливалось, мысли растекались, тихо позвякивали спицы в руках Доры, склонившейся над очередным носком.

- И кому во Флоренции нужны теплые носки, старушка моя милая? Ну вылитая Арина Родионовна... - бормотала в полусне Алисы.

- Для больных твоих, хворых-убогих стараюсь. Знаю, как у стариков ноги зябнут, - возразила Дора. - Да и шерсти не пропадать же - вон целый мешок, брат со своих ангорцев настриг... В Каталонии у нас луга! Нету нигде больше таких - пышные, сочные. Оттого и шерсть вон какая пухлявая.

- Да тут у тебя - хоть на ярмарке торговать. Дай-ка мне вон те, длинные, - Алиса натянула носки. - Смотри, действительно, мягко! - А эти для кого связала, крохотные?

- Как для кого? Для ребенка вашего. Будет скоро - мне гадалка слепая сказала, - проворчала Дора, зная, что затронула болезненную тему. - И не спорь! Молода еще со старухами спорить.

Алиса поперхнулась невысказанной болью, молча встала и ушла к себе...

Остап прибыл неожиданно, поздно ночью и сразу позвал:

- Лиза, Лиза, смотри, кто здесь у меня! - он осторожно вытаскивал с заднего сиденья большой сверток, завернутый в плед. Женщины застыли у порога, радостно завизжал, запрыгал, пытаясь достать ношу хозяина, проснувшийся Том.

- Да иди же сюда, жена! Приготовьте постель, Дора, и уберите собаку. Она может испугать нашу дочь!

В спальне горела оранжевая лампа, небрежно рассеивая тот особенный свет, который умел зажигал на своих полотнах Рембрандт. Большая затемненная комната, люди, застывшие в полумраке над кроватью - а в центре - в светящемся венце, падающем из-под абажура - спящий ребенок. Девочка, с нежным профилем камеи на подпирающей щеку ладошке и кольцами черных волос, разметанных по атласу.

- Пресвятая Богородица, дева Мария! - перекрестилась Дора, быстро шепча молитву. - Вот чудеса-то! Уже, наверное, годочка три. Вылитая мать, а волосы - отцовские!

Уведя Алису в гостиную, Остап смотрел на нее так, будто только что завоевал полмира

и бросил эту тяжкую ношу к ногам жены.

- Ну вот, Лизанька, теперь у нас и вправду - семья! - тряс Остап за плечи обомлевшую Алису. - А это ее документы.

Остап развернул свидетельство о рождении Антонии Браун, рожденной 12 марта 1971 года, в Лос-Анжелесе. Отец - Остин Браун, мать - Алиса Браун, урожденная Грави.

- Боже! Март в Лос-Анжелесе? Где были мы в этот день?.. Да объясни же, Остап! - Алиса чуть не плакала, губы дрожали, пальцы, вцепившиеся в его рукав, побелели от напряжения.

Остап полез во внутренний карман и протянул ей томик Библии в кожаном переплете с серебряными застежками:

- Это та самая, бабушкина, помнишь? На Рождество она подарила ее гостю - твоему юному доктору.

Алиса открыла первую страницу.

"Апрель 1974. От Йохима-Готтлиба Динстлера - Тебе" - прочитала она косую лиловую надпись и огненные буквы, плясавшие ногами в огне очага, как части рассыпавшейся шарады, торопливо и ладно собрались в слова, а слова объяснили ей все. Когда Остап подошел к жене и, взяв за руки, бережно усадил на диван, чтобы начать рассказ, она остановила его:

- Не надо, милый, потом, потом. Я уже все поняла. - Алиса посмотрела странно, бездонными крыжовенными глазами, в которых светло и торжественно улыбалась тайна.

В самом начале лета 1978, когда к завтраку на террасе была подана собственная клубника, Остап решительно объявил:

- Собирайтесь, девочки, через неделю едем на Остров!

- Наконец-то! - обрадовалась Антония. - А то всю жизнь - одни обещания: Остров да Остров! Даже Том там был, а мне не показывают. Я ведь молодец, правда, мама - Фрау Линда мной очень довольна.

Девочка свободно болтала по-русски и по-итальянски, перестав путать языки уже лет с пяти, а вот немецким занималась всерьез - грамматикой и письмом.

Алиса прикрыла скатертью вечно торчащий из-под стола собачий нос и серьезно посмотрела на мужа.

- Что-то случилось, млый?

- Нам всем пора подвести итоги.

12

- "Нам всем пора подвести итоги," - сказал я тогда Алисе и вот мы здесь, - трубка Остина давно погасла, над притихшими людьми, над затаившейся гладью моря и мерцающей полосой Ривьеры распахнулся звездно-бархатный купол.

- Наверное, я редко смотрю вверх, а все больше под ноги, чтобы не свалиться или не раздавить какую-нибудь мелкоту. И никак не могу привыкнуть к этой огромности. - Остин облокотился на перила, подставив лицо бледному свету. - Тайна бытия

- дневная абстракция, влекущая ученые умы, становится в такую ночь твоей личной, насущной реальностью, подступающей вплотную... "Кто я?" "Зачем я?" - эти вопросы донимают, навер

но, даже какого-нибудь работягу, очнувшегося под забором после веселой гулянки.

Если, конечно, ему посчастливилось продрать глаза на деревенской околице, в звездную полночь, да еще - лежа на спине... А те, кто любопытнее, заглядывают в бездну сами, напрашиваясь на диалог с мирозданием, историей, судьбой... Вот послушайте:

Выхожу один я на дорогу;

Сквозь туман кремнистый путь блестит;

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,

И звезда с звездою говорит...

Незнакомый язык звучал грустно и напевно. Стоящая рядом Алиса подхватила:

В небесах торжественно и чудно!

Спит земля в сияньи голубом...

Что же мне так больно и так трудно?

Жду ль чего? Жалею ли о чем?

- Великий русский поэт Лермонтов написал это чуть ли не полтора столетия назад...

Перевести трудно, но это как раз о том, что чувствуем сейчас мы. На то он и великий, чтобы знать про каждого самое главное...

- Как правило, в дружеской беседе к высокой поэзии прибегают тогда, когда хотят оторваться от житейского ли скрыть нечто важное, - начал Остин. - У нас нет выбора, друзья. Сегодня мы должны хранить тайну, обращаясь к иносказаниям. Мы все знаем больше, чем можем сказать. Судьба разыграда интереснейшую партию, не назвав ни проигравших, ни победителей. Уверен, что завершён лишь первый круг, завершён нашей общей победой. Несмотря ни на что, мы вместе, мы еще сильнее связаны между собой и, надеюсь, все также доверяем друг другу. - Остин испытующе посмотрел на присутствующих, остановив взгляд на Ванде. В ее глазах стояли слезы.

Йохим крепко сжал руку жены, призывая ее к терпению.

- Это очень непросто быть участником такого сюжета, в сущности, быть избранным, - Остин присел рядом с Йохимом обнял его за плечи. - Спасибо волшебному дару Пигмалиона, сумевшему смешать узы крови, дружеской симпатии и неукротимую жажду прекрасного в высокопробный сплав любви.

- Там, в тишине своих комнат, спят наши дети, - сказала Алиса. Пройдут годы, и в этот же день, повзрослевшие и мудрые, они встретятся здесь, чтобы вынести приговор нам, взявшим на себя ответственность быть не как все. Нам всем - и каждому в отдельности - одиноким путникам перед лицом вечности.

Как раз об этом всем, мне кажется, и говорит Лермонтов. Жаль, что вы не знаете русского языка. Хотя... - Алиса задумалась, припоминая. - есть хороший французский перевод. Слушайте!

Она прочла стихи и замолчала, наслаждаясь значительной тишиной.

- Как видите, здесь добавить совершенно нечего. Совершенство - это и завершенность и до-о-олгое многоточие. Что скажешь, Ёхи?

Под обратившимися к нему вопросительными взглядами, Йохим сжался, набрав полную грудь воздуха и крепко стиснув зубы. В разразившуюся тишину хлынул цикадный звон, заполняя долгую, бесконечно долгую паузу.

- А все-таки - он блестит! Кремнистый путь - блестит! - выдохнул Динстлер свое открытие.

- Ах, дружище, ты клюнул на приманку, упустив главную добычу, вмешался Дани. - Главное здесь, у Лермонтова, - Путь и Туман. Туман - это загадочно и жутко красиво. А путь

- это движение! Это значит - еще не конец!